

400-летию восстановлению российской
государственности и 400-летию Дома Романовых
«ЦАРСКИМ ДНЯМ В КОСТРОМЕ»,
ПРИУРОЧЕННЫМ К ДНЮ ПАМЯТИ РАССТРЕЛА
ЦАРСТВЕННЫХ СТРАТОТЕРПЦЕВ, ПОСВЯЩАЕТСЯ
Альманах издан по материалам I межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной празднованию 400-летия династии Романовых
«ОТ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ К ИПАТЬЕВСКОМУ ДОМУ:
СМЫСЛ И УРОКИ ИСТОРИИ»

С Р Е Т О Ч Ъ

А Л Ь М А Н А Х

№ 7 2012

Кострома
2012

СРЕТЪ

АЛЬМАНАХ

КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Выходит с 2007 года

Главный редактор протоиерей **Дмитрий Сазонов**

Редакционная коллегия:

А. М. Белов, доктор исторических наук, профессор (Кострома);

И. А. Едошина, доктор культурологии, профессор (Кострома);

А. В. Зябликов, доктор исторических наук, профессор (Кострома);

М. М. Халюто, кандидат богословия (Ярославль);

А. А. Федотов, доктор исторических наук, профессор (Архангельск–Иваново)

*Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена,
ссылки на журнал при цитировании обязательны*

Издается при поддержке Костромского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА»
Костромского Государственного технологического университета
Редакция благодарит также за помощь в издании альманаха
всех, кто внес в его издание свою жертву и труд

Учредитель:

Костромское церковно-историческое общество

ISSN 2227-6653

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	7
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА Е.И.В. ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ УЧАСТНИКАМ «ЦАРСКИХ ДНЕЙ» И КОНФЕРЕНЦИИ «ОТ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ К ИПАТЬЕВСКОМУ ДОМУ: СМЫСЛ И УРОКИ ИСТОРИИ» В КОСТРОМЕ	9

РАЗДЕЛ I. История и историософия монархизма

Гусев Б. Н. БЕЗ ПРОЩЕНИЯ. РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ПЕРЕД СУДОМ ВРЕМЕНИ	10
Зайцев В. А. МОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	20
Закатов А. Н. ЛЕГИТИМИЗМ – КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ МОНАРХИЧЕСКОЙ ИДЕИ	25
Едошина И. А. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ, КАКИМ ПРЕДСТАВЛЯЛ ЕГО М.Н. КАТКОВ (по воспоминаниям князя Н. Мещерского)	50
Лебедев Ю. В. ИДЕАЛ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (1825–1855)	58
Марченко В. А., прот. ЕЩЕ РАЗ О КОНЦЕ СВЕТА	62
Роднов Л. Н. О СОБОРНОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ	73
Соловьев А. А. АНТИНОМИЯ СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВА В САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ	85
Федотов А. А. ПОПЫТКИ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ В ЦАРСТВОВАНИЕ СВЯТОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II	91
Усманов С. М. ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА	94

РАЗДЕЛ 2. Династия Романовых и Костромской край

Виноградова С. Г. РОДНАЯ ИХ СЕРДЦУ КОСТРОМА	97
Григоров А. И. ВСТРЕЧА МОЕГО ДЕДА С ИМПЕРАТОРОМ	110
Горохова О. В. РОМАНОВСКИЙ ПАНСИОН ПРИ ГРИГОРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ	118

Резепин П. П. РОМАНОВЫ И САЛТЫКОВЫ	122
Сизинцева Л. И., Лавшук А. А. АЛЕКСАНДР II В КОСТРОМЕ	137
Смирнова И. А. ДВЕ СУДЬБЫ ОДНОЙ ЭПОХИ	146
Уткин С.А., Рогов И.В. КОСТРОМСКОЙ ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ – КОЛЫБЕЛЬ ДОМА РОМАНОВЫХ	149
Ушанова Ю. А. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРИОД КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА	162

РАЗДЕЛ 3. Церковь и культура. Взаимный диалог

Аврутов Ю. И. ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ	173
Басова Н. Ф. КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ВЫСТАВКА 1913 ГОДА	181
Голицына М. А. КУЛЬТУРНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО К «РОМАНОВСКИМ МЕСТАМ» КОСТРОМЫ В 1910 ГОДУ	190
Зябликов А. В. ОБ АВТОРСТВЕ ГИМНА «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ»	193
Лапшин А. Г. НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ С МОНОГРАММОЙ «Х.Р.»	197
Каткова С. С. РОСПИСЬ КУПОЛА ВЛАДИМИРСКОЙ ЦЕРКВИ Г. НЕРЕХТА	202
Клейн Э. Г. ВОЕННАЯ МУЗЫКА В ДНИ ПРАЗДНОВАНИЯ ТРУХСОТЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОСТРОМЕ	210
Попова Г. В. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ	213
Сазонов Д. И. прот. ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В СВЕТЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	218

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резепин П. П. КОСТРОМСКИЕ КРАЕВЕДЫ МОНАХИ	227
Сазонов И. Г., протоиерей ПАСТЫРСКИЕ ПОУЧЕНИЯ	238
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЗРОЖДЕННОГО КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА С 2005 ПО 2010 ГГ.	242
SUMMARY	271
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	277
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	278

CONTENTS

FROM EDITION	7
SALUTATORY WORD OF HEAD OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE E.I.B. GOSUDARYNI OF THE GRAND DUCHESS MARIA VLADIMIROVNA TO PARTICIPANTS «IMPERIAL DAYS» AND CONFERENCE «FROM IPATYEVSKY OF THE MONASTERY TO IPATYEVSKY TO THE HOUSE: SENSE AND HISTORY LESSONS» IN KOSTROMA	9

SECTION 1. History and monarchism istoriosofiya

Gusev N. B. WITHOUT FORGIVENESS. EXECUTION OF AN IMPERIAL FAMILY BEFORE TIME COURT	10
Zaytsev V. A. MONARCHIC CONSCIOUSNESS, POLITICAL CULTURE AND THE POWER IN MODERN RUSSIA	20
Zakatov A. N. LEGITIMIZM – A CORNERSTONE OF MONARCHIC IDEA	25
Edoshina I. A. THE STATE SERVICE TO WHAT M. N. KATKOV (On memoirs of the prince of N. Meshchersky represented it)	50
Lebedev Yu. V. IDEAL OF MONARCHIC STATEHOOD DURING AN ERA OF REIGN OF EMPEROR NIKOLAY I (1825–1855)	58
Marchenko V. A., archpriest ONCE AGAIN ABOUT A DOOMSDAY	62
Rodnov L. N. ABOUT A NATIONAL UNITY IN HUMAN SOUL	73
Solovyev A. A. ANTINOMY OF PRIESTHOOD AND KINGDOM IN A SACRAL HISTORY OF RUSSIA	85
Fedotov A. A. ATTEMPTS OF CHURCH REFORMS IN REIGN OF SACRED EMPEROR NIKOLAY II	91
Usmanov S. M. EMPEROR NIKOLAY II AND PUBLIC OPINION OF RUSSIA OF THE XX CENTURY BEGINNING	94

SECTION 2. Romanov's dynasty and Kostroma edge

Vinogradova S. G. NATIVE TO THEIR HEARTS KOSTROMA	97
Grigorov A. I. MEETING OF MY GRANDFATHER WITH THE EMPEROR	110
Gorokhova O. V. ROMANOVSKY BOARD AT THE GRIGOROVSKAYA FEMALE GYMNASIUM	118

Rezepin P. P. ROMANOV AND SALTYKOVA	122
Sizintseva L. I., Lavshuk A. A. ALEXANDER II IN KOSTROMA	137
Smirnova I. A. TWO DESTINIES OF ONE ERA	146
Utkin S. A., Rogov I. V. THE KOSTROMA IPATYEVSKY MONASTERY – A CRADLE OF HOUSE OF ROMANOV	149
Ushanova Y. A. HISTORICAL RECONSTRUCTION OF AN ARCHITECTURAL COMPLEX OF THE IPATYEVSKY MONASTERY IN THE END OF XVI – THE BEGINNINGS OF THE XVII CENTURY	162

SECTION 3. Church and Culture. Mutual dialogue

Avrutov U. I. REASONS OF CHANGE AND DESTRUCTION OF MONUMENTS OF ARCHITECTURE	173
Basova N. F. KOSTROMA PROVINCIAL EXHIBITION OF 1913	181
Golitsyna M. A. CULTURAL PILGRIMAGE TO «ROMANOVSKY TO PLACES» KOSTROMA IN 1910	190
Zyablikov A. V. ABOUT AUTHORSHIP OF THE ANTHEM «MY GOD, THE TSAR STORE»	193
Lapshin A. G. CROSS WORN ON THE NECK WITH THE MONOGRAM «X.P.»	197
Katkova S. S. LIST OF THE DOME OF THE VLADIMIR CHURCH G. NEREKHTA	202
Klein E. G. MILITARY MUSIC IN DAYS OF CELEBRATION OF THE TERCENTENARY OF HOUSE OF ROMANOV IN KOSTROMA	210
Popova G. V. WOMEN'S ISSUE DURING AN ERA OF A DYNASTY OF ROMANOV	213
Sazonov D. I., archpriest CHURCH AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF THE IPATYEVSKY MONASTERY IN THE LIGHT OF THE CHURCH AND STATE RELATIONSHIP	218

APPENDIX

Rezepin P. P. REGIONAL SPECIALISTS MONKS	227
Sazonov I. G., archpriest VICARIAL LECTURES	238
THE ACTIVITIES OF THE REVIVED KOSTROMA CHURCH HISTORICAL SOCIETY FROM 2005 TO 2010 YEAR	242
SUMMARY	271
LIST OF ABBREVIATIONS	277
ABOUT THE AUTHORS	278

ОТ РЕДАКЦИИ

Вы открываете для себя альманах Костромского церковно-исторического общества «Светочъ» № 7, посвященный печальной памяти расстрела в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале Екатеринбургского дома инженера Ипатьева святых царственных страстотерпцев – Государя-Императора Николая II с Его Августейшим семейством и теми верными, кто остался до конца преданными своему долгу.

Определением Юбилейного Архиерейского собора 2000 г. царственная семья последнего Российского императора была причислена к лику святых страстотерпцев: «В страданиях, перенесенных Царской Семейей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине... был явлен побеждающий зло свет Христовой веры».

Соборным постановлением ежегодно 17 июля Русская Православная Церковь молитвенно, через богослужения и крестные ходы собирая своих чад, обращается к памяти и молитвенному предстательству прославленных в лике святых Царственных страстотерпцев.

Кострома издревле считается «колыбелью Царственной Династии Романовых».

Призвание в стенах Ипатьевского монастыря Михаила Феодоровича на Всероссийский царский престол, майский приезд последнего царствующего императора в Кострому в год 300-летнего юбилея Династии, посещение ими Ипатьевской обители и события расстрела в екатеринбургском Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. царственного семейства отразились в памяти костромичей в виде особенного молитвенного почитания этих событий и послужили поводом для глубокого и всестороннего осознания исторических уроков прошлого, без осмысления которых невозможно будущее, созидательная жизнь в государстве, обществе, в каждом человеке. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал Церковь хранительницей исторической народной памяти и самосознания: «*Религия, – подчеркнул он, – является основным фактором, формирующим моральные ценности народа*». Русская Православная Церковь называет дни особенной памяти своих государей Царскими днями. Выбор нравственных ценностей всегда определял и определяет как внутреннее состояние человека, так и внешнее его проявление в жизни общества и государства.

Организаторы Царских дней в Костроме – Костромское церковно-историческое общество и Костромской государственной технологической университет, создавая программу «Царских дней в Костроме», искренне считают, что в *преддверии* общероссийского празднования 400-летия Дома Романовых в 2013 г. *необходим и востребован разговор* о смысле, духовно-нравственных основах и уроках истории. Просветительской целью мероприятий, их главной задачей является

диалог богословов, ученых, представителей общественных движений и организаций, который послужит объединению всех слоев общества в истинном понимании исторического прошлого и станет примером плодотворного сотрудничества в едином стремлении нашего народа обрести достойное будущее для грядущих поколений. Напомним, что особенно ярко идеи соборности, симфонии священства и царства, патриотического служения, духовного возрождения проявили себя как в правлении первого государя Романовской династии – Михаила Феодоровича, так и в духовном облике последнего представителя царствующей династии – царя-страстотерпца Николая II.

Полагая, что такой разговор будет полезен для воспитания у наших современников духовно-нравственного восприятия и понимания власти как служения Богу и Отечеству, организаторам удалось мероприятиями «Царских дней в Костроме» привлечь общественное внимание и акцентировать общественную мысль на духовном, жертвенном подвиге тех, кто нашел в себе мужество противостоять Смуте как в XVII, так и XX веках. Среди всех ярко вырисовывается фигура патриота, защитника веры и Отечества, вдохновителя освободительной борьбы против иностранных захватчиков Святейшего Патриарха Гермогена, 400-летие со дня мученической кончины которого будет праздноваться в 2012 году.

Программа «Царских дней в Костроме» 16 июля 2010 г. в основной своей части состояла из международной научно-практической конференции «*От Ипатьевского монастыря к Ипатьевскому дому: смысл и уроки истории*», которая прошла в Братском корпусе Ипатьевского монастыря. На ней были рассмотрены вопросы монархического сознания Российского общества в эпоху царствования династии Романовых, поднят разговор о сакральном, священном смысле истории, о связи династии Романовых с Костромским краем, о богатом, духовно-историческом наследии Царствующего Дома Романовых в культурном пространстве России, запечатленном в архитектурных, живописных и литературных формах. В конференции приняли участие ученые и богословы из Москвы, Санкт-Петербурга, ЦФО. Материалы прошедшей конференции мы предлагаем Вашему вниманию, дорогой читатель, полагая, что они всегда будут востребованы вдумчивой и жаждущей понимания истории частью нашего общества.

Протоиерей Дмитрий Сазонов,
председатель Костромского
церковно-исторического общества

**ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
С.И.В. ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ
УЧАСТНИКАМ «ЦАРСКИХ ДНЕЙ» И КОНФЕРЕНЦИИ
«ОТ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ К ИПАТЬЕВСКОМУ ДОМУ:
СМЫСЛ И УРОКИ ИСТОРИИ» В КОСТРОМЕ**

Сердечно приветствую участников костромских «Царских дней». От всей души радуюсь, что по благословию Высокопреосвященного Архиепископа Костромского и Галичского Алексия в Костроме – колыбели нашей Династии – день мученической кончины св. Императора Николая II, Его Августейшей Семьи и их верных служителей будет отмечен особо торжественными Богослужениями и научной конференцией, посвященной изучению исторического опыта взаимоотношений Церкви и Государства.

Для православного сознания созвучие названий Ипатьевского монастыря, где началось царственное служение Нашей Династии, и Ипатьевского дома, где богоборцы казнили Святых Царственных Страстотерпцев, навеивает не мрачные пессимистические мысли, а свидетельствует о непостижимой Силе Божией, в немощи совершаемой. Главный смысл и урок трагических страниц истории нашего Отечества заключается в том, что Веру, Надежду и Любовь нельзя убить, что врата ада никогда не одолеют Церковь Христову и что никакие Смутные времена не уничтожат основополагающие государственные идеи и национальные ценности России.

Мой Сын и Наследник Великий Князь Георгий Михайлович шлет Вам искренний привет и пожелания успехов.

Прошу Вас вознести молитвы о упокоении души Моей Августейшей Матери Благоверной Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны, отошедшей ко Господу 23 мая сего года. Для Мамы Кострома была одним из самых любимых городов, и она очень дорожила добрым отношением к ней костромичей.

Да подаст Вам Господь, по молитвам своей Пречистой Матери, Священномученика Ипатия, Святых Царственных Страстотерпцев и всех Новомучеников и Исповедников Российских, Свою всеильную помощь.

Е. И. В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Мадрид, 16 июля 2010 года

ПЯДЬА I

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ МОНАРХИИ

УДК 1(091)
ББК 63.3(0)6

Гүсєв Б. Н.

БЕЗ ПРОЩЕНИЯ. РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ПЕРЕД СУДОМ ВРЕМЕНИ

Аннотация. 400-летие дома Романовых – это повод не только для переоценки всей многовековой истории России, связанной кровно с правившей Россией 300 лет династией, но и для ответа на вопросы, от которых зависит жизнь и слава обновленной России.

Ключевые слова: Романовы, Николай II, отречение, трусость, правительство, пленники, меньшевики.

Освободившись от идеологического прессинга, историки смело вторгаются в ранее запретные темы, заново постигают сущность минувших событий, устраняя прежние ошибки и предубеждения, движутся к правде, обосновывая ее новыми фактами и аргументами. Такое закономерное переосмысление исторических событий коснулось и судьбы семьи бывшего императора Николая II, что позволило на основе новых факторов выдвигать и обосновывать различные версии ее трагической гибели.

Вскоре после отречения, уже 8 марта 1917 года, Николай II и его семья были подвергнуты аресту, доставлены в Красное Село. Их положение было похоже на домашний арест, правда, дни проходили однообразно, без привычных обсуждений и решений государственных вопросов, посещений высокопоставленных чиновников. Активная политическая жизнь ушла в прошлое, сам бывший император превращался в обыкновенного обывателя, занятого привычными домашними хлопотами.

«Вставали рано; затем – две прогулки: одна от 11 часов до завтрака и вторая – от 2-х с половиной до 5 часов дня. Все должны быть (кроме Государя, который гулял отдельно) собраться в полукруглой зале и ждать, пока начальник охраны откроет двери в парк. Мы выходим, – рассказывал П. Жильяр, – дежурный офицер и солдаты следуют за нами и окружают то место, где мы останавливаемся для работы» [18, с. 5].

В своем дневнике княжна Ольга записывала: «1 мая. Мы устраиваем в саду, около самого дома, большой огород и днем все вместе работаем».

«6 июня. Теперь в саду началась рубка сухих деревьев, пилим дрова и т.д. Огород процветает. Ели вчера нашу первую редиску. Она ярко красная и вкусная».

«29 июня. Работаем в саду по-прежнему. Срубили пока более 70 деревьев» [18, с. 5].

Но эта, казалось бы, спокойная и умиротворенная обстановка, была обманчивой. Послефевральская демократическая

и либеральная пресса мстила по-прежнему императору за все беды и обиды, представляя его единственным виновником бедственного положения в России.

Министр Временного правительства Н. В. Некрасов в конце марта 1917 года публично, через прессу, доказывал, что и в старом правительстве так тесно переплелись бездарность, глупость, трусость и измена, что неизвестно, где начинается одно и кончается другое [3, с. 20]. Словно сговорившись, газеты выступали с разного рода «откровениями» личной жизни семьи Николая II, глумились над его родословной, доказывая при этом, что у бывшего царя нет ни капли русской крови, зато на его совести обильно пролитая русская кровь – вспомнили Ходынскую катастрофу, гибель флота в Цусимском проливе, расстрел народного шествия 9 января 1905 года, потери и жертвы I мировой войны. Пренебрегая известными фактами, газеты писали о небывалой роскоши царского двора, о расточительстве членов царской семьи при нищенском голодном существовании народа. Они беззастенчиво вторгались в личную жизнь, смаковали подробности отношений царицы с Распутиным, обвиняли их в измене Родине, в связях с германской военной разведкой. Наэлектризованная подобными сведениями и слухами толпа требовала суда над царем и даже расстрела. Лидер партии кадетов П. Н. Милюков был вынужден признать, «что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас...» [9, с. 121].

У Временного правительства возникли значительные сложности, содержать царскую семью рядом с революционно настроенным Петроградом было опасно. Явно подыгрывая настроениям агрессивной толпы, Временное правительство решило устроить над Николаем II и бывшей императрицей показательный суд. 4 марта 1917 года была учреждена чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК).

Одним из главных инициаторов создания этой комиссии был А. Ф. Керенский. Руководил комиссией бывший присяжный поверенный, активный участник политических процессов Н. К. Муравьев. Комиссия могла истребовать любые документы, арестовывать и допрашивать любых свидетелей. В ходе работы были допрошены десятки высших должностных лиц, общественные деятели, придворные; не только потенциальные обвиняемые, но и «обвинители», в числе которых был и В. И. Ленин. Но «криминальные» материалы против царской семьи собрать так и не смогли. Основные версии – царь изменник, царица – немка, шпионка, передавала врагам военные секреты и т. д. не подтвердились. По ходу дела в середине апреля 1917 года А. Ф. Керенский посетил арестованного царя, поговорил с ним и снял с него какие-либо обвинения. Все члены семьи, по его признанию, кроме Александры Федоровны, вызвали его личную симпатию. Комиссия была упразднена [1, с. 61–62].

Бывший правитель тяжело переживал потерю свободы и, конечно, надеялся получить освобождение, но только законным путем. Временное правительство давало свое согласие на выезд Романовых в Англию. Но в мае 1917 года английское правительство заявило о невозможности предоставить царской семье убежище как «прогермански» настроенной. Другие страны: Франция, Дания, Греция, Испания, где раньше высоко ценили Николая II, также заявили об отказе принять у себя опальную семью монарха. Только немцы постоянно интересовались судьбой царевен – германских принцесс [1, с. 63].

В конце июля 1917 года Временное правительство с трудом контролировало положение в стране, проявило полную беспомощность в преодолении разрухи и хаоса в стране. По Петрограду поползли пугающие слухи о готовящейся царистской

контрреволюции и неизбежном восставлении династии Романовых. Этим мотивом и воспользовалось Временное правительство, решив перевести узников в сибирский Тобольск – город небольшой, спокойный, удаленный от крупных центров, лишенный какой-либо активной политической жизни. Министр внутренних дел Временного правительства А. Никитин в своем интервью газете «Известия ЦИК» так объяснил причины перевода Романовых в Тобольск: «Временное правительство, – говорил он, – сочло необходимым удалить их из Петрограда для того, чтобы ослабить, или, вернее, в корне пресечь мысль о попытке восстановления их власти... Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствующих Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов ... сугубым соблазном» [7].

В своих откровениях министр явно лицемерил. В решении эвакуировать царскую семью многие усматривали желание Временного правительства и самого Керенского еще больше унижить Николая II: ведь именно в Сибирь цари по традиции ссылали своих политических противников. К тому же это были родные края «старца», так что вполне возможно существовал и более мелочный повод для такого выбора.

Все слухи о якобы существующем заговоре монархистов и их планах освобождения из-под ареста семьи Романовых были провокационным вымыслом, они никому не были нужны и не представляли политического интереса, ни у кого не было намерения призвать Николая II к власти и заново восстановить монархию. Личная трагедия бывшего государя была в том, что он являлся совершенно зауряд-

ным «обыкновенным человеком» и поэтому был не способен ни подняться до высот своих предшественников, ни продолжить их традицию. Он давно примирился со своим положением, смиренно полагался на «волю Божию» и никогда не выражал своего желания вернуться во власть.

Семья Николая II ничего не подозревала о своем переводе в Тобольск, она была уверена, что их всех отвезут в Крым и там, в своем дворце, они заживут спокойно на средства царя в отставке.

Переезд в Тобольск напоминал военную операцию. Были подготовлены два состава, в них разместились 45 приближенных царской семьи, 330 солдат и 6 офицеров. Эту военную силу возглавил полковник Кобылинский. Интересно, что ни один священнослужитель не пожелал сопровождать ссыльных, ехать в далекий Тобольск [1, с. 97–98].

Таким образом, царская семья вновь оказалась в изоляции, в одиночестве, судьбой ее в основном интересовались авантюристы. По-прежнему она находилась под усиленной охраной, никаких контактов с внешним миром не допускалось. Разрешалась лишь переписка, но и она тщательно и строго контролировалась.

Население Тобольска относилось к ссыльным Романовым с обывательским любопытством, и в то же время не скрывало своей враждебности. Особенно бесцеремонно и цинично вели себя местные газеты.

Комиссар Временного правительства по охране царской семьи В. С. Панкратов с возмущением признавал: «Даже его юные дочери и те обратили внимание на газетные утки о побеге, о его разводе с Алисой и женитьбе на какой-то другой особе, о переводе в Аболакский монастырь и др. Все эти ложные сообщения будоражили население, особенно ту часть его, которая была настроена враждебно и была недовольна таким гуманным заключени-

ем бывшего царя... Неоднократно приходили по моему адресу угрозы: «пришлем дивизию для расправы с комиссаром, с отрядом и самой царской семьей» [14, с. 38].

Роковую роль в судьбе царственных узников сыграло так называемое дело М. Хитрово, бывшей фрейлины императрицы. Она при посредничестве депутата IV Государственной Думы Н. Маркова и подруги Александры Федоровны А. А. Вырубовой приехала в Тобольск, чтобы установить связь с Романовыми, оказать им материальную и моральную поддержку. Но была арестована, как оказалось, никакого плана и даже намерения освободить узников у нее и ее группы не было.

В конце 1917 года сюда же, в Тобольск, приехал поручик Б. Соловьев, муж одной из дочерей Г. Распутина. Он делал вид, что создает боевую группу из бывших офицеров-монархистов, чтобы освободить пленников. Но эта темная личность лишь украла значительные суммы денег, предназначенных для поддержки Романовых, и бесследно исчезла [12, с. 6].

Семья начала постепенно осваиваться, с пользой занимать свободное время. Николай II принялся читать Мельникова-Печерского, Лескова, Тургенева, Чехова, Льва Толстого. Домочадцы ставили театральные сценки. Все с увлечением занялись сельским хозяйством: свиней откармливали, завели уток, работали в теплице. Бывший царь любил трудиться: заготавливал дрова, пилил, колол. На руках у него появились рабочие мозоли. Для занятий физкультурой самостоятельно изготовил турник, деревянные снаряды для прыжков и лазанья [21, с. 100].

С захватом власти большевиками обстановка в стране резко изменилась, она стала напоминать состояние гражданской войны.

Вполне закономерно, что в обстановке эйфории насилия неузнаваемо измени-

лись понятия о долге, совести, нравственности, добре и зле. «И появились совершенно новые лица, – пишет известный русский философ Н. А. Бердяев, – раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертания прежних русских лиц» [16, с. 481].

Была низвергнута старая русская культура, духовные ценности, религия стали рассматриваться как проявление контрреволюции. И как следствие этой разрушительной политики – раскол в обществе, репрессии и внесудебные расправы над бывшими носителями старой власти, над недовольными и протестующими против произвола. Самая страшная утрата – обесценение человеческой жизни, она приобретала некое абстрактное числовое понятие, лишённое живой души, сострадания и милосердия.

В конце ноября 1917 года Л. Д. Троцкий по существу отказался от всякого примирения с бывшими противниками, объявив им беспощадную войну. «Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма» [8, с. 138–139].

Разъясняя смысл карательной политики, председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский говорил в конце июня 1918 года: «Общество и пресса не понимают правильно задачи и характер нашей комиссии. Они понимают борьбу с контрреволюцией в смысле нормальной государственной политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т. д. Мы не имеем ничего общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор. Это нужно сказать открыто» [4, с. 80]. Не менее цинично откровение руководителя Петроградской организации РКП(б) Г. Е. Зиновьева: «Мы теперь спокойно читаем, что где-то там расстреляно 200–300 человек. На днях я

читал заметку, что, кажется, в Ливнах Орловской области было расстреляно несколько тысяч белогвардейцев. Если мы будем идти такими темпами, то мы сократим быстро буржуазное население России» [4; 8].

С трудом воспринимая эту болезненную обстановку, поэтесса Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике: «Ощущение лжи вокруг – ощущение чисто физическое. Я этого раньше не знала. Как будто с дыханием в рот вливается какая-то холодная и липкая струя. Я чувствую не только липкость, но и особый запах ни с чем несравнимый» [16, с. 352]. О предчувствии большой беды писал русский философ и богослов В.В. Розанов: «Что, в сущности, кончился социализм в России. Он был преддверием, он был результатом мести, он был орудием мести. Но все совершив, что нужно, он сейчас или завтра уже начнет умирать» [16, с. 53].

Советская власть с непримиримой враждебностью отнеслась и к плененной семье Романовых. По постановлению Совнаркома от 29 января 1918 года бывший царь должен быть предан суду. В феврале новым постановлением народному комиссару юстиции поручалось собрать необходимый «следственный материал», но место суда пока не определялось. Вначале предполагалось устроить суд в Петрограде, но позднее обозначилась Москва. На предполагавшемся суде главным обвинителем должен быть Л. Д. Троцкий и его помощником председатель Уралоблсовета Белобородов [17, с. 25].

Но 1 апреля 1918 года Президиум ВЦИК постановил «в случае возможности перевести всех арестованных в Москву».

Романовы первоначально находились под охраной «отряда особого назначения», сформированного из числа солдат и офицеров гвардейских стрелковых полков, дислоцированных в Царском Селе. Но с установлением советской власти больше-

вики направили сюда свои красногвардейские отряды, установили свой контроль над губернским домом, где размещалась царская семья.

13 апреля 1918 года исполком Уралоблсовета направил в Москву на имя В.И. Ленина и Я.М. Свердлова телеграмму. В ней облсовет настаивал на немедленном переводе Романовых в более надежное место, назначенное самим «центром».

Объясняя причины такого ходатайства, Я. М. Свердлов говорил на заседании Совнаркома в мае 1918 года: «По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Н. Романов не получил возможности скрыться из Тобольска. Были получены различные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум ВЦИК Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт...» [19].

Таким пунктом по предложению уральцев был назначен Екатеринбург. Но перевод в этот город не отменял прежних решений. Постановление советского правительства о суде оставалось в силе. Екатеринбург должен быть безопасным местом охраны именно до суда, пока собирались следственные улики, готовилось обвинительное заключение.

По решению ВЦИКа чрезвычайным комиссаром по перемещению Романовых был назначен уфимский большевик В. Яковлев (К. Мячин).

26 апреля 1918 года отряд Яковлева, забрав Николая Романова, Александру Федоровну и одну из дочерей, покинул Тобольск. Но вместо утвержденного Уралоблсоветом маршрута Яковлев неожиданно повернул поезд на восток, к Омску, а не на Екатеринбург. Этот непонятный и внезапный маневр вызвал немедленную паническую реакцию: исполком Уралоблсовета

та разослал по всем железным дорогам телеграмму, где объявил Яковлева «вне рядов революционеров» и требовал принять самые решительные меры, «включительно применение вооруженной силы для остановки поезда бывшего царя» [21, с. 103–105].

Причины такого поведения и непредвиденного маневра стали известны позднее, из подлинных документов о переговорах Яковлева с Я.М. Свердловым и уральцами. Яковлев изменил маршрут своего поезда, чтобы обеспечить безопасность жизни Николая II и его семьи, не допустить, чтобы они стали жертвой самосуда уральцев или попали в руки эсеров и меньшевиков. Необходимо было сохранить в тайне маршрут движения, не посвящать в происходящее даже уральцев.

Получив из Москвы приказ возвращаться в Екатеринбург, Яковлев запросил у членов исполкома Уралоблсовета гарантии безопасности. Такие гарантии были получены: «при условии, если все дело будет вестись через Облсовет»... 30 апреля Романовы были доставлены в Екатеринбург и заключены в особняк инженера Ипатьева, который получил официальное название – «Дом особого назначения». Принимали прибывших Белобородов – председатель Уралоблсовета, Голощекин – секретарь Уральского обкома партии, Дидковский – член президиума Уралоблсовета. Романовых плотным кольцом окружили красноармейцы [6, с. 105].

Примерно через месяц были доставлены из Тобольска и остальные члены семьи. Романовы, наконец-то, собрались все вместе. На новом месте отношение к пленникам ужесточилось, была тоска, горькое чувство заброшенности и забытого одиночества. Пятьдесят три дня жизни были для них днями физических лишений, невыносимой оторванности от человеческого общения, обреченности и постоянной тревоги за жизнь близких.

Тогда же из новой столицы (Москвы) поступил строгий приказ – сократить пленникам продовольственный паек до размера солдатского пайка, урезать суммы, выделяемые на их содержание и обслуживание. Николаю II запрещалось носить офицерские погоны, а семье не разрешалось покидать здание, даже посещать церковь.

Обед начинался в 3 часа дня, пища приносилась из столовой. Позднее разрешили готовить дома. Стол был общий с прислугой и красноармейцами. Ставили на стол миски, часто ложек и особенно вилок не хватало, ждали очереди, чтобы получить их.

Снаружи вокруг всего особняка построили высокий деревянный забор, затем добавили еще одно ограждение, окончательно изолировав арестованных от каких-либо внешних контактов. Оконные стекла замазали известью, узники перестали видеть даже небо.

Комендантом «Дома особого назначения» был назначен А. Авдеев. Н. А. Соколов, который вел следствие по делу о расстреле Романовых, так характеризовал нового начальника: «Обыкновенный тип испорченного фабричного рабочего... Четыре раза сидел в Крестах за пьяные дебоши и хулиганство...» [6, с. 117].

Авдеев находился в должности коменданта с 30 апреля по 4 июля 1918 года. Был грубым, резким, невежественным человеком. Его боялись и недолюбливали даже товарищи. Пока он оставался комендантом, Романовы лишились почти всего своего имущества. Краденое выносили мешками. На протяжении всего этого времени члены царской семьи находились в сильном волнении, были вынуждены молчать и терпеливо переносить издевательства и насмешки, капризы властного коменданта; его грубые манеры и вообще вульгарное поведение приводили их в шоковое состояние.

Дальнейшие события, касающиеся судьбы семьи Романовых привычно связывают с началом гражданской войны. Как справедливо отмечал писатель Борис Васильев, «о гражданской войне, ее причинах, силах, лозунгах, масштабах и т. п. – была создана легенда, упрощенная и поэтому легкоусвояемая» [2, с. 8].

С каким бы негодующим осуждением сегодня не относились к истории революции, все же следует честно признать, что захват большевиками политической власти в октябре 1917 года был результатом заинтересованности большинства народных масс в преобразованиях и реформах, в решении вопроса о войне, в улучшении продовольственного снабжения, в гарантиях справедливой социальной политики, в исполнении крестьянских требований о земле и т. д. Но главный просчет большевиков состоял в том, что их действия и предпринимаемые меры не соответствовали обещаниям скорого мира и всеобщего процветания, признавался лишь путь подавления и принуждения в самых крайних формах. 11 января 1918 года на III съезде Советов В. И. Ленин огласил суть новой политики: «да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло... Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров» [10, с. 268]. В силу этих обстоятельств гражданская война приобрела специфический характер: для белых и красных она была войной за будущее России. Основным вопросом заключался не в реставрации монархии, а в ином выборе: для белых – возвращение к парламентской демократической республике, а для красных – путь грядущего царства социализма. Отсюда взаимная ненависть и жестокость, бессмысленное и неоправданное уничтожение своего народа, обесценение человеческой жизни.

Массовое недовольство политикой большевиков («военные коммунизм»,

красноармейская атака на капитал, разгон Учредительного собрания, расстрелы рабочих в Москве и других городах, нарастающая угроза голода и т. д.) привело к тому, что мятеж 26 мая 1918 года чехословацкого корпуса сразу же поставил под угрозу существование советской власти в Сибири и Поволжье. Получив военную поддержку, оппозиционные и антисоветские силы, главным образом, находившиеся под влиянием эсеров и меньшевиков, захватили Челябинск, Пензу, Сызрань, Омск, Самару, Уфу. 29 июня в руках мятежников оказался Владивосток.

Локальный конфликт быстро начал перерастать в гражданскую войну с образованием фронтов и вовлечением в военные действия широких масс населения.

«Само по себе восстание иноземных отрядов, заброшенных на огромном протяжении России, не представляло бы для нас серьезной опасности, – писал в докладе в ЦИК, СНК и ЦК РКП (б) председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский, –... но они «дали возможность различным контрреволюционным элементам, от правых эсеров до черносотенцев, сгруппироваться вокруг себя, пополняя свои ряды. Вожди чехословаков сумели снискать к себе большое сочувствие среди крестьянского и мещанского населения» [11, с. 53].

И все говорить о начале гражданской войны было преждевременно. Конфликт преимущественно был межпартийным: между эсерами, меньшевиками и большевиками. Народная армия эсеров в мае-июне 1918 года насчитывала 30 тысяч, а большевики располагали всего 20-ю тысячами. Чехословацкие мятежники вместе с их русскими сторонниками насчитывали менее 50 тысяч человек [5, с. 25].

Вместе с тем, следует признать, что главными противниками большевиков в этот период были не белые, не монархисты, а социалисты. Меньшевики и эсеры

бросили вызов власти большевиков и сражались под знаменами Учредительного собрания. Обобщающим показателем снижения популярности большевиков были итоги перевыборов Советов в апреле-мае 1918 года. Во многих местных Советах в крупных городах меньшевики и эсеры одержали победу – в Костроме, Рязани, Твери, Ярославле, Туле, Орле, Воронеже, Тамбове, Вологде и др. Однако большевики не признали своего поражения и в большинстве случаев новоизбранные Советы были разогнаны. 14 июня 1918 года ВЦИК принял решение считать недопустимым, чтобы в Советах оставались представители партий, стремившихся дискредитировать и свергнуть Советскую власть. Эсеры и меньшевики были исключены из Советов, остались фактически вне политики [4, с. 68]. Не достигли взаимопонимания и левые эсеры. Их мятежи и восстания в Москве (5–6 июля), Ярославле (10 июля) и в других городах поставили эту партию вне закона, ее деятельность была запрещена. Теперь большевики стали монопольно распоряжаться своей властью, установив однопартийную диктатуру.

Потеряв доверие в массах, большевики потерпели политическое и идейное поражение и теперь были вынуждены добиваться военной победы. Список «классовых» врагов был значительно расширен, кроме зажиточной части крестьянства (кулаков) сюда были включены мелкобуржуазные элементы: собственники, торговцы (мешочники), духовенство, чиновники, служители силовых структур (жандармы, полицейские, адвокаты и т. д.), а также все политические партии, идеология которых не принималась большевиками – либералы, социал-демократы (меньшевики и др.) и эсеры. Противник советской власти и его опасность для нее определялись по идейному критерию, который позволял переносить «классовую ненависть» и на отдельные категории

рабочих, интеллигенции и даже молодежи. Особенно новая власть не церемонилась с представителями свергнутых классов. Они были лишены каких-либо демократических прав: их заставляли копать окопы, заготавливать дрова; при необходимости брали в заложники и расстреливали без суда и следствия. Как пишет американский историк Р. Пайпе, «это была война узаконенного беззакония» [15, с. 796–797].

В этих условиях война с ее озлобленным чувством мести и взаимной ненависти вышла за рамки человечности, норм нравственности и сострадания.

Невольно возникает вопрос: когда это произошло, когда бессмысленная жестокость переросла в братоубийственную войну?

Если беспристрастно вникнуть в ход событий, то можно без всяких сенсаций доказательно заявить, что трагический перелом в начавшейся гражданской войне, когда всеобщая нетерпимость, непримиримость и жестокость стали привычной нормой действий обеих воюющих сторон (белых и красных), произошел со дня расстрела семьи Романовых. Именно после этих трагических событий окончательно обозначился раскол среди народа, четко определилось – кому предстояло сражаться за попорченную законность и демократию, а кому идти своим особым путем, насаждая новый порядок не только мандатами, но и расстрелами заложников, «классовых врагов» (буржуев) и прочих подозрительных лиц, повсюду стремясь «железной рукой» навязать свое понимание о социальной справедливости и об обществе всеобщего равенства и счастья.

В советской исторической литературе сложилось мнение, что расстрел царской семьи был вынужденной мерой, так как возникла угроза захвата Екатеринбурга войсками белых и чехословацких мятежников. Большевики боялись, что, получив

освобождение из плена, Николай II встанет во главе антисоветских сил, и тогда падение власти большевиков станет неизбежным [7]. Но факты и сам характер событий убедительно доказывают, что белое движение ни в это время, ни позже не ставило своей целью восстановление монархии, следовательно, ни о какой ведущей роли бывшего царя в организации сопротивления большевиками речи никогда не было.

Не считаясь с этими обстоятельствами, большевистское руководство стало готовить расправу над Романовыми.

4 июля 1918 года комендантом «Дома особого назначения» был назначен Яков Юровский. Именно с прибытием в Екатеринбург этого фанатично-идейного и преданного большевика начинается трагическая развязка с семьей плененного царя.

Убийство царской семьи тщательно и тайно готовилось с начала июля 1918 года. Именно в эти дни уральский военный комиссар Исай Голощёкин («Филипп») выехал в Москву, чтобы решить вопрос о дальнейшей судьбе семьи. Расстрел всех узников был санкционирован СНК и ВЦИК. В соответствии с этим решением Уралоблсовет на своем заседании 12 июля принял постановление о казни, а также о способах уничтожения трупов. Затем о принятом решении были проинформированы Петроград и Москва. Ответная телеграмма в Екатеринбург от СНК и ВЦИК, то есть с согласием Ленина и Свердлова, была отправлена немедленно [17, с. 89].

Чтобы была правдоподобной версия о якобы существующем заговоре и планах освобождения семьи Романовых, Николаю II тайно, при строгой конспирации, стали передавать письма – инструкции, написанные по-французски за подписью «офицер». Но оказалось, что эти письма как от загадочного «офицера», так и от самого Николая II были написаны на оди-

наковых тетрадных листках, одними и теми же чернилами. Да и сами письма, которые вручали Николаю II, были составлены П. Войковым, членом Уралоблсовета, а перепиской занимался И. Родзинский.

Охрана по распоряжению Я. Юровского спрятали в кухне Ипатьевского дома несколько ручных гранат с тем, чтобы в нужный момент их «обнаружить» и доказать существование плана побега [17, с. 27].

Все подробности дальнейшей судьбы Романовых, их хладнокровного убийства изложены в многочисленных изданиях-книгах, монографиях, в мемуарах, авторами которых были Н. Соколов, А. Боханов, П. Круглов, Э. Радзинский и даже исполнители казни – Я. Юровский, П. Ермаков [20].

Как известно, это чудовищное преступление произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Без суда и каких-либо обоснованных и доказанных обвинений палачи – комендант дома Ипатьева Я. М. Юровский, его помощник Г. П. Никулин, член коллегии Уральского ЧК – М. А. Медведев, командир охраны – П. З. Ермаков и солдаты охраны в упор расстреляли Николая II и членов его семьи: жену Александру Федоровну, четырех дочерей – Ольгу (1885 г.), Татьяну (1897 г.), Марию (1899 г.), Анастасию (1901 г.), сына Алексея (1904 г.), их слуг и приближенных. Тела убитых они сбросили в шахту, затем извлекли оттуда, сожгли и тайно зарыли [17, с. 29–32].

В те же роковые дни был убит брат царя Михаил и еще 18 членов императорской фамилии.

25 июля 1918 года Екатеринбург был взят белочехами и белыми войсками. Если бы большевики были заинтересованы в сохранении жизни Романовых, то у них было 8 дней для принятия решения об эвакуации. Но это не было сделано, а убийство совершено преднамеренно

с согласия центральных властей, в том числе Я. М. Свердлов и В. И. Ленина.

После своего злодеяния убийцы и их окружение покинули Екатеринбург, никто не помешал этому и не угрожал их жизням. Они чувствовали себя героями, которые исполнили личное распоряжение Ленина.

Казнь царской семьи нужна была большевикам не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, а для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель.

К сожалению, покаянные дни наступили слишком поздно. Хотя этот несправедливый акт вызвал сочувствие немногих, но он обернулся суровой бедой для всей страны. Гражданская война переросла в братоубийственную вакханалию, в ходе которой обе стороны, красные и белые, с озлобленным чувством мести убивали не только друг друга, но и своих братьев, отцов, близких родственников и всех тех, кто был не с ними. Состояние гражданской войны надолго стало привычной нормой жизни советского общества, террор и репрессии стали способом решения социальных, экономических и политических задач. Именно в таком развитии и в оправдании расправ над поверженным противником следует искать причины не только пережитых трагедий, но и духовного кризиса победителей.

Вопреки традиционному представлению о триумфальной победе Красной армии, все же следует признать: в гражданской войне не было победителей, так как проиграли все, принеся в жертву свой народ. И последствия этой невосполнимой утраты были преодолены только тогда, когда состоялось примирение, когда мы с болью в сердце и с горьким сожалением склонили свои головы перед светлой памятью павших за Родину, не разделяя белых и красных.

И только не находит прощения бессмысленная и преступная акция по уничтожению династии Романовых. Сегодня, испытывая чувства сожаления и сострадания, мы искренне сознаем, что труды и заботы Николая II, как и его предшественников, были направлены на благо Родины. Они любили ее всею силою русской души, и заботу об интересах, безопасности и международном авторитете России, ее величии и могуществе считали высшей целью своей политики. Конечно, были ошибки, просчеты, возникали кризисные ситуации, но всегда находился выход, отвечающий здравому смыслу и интересам России. «Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна» [13, с. 639].

400-летие дома Романовых – это не только повод для переоценки всей многовековой истории России, связанной кровно с этой династией, но и для ответа на новые вопросы, от которых зависит жизнь и слава обновленной России.

Библиографический список

1. Аннинский Л. Охота на венценосца // Родина. – 2005. – №1.
2. Васильев Б. Покаянные дни // Родина. – 1990. – № 10.
3. Вестник южных дорог. – 1917. – № 14–15.
4. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. – 3-е изд. – М., 2010.
5. Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. – 1994. – № 5.
6. Дорис де Дзумани. Царская семья. Последний акт. – М., 1991. – С. 78; Тобольск – живая былина: Родина. – 2005.
7. Иоффе Г. За последней чертой // Советская Россия. – 1987. – 12 июля.
8. Карр Э. Х. История Советской России. Кн. 1. – М., 1990.
9. Кентавр. 1993. – № 2.

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35.
11. Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. 2. – М., 1991.
12. Новейшая история России. 1914–2002. – М., 2004.
13. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – М., 1992.
14. Панкратов В. С. С царем в Тобольск. – М., 1990.
15. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. – М., 2005.
16. Под созвездием топора. Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. – М., 1991.
17. Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге // Огонек. – 1990. – № 38.; Гелий Рябов. Последний акт // Родина. – 1996. – № 1.
18. Савченко П. Русская девушка. Светлой памяти мученически убиенной Великой княжны Ольги Николаевны (1895–1918). – Кострома, 1990.
19. Советская Россия. – 1987. – 12 июля.
20. Соколов Н. А. Последние дни Романовых. 1991; Радзинский Э. Царские дневники. Николай II: жизнь и смерть. – М., 1990; Боханов А. Н. Сумерки монархии. Воскресение. 1993; Курлов П. Г. Гибель императорской России. – М., 1992.

УДК 321
ББК 63.3(0)6

Зайцев В. А.

МОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В высшем должностном лице, как ранее в государе, население видит оплот справедливости и правды. Дело доходит до того, что носители монархического сознания готовы полностью делегировать высшему должностному лицу все свои политические права и чуть не де-факто возродить в России монархию.

Ключевые слова: монархическое сознание, государственный интерес, патриотизм, державность, власть.

Монархическое сознание – это не что-то архаическое, устаревшее, а тем более не канувшее в политическое небытие. Монархическое сознание – это часть политического или, шире, общественного сознания современной России, которое, правда, далеко не всегда представлено ясно и отчетливо, а, по преимуществу, существует в скрытой (латентной) и сублимированной форме. Поэтому распознать монархическое сознание в структуре общественного сознания и политической психологии российского общества весьма непросто. Но именно оно представляет собой первичную субстанцию современной российской Власти.

В свою очередь политическое сознание современной России, включающее в

себя и такую свою разновидность, как монархическое сознание, является частью общероссийской политической культуры. Даже тогда, когда монархическое сознание в политическом сознании выражено довольно слабо, данный факт «может быть рассмотрен как специфическое проявление политической культуры, которая выступает в данном случае не в активной, а пассивной форме. Иными словами, – утверждают Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин, – политическое сознание являет собой лишь один из типов реализации политической культуры наряду с неосознанными реакциями ориентировочного порядка и «импульсивными поведенческими актами» [2, с. 200–201]. Монархическое

сознание, осмысливаемое в качестве относительно самостоятельной разновидности политического сознания, функционирует не только в соответствующей ему исторической среде, но и самовоспроизводится как политическая традиция в схожей политико-культурной действительности. Именно это произошло с десакрализированным монархическим сознанием как в советской, так и в постсоветской России, где Власть, вне зависимости от смены политических режимов и форм правления, носила традиционный самодержавно-авторитарный характер. В итоге онтологически присущее российской политической культуре монархическое сознание и сегодня является средством самовоспроизводства прежней модели взаимоотношения Власти и подданных государства. Генетически родственной этой модели подданнический тип политической культуры, являющейся субкультурным образованием в структуре общей фрагментированной политической культуры современной России, обеспечивает преемственность, связь времен и поколений, на чем и зиждется фундаментальная основа того, что мы именуем сегодня как монархическое сознание. Таким образом, можно сделать вывод, что монархическое сознание и политическое сознание, с одной стороны, и подданническая политическая культура и общая политическая культура, с другой стороны, соотносятся друг с другом в политической традиции и современности как часть и целое, взаимодополняя и взаимообуславливая друг друга.

В рамках монархического сознания и подданнической политической культуры государство воспринимается как одна большая семья, которую возглавляет отец народа, верховный правитель, вождь, политический лидер наделенный безграничным вотумом доверия и соответствующими ему огромными властными полномочиями. В рамках господствующего в таком

государстве общественного сознания, приоритетом пользуются коллективные, общественные, то есть государственные интересы. От власти ее подданные ждут патернализма, благодеяний, подачек, заботы, а строгость и даже прямое насилие воспринимают как необходимую меру. Неотъемлемой чертой монархического сознания является государственный патриотизм и державность. Здесь следует разграничить такие близкие понятия как монархическое сознание и имперское сознание, которые хотя и созвучны, но не тождественны друг другу. Если монархическое сознание сконцентрировано на внутривнутриполитической проблематике вроде взаимодействия Власти с народом, то имперское сознание связано с геополитическими проблемами, расширением границ, сохранением территорий, взаимоотношением с другими государствами и так далее.

Проблема существования монархического сознания в современной России требует уточнения. Следует различать монархическое сознание в узком и в широком смысле. В узком смысле монархическое сознание всегда было связано с традиционным для России сакральным восприятием власти, которое было унаследовано от Византии после принятия христианства в его православной форме. Царь в сознании людей в период тотального господства данной версии монархического сознания воплощал в себе надежду людей на справедливое устройство мира и коллективное спасение под его мудрым руководством. Политическое сознание русского народа на протяжении веков структурировалось вокруг освященной авторитетом веры и идеи монархизма. А. В. Бугаев и М. М. Громько справедливо указывают на то, что широко распространенное мнение о том, что русский монархизм был связан лишь с невежеством народа и его апатией, неправомерно. В основе «монархизма как проявления народного сознания лежало, прежде всего,

восприятие царя как помазанника Божия. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью Монарха. Но при этом сам царь осуществляет государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли» [1, с. 438–439]. Сегодня количество носителей такого прежде широко распространенного типа монархического сознания невелико. Невелико и количество тех, кто жаждет восстановить в России дореволюционный тип монархической Власти. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ еще в 2006 году.

Так, вопрос о возможном восстановлении в России монархии считают актуальным лишь 10 % респондентов. Большинство же опрошенных считают данную тему не заслуживающей внимания (58 %) либо сомневаются в её актуальности (23 %). Несколько больший интерес к этой проблеме проявляют респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием, среди которых 12 % отмечают актуальность вопроса (для сравнения: среди опрошенных с образованием ниже среднего – 7 %).

Каждый второй респондент (47 %) полагает, что России лучше всего подходит нынешняя форма правления – президентская. Немало и сторонников советской власти – 22 %. Парламентской республике отдают предпочтение 9 % опрошенных. И столько же респондентов высказываются в пользу монархии (самодержавной – 3 %, или конституционной – 6 %). Среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием сторонников монархической формы правления больше (14 %), чем в группах с образованием средним (9 %) или ниже среднего (3 %).

Несмотря на то, что большинство опрошенных (66 %) негативно относятся к идее установления в России монархии, каждый пятый (19 %) согласился бы с таким

решением при наличии достойного кандидата на монарший трон. Еще 3 % – безусловные сторонники монархии и уже нашли для себя подходящего кандидата в цари. Наибольшее число «монархистов» обнаруживается среди москвичей и петербуржцев: не против жить «при царе» 31 % из них (для остальной России этот показатель не превышает 25 %). Одновременно с этим доля убежденных противников монархии в Москве и Санкт-Петербурге ниже, чем в среднем по России, и составляет 60 % (при 64–70 % в других поселениях).

Большинство респондентов, 63 %, полагают, что восстановление монархии не принесло России бы никакой пользы. «Плюсы» её могли бы состоять в том, что она может быть способом восстановления исторической преемственности, инструментом обеспечения стабильности власти, символом единства российского народа (считают по 8–11 % опрошенных). Символическую и стабилизирующую функции монархии в большей степени склонны отмечать респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием (11 % и 12 %; в группе с образованием ниже среднего – 5 % и 5 %).

Если бы вопрос о восстановлении монархии в России был вынесен на всенародное голосование, то 10 % опрошенных, по их словам, отдали бы свои голоса в пользу такого решения; 44 % проголосовали бы против, 33 % проигнорировали бы референдум. За восстановление монархии в большей степени склонны голосовать люди, в целом не одобряющие деятельность президента России: «за» были бы 14 % из них, тогда как среди одобряющих работу В. Путина – 9 %.

Среди россиян, полагающих, что возвращение к монархии возможно, 10 % считают, что родоначальником новой династии должен стать политик или общественный деятель, избранный народом; 6 % высказываются за восстановление на тро-

не династии Романовых. Большинство (66 %) считает восстановление монархии в данный момент невозможным и неправильным [3].

Таковы количественные и качественные показатели носителей традиционной для России политической культуры и монархического сознания в узком смысле. Причины подобного положения можно объяснить двумя главными факторами. Во-первых, насильственной атеизацией населения и внедрением в общественное сознание светских концепций существа и происхождения власти. И, во-вторых, огромным количеством исторических фальсификаций, с помощью которых была скомпрометирована сама монархическая идея и русская монархия в частности.

Теперь о второй трактовке монархического сознания, в более широком и более современном смысле. Несмотря на то, что марксистско-ленинская философия рассматривала сознание как нечто вторичное или производное от экономического базиса, а в лучшем случае как субъективный фактор, именно монархическое сознание и подданническая политическая культура в сублимированно-трансформированном виде были наиболее востребованы коммунистической Властью и помогли ей продержаться более 70 лет. Господствовавшая в обществе политическая культура фактически воспроизвела дореволюционный самодержавно монархический тип правления. И хотя новое государство формально именовалось республикой, в его основе лежала все та же самая политико-культурная матрица большой семьи во главе с отцом народов, наделенным огромной Властью. На смену религии пришла коммунистическая идеология, обосновавшая земное происхождение и большевистскую легитимность власти. Традиции Византии, покорность власти, филофеевская концепция «Москва – третий Рим», патриотизм, империализм и так

далее – все это было востребовано в СССР. А затем, после его крушения и краха коммунистической идеологии, использовано, правда в усеченном варианте, и постсоветской Властью. Так что субъективный фактор – политическое сознание и политическая культура – фактически пролонгировали, казалось бы на первый взгляд, навсегда прерванную политическую традицию, в основе которой теория симфонии, а фактически, цезарепапизм. Парадоксально, но факт: монархическое сознание уж во второй раз возродилось после смерти, хотя и в значительно модернизированном виде. Об этом, кстати, говорят и многие отечественные политологи.

«На мой взгляд, Россия никогда не была республикой, – утверждает Эмиль Паин, – она оставалась монархией: династической при Романовых, корпоративно-тоталитарной при большевиках, олигархической, но с налетом демократии – при Б. Ельцине, бюрократической и уже почти без демократического прикрытия – при В. Путине» [4, с. 148]. Парадоксально, но факт: и сегодня монархическое сознание продолжает функционировать в России в условиях отсутствия законного монарха, а присущие монархическому сознанию стереотипы переносятся на других лиц, находящихся на вершине государственной пирамиды власти. Вот уже на протяжении целого ряда лет всевозможные социологические опросы свидетельствуют о проявлении со стороны подавляющей части россиян только одному институту Власти: институту президентства. Только эта Власть по мнению людей является настоящей Властью. Все же остальные институты власти, списанные под копирку с западноевропейских институтов, – парламент, партии, гражданское общество, свобода слова, избирательная система – доверием не пользуются. Именно в высшем должностном лице, как и ранее в государе, население видит оплот справедливости

и правды. Дело доходит до того, что носители монархического сознания готовы полностью делегировать высшему должностному лицу все свои политические права и чуть не де-факто возродить в России монархию. Правда, такую, где власть передается пусть и не по наследству, но по предписанию свыше, после чего избиратели придадут этому выбору видимость легитимности, отдав этому наследнику свои голоса на очередных выборах. Так политическая традиция и политическая культура воспроизводят монархическое сознание в новых исторических условиях.

О функционировании неомонархического сознания свидетельствуют не только социологические опросы, но и результаты проекта «Имя России. Исторический выбор 2008», где лидером общественного мнения стал святой благоверный князь Александр Невский (524 575 человек), а третье место с небольшим отрывом от этого лидера занял изрядно скомпрометированный в годы перестройки «советский монарх» Иосиф Сталин (519 071 голос), пятым стал Петр Великий (448 875), шестым Владимир Ленин (424 283), десятым Иван Грозный, одиннадцатой Екатерина Великая и, наконец, двенадцатым, Александр Второй. Это, по мнению многих наблюдателей, свидетельствует о том, что и современному русскому человеку требуется сильный политический лидер, а также, ввиду отсутствия государственной идеологии, мощная духовная опора, способная, как и прежде, выступить в союзе с властью. И даже те, кто имя России связал с именем Иосифа Сталина, бессознательно ностальгируют о самодержавно-монархической форме правления и являются надежной опорой крепкой вертикали Власти в современной России [5].

Что касается современного конструкта российской Власти, то он, вместо квазимонархической суперпрезидентской республики ельцинского образца,

трансформировался в диархию в духе Византийской империи, когда во главе государства стояли сразу два царя: старший (Август) и младший (Цезарь). Первый был настоящим правителем, второй – его преемником с ограниченным кругом полномочий. Такое разделение Власти в поздней Византии привело к ее стабилизации и стало по сути дела лучшим этапом существования этой империи. Что-то схожее сегодня складывается и в России, хотя точно определить, кто же из двух правителей является старшим царем, а кто его будущим наследником, очень непросто. При этом социологические опросы показывают, что симпатии консервативно (то есть монархически в широком смысле данного концепта) настроенной части населения на стороне В. Путина, носители новой демократической политической культуры и либерального сознания все больше идентифицируют свою позицию с фигурой нынешнего президента Д. Медведева. При этом сами они показывают завидное умение договариваться друг с другом, сообща решать злободневные политические проблемы, работать в единой команде. Таким образом, диархический тандем двух политиков волне может консолидировать культурно и политически расколотое российское общество, интегрировав его на основе новой политико-монархической архитектоники Власти. Нынешняя диархия – это не какая-нибудь там историческая институция, а вполне реальный механизм осуществления государственной Власти, уже доказавший на практике свою жизнеспособность и действенность. Фрагментированная политическая культура и дихотомичное политическое сознание с различных мировоззренческих позиций признали легитимность нового политического режима, заимствованного, как и прежде, на исторической прародине российского право-

славия и монархизма. Историческая традиция, хотя и в обновленном инварианте, продолжается, а это и есть главная основа политической стабильности, общественного согласия и национально-государственного единства.

Библиографический список

1. Громыко М. М., Булгаков А. В. О воззрениях русского народа. – М.: «Паломник», 2000. – 543 с.

2. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. – М., 1985. – 385 с.

3. Нужен ли России царь? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 538. – URL: www.wciom.ru

4. Паин Э. Имперский национализм // Космополис. – 2005. – № 3 (13). – С. 146–156.

5. Тимофеев А. Олицетворение России. Подведены итоги проекта «Имя России» Исторический выбор 2008. Православное информационное агентство «Русская миссия». 30.12.2008. – URL: www.rusk.ru/st.php.php?idar=180463

УДК 321
ББК 63.3(0)6

Закатов А. Н.

ЛЕГИТИМИЗМ – КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ МОНАРХИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Аннотация. Для того, чтобы приблизиться к Истине, мы должны постоянно заниматься «исправлением имен», неуклонно возвращаясь к подлинному смыслу слов и понятий, лежащих в основе нашего бытия. Если монархический принцип окажется вновь востребованным народом России, то монархия будет только легитимной, и на престол взойдет, без всяких выборов и прочих политических комбинаций, законный Царь или законная Царица, обладающие правами и наделенные обязанностями в силу Утвержденной Грамоты 1613 года, закона о престолонаследии 1797 года и актов Глав Дома Романовых в изгнании, начиная с Государя Императора Кирилла Владимировича.

Ключевые слова: легитимизм, культура, закон, технологии, престолонаследие, соборность, интеллигенция.

Наиболее древнее из дошедших до нас произведений русской письменности, лежащее в основании не только литературы России, но и отечественной традиции богословия, философии, истории и, в целом, социальных наук – «Слово о Законе и Благодати» св. Митрополита Киевского Илариона. В этом есть нечто промыслительное. Проблема соотношения и взаимосвязи Закона и Благодати рассматривается под разными углами зрения во всем христианском мире на протяжении веков. Но именно в нашем Отечестве этот вопрос явился корневым. Из него, по сути дела, начало расти древо национальной культуры.

Богоявленная Благодать, пришедшая в мир с воплощением Спасителя, освободила

людей от рабства и даровала им величайшую свободу. Однако эта Благодать не отменила Закон, не упразднила его, но «исполнила»¹. Исполнила не только и не столько в современном значении «реализовала», а в изначальном смысле – наполнила Сутью, одухотворила.

Благодать и Закон существуют несlessly и нераздельно, как Божественная и Человеческая природы во Христе. Закон без Благодати обращается в мертвое фарисейство, лишенное истинной любви. Но и Благодать невозможно стяжать, умаляя значение Закона или отвергая его. С духовной точки зрения, ложное ощущение Благодати значительно опаснее, чем даже злоупотребление законничеством. Законники примитивны в своем убеждении, что

Богу можно угодить исключительно тщательным соблюдением некоего набора правил. Но в них все же меньше дьявольской гордыни, чем в тех, кто мнит себя вправе судить обо всем, своевольно интерпретируя, а то и вовсе игнорируя Божественные и человеческие законы, не считаясь ни с какими авторитетами, вольно жонглируя вырванными из контекста цитатами и ставя себя и свое мнение выше учения Церкви, государевой власти и опыта предков.

В православном легитимизме гармония Закона и Благодати является Идеалом, стремление к которому позволяет постоянно улучшать окружающую нас действительность. Легитимизм – это не только и не столько политическая доктрина, но мировоззрение, а также образ и стиль жизни. Легитимизм не исчерпывается следованием тому или иному порядку престолонаследия и, тем более, не является приверженностью некоей застывшей системе законных установлений в противовес необходимости их постоянной корректировки. Легитимизм – это верность Закону в высшем смысле, Закону как *«пределу, постановленному свободе воли или действий; неминучему началу, основанию; правилу, постановлению высшей власти»* [6, с. 1469]. Напомню, что вплоть до XIX века в русском языке слово «закон» обозначало не только правовую норму и закон природы, но также было синонимом слова «вероисповедание». Этот факт как нельзя лучше иллюстрирует изначальное восприятие человечеством Закона в качестве совокупности правил, установленных Богом.

Без Благодати Закон закостеневаает, перестает развиваться, умирает и начинает мертвить всё вокруг. Поэтому легитимисты ни в коем случае не против совершенствования и развития любого закона, напоения его новыми живительными соками. Наряду с этим мы твердо убежде-

ны, что наличие даже несовершенного закона, безусловно, лучше, чем отсутствие всякого закона. Все заблуждения и ереси, все революции и крамолы – правые и левые, псевдорелигиозные и откровенно богоборческие, консервативные и модернистские – рождаются и вырастают на гнилой почве пренебрежения к принципу законности и увлекают народы на тупиковые тропинки, уводящие с Царского пути.

Совершенствование законов необходимо, но оно возможно только при соблюдении, по крайней мере, трех незыблемых правил. Эти правила суть:

1. **Преимущественное** право толковать и применять законы и **исключительное** право изменять законы принадлежит только их (законов) правомочному источнику. В демократических системах – это большинство наделенных правом голоса; в Церкви – собор епископов при, как мы веруем и исповедуем, содействии Духа Святого; в монархической системе – глава царственной династии, законный Государь, сердце которого, по Слову Священного Писания, «в руце Божией».

2. До тех пор, пока закон не изменен правомочным источником, он действует без всяких изъятий, даже если он кому-то кажется или действительно является устаревшим или несовершенным. Именно поэтому святитель Иоанн Шанхайский, считавший некоторые положения Закона о престолонаследии несоответствующими русской православной традиции, тем не менее, четко и твердо писал: *«(...) никакие изменения или произвольные толкования не могут иметь места (выделено мной – А. З.), и исторический Российский закон, получивший своё начало вместе с началом объединения Руси, действителен в том виде, в каком находился в день страшного преступления - лишения законного Царя принадлежащей ему власти. Россия несёт и будет нести тяжелые по-*

следствия этого преступления, пока власть в ней не перейдет опять в руки того, кто Самим Промыслом сделан её объединяющим главою, опорой и хранителем её благосостояния. А таковым является **старший по первородству член Царского рода** (выделено мной – А. З.). Пренебрежение тем законом, который выработан собирателями Руси и осенён благословениями её святых заступников и святителей, было причиной многих печальных последствий, а в дальнейшем будет источником новых потрясений и волнений, ибо русский народ во все эпохи стремился к своему законному Царю, только под властью которого Русь всегда обретала успокоение и благоденствие» [7, с. 80].

3. Либерализация или, наоборот, ужесточение законов возможны только в рамках того правового «магнитного поля», которое образует неизменный базовый Закон в данной области. Так, например, введение Императором Александром I в российское династическое законодательство понятия морганатического брака в 1820 года или возвращение к изначальному тексту Акта 1797 года, в котором это понятие отсутствовало (о возможности чего рассуждал святитель Иоанн (Максимович)), являясь тактическими мерами, не могут поколебать Духа и Буквы Утвержденной Грамоты 1613 года³ и основ законного престолонаследия в рамках Династии. А вот самовольное заключение в XX веке рядом членов Российского Императорского Дома браков, в которые они вступили не только игнорируя законы Династии, но и **принципиально** попирая необходимость получения разрешения на брак от Главы Династии, подрывает базовые принципы династических Авторитета, Иерархии и Дисциплины⁴.

Если данные правила, или хотя бы одно из них, нарушаются, вместо развития Закона мы получаем его извращение и ниспровержение.

Прошу прощения за это затянувшееся вступление. Но если мы, говоря о легитимизме в целом и о конкретных законах, забудем о неких фундаментальных принципах и о Законе как таковом, любые наши рассуждения окажутся основанными на песке.

Время, отведенное регламентом, не позволяет произвести здесь более подробный анализ различных определений и терминов и, тем более, планомерно и обстоятельно опровергнуть каждый из тезисов противников легитимного Российского Императорского Дома, выступающих на страницах «Трибуны русской мысли» и в рамках нашей сегодняшней встречи. Постараюсь быть максимально кратким и обратить внимание на главное.

Оговорюсь сразу, что меньше всего мне хотелось бы задеть кого-либо из присутствующих или озвучивать неприятные вещи. Но я категорически не согласен с высказанным уважаемым А. А. Бондаревым тезисом о том, что «дружба дороже истины» [4, с. 15]. Дружба не во имя Истины, дружба, приносящая Истину себе в жертву, это не дружба, а тусовка (простите мне это жаргонное словечко), члены которой оправдывают любую глупость и подлость, совершенную в своем кругу, и в тоже время, готовы затравить любого, кто говорит правду, но к тусовке не принадлежит. Поэтому, считая всех присутствующих друзьями, будучи искренне благодарным редакции журнала за то, что на этой подлинной трибуне русской мысли, без всяких кавычек, постепенно находится все больше места для легитимистов, я не могу не обратить внимания на заблуждения и ошибки, а иногда и очевидную недобросовестность, необъективность и предвзятость некоторых участников происходящего ныне обсуждения российского престолонаследия.

«Вопрос о престолонаследии – один из самых дискуссионных в монархической

тематике» [8, с. 58], – утверждает редакция «Трибуны русской мысли». С этим заявлением можно согласиться лишь с существенным уточнением – не «*один из самых дискуссионных*», а «*сделанный одним из самых дискуссионных*».

Когда в России, еще носящей название СССР, стало возможно открыто проявлять различные убеждения, оказалось, что монархическое сознание сохранилось в нашем народе, несмотря на десятилетия его вытравливания пропагандой и террором. Соотечественники, лишенные достоверной информации о монархии и династии, не имеющие систематических представлений о сути монархического строя, тем не менее, подсознательно потянулись к принципу отеческой, исторически законной власти, проверенному тысячами лет дореволюционного бытия России. Возвращение из изгнания законного Главы Династии, вокруг которого объединились бы убежденные сторонники монархии, даже без всяких политических акций с их стороны, могло повлечь за собой стихийные общенародные процессы, не входившие в планы могущественных политических сил внутри и вне Отечества. И возрождающемуся из пепла фениксу русского монархического самосознания была немедленно сделана ядовитая инъекция антилегитимизма.

В благородной борьбе противники ищут друг у друга слабые места и стараются нанести по ним удар. Это бывает жестоко, даже бесчеловечно, но, все-таки, честно. В самом деле, если мы сами подставились, если обнажили тыл, если просмотрели брешь в своей обороне – на кого же пенять? И можно ли упрекать противоборствующую сторону, что она воспользовалась нашей собственной ошибкой?

Но есть иной вид борьбы. Ее методология другого рода. О чести тут уже не вспоминают. В этой борьбе не нужно особенно напрягать ум, стараться понять

противника и победить его силой интеллекта и убежденности в своей правоте. Достаточно, образно говоря, «отравить колодцы». Борьба такого рода направлена не на слабые, а как раз на самые сильные точки в позиции другой стороны. Только разрушаются эти точки не за счет героизма и жертвенности, и даже не за счет стратегического и тактического расчета, а путем диверсии. Если использовать термины идеологической борьбы, то здесь имеет место попытка одержать победу не за счет пламенной и убедительной речи, не за счет статьи или трактата с логично и последовательно изложенной позицией, а за счет дезинформации, клеветы и лжи, наносящей ущерб той или иной духовной либо общественной силе в народном сознании. В этом вся суть черных пиар-технологий, отточенных в наше время с небывалым мастерством, рядящихся в самые неожиданные одежды.

Сила и право Священноначалия Церкви заключаются, прежде всего, не в обеспеченности духовенства, государственной поддержке, и даже не в благолепии храмов, а в апостольской преемственности, соответствии каноническому праву и в особенном попечении о защите истин Веры. Чтобы подорвать доверие к церковной иерархии, недостаточно критиковать отдельных священнослужителей или даже отдельные действия всей земной церковной организации. Ее нужно обвинить в «антиканоничности» и «ереси». Это можно делать и с позиций обновленчества, и с позиций консерватизма.

Сила и право царской династии заключаются не в широте властных полномочий, не в пышных церемониалах и не в роскоши дворцов, а в наследственности, легитимности и заботе о сохранении монархического идеала Государства-Семьи. Чтобы дискредитировать династию, недостаточно критиковать ее глав и членов. Нужно оспорить принцип наследственности,

посеять сомнения в легитимности и обвинить государя в несоответствии неким идеальным представлениям о том, каким должен быть монарх. Это можно делать и с позиций республиканизма, и с позиций «ультрамонархизма».

Единение монархистов вокруг законного государя на основе легитимизма стало бы если еще и не залогом восстановления монархии, то, во всяком случае, гарантией влиятельности традиционализма и необходимости считаться с силами, отстаивающими ценности многовековой и уникальной российской цивилизации. Тем, кого это не устраивало, нужно было, во что бы то ни стало, разрушить символ и стержень возможного единения. Раз его не удалось в свое время истребить физически, его начали уничтожать морально, применяя приемы, отработанные когда-то в эмиграции и дополняя их новыми «достижениями прогресса». Главной целью в этой политтехнологии – убедить соотечественников, что никакого государя нет и уже не может быть, пока мы не переплывем горизонт (...), простите, пока не созовем Земский Собор.

А раз государя нет, то монархическое движение моментально атомизируется и становится броуновским, совершенно безопасным для тех, кто насаждает Новый Мировой Порядок. И никакого Земского Собора не будет никогда, в этом можете быть уверены на все 100 %.

Монархия без Земского Собора или его аналога лишена одного из важных инструментов управления, но ее вполне можно себе представить. Монархию без Монарха представить себе **невозможно категорически**.

Роль Царя в монархических мировоззрении и мироустройении – диалектически – составляет одновременно и величайшую силу и главное уязвимое место.

Когда принцип легитимизма обеспечивает непрерывное преемственное наличие

Царя, то люди, верные национальной государственной традиции всегда обладают истинным отцом нации и ее природным вождем, верховным арбитром, несокрушимым живым символом, источником чести и адресатом служения, делающим саму идею монархии бессмертной. Король умер – да здравствует Король! – гласит древняя формула. Конкретный Царь смертен, но ЦАРЬ ВООБЩЕ не может умереть никогда.

В тоже время, если предположить, что Царя нет, то – «всё позволено». Сообщество монархистов сразу превращается в аморфную, мутную и бессильную среду, где всяк Болотин хвалит свою Куликовскую, где становится уже незаметным очевидный жуткий абсурд поиска кандидатов на Русский престол среди мифических потомков Меровингов и Неманичей, где нет никаких устоев и элементарных представлений о понятиях, нерасторжимо связанных с монархическим мировоззрением.

Сознательным врагам легитимизма и их легковерным искренним, но впавшим в прельщение последователям, конечно же, не удалось полностью дискредитировать династию и воплощаемый ею принцип легитимной монархии. Но они добились ощутимого результата. Вместо того, чтобы совместно, пусть иногда и споря, но стоя на едином фундаменте, выработать всестороннюю программу, дающую соотечественникам возможность понять преимущества монархического строя, его современность и обращенность на решение духовных и материальных проблем, стоящих перед страной, монархисты погрязли в дискуссии о несуществующем в действительности вопросе престолонаследия.

Богоданная и историческая легитимность является краеугольным камнем монархии, который одновременно становится и камнем преткновения – *«и падый на камени сем, сокрушится: а на нем же падет, сотрьет»* (Мф., 21, 42).

Противоположные в своем абсолютном воплощении, Добро и Зло в нашей земной временной жизни присутствуют в диалектической взаимосвязи. Зло опутывает Добро и запутывает нас.

Ничего плохого самого по себе нет. Всё, сотворенное Богом, изначально «добро зело». Но Зло имеет возможность паразитировать на Божественном творении. Не обладая творческой силой, не будучи способным что-либо создать, оно портит и искажает мир Божий. Чем важнее явление, тем больше вокруг него соблазнов, комплексов, духовной слепоты, невежества и гордыни.

Для того, чтобы приблизиться к Истине, мы должны постоянно заниматься «исправлением имен», неуклонно возвращаясь к подлинному смыслу слов и понятий, лежащих в основе нашего бытия. Чтобы не впасть в примитивизацию и, в тоже время, не извратить понимание чрезмерным усложнением, рассмотрение любого явления должно осуществляться не только честно и искренно, но и профессионально.

Если бы Ваш покорный слуга, не обладая музыкальным слухом и голосом, попытался сейчас перед Вами спеть, то оскорбил бы Ваш слух. Если, не имея соответствующего образования, решил сделать доклад о пении или режиссерском искусстве, о металлургии или медицине, то наверняка допустил бы массу ошибок и вызвал справедливые насмешки и порицание со стороны специалистов. Решительно невозможно понять, почему же престолонаследие считается темой, о которой может свободно рассуждать каждый, не имея ни исторического, ни юридического образования.

Обсуждение любого вопроса людьми некомпетентными, не обладающими полнотой информации и не имеющими представления о системе и методологии, ни при каких обстоятельствах не может

привести к положительным результатам. Продуктом подобного обсуждения монархической темы становится окончательная дезориентация народа и разрушение в общественном сознании последних остатков традиционного мировоззрения.

Разбирать все выпады против легитимной ветви Династии Романовых я не стану не только из-за недостатка времени, но и потому, что совершенно необязательно каждый раз доказывать дальтонику, что он заблуждается относительно цвета. Проще один раз разобраться с состоянием его органов зрения. Достаточно указать на наиболее вопиющие примеры грубых юридических ошибок, двойных стандартов и откровенной неправды, чтобы понять, на чем основана аргументация людей, для которых хороший монарх – лишь монарх несуществующий (УЖЕ несуществующий или ЕЩЕ несуществующий), но только не живой, не реальный.

Сперва отвечу на несколько общих, но совершенно ложных обвинений в адрес легитимистов, постоянно повторяемых нашими оппонентами.

Как они пытаются представить, легитимисты – это приверженцы нравящейся им ветви Династии, происходящей от Великого Князя Владимира Александровича, старший сын которого Великий Князь Кирилл Владимирович принял титул Императора в изгнании после получения неопровержимых доказательств гибели свв. Императора Николая II, Цесаревича Алексея и Великого Князя Михаила Александровича (отсюда словечко «кирилловцы» и еще более искусственные и несоответствующие русской традиции словообразования прозвища «кирилловичи» и «кириллисты»).

Эти самые «кирилловцы», якобы, обосновывают права поддерживаемого ими «претендента» из этой линии, ссылаясь на законы лишь выборочно, и хотят утаить от соотечественников некие другие законные

положения, лишаящие представителей линии Владимировичей прав престолонаследия или «отодвигающие» их в очереди.

Также легитимистов обвиняют в пренебрежении принципом соборности, в политизации монархической идеи и т. п. О различных конспирологических версиях я говорить не буду, ввиду их полной маниакальности. Думаю, мы бы не встретились здесь, если бы кто-то из присутствующих на самом деле полагал, что легитимисты – это масоны, находящиеся на службе у мирового правительства и пьющие кровь христианских младенцев. Не сомневаюсь, что даже один из кумиров соборнического течения г-н М. В. Назаров с его абсолютно сектантским мышлением и комичной манией величия сам не верит в сходные утверждения, которыми пестрят его брошюры и статьи.

На самом деле, легитимисты – это как раз те, кто служит государю или государыне не потому, что они им лично нравятся, а потому, что Господь призвал посредством Закона к царскому служению именно этих членов Императорского Дома. Действующее династическое законодательство признается легитимистами, по определению, во всей его совокупности и системной взаимосвязи, без каких-либо изъятий. При этом право интерпретации закона, определения порядка его исполнения и применения, а также изменения признается легитимистами за единственным лицом – **старшим по первородству членом Царского рода**, который по древней традиции и по писаному закону является Главой Династии и Законным Государем, независимо от того, востребован на данном этапе монархический строй, или временно отвергнут народом в результате революции.

Совершенно правильно утверждение г-на А. А. Бондарева, что *«абсурдно претендовать на престол, которого нет и в ближайшем обозримом будущем вряд*

ли будет»[4, с. 6]. Под этими словами подпишется любой легитимист. Законные Главы Династии, в отличие от узурпаторов, авантюристов и самозванцев, не «претендуют» на престол. Они обладают на него ЗАКОННЫМ ПРАВОМ. Они хранят это ПРАВО и самим фактом своего существования оберегают его от любых претендентов. А если народ захочет возродить монархию, то они вступают на престол, реализуя бесспорное ПРАВО и исполняя свой ДОЛГ.

Легитимисты никоим образом не могут согласиться, чтобы Закон становился игрушкой и употреблялся в рамках двух взаимоисключающих подходов. А ведь нетрудно заметить, что наши оппоненты руководствуются двойными стандартами. Когда речь идет о Главах Династии, они под микроскопом выискивают в законах всё, что хоть отдаленно может посеять сомнения в легитимном статусе государей. Когда же речь заходит об их собственных выдумках и прожектах, отношение к закону становится чрезвычайно свободным, вплоть до признания его отжившим и ненужным.

Но так не бывает. Если мы не признаем Закон, то нечего тогда вообще рассуждать о правах на престол: каждый может считать себя претендентом на трон, и никто его за это не имеет права осуждать. А если Закон нами признается, он всегда указывает на одно-единственное лицо, обладающее статусом Главы Российского Императорского Дома, являющегося Императором (или Императрицей) де-юре. Иного не дано.

И тут мы возвращаемся к обвинению легитимистов в отвержении соборности и в политизации. Дескать, если всё уже определено Законом, то какова же роль соборного органа? Это опять совершенно ложная постановка вопроса. Да кто же Вам сказал, что Соборы должны непременно «избирать» Царя? А выразить мнение

территорий и различных социальных групп, соучаствовать с легитимным Богопоставленным Царем в законотворчестве и вопросах правления. Собор способен абсолютно без всякого вторжения в область престолонаследия, которое не должно быть зависимо от человеческой воли.

И если в условиях пресечения Царствующей Династии, при отсутствии писанного Закона, Собор мог устанавливать, кто является ее законным продолжателем в соответствии с традицией и религиозно-правовыми представлениями той эпохи (что, кстати, бесконечно далеко от современного понимания «избрания»), то когда Династия жива и существует писанный Закон о наследовании главенства в ней, любое вмешательство в эту сферу, даже и Собора, станет незаконной узурпацией власти.

В остальном, свидетельствую со всей прямоотой и убежденностью: легитимисты являются самыми последовательными сторонниками возрождения духа и институций соборности во всех отраслях государственной и общественной жизни и убежденными противниками политизации деятельности Императорского Дома и верных ему организаций⁵. Ограничение соборности после реформ конца XVII–XVIII вв. признается легитимистами печальным явлением, ослабившим легитимную монархию и сделавшим ее, в итоге, уязвимой для разрушительных политиканских сил. В правильном и традиционном применении Соборность есть великое благо.

Но нужно различать Соборность и соборничество. Идеалы Соборности особенно близки и дороги легитимистам, потому что именно Соборность не дает Закону лишиться Благодати. Соборность, невозможная без согласия, основывается на Любви, Доверии и Смирении. В отличие от Соборности, соборничество бравитурует противоположными, чисто политиканскими качествами – агрессивностью, подозрительностью и гордыней. Кругом,

видите ли, одни враги и вредители. Всех несогласных нужно не медля зачислить в категорию предтеч Антихриста. Служить мы никому не хотим, потому что ждем какого-то невероятного безгрешного Царя, наделенного всеми добродетелями и чуждого малейших пороков, и будем сидеть и ждать чуда, когда Господь нам явит этого Царя в громе и молнии посреди нашего фантастического Земского Собора. Воистину, *«род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дается ему»* (Мф., 16, 4)!

Такой соборнический подход неизбежно порождает мрачное и напряженное мировоззрение, неадекватность которого видна при первом же незашоренном взгляде на вещи.

Признаюсь, что в свое время сам я пришел к легитимистским убеждениям, во многом, что называется, «от противного». Когда наши смутные монархические убеждения советской поры в 1980-е гг. стали получать «подпитку» из русской эмиграции, значительная часть информации носила именно антилегитимистский характер. Но еще не обладая сколько-нибудь полной информацией об Императорском Доме в изгнании, не умея свободно ориентироваться в законах и понимать их системную взаимосвязь, я не мог не обратить внимания на просто кричащие неувязки, преувеличения и порочную логику в антидинастической пропаганде: ну невозможно «Кирилловичам» нарушить сразу ВСЕ законы; быть одновременно евреями, масонами, фашистами, либералами и советскими агентами; отречься десять раз от уже несуществующих прав на престол, а потом на протяжении нескольких поколений позиционировать себя в качестве Государей, будто бы не будучи признанными никем, кроме жалкой кучки жуликов и идиотов и т.п. И когда все эти внутренние противоречия и несоответствие открывающимся и проясняющимся фак-

там встали перед глазами частоколом во всей своей неприглядности, сам собою напрашивается вывод: если с этими людьми борются ТАКИМИ методами и с ТАКОЙ энергией, значит, они кому-то опасны. А чем они могут быть опасны – лишенные всего небогатые незащитные изгнанники, которых каждый желающий может безнаказанно поносить? Только тем, чего никто у них не в силах отнять – **их подлинным Царственным Достоинством и Правом.**

Конечно, это чисто эмоциональное восприятие, некое ощущение Благодати, и оно может привести к заблуждению, если не найдет опору в Законе. К счастью, Россия имеет закон о престолонаследии, по словам виднейшего русского теоретика монархизма Л.А. Тихомирова «не допускающий уже никаких перетолкований и не оставляющий места никакому выбору между несколькими лицами Царствующего Дома» [9, с. 443].

С тех пор прошло около 25 лет. Рухнул коммунистический режим, распался Советский Союз, компьютеры из диковины превратились в повседневный элемент жизни, появился Интернет... Доступными стали архивные источники, увидели свет многочисленные научные исследования и публикации, о которых раньше нельзя было и мечтать. Ложь антилегитимизма неоднократно выявлена и разоблачена. Но вновь и вновь, с использованием новых технологий и современных разновидностей средств массовой информации перед нами, как ни в чем не бывало, тасуется замусоленная колода антидинастической пропаганды.

Вот очередные примеры, явленные нам некоторыми «сборничающими» авторами журнала «Трибуна русской мысли».

Представитель аргентинской русской диаспоры г-н И. Н. Андрушкевич давно успел прославиться весьма своеобразным

умением искусно менять местами причины и следствия, общее и частное. Угадать, под каким идеологическим наперстком оказался шарик, людям неискушенным довольно трудно. В своей статье «Морганатическое право и Земские соборы» г-н И. Н. Андрушкевич с упорством, достойным лучшего применения, продолжает линию на разрушение причинно-следственной связи в вопросе престолонаследия. «Сегодня точно установить, – пишет он, – кто имеет право «наследовать без малейшего сомнения», **как этого требует Акт Императора Павла Первого от 1797 года** (выделено мною – А. З.), может только лишь согласие между членами Царского рода, или, если такового согласия невозможно достигнуть, то Земский Собор» [2, с. 34].

Можно было бы считать это добросовестным заблуждением, связанным с невнимательным прочтением Акта 1797 года. Но еще 15 лет назад данный тезис г-на И.Н. Андрушкевича, как и остальные его соборнические построения, был детально разобран в статье г-на М. А. Александрова «Легитимизм антиподов». Приведа слова г-на И. Н. Андрушкевича о том, что Высочайший Акт 1797 года, якобы, «конкретно требует, чтобы «не было ни малейшего сомнения, кому наследовать»[3]⁶, г-н М. А. Александров пишет: «Остановимся на этой фразе. Итак, закон «требует», чтобы в вопросе о престолонаследии не было ни малейшего сомнения. Но чтобы не было сомнения, для этого как раз и нужен закон, все эти сомнения устраняющий! В логике это называется «порочный круг», но чтобы из него выпутаться, достаточно обратиться непосредственно к Высочайшему Акту, из контекста которого г-н Андрушкевич позаимствовал свою формулировку. Император Павел, изложив подробнейшим образом порядок наследования Престола, в заключение говорит: ««Положив правила

наследства, должен объяснить причины оных. Они суть следующие: Дабы Государство не было без Наследника. Дабы Наследник был назначен всегда законом самим. **Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать** (выделено мною – М. А.)».

Оказывается, всё проще простого: для того и закон, чтобы не было никакого сомнения. То есть, коль скоро существует закон, то и «ни малейшего сомнения» быть не должно. Именно этого «конкретно требует» Закон Императора Павла. То есть, сомнения могут возникнуть только у тех, кто либо не знает законов, либо не желает их знать. А если так, то и Земскому собору здесь ни «выискивать», ни «устанавливать» решительно нечего. Тем более, что в свое время в «Нашей Стране»⁷ (№ 2047) было опубликовано Обращение Главы Императорского Дома⁸ от 25 июля 1989 г., где, в соответствии с Законом, он объявлял своей наследницей свою дочь⁹. Казалось бы, что тут еще «выискивать»? Но эта ситуация никак не устраивает г-на Андрушкевича, и он интерпретирует слова Законодателя таким образом, что выходит, будто сам закон допускает возможность каких-либо сомнений в самом себе. Это не только абсурд, но и грубейшая шулерская махинация, за какую в Царской России – в той самой, которую взялся «олицетворять собою» г-н Андрушкевич – можно было запросто схлопотать канделябром по бакенбардам.

Но убедительность аргументов меньше всего заботит г-на Андрушкевича. Ведь адресуется он вовсе не к тем, кто знает законы – их все равно не надуешь. У тех же, кто законов не знает – их большинство – должно сложиться впечатление, будто в вопросе престолонаследия существуют какие-то неразрешимые противоречия, что наследников Престола, как таковых, нет и быть не может, а если и есть, то это не должно никого волновать, и

единственное, о чем дозволено мечтать русским монархистам, это пресловутый «Земский собор», который будет «выискивать» и «устанавливать» то, что на самом деле установлено раз и навсегда» [1].

Г-н И. Н. Андрушкевич, несомненно, знаком со статьей М. А. Александрова – она была ему выслана, и на нее, в свое время, бурно реагировали симпатизанты этого, прости меня, Господи, «олицетворения Православной Самодержавной России»¹⁰. Поэтому настойчивое повторение им порочного перевернутого толкования смысла Закона о престолонаследии выглядит ничем иным, как **сознательной** попыткой запутать ситуацию.

Надо отдать должное, г-н И. Н. Андрушкевич верен своей антиподной методологии во всем. По такому же принципу построены его рассуждения о «морганатическом праве», призванные «уравнять» Глав и Членов Императорского Дома с их морганатическими родственниками для последующего обоснования необходимости «выборов Царя». После каких-то туманных, путанных и ни на чем не основанных утверждений о «морганатическом праве» в России г-н И. Н. Андрушкевич делает неожиданное открытие: «Однако при этом нельзя забывать и другого, весьма важного, ограничения этого морганатического права в России. Указом императора Николая Второго от 11 августа 1911 года, морганатическое право в России относится **только лишь к Великим Князьям**. А согласно статье 146-ой Основных Законов, Великими Князьями и Великими Княжнами являются только лишь «сыновья, братья, сестры, а в мужском поколении и все внуки Императора». Так как сегодня больше нет в живых «сыновей, братьев, сестер, а в мужском поколении и внуков Императора», то это готское морганатическое право сегодня уже не применимо **ни к одному** из членов Дома Романовых¹¹. Поэтому, Манифест 1820 года исчер-

пывається сам собою с того момента, когда уже больше нет **двух категорий** членов Царского Рода (Великих Князей, подверженных морганатическому праву, и всех остальных членов Дома Романовых, ему не подверженных). Таким образом, автоматически наступил «статус кво ante», т.е. положение существовавшее в русской монархии в течение почти тысячелетия, начиная с Рюрика и до 1820 года. Однако, все остальные требования Основных Законов, не относящиеся прямо к запрещению морганатических браков от 1820 года, остаются в силе, по крайней мере до тех пор, пока они тоже не исчерпают себя или не войдут в противоречие с постановлениями Земского Собора 1613 года. В том числе остаются в силе и предписания о «предпочтении мужеского лица женскому» [2, с. 34].

Хотя никаких имен не называется, но просто сквозит из всех щелей: всё, что, по мнению г-на И. Н. Андрушкевича, сохранило силу в законах, как будто специально должно быть направлено против ныне здравствующей Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны, а то, что хоть в малейшей степени в пользу ее правового статуса, «исчерпывается само собой»!

Разберемся, какое отношение к действительности имеет данное открытие г-на И. Н. Андрушкевича.

В 1820 году Император Александр I дополнил Акт о престолонаследии своего отца Императора Павла I нижеследующим постановлением: «Мы признаем за благо, для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия Императорской Фамилии и самой Империи Нашей, присовокупить к прежним постановлениям о Императорской Фамилии следующее дополнительное правило: если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответ-

ственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому; в таком случае Лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих Членам Императорской Фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование Престола. Изъявляя сию Волю нашу всем настоящим и будущим Членам Императорской Нашей Фамилии и всем верным нашим подданным, по точному праву, определенному в 23 пункте (ст. 219 в Своде Законов Российской Империи 1906 г. – А. З.) Учреждения о Императорской Фамилии, пред Лицом Царя Царствующих обязуем всех и каждого, до коего сие касаться может, сохранить сие дополнительное Наше постановление в вечные времена свято и ненарушимо».

При кодификации законов в царствование Императора Николая I этот акт нашел отражение в двух статьях – в последнем издании Свода Законов 1906 года статья 36 в главе «О порядке наследия престола»: «Дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному Дому, на наследование Престола права не имеют» и статья 188 в Учреждении о Императорской Фамилии: «Лице Императорской Фамилии, вступившее в брачный союз с лицом не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или Владетельному Дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих Членам Императорской Фамилии».

То есть по закону, действующему по сей день, потомство, рожденное от морганатических (неравнородных) браков Членов Российского Императорского Дома (независимо от носимых ими титулов),

не имеет права престолонаследия (статья 36) и не принадлежит к Российскому Императорскому Дому (статья 188).

2 июля 1886 года Император Александр III Миротворец утвердил новую редакцию Учреждения о Императорской Фамилии, в котором к соответствующей статье в Главе «О гражданских правах Членов Императорского Дома» было введено в примечании дополнительное ограничение, впредь полностью запретившее Членам Российского Императорского Дома вступать в морганатические браки. В 1911 году св. Император Николай II смягчил это требование, оставив в примечании к статье 188 в силе запрет на заключение морганатических браков для Великих Князей, но разрешив вступать в морганатические браки Князьям Императорской Крови.

Однако статьи 36 и 188 как были, так и остались неизменными и сохраняют полную силу! Разрешение на морганатические браки не делает их неморганатическими, как силится доказать нам г-н И. Н. Андрушкевич. Никаких «двух категорий членов Царского Рода (Великих Князей, подверженных морганатическому праву, и всех остальных членов Дома Романовых, ему не подверженных)» никогда не было и нет. Налицо очередная скверная манипуляция, а если называть вещи своими именами – вранье, шитое белыми нитками.

Просто смешно, что человек с таким уровнем знаний, нравственности и мышления явно считает, что законы о престолонаследии имеет право трактовать и выворачивать наизнанку кто угодно, и только мнение *старшего по первородству члена Царского рода*¹² можно смело не ставить ни во что.

Чего стоят «негативные» построения г-на И. Н. Андрушкевича, мы увидели. Что же касается его «позитивных» предложений, то они выглядят весьма слабо. Вот, например, его видение состава пред-

полагаемого Земского Собора: «*В состав Собора обязательно входят представители Русской Церкви, Русского Воинства и выборные земские представители. (Последних можно даже и не выбирать специально, ибо совместное заседание Парламента с Правительством, Синодом Русской Церкви и Командованием Вооруженных Сил может себя провозгласить Земским Собором)*» (выделено мной – А. З.)» [2, с. 37].

Провозгласить, конечно, себя можно кем угодно, хоть Лойей Джиргой. Но каждому, кто мало-мальски знаком с историей Земских Соборов и знает, что эти Соборы были органами сословно-территориального представительства, понятно, что избранный по партийным спискам парламент является антиподом Земского Собора и никак не способен им стать. Это не говорит ни ЗА, ни ПРОТИВ Парламента. Просто это другое учреждение, формируемое по совершенно иным принципам, и оно не может ни полностью подменить собою Земский Собор, ни даже быть его частью. Созыв Земского Собора станет возможным, скорее всего, только тогда, когда в каком-то обновленном, соответствующем современным реалиям виде возродится традиционная социальная структура российского общества. Думается, это сможет произойти только после восстановления монархии и возвращения на престол законной Династии. Но идейные антиподы хотят видеть всё наоборот...

Если методология г-на И. Н. Андрушкевича, как и схожие «научнообразные» приемы раннего М. В. Зызыкина, М. В. Назарова и им подобных, наводит на сравнение с игроком, с большей или меньшей ловкостью подменяющим карту в нужную минуту, то при знакомстве со статьей г-на В. И. Моцардо напрашивается ассоциация с капризным мальчиком, кидающимся в прохожих комьями грязи. Здесь отсутствует даже подобие логики и последова-

тельности, присущих карточным умельцам. Мальчик швыряет первое, что попадает ему под руку и совершенно не задумывается над качеством и взаимосвязью оказавшегося в его распоряжении материала.

Начинает, правда, г-н В. И. Моцардо «за здравие» и провозглашает «архиправильный» лозунг: «*Единственным стержнем и связующей силой, вокруг которого смогут объединиться русские люди, может быть русский Государь*» [8, с. 58]. Но дальше, после непонятно зачем приводимого в данном случае изложения азбучных истин о происхождении монарших титулов, г-н В. И. Моцардо с каким-то остервенением приступает к шельмованию стержня.

Логика и последовательность совершенно не востребованы г-ном В. И. Моцардо. В самом деле, для того, чтобы строить, нужно сделать правильные расчеты, обеспечить соответствие стандартам, позаботиться об эстетике... Для того, чтобы ломать, достаточно размахивать кувалдой, круша все на пути. Только вот есть риск самому погибнуть под обломками... И если не погибнуть физически, то навсегда загубить свою репутацию, что происходит, когда, по слову Петра I, люди как будто специально выступают, «*дабы дурость каждого видна была*».

Начнем с того, что г-ну В. И. Моцардо неизвестно даже то, что Акт о престолонаследии и Учреждение о Императорской Фамилии – это два разных документа, и при кодификации они вошли в разные разделы Основных государственных законов Российской Империи¹³. Он на полном серьезе пишет: «*Закон о престолонаследии в России был разработан Императором Павлом I и обнародован им в 1797 г. (...) В 1832 году при Императоре Николае I данный закон в формулировке «Учреждение об (sic! – А. З.) Императорской Фамилии» был включен в Свод Законов Российской Империи*» [8, с. 62]. Ну,

можете ли Вы себе представить, чтобы литературный критик в статье о творчестве графа Л. Н. Толстого написал: «*Трагическая судьба Анны Карениной представлена во всемирно известном романе «Война и мир»»?!*

Приведенная цитата неопровержимо доказывает, что г-н В. И. Моцардо НИКОГДА НЕ ДЕРЖАЛ В РУКАХ не только Свод Законов Российской Империи, но и недавние публикации актов династического права. Вся его статья является переписыванием дурно понятых им опусов других антилегитимистов. Уже одной этой фразы достаточно, чтобы без всякого сожаления отправить сочинение г-на В. И. Моцардо в корзину без объяснения автору причин и без рецензирования. Но статья печатается, читается, обсуждается, и мы вынуждены комментировать следующие примеры **дичайшего** (не могу при всем желании подобрать более мягкое слово) невежества человека, взявшегося представить на страницах ЖУРНАЛА ПРАВОСЛАВНОЙ **ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ** свое понимание ключевого для монархической идеи вопроса о праве на престол.

Г-н В. И. Моцардо самоуверенно сваливает в одну кучу совершенно самостоятельные и не связанные между собой вопросы династического права. В его смущенном сознании сплетаются воедино проблемы перехода в Православие иностранных принцесс перед заключением браков с Членами Российского Императорского Дома; разводов; морганатических браков Членов Династии. Любому, немного знакомому с историей человеку, невозможно понять, каким образом позиция Александра III относительно требований к иностранным иноверным принцессам может быть увязана с морганатическим браком Александра II и православной по рождению княжны Е. М. Долгоруковой, и какое отношение к этим двум проблемам имеет письмо Императрицы Марии Феодоровны

Цесаревичу Константину Павловичу с осуждением его намерения развестись с Великой Княгиней Анной Феодоровной (урожд. Принцессой Саксен-Заафельд-Кобургской), принявшей Православие до заключения брака. То, что в связи со всеми этими историческими фактами пишет г-н В. И. Моцардо [8, с. 64–65], напоминает нечто вроде: «*Правила дорожного движения*» предназначены для перемещения по акватории пассажирских авиарейсов». Еще короче, «*Плавайте поездами «Аэро-флота»*»...

О примечании к статье 188 г-н Моцардо В. И., видимо, тоже воспринимал информацию где-то на слух. Иначе бы он не считал, что эта, как он изволит выражаться, «поправка» была принята св. Императором Николаем II «*в смысле ужесточения этой статьи*»¹⁴.

Чтобы убедиться, что г-н В. И. Моцардо лжет, когда утверждает, что потомки Государя Кирилла Владимировича «*к династии Романовых не принадлежат*» и «*являются князьями Кирилловскими*» [8, с. 69], достаточно посмотреть Придворные Календари за 1908–1917 гг., в которых супруга и потомство Кирилла Владимировича упомянуты на соответствующих их царственному достоинству местах с принадлежащими им династическими титулами.

И так далее, в том же духе. В связи с этим слова г-на В. И. Моцардо о династическом законодательстве: «*Законы эти логичны, ясны и понятны каждому. Правда, при нынешнем нашем образовании и воспитании, в начале XXI века, они мало кому известны. Поэтому притязания потомков Великого Князя Кирилла Владимировича («Кирилловичей») на российский престол, на право представлять династию Романовых многим кажутся законными и возможными и даже активно поддерживаются в России средствами массовой информации и некоторыми представите-*

лями власти, плохо знающими собственную историю и законы Российской империи» [8, с. 66], способны вызвать не просто улыбку, а гомерический хохот. Конечно, некоторые журналисты и представители власти, действительно, не очень хорошо знают отечественную историю. Но мне еще ни разу в жизни не приходилось встречаться с людьми, которые бы знали ее настолько плохо, как достопочтенный руководитель благотворительного фонда «Слава», взявшийся писать о праве на престолонаследие.

Запутанность представлений порождает искривленную логику. По убеждению г-на В. И. Моцардо, вина за раскол в монархическом движении в эмиграции лежит не на младших членах Династии, преступно попиравших династические законы и распространявших клеветнические измышления, а на старшем по первородству Великом Князе Кирилле Владимировиче, принявшем в соответствии с законом, права и обязанности своих замученных Царственных Предшественников и призавшем всех своих Августейших Родственников к активному совместному служению страдающей Родине¹⁵. Очень расстраивается г-н В. И. Моцардо по поводу того, что и Наследники Государя Кирилла Владимировича «*не встречают достойного сопротивления*» [8, с. 73]. Могут отчасти утешить г-на В. И. Моцардо: совокупный тираж антидинастических публикаций превышает тиражи легитимистских изданий в тысячи раз, и даже в рассматриваемом нами номере «Трибуны русской мысли» противникам легитимизма предоставлена большая печатная площадь. Так что сопротивление весьма и весьма сильное. Вот только достойное ли, если вспомнить истинное значение слова «достоинство»?..

Заодно, можно поблагодарить г-на В. И. Моцардо: он способствует ознакомлению соотечественников с программой

государственных реформ, изложенной Государем Кириллом Владимировичем в проекте тронной речи от 12 февраля 1917 года [5]. Правда, г-н В. И. Моцардо совершенно напрасно думает, что предлагает нашему вниманию «*уникальный документ, который никогда раньше не попадал в поле зрения историков*» [8, с. 70]. Проект Кирилла Владимировича давно введен в научный оборот историком В. В. Хутаревым-Гарнишевским и находится в свободном доступе в Интернете¹⁶.

Такие программы писали и посылали Государю многие Великие Князья. Например, предложения Великого Князя Николая Михайловича были значительно радикальнее. Но эти программы, независимо от их содержания, не интересуют царборцев. Ведь цель – выудить что-нибудь именно против законного преемника Царя-Страстотерпца, основателя **ЖИВОЙ** легитимной линии Дома Романовых. Поэтому и г-н В. И. Моцардо ополчается на проект тронной речи, подготовленный Кириллом Владимировичем. Ну всё ему в ней не нравится: и наделение Георгиевских кавалеров земельными наделами (оказывается, по мнению г-на В. И. Моцардо, в России не было для этого свободной земли), и отмена черты оседлости (на самом деле к тому времени де факто давно превратившейся в фикцию и только используемой для антироссийской пропаганды), и государственное регулирование цен в условиях дефицита продуктов (неизбежная мера в условиях затяжной глобальной войны), и создание совещательного Совета Императорского Дома для повышения чувства ответственности у Членов Династии (к чему шел и сам св. Император Николай II, образуя «Великокняжеские Совещания» для обсуждения важных династических вопросов), и девальвация рубля (что бывает мерой вынужденной, но имеет как отрицательный, так и положительный эконо-

мический эффект, например, способствует увеличению экспорта), и отмена золотого стандарта (к чему пришли все ведущие державы мира в 1931 году)...

Однако, галиматъя, которую пишет г-н В. И. Моцардо в связи с каждым пунктом программы Кирилла Владимировича, не может затемнить сути того, что будущий Глава Дома Романовых, в основном, весьма здраво смотрел на вещи. Конечно, не все идеи абсолютно правильны, и не все принадлежали лично ему – некоторые реформы предлагались различными специалистами (политиками, военными, экономистами) и были просто поддержаны и изложены Великим Князем. Однако мы видим, и сам г-н В. И. Моцардо наивно это подтверждает (не понимая, что противоречит сам себе): **программа Кирилла Владимировича была жизненной.**

«*Как показала история, практически все предложенные Великим Князем меры были реализованы захватившими власть большевиками* (выделено мною – А. З.)» [8, с. 72], – пишет г-н В. И. Моцардо. Вдумаемся, о чем это говорит. Всё ли, что сделали большевики, плохо, только потому, что это сделали они? Конечно же, нет. План ГОЭЛРО, строительство БАМа, кампания по ликвидации безграмотности, поэтапная индустриализация страны – все эти меры были разработаны при Императорском правительстве и в ряде случаев взяты большевиками на вооружение почти без корректировки. Другое дело, что тоталитарный богоборческий режим, не связанный никакими моральными нормами, реализовывал преобразования варварскими методами, не считаясь с жертвами, беспощадно и кроваво подавляя недовольство, обращая граждан в рабов «исправительно-трудовых» лагерей и насильственно насаждаемых колхозов, что было бы немыслимо, по крайней мере, в таких невероятных масштабах, при монархии. Но это никак не говорит

против необходимости частичного государственного регулирования экономики, отмены отжившей и бессмысленной черты оседлости или мобилизации трудовых ресурсов в военных условиях.

Но что там тронные речи, политика и экономика, если г-н В. И. Моцардо умудряется поставить в вину Государю Кириллу Владимировичу даже то, что он в Духовном завещании, подписанном 4 февраля 1917 года¹⁷, просит Государя Николая Александровича, в случае своей кончины, не оставить без попечения беременную жену – Викторину Феодоровну. Этот блестящий тезис г-на В.И. Моцардо, уже, простите, из области, относящейся к проблеме не наследования престола, а душевного здоровья автора...

Остается только догадываться, почему столь ненавидя линию Владимировичей, г-н В.И. Моцардо воспылал особенной любовью к линии Константиновичей¹⁸. И если Владимировичам он отказывает в праве на престол на том основании, что Великие Княгини Мария Павловна Старшая (супруга Великого Князя Владимира Александровича) и Виктория Феодоровна (супруга великого Князя Кирилла Владимировича) перешли в Православие не до, а после заключения браков¹⁹, то через несколько страниц он же, ничтоже сумняшеся, указывает в качестве особ, имеющих право на российский престол, таких сугубо православных лиц как «*Королева Дании Маргретта II ее сыновья и родственники (они все потомки Великой Княгини Анастасии, внучки Императора Николая I); Королева Нидерландов Беатрикс и ее родня (они потомки Анны Павловны, дочери Императора Павла I); Принц Уэльский Чарльз (правнук Ольги Константиновны); София, королева Испанская (правнучка Ольги Константиновны) и ее дети*» [8, 77]. Слов нет, все перечисленные Августейшие Особы, и многие не перечисленные, находятся в гипотетической очереди

престолонаследия, также, как Великая Княгиня Мария Владимировна и Великий Князь Георгий Михайлович, находятся, например, в гипотетической очереди великобританского престолонаследия, будучи потомками Королевы Виктории. Но чем же Государыня Мария Владимировна и Ее Сын, родившиеся, кстати, уже в полностью православных браках, хуже, чем иностранные короли и принцы, сами неправославные от рожденья и имеющие неправославных родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек? Это – за пределами человеческого понимания...

Но если уж г-н В. И. Моцардо с таким благоговением относится к иностранным государям, нам не составит труда ответить на его вопрос: «*Кто сегодня из европейских монархов признает их права?*» [8, с. 74]. Как явствует из династической официальной переписки (последняя на настоящий момент волна этого обмена посланиями между Государыней Марией Владимировной и царствующими монархами и Главами Династий имела место в этом году в связи с кончиной Вдовствующей Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны²⁰) **ВСЕ** европейские монархи признают Великую Княгиню Марию Владимировну Главой Российского Императорского Дома, а ее Сына – ее Законным Наследником.

После всего перечисленного понятно, что полемизировать с г-ном В. И. Моцардо, например, о статье 185, указывать ему, что эта статья не содержит никакой санкции²¹ и в ней ничего не говорится про потомство от брака с иноверной особой²², объяснять ему терминологическую разницу между юридическими категориями «имеющих право»²³ и «могущих иметь право»²⁴, излагать историю правового статуса Грузинского Царского Дома²⁵ и т. д. – все равно, что читать лекцию о символизме древнерусской иконописи красноармейцам, расстреливающим образ Христа.

Совершенно в духе и традициях анти-легитимизма, г-да И. Н. Андрушкевич и В. И. Моцардо являются абсолютными дилетантами в правовых вопросах, путаются в исторических фактах, противоречат сами себе и, увы, не останавливаются перед передергиванием, голословными утверждениями и злонамеренной ложью.

К величайшему сожалению, главный редактор «Трибуны русской мысли» А. А. Бондарев, человек несомненно честный и значительно более последовательный, не избежал концептуальных, на наш взгляд, погрешностей.

Во-первых, представляется, что главному редактору, организующему дискуссию, не стоило, особенно в данном случае, поддаваться соблазну публично примкнуть к одной из сторон в полемике. Оставаясь арбитром, обеспечивая равные условия всем участникам, будучи своего рода равноудаленным маленьким монархом на вверенной его попечению ниве, он в гораздо большей степени смог бы содействовать движению к выработке некоей общемонархической линии.

Во-вторых, уже встав на путь «игры за одну из команд», Александр Аркадьевич демонстрирует ряд типичных заблуждений, проистекающих из уже упомянутого тезиса о предпочтении, отдаваемом им дружбе перед Истиной.

Особенно режет глаз несколько раз повторяющееся употребление им термина «непопулярность» в отношении Государя Кирилла Владимировича. Оставляю за скобками, что «непопулярность» Кирилла Владимировича сильно преувеличена. Не стали бы его с такой ожесточенностью до последней минуты жизни травить, если бы он был настолько никому не интересен, как это зачастую пытаются представить. Но в этой связи хотелось бы напомнить другое, а именно, что самым непопулярным, дискредитированным, ненавидимым и презираемым монархом

Династии Романовых при жизни был Император Николай II, иконы которого ныне стоят в каждом русском храме. Царь – это не Дима Билан и не Бритни Спирс. Термин «популярность» абсолютно инороден для суммы критериев, по которым может оцениваться любой монарх. Рассуждать о «популярности» или «непопулярности» Царя, это все равно, что рассуждать о популярности или непопулярности отца в семье. Глубинным непониманием существа монархического строя и царского служения веет от попытки оценить личность и деятельность Императора Кирилла Владимировича с точки зрения его «популярности».

Вопиюще несправедлив походя брошенный г-ном А. А. Бондаревым упрек в адрес Великого Князя Георгия Михайловича: «(...) *могли владыка* (Митрополит Антоний (Храповицкий) – А. З.) *даже в кошмарном сне представить, что Наследник Царского Престола будет находиться на службе у заводчика-олигарха*» [4, с. 86]. Во-первых, быть советником Генерального директора одной из крупнейших российских компаний совершенно не означает «находиться на службе у заводчика-олигарха». «Норильский никель», интересы которого представляет в европейских структурах Цесаревич – это огромный горно-металлургический комплекс, имеющий, независимо от форм собственности, величайшее значение для экономики России. Великий Князь Георгий Михайлович «находится на службе» у всех, чья жизнь и работа зависят от благосостояния «Норильского никеля» – у рабочих-горняков, у инженеров, у 250 тысяч акционеров, у жителей Норильска и Красноярского края и прочих регионов нашей страны, бюджет которой существенно пополняется за счет налогов, выплачиваемых «Норильским никелем». Упрекать Цесаревича в том, что он согласился принять участие в защите интересов

российских производителей на мировом рынке, еще более нелепо, чем, например, осуждать его предка Петра Великого за то, что он работал на английских и голландских верфях. Такого тоже когда-то кто-то не смог бы себе представить ни в страшном, ни в приятном сне – чтобы Русский Царь «находился на службе у английского или голландского плотника».

Во-вторых, даже если кому-то и кажется, что Великий Князь Георгий Михайлович напрасно занялся «земными» делами и ему следовало бы только парить в воздухе в развевающихся белых ризах, источая благоухание и сияние, а если это не так, то «а Царь-то ненастоящий», то и тут упрек г-на А. А. Бондарева скорее обличает критиков Императорского Дома. Коль скоро Вам кажется, что работа в промышленной компании не соответствует статусу наследника Царского Престола, ответьте, пожалуйста, уважаемые господа обвинители, а что **Вы** сделали для того, чтобы Императорский Дом располагал необходимыми возможностями для служения интересам Отечества, для жизни и деятельности? На протяжении всех последних лет, переняв эстафету у эмигрантских интриганов, Вы травили и порочили Императорскую Семью, Вы распространяли о ней неправдоподобные слухи, в нелепости которых убедились уже многие из Вас²⁶, Вы радовались каждому промаху, который случался в окружении Великой Княгини Марии Владимировны и вставляли палки в колеса всем ее инициативам только потому, что они исходили от нее²⁷. И у Вас, простите, нет никакого морального права судить Государыню и ее Наследника, даже если Вам и кажется, что они что-то сделали не так. Чтобы высказывать свои мнения на сей счет, совершите хоть что-нибудь, чтобы Российский Императорский Дом смог окончательно вернуться на Родину и найти реальную опору в среде соотечественников. А если

Вам как раз этого-то и не хочется, то будьте честными, скажите об этом прямо, не впадайте в лицемерие и не высматривайте сучок в глазу ближнего своими очами, иногда просто забитыми бревнами!

Г-н А. А. Бондарев понимает, что игнорировать поддержку, оказанную Императору Кириллу Владимировичу и его преемникам со стороны Православной Церкви, в том числе в лице несомненных святых, Первоиерархов и наиболее выдающихся Архипастырей и пастырей, более невозможно. Но, пытаясь и здесь найти способ, как бы сохранить право на имя монархиста, но не служить при этом монарху, г-н А. А. Бондарев встает на очень опасный путь. Он берет на себя смелость утверждать, что верные Династии Иерархии Церкви ошибались (а мы, стало быть, умнее и духовнее их!), и еще хуже, пытается трактовать их слова и дела совершенно несоответственно истинному содержанию.

Разберем несколько утверждений г-на А. А. Бондарева.

Приступая к своему анализу церковно-династических отношений, г-н А. А. Бондарев пишет: «(...) в Сербии, на Первом Всезарубежном Соборе Русской Православной Церкви за границей, было провозглашено: “Да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых”. Однако, никто в те годы, включая Первоиерарха Зарубежной церкви митрополита Антония (Храповицкого), не решался прогнозировать судьбу Российского престола, оставаясь на позициях “непредрешенчества”» [4, с. 84].

Это неверная трактовка события. Первый Всезарубежный Собор состоялся в 1921 году. Неупоминание в его Воззвании по имени «Законного Православного

Царя из Дома Романовых» было связано не с «непредрешенчеством», а с тем, что считалась неизвестной судьба свв. Императора Николая II, Цесаревича Алексея Николаевича и Великого Князя Михаила Александровича (первых трех лиц в порядке престолонаследия), и Великий Князь Кирилл Владимирович (четвертый в порядке престолонаследия) также еще не считал для себя возможным заявить о своих правах.

Даже недоброжелатели Императорской Семьи признают, что если бы Кирилл Владимирович вел тогда себя решительнее, то I Всезарубежный Церковный Собор, скорее всего, признал бы его Императором²⁸, и обратного пути ни у кого уже не было. Но его менталитет, сознание долга и трепетное отношение к царскому служению не позволили ему выступить в тот момент, и он никогда об этом не жалел, потому что в противном случае пошел бы против своей совести.

Благодарством Кирилла Владимировича воспользовались враги легитимного принципа. Они начали пропагандистскую кампанию задолго до того, как Кирилл Владимирович издал свои первые акты (еще о Блюстительстве им престола). Отнюдь не он развязал полемику, приведшую к расколу. Достаточно сравнить труд сенатора Н. Н. Корево «Императорский Всероссийский Престол», написанный в 1921 году, в котором этот авторитетнейший правовед спокойно и объективно, еще никого не называя прямо Императором, излагает правила престолонаследия с позиций легитимизма, со скандальными брошюрами и статьями того же времени, посвященными дискредитации старшей линии Династии, чтобы понять, кто явился истинным разжигателем смуты в эмиграции.

Иерархи Церкви следили за настроениями в среде своей паствы, и эти настроения, безусловно, влияли на них. Но пресловутое

письмо Митрополита Антония (Храповицкого) приват-доценту М. В. Зызыкину от 4/17 сентября 1924 года свидетельствует не о том, что Владыка «*был прекрасно осведомлен о законах престолонаследия*» [4, с. 84], а как раз об обратном. Напомню, что сам М. В. Зызыкин в конце жизни отрекся от своих ошибочных взглядов и выразил верноподданнические чувства Государю Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

Митрополит Антоний чувствовал, что за Великим Князем Николаем Николаевичем, враждебно относившимся к Великому Князю Кириллу Владимировичу, стоят влиятельные силы, с которыми нежелательно сориться. Ему показалось, что антидинастические доводы М. В. Зызыкина убедительны. И он пишет свое неосторожное эмоциональное письмо о «кирилловщине». Но в дальнейшем он пересмотрит свою позицию, твердо встанет на путь легитимизма и никогда с него не свернет до самой смерти.

Что же, на самом деле, «*повлияло на изменение точки зрения Владыки спустя пять лет*» [4, с. 84]? Г-н А. А. Бондарев совершенно правильно указывает, что большую роль сыграла честная и профессиональная работа будущего Святителя Иоанна (Максимовича) «Происхождение Закона о престолонаследии в России» (1925), а также общие искренние монархические убеждения Митрополита Антония и понимание им, что вопрос о монархии и династии не политический, а, прежде всего, духовный, церковный.

Однако, тут же г-н А. А. Бондарев допускает очень вольное и голословное собственное пояснение, почему в исследовании Святителя Иоанна (Максимовича) не упоминается имя Императора Кирилла Владимировича. По его мнению, это «*не случайно*», а причину он усматривает в «*глубоком уме и прозорливости*» святого. Но ум и прозорливость г-н А. А. Бондарев,

почему-то, видит в приписываемых им Святому Иоанну двуличии, политической осторожности и приспособленчестве. Эти качества были присущи другому Иоанну – Шаховскому, которого г-н А. А. Бондарев тоже берет в свои союзники. Но Архиепископ Иоанн (Шаховской) не был монархистом, а его политические убеждения и действия, его путешествия по юрисдикциям вызывают весьма серьезные сомнения в авторитетности и искренности его высказываний.

Ничего подобного мы не находим в биографии Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. Он никогда не метался, всегда был честен перед Богом и людьми, ни разу в жизни не изменил своим убеждениям. Не Митрополит Антоний увлек его на путь легитимизма, а он повлиял на то, что маститый Владыка получил правильную информацию и избавился от навязанных ему предубеждений. Кирилл Владимировича и Владимира Кирилловича Святитель Иоанн признавал Императорами без всяких оговорок, не подвергал никакому сомнению равнородный статус брака Владимира Кирилловича с Леонидой Георгиевной и успел порадоваться в связи с рождением Великой Княжны Марии Владимировны и помолиться за нее. И делал он это всегда открыто, во всеуслышание, никогда не «промолчал»²⁹. В своей работе 1925 года он не упоминает Императора Кирилла Владимировича по имени не из политиканства, намерения «сдать назад», страха или еще каких-то человеческих факторов, а потому, что именно это исследование должно было дойти до сердец людей колеблющихся. А святой хотел, чтобы они пришли к православному легитимизму не потому, что их загнали в угол неопровержимыми доказательствами и безапелляционными декларациями, а самостоятельно, чтобы последнее слово они сказали сами без принуждения. Вот в этом и заключались его

мудрость и промыслительность, этому и нужно нам у него поучиться.

Очень грустно, что г-н А. А. Бондарев увлекся своей теорией относительно взглядов Святителя Иоанна, не имея на то никаких оснований. Простите, но фраза «Промолчим и мы, как в свое время промолчал Иоанн (Максимович)», звучит не только неадекватно действительности, но на грани кощунственности. Святитель Иоанн не молчал, а когда надо, и обличал людей, равнодушно или враждебно относящихся к Законным Государям. Страшно может стать человеку, покрывающему свою политическую позицию именем святого, который был категорически против такой позиции.

Удивительно и то, что г-н А. А. Бондарев считает аргументом в пользу своей концепции следующее утверждение: «(...) надо отметить, что на призыв владыки Антония – признать законным Царем Кирилла Владимировича и его Наследником Владимира Кирилловича Русское Зарубежье, в большинстве своем, ответило молчанием. Архиепископ Никон (Рклицкий) в своем письме в газету “Новое русское слово” от 22 сентября 1970 года – “О долге церковной власти указать законного царя” так писал по этому поводу: “Со времени этого призыва Блаженнейшего Митрополита Антония прошло 45 лет, призыв не был услышан и ничего не изменилось ни в положении русского народа, ни в положении эмиграции”. Увы, популярными в Русском Зарубежье, “кирилловичам” стать так и не было суждено...» [4, с. 86].

При чем тут опять какая-то «популярность»? Архиепископ Никон скорбел по поводу жестокосердия соотечественников, не желающих уважать ни Царя, ни Архипастырей во главе с Первоиерархом, и страдающих от своей собственной гордыни. А г-н А. А. Бондарев с удовольствием цитирует его слова, как бы намекая: «Вот смотрите, как я был прав. Какие они непо-

пулярные! Никто их не поддерживал». Что ж, не только земные Цари, но и Небесный Царь оказался вдруг непопулярен настолько, что Его распяли на Кресте под торжествующие крики тех, кто несколько дней назад пел Ему «Осанна». Ну, и о чем это говорит?

Выискивание и придумывание недостатков у Государей, унаследовавших Крест Царского служения в изгнании, после кровавой революции и Гражданской войны – что может быть более противно монархическому сознанию и надеждам на восстановление монархии? Вообразите себе, что во время сражения погибает командир, следующий по чину офицер принимает командование, а солдаты начинают рассуждать, не нарушил ли он Устав, любят ли его в других полках, соблюдал ли он пост в минувшую среду, на ком был женат его прадедуска и не написал ли его дедушка что-нибудь неправомерное по экономическим вопросам! Чем, по-Вашему, закончится для таких солдат этот бой³⁰?

Каждый из нас имеет полное право придерживаться любых убеждений и критиковать иные взгляды. Мы можем верить, что возрождение России произойдет в условиях республиканского строя, что положение спасет Учредительное Собрание, диктатор, ненаследственный единоподержец по типу Н. Бонапарта или некий ареопаг патриотов-мудрецов. Но если мы придерживаемся монархических убеждений, то должны четко осознавать, что монархизма без монарха нет и не может быть, как нет и не может быть христианства без Христа.

Если бы мы позволили себя убедить, что у нас нет законных государей, что законная историческая династическая связь прервалась, то мы должны были бы навсегда поставить крест на возможности вернуться к Православной Монархии. Срубленное дерево не выпустит корни. Не

осталось бы ничего иного, как – может быть с болью и со слезами сожаления – бросить его в огонь и постараться забыть о нем, чтобы не бередить душу. К счастью, титанические усилия царейборцев всех мастей не достигают цели, и ложь о том, что древо Дома Романовых срублено, не может восторжествовать.

Пора понять, что «безгосударный монархизм» столь же нелеп и бесплоден, как «безбожная церковь». Он существует на политическом поле, но онтологически его нет. Это никчемный путь в никуда.

Еще раз прошу прощения, если позволил себе резкие слова и излишнюю эмоциональную увлеченность. Поверьте, Великая Княгиня Мария Владимировна научила нас не видеть заклятых врагов ни в ком, даже в тех, кто очень сильно оскорбил наши чувства или нанес нам существенный ущерб. Все здесь присутствующие – соотечественники, братья и сестры. Братья могут сориться и быть несправедливыми и резкими друг к другу, от братьев можно услышать горькие и обидные слова, но любовь от этого не исчезает.

Поэтому я обращаюсь к слушающим и читающим мои слова: если Вы уже поняли, что травля Императорской Семьи несправедлива и необъективна, не медлите из-за каких бы то ни было комплексов, гордыни или подозрений. Что бы ни происходило в прошлом, Ваше искреннее обращение к сотрудничеству будет встречено легитимистами с открытым сердцем и без всякой злопамятности.

Если же Вы всё ещё сомневаетесь, если Вам требуется время, чтобы взвесить и оценить каждый аргумент легитимистов – не доверяйте *«замаскированным лжецам, рабам слепой корыстной страсти и добросовестным глупцам»*³¹. Постарайтесь разобраться во всем самостоятельно и непредвзято. И даже если Вы еще не ощущаете Великую Княгиню Марию Владимировну и Великого Князя Георгия

Михайловича своими законными Государями, хотя бы не тратьте время и силы на бесплодную борьбу с ними, которая, в конце концов, всегда оборачивается борьбой с самой идеей монархии. Внемлите, по крайней мере, мудрым словам законоучителя старца Гамалиила: *«И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками»* (Деян. 5, 38–39).

Согласитесь: если, все-таки, Царь или Царица есть, то те, кто, именуя себя монархистами, игнорируют существование законного Монарха или, еще хуже, пытаются ему противодействовать – являются препятствием на пути к восстановлению Православной Монархии в гораздо большей степени, чем ее открытые и по-своему честные идейные противники из левого и либерально-демократического политических станов.

Вспомним ответ мальчика из советского анекдота про урок атеизма. В ответ на призыв учительницы погрозить небу кулаком и плюнуть ввысь, чтобы продемонстрировать неуважение к религии, один из пионеров отказался, сказав: «Если Бога нет, то нет смысла в Него плевать, а если Он есть, то зачем же портить с Ним отношения?»

Земной Царь, конечно, не Бог. Но он – живой образ Божий, икона Небесного Царя. Его оскорбление – тяжкий богоборческий грех, не оправдываемый никакими подлинными или мнимыми человеческими недостатками государя. Пагубность этого греха тысячекратно усугубляется, если мы позволяем себе оскорблять государей, будучи уверенными в своей полной безнаказанности. Ответим себе честно: если бы речь шла о человеке с несоизмеримо большими личными и политическими изъятиями, чем все «Кирилловичи» вместе взятые, но находящемся на престоле и обладающем

властью, многие ли бы посмели так бездумно и вольно порочить его?

Никому из нас не дано знать, вернется ли наша Родина в будущем к монархическому строю или наше государство окончательно превратится в территорию, а народ – в население, и нашей великой всероссийской цивилизации суждено кануть в Лету. Но если монархический принцип окажется вновь востребованным народом России, то монархия будет только легитимной, и на престол взойдет, без всяких выборов и прочих политических комбинаций, законный Царь или законная Царица, обладающие правами и наделенные обязанностями в силу Утвержденной Грамоты 1613 года, закона о престолонаследии 1797 года и актов Глав Дома Романовых в изгнании, начиная с Государя Императора Кирилла Владимировича. Любой другой вариант явится не восстановлением тысячелетней Православной Легитимной Монархии, а еще одним безумным экспериментом над многострадальным Отечеством, и неизбежно закончится крахом, ибо в этом здании будет отсутствовать краеугольный камень в лице исторической Богопоставленной Династии с незыблемой и непрерывной преемственностью служения.

Примечания

¹ «Не мните, яко приидох разорити Закон или пророки: не приидох разорити, но исполнити. Аминь бо глаголю вам: дондеже преидут небо и земля, иота едина, или едина черта не преидет от Закона, дондеже вся будут» (Мф., 5, 17–18).

² См., например, статью 35 Основных законов Российской Империи: *«Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом Престоле, тогда наследующему лицу предсоставляется избрать Веру и Престол, и отречься вместе с наследником от другой Веры и Престола, если таковой Престол связан с Законом (...)*».

³ Утвержденная Грамота Великого Поместного Церковного и Земского Собора

1613 года о призвании на царство Дома Романовых.

⁴ Кто-то может возразить, что Император Кирилл Владимирович тоже в свое время заключил брак без разрешения царствующего государя, в нарушение статьи 183. Слов нет, это грустный и трагический факт в его биографии. Как бы мы ни сочувствовали двум любящим сердцам Кирилла Владимировича и Виктории Феодоровны, нарушение действующего закона всегда достойно порицания. Но указанное сравнение, при некотором внешнем сходстве, не выдерживает критики, если мы спокойно и непредвзято разберем данный случай с правовой и исторической точек зрения. Во-первых, Кирилл Владимирович вступил в равнородный, а не в мorganатический брак, и всем остальным положениям закона этот брак соответствовал. А во-вторых, и самое главное, он нарушил закон, сознавая, что нарушает его, сожалел об этом и не подвергая никакому сомнению саму необходимость получения соизволения государя, продолжая стремиться к исправлению сложившейся ситуации. Поэтому, будучи до определенного момента нарушителем Закона, он, все-таки, не встал в ряды его разрушителей, точно также как любой православный христианин, нарушивший по незнанию, слабости или легкомыслию тот или иной канон, не перестает быть членом Церкви, если не отрицает самого действия канонического права как такового. Вследствие этого дефект, существовавший в правовом статусе семьи Кирилла Владимировича, мгновенно упразднился, как только св. Император Николай II дал, наконец, соизволение на признание брака и сопричислил супругу и потомство своего августейшего кузена к Российскому Императорскому Дому. Наказание, которому подвергся Кирилл Владимирович, можно сравнить с церковной епитимьей, пройдя через которую христианин возвращается к прежнему состоянию без какого-либо ущерба для своего положения в Церкви. В отличие от Кирилла Владимировича, некоторые младшие члены Императорского Дома в XX веке не только вступили в мorganатические браки, но также, осознанно проявляя бунтарство, не испросили дозволения у Главы Династии, хотя у них, опять же в отличие от ситуации с Кириллом Владимировичем и Викторией Феодоровной в 1905 году, были

для этого все возможности и не существовало никакого риска получения отказа (что явствует из примеров узаконивших свои мorganатические браки Великих Князей Андрея Владимировича, Дмитрия Павловича и Гавриила Константиновича, Князей Императорской Крови Всеволода Иоанновича и Дмитрия Александровича и Княжны Императорской Крови Екатерины Иоанновны, ни один из которых, испросив соизволения, не столкнулся с отказом Главы Дома). Возвращаясь к аналогии с церковной жизнью, непокорные Члены Династии впали в грех противления и раскола, гораздо более тяжкий, чем проступки, в которые мы все неизбежно и постоянно впадаем из-за поврежденности нашей природы, оставаясь, тем не менее, верными чадами Церкви.

⁵ Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать интервью и заявления Великой Княгини Марии Владимировны, теоретические статьи и выступления современных легитимистов.

⁶ Андрушкевич И. Н. Ярусy легитимности // Наша Страна. – 1992. – 29 августа. № 2194.

⁷ Аргентинская русскоязычная газета, в которой сотрудничал тогда И. Н. Андрушкевич и в которой были опубликованы его статьи, разбираемые М. А. Александровым. Ныне окончательно отошла от легитимистских позиций своего основателя И. Л. Солоневича и превратилась в антицерковный сектантский листок.

⁸ Государя Великого Князя Владимира Кирилловича, Главы Российского Императорского Дома в 1938–1992 гг.

⁹ Государыню Великую Княгиню Марию Владимировну, Главу Российского Императорского Дома с 1992 г.

¹⁰ Так на полном серьезе рекламировали г-на Андрушкевича его друзья в 1992 году на страницах газеты «Литературная Россия» (см. № 37).

¹¹ Толкование статьи 146 имеет здесь второстепенное значение, но для полноты уточним, что и в этом вопросе соборники постоянно кривят душой. Глава Царственного Дома, независимо от принятия или непринятия им официально императорского или королевского титула, всегда является Императором или Королем де-юре. Он сам определяет, как ему

титуловаться. Например, Глава Французского Королевского Дома носит титул Графа Парижского (де-юре Короля Франции и Наварры). Отец ныне царствующего Короля Испании Хуана-Карлоса I, Глава Испанского Королевского Дома Дон Хуан, носил титул Графа Барселонского (де-юре Короля Испании). Вопрос титулования является внутридинастическим, и никто, кроме Главы династии, не имеет права решать этот вопрос и вмешиваться в него. Глава династии может принять императорский или королевский титул¹, может носить великокняжеский, княжеский, герцогский или графский титул, а может не пользоваться никаким титулом (как Отто фон Габсбург, глава Австрийского Императорского Дома). Однако его статус Главы династии этим никоим образом не умаляется, и он все равно остается Императором де-юре или Королем де-юре. В этом явлении нет никакой политической подоплеки, никаких антиконституционных претензий на политическую власть, а есть лишь констатация факта, что в случае, если идея исторической легитимной наследственной монархии будет востребована народом, именно данное лицо обладает легитимными правами на престол. Наличие главы династии (императора или короля де-юре) гарантирует возможность законного и мирного восстановления института легитимной монархии, если на то будет воля народа, обладающего, в силу большинства современных Конституций, Верховной властью и, следовательно, имеющего полное право законно решать вопросы, касающиеся его государственного бытия. Но даже невежественная трактовка статьи 146 не лишает Великого Князя Владимира Кирилловича и Великую Княгиню Марию Владимировну права на Великокняжеский титул. Под «внуками в мужском поколении» понимались как внуки (особы мужского пола), так и внучки (особы женского пола). Великокняжеский титул носили ВСЕ внуки Императоров – Великая Княгиня Ольга Константиновна, Великая Княгиня Вера Константиновна, Великая Княгиня Анастасия Михайловна (внучки Императора Николая I), Великая Княгиня Елена Владимировна, Великая Княгиня Мария Павловна Младшая (внучки Императора Александра II). Отец Великого Князя Владимира Кирилловича

и дед Великой Княгини Марии Владимировны Кирилл Владимирович принял Императорский титул, так что даже неверная теория соборников приводит к признанию за ними права на Великокняжеский титул.

¹² См. приведенную ранее цитату из исследования святителя Иоанна Шанхайского

¹³ Положения акта о престолонаследии 1797 года изложены в Главе второй Раздела первого Основных государственных законов Российской Империи «О порядке наследия Престола» (статьи 25–39), а «Учреждение о Императорской Фамилии» составляет Раздел Второй ОГЗРИ (статьи 125–223).

¹⁴ См. пояснение к статье г-на И. Н. Андрушкевича.

¹⁵ Далее, рассуждая о предложениях Великого Князя Кирилла Владимировича, изложенных на имя св. Императора Николая II в начале февраля 1917 года, г-н В. И. Моцардо с деланным возмущением пишет: *«Оказавшись в эмиграции и объявив себя Императором, Кирилл Владимирович почему-то совершенно оставил идею о «трудовой повинности» и не пригласил всех остальных Романовых, «достигших 25-летнего возраста и рожденных в православии», разделить с ним тяготы своей государственной деятельности»* (С. 72). Это, думаю, не ложь, а банальное невежество г-на В. И. Моцардо, не удосужившегося проверить соответствие своих заявлений исторической правде. На самом деле, Кирилл Владимирович постоянно призывал родственников к сотрудничеству, был готов к различным компромиссам с династическими оппонентами, вплоть до того, что предлагал председательствовать в династическом Совете своему главному недоброжелателю – Великому Князю Николаю Николаевичу. Но все миротворческие усилия Государя остались тщетными, в некоторых случаях из-за амбиций и капризов, а в некоторых – из-за пассивности родственников. Совет Императорского Дома был создан уже Великим Князем Владимиром Кирилловичем 23 ноября 1938 года, и этот орган был открыт для всех Членов Императорского Дома, готовых к конструктивной работе. К сожалению, в условиях эмиграции обеспечить регулярное функционирование этого учреждения оказалось невозможным. Но ничто не мешало младшим Членам Династии высказывать свои мнения, и они всегда доброжелательно изуча-

лись Государем, хотя, естественно, и не со всеми он соглашался.

¹⁶ См., напр. <http://puco-sib.livejournal.com/50655.html>.

¹⁷ Когда, кстати, никакого «крушения Империи» еще не происходило, и ситуация в Петрограде была совершенно спокойной. Впрочем, заботиться о близких и любимых людях не запрещается даже во время «крушения Империи».

¹⁸ Не есть ли это следствие еще одной маниакальной идеи?

¹⁹ Также, как Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, прославленная Православной Церковью в лике святых

²⁰ См. <http://www.imperialhouse.ru/rus/allnews/news/2010/2338.html>.

²¹ Статья 185 «Брак мужского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особою другою веры совершается не иначе, как по восприятии ею Православного исповедания» содержит требование, но не содержит абсолютно никаких указаний, что делать в случае, если это требование все-таки по тем или иным причинам нарушено. Теории о «лишении прав», «передвижении в очереди» и т. п. – ни на чем не основанные фантазии, от которых отказались даже их изобретатели (например, М. В. Зызыкин, в конце жизни изыскывавший Великому Князю Владимиру Кирилловичу верноподданнические чувства и посвящавший ему свои книги).

²² Если рассматривать статью 185 поверхностно, вне контекста, не зная о предыдущей статье 184 («По соизволению царствующего Императора, Члены Императорского Дома могут вступать в брак как с особами Православного исповедания, так и с иноверными»), и не учитывая исторических обстоятельств появления и редактирования этой части Учреждения о Императорской Фамилии, еще и можно подумать, что Член Императорского Дома, вступивший в брак с иноверной особой, «не может иметь право» на престол, то для мысли о лишении прав потомства от такого брака нет вообще решительно никаких оснований. Более того, закон предусматривает ситуацию, «Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом Престоле, тогда наследующему лицу предоставляется избрать веру и Престол,

и отречься вместе с наследником от другой веры и Престола, если таковой Престол связан с законом; когда же отрицания от веры не будет, то наследует то лице, которое за сим ближе по порядку» (ст. 35). Понятно, что в большинстве случаев у таких наследников, не являющихся православными на момент наступления наследования, и родители тоже не православные.

²³ Всеми Членами Российского Императорского Дома, каждый из которых имеет гипотетическое право на престол в случае, если до него дойдет очередь в соответствии с законом.

²⁴ Более узким кругом Членов Императорского Дома, ближайшим к наследованию. Определять, кто принадлежит к этому кругу относится исключительно к прерогативе Главы Династии, который дает или не дает соизволение на брак с иноверной особой.

²⁵ Подробно см., напр. <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/829.html>.

²⁶ Из положительных явлений не могу не отметить с радостью, что из арсенала, применяемого против Императорского Дома начал, наконец, исчезать мифический «красный бант» Кирилла Владимировича – одна из самых грубых антидинастических фальшивок.

²⁷ Самый яркий пример – борьба за реабилитацию казненной Царской Семьи и других Членов Императорского Дома и их служителей, замученных большевиками. Несмотря на недвусмысленную поддержку этой правовой инициативы Великой Княгини Марии Владимировны со стороны Русской Православной Церкви в лице самого покойного Святейшего Патриарха Алексия II и Отдела внешних церковных связей, возглавлявшегося тогда ныне здравствующим Святейшим Патриархом Кириллом, патриотическое сообщество в значительной своей части шельмовало Императорский Дом, извращало его намерения и торжествовало при каждом очередном судебном отказе в удовлетворении требований Государыни. Некрасивость и глупость такого поведения стала особенно рельефно выглядеть после того, как высшая судебная инстанция России – Президиум Верховного Суда – подтвердил правоту позиции Главы Дома Романовых и признал ее казненных родственников жертвами политических

репрессий, подлежащими реабилитации в соответствии с законом.

²⁸ «Случись такое на Карловацком Соборе 1921 года, - пишет не отличающийся симпатиями к Династии и монархистам г-н А.А. Кострюков, имея в виду Манифест Кирилла Владимировича 31 августа/13 сентября 1924 года о принятии им императорского титула, - Кирилл Владимирович был бы, наверно, провозглашен Императором» (Кострюков А. А. Русская Заграничная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. - 398 с. - С. 206).

³⁹ См., напр. <http://www.imperialhouse.ru/rus/imperialhouse/orthodox/guardians/2/969.html> ; <http://www.imperialhouse.ru/rus/imperialhouse/orthodox/about/2119.html>. <http://www.imperialhouse.ru/rus/imperialhouse/orthodox/guardians/2/2107.html>; <http://www.imperialhouse.ru/rus/imperialhouse/orthodox/archives.html>.

³⁰ Любое сравнение хромает, и всегда есть повод придаться к неполному соответствию, но общая-то картина, как ни крути, аналогична.

³¹ Строфа из стихотворения С.С. Бехтева «Не верь лжецам», адресованного Великому Князю Кириллу Владимировичу в бытность его Блюстителем Государева Престола.

Библиографический список

1. Александров М. А. Легитимизм антиподов // Жизнь за Царя. - 1995. - № 1-2 (4-5).
2. Андрушкевич И. Н. Морганатическое право и Земские Соборы // Трибуна русской мысли. - 2010. - № 12.
3. Андрушкевич И. Н. Ярус легитимности // Наша Страна. - 1992. - № 2194. 29 авг.
4. Бондарев А. А. Монархия и престолонаследие. Слово редактора // Трибуна русской мысли. - 2010. - № 12.
5. ГАРФ. Ф. 601 Оп. 1. Д. 2088., Л. 2-4 об.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994.
7. Иоанн (Максимович), св. Происхождение закона о престолонаследии в России. - Подольск, 1994.
8. Моцардо В. И. Право на престолонаследие // Трибуна русской мысли. - 2010. - № 12.
9. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. - СПб., 1992. - 680 с.

УДК 323.2
ББК 63.3(2)5

Ёдошина И. А.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ, КАКИМ ПРЕДСТАВЛЯЯ ЕГО М. Н. КАТКОВ (По воспоминаниям князя Н. Мещерского)

Аннотация. В статьях Каткова была определена главная характеристика отечественной интеллигенции, вскрыты подлинные смыслы в деятельности так называемых революционеров, особенно разночинцев, «лакейская» сущность которых жаждала одного: оказаться на месте тех, у кого есть деньги и власть. К сожалению, российская власть в своем стремлении не казаться Европе темной либеральничала и с интеллигенцией, и с разночинцами. В результате династия лишится престола, подтвердив правоту предостережений русского мыслителя - Михаила Никифоровича Каткова.

Ключевые слова: служение, Катков, разночинцы, интеллигенция, разночинцы, либералы, Россия.

Труды мыслителя и публициста, ученого и общественного деятеля Михаила Никифоровича Каткова (01.02.1818 - 20.07.1887), вычеркнутые из истории рус-

ской культуры во времена совдепии, только начинают возвращаться из насильственного небытия. Так, в издательствах «Москва» (2002), «ФондИВ» (2007),

«Институт русской цивилизации» (2009) вышли избранные статьи Каткова. В 2008 году в Москве было отмечено 190 лет со дня его рождения: в Алексеевском храме, который в XIX веке находился на территории Алексеевского монастыря, где нашел упокоение М. Н. Катков, протоиереем Артемием Владимировым был отслужен молебен. Затем в здании церковно-приходской школы состоялись первые чтения, посвященные жизни и творчеству Каткова. Эти чтения постепенно обретают статус постоянных (они прошли и в 2009 году, должны состояться в 2010 году). Приурочены чтения к 21 ноября, дню Архангела Божия Михаила. Вышел первый выпуск «Катковского вестника» (М., 2009), в названии которого явно угадывается переключка с «Русским Вестником», издаваемым в свое время Катковым.

Между тем, следует заметить, что Катков никогда не принадлежал ни к каким партиям. Он прошел характерный для России путь развития думающего юноши: попал под влияние Белинского, далее кружок Станкевича, наконец, поездка в Германию с целью изучения философии. К своему счастью, Катков слышал лекции позднего Шеллинга («Философия Откровения»), под впечатлением от которых вернулся в православие. Далее, естественно, расстался с Белинским, кружком Станкевича, навсегда связав свою жизнь со служением России. Зная все эти подробности из жизни Каткова, с большим удивлением я обнаружила его имя в книге «Славянофилы. Историческая энциклопедия» [6, с. 263–269]. В этой связи мне показалось небезынтересным обратиться к одному из свидетельств современников. В качестве такового мной избран князь Николай Петрович Мещерский, который родился (старший сын, первенец) и вырос в семье с глубокими культурны-

ми корнями. Его мать, Екатерина Николаевна, была дочерью Н. М. Карамзина от второго брака; отец, Петр Иванович Мещерский, отставной подполковник гвардии. По отцовской линии князь Н. П. Мещерский приходился внуком княгине Софье Сергеевне Мещерской, известной в свое время переводчице и писательнице, а также близким родственником русского поэта князя П. А. Вяземского. Младший брат князя Н. П. Мещерского, князь В. П. Мещерский, был известным журналистом, писателем, государственным деятелем, основателем журнала-газеты «Гражданин» (1872–1914).

Знакомство князя Мещерского с Катковым относится к 1867 году, когда князь был назначен на должность помощника попечителя Московского учебного округа, а затем – его начальника. Эти должности он занимал в течение 1867–1874 годов, полностью разделяя и поддерживая взгляды Каткова в области образования. Их общение длилось до смерти Каткова.

В 1896 году по просьбе вдовы Каткова – Софии Петровны Катковой (урожд. Шаликовой) – князь Мещерский написал воспоминания. Этим воспоминаниям автор придал форму писем, которые послал С. П. Катковой в течение июня – декабря 1896 года [5, с. 1–49].

Судя по письму-предисловию, князь знал, что его воспоминания будут опубликованы. Любопытна его реакция на возможность этой публикации: «... смущала мысль, что эти священные для меня чувства сделаются достоянием читающей публики, какое ей дело до моих чувств, какое мне дело до ее впечатлений?.. Но теперь уже не то: я пишу для Вас (курсив князя Мещерского. – И. Е.). Вы решаете... годно для печати или нет то, что я пишу. Я пишу для Вас и только для Вас. <...> Умоляю Вас об одном: если этот труд хоть

сколько-нибудь утомит, бросьте все это в камин. Авторского не только самолюбия, но и просто чувства не может быть тут никакого. *Автором* (курсив князя Мещерского. – И. Е.) быть не хочу. Повторяю: я пишу только для Вас. О стороннем читателе, если таковой найдется, я не думаю. Теперь по преимуществу век порицания и отрицания» [5, с. 1–2].

Эти признания помогают понять, почему для воспоминаний избирается эпистолярная форма: письмо позволяет пишущему быть откровенным в своих наблюдениях как над собой, так и над другими; письмо интимно распахнуто, потому репрезентирует жизнь человеческих мыслей и чувств в открытой эмоции; наконец, в письме самая личность пишущего раскрывается без каких бы то ни было преград. Правда, по признанию князя Мещерского, авторство, любые проявления собственного «я» интересуют его менее всего. Однако через глубоко личностное отношение к Каткову открывается не только смысл и значение личности и трудов Каткова, но полностью открывается тот, кто пишет эти письма, князь Николай Петрович Мещерский. Перед читателем возникает образ человека просвещенного, искренне любящего дело, которому он преданно служит, государственника по своим взглядам. В Каткове князь Мещерский обнаруживает личность бесстрашную, свободную, уверенную в своих силах и готовности отстаивать свои воззрения на устройство жизни в России.

Воспоминания князя Мещерского содержат ряд узловых эпизодов, которым он дает именованья: «В виде предисловия», «Победа над Герценом. Разгром *Колокола*», «Знакомство с Михаилом Никифоровичем», «Польское восстание. Противодействие Валуева», «Как Михаил Никифорович понимал свое призвание», «Дело народного просвещения», «Чем я обязан

Михаилу Никифоровичу. Его учение», «Как сложилось его учение. Его значение», «Враги Михаила Никифоровича», «Послесловие». В именовании Каткова через написание его имени и отчества прочитывается глубочайшее уважение автора к герою своих воспоминаний. А дабы объяснить свои чувства, князь Мещерский начинает воспоминания с герценовского эпизода, а уже потом следует рассказ о его личном знакомстве с Катковым. Избранная автором композиция позволяет сразу и масштабно представить Каткова как человека, радеющего о государственном благополучии.

Князь Мещерский видит в Герцене не просто личность, а явление, сопоставимое с заболеванием, которое вдруг охватило русское просвещенное общество. В результате Герцен, живший в Лондоне, издававший «Колокол», в который, как пишет князь Мещерский, «стекались жалобы, брань, клевета, интрига, подчас случайная правда, но зауряд обильная неправда, которую так часто плодит сознание безответственности и бесконтрольности, да еще в такое шаткое и смутное время» [5, с. 3], стал предметом поклонения, превратился в общественный символ критического отношения к России как «не так устроенной» цивилизации. Кажется, что любой подданный российского государства, выехавший за пределы отечества, считал своим долгом побывать у Герцена: «В Лондон направлялись вереницами паломники к нему на поклонение» [5, с. 4]. Если же этого не случалось, то самый факт подобного поведения воспринимался как некий нонсенс.

«Колокол» почти беспрепятственно распространялся в России, и только ленивый его не читал. Более того, как замечает князь Мещерский, министр Народного Просвещения А. В. Головин добился от правительства запрещения

каких бы то ни было откликов на печатавшиеся в «Колоколе» материалы. «Таким образом, – восклицает князь Мещерский, – по всей России рассылался *Колокол*, но отвечать ему было запрещено!» [5, с. 5]. И только Катков отважился «в эпоху владычества Герцена» дать его деятельности критическую оценку. Речь идет о статьях Каткова «К какой принадлежим мы партии» (Русский Вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832–844) и «Заметка для издателя “Колокола”» (Русский Вестник. 1862. Т. 39. № 6. С. 834–852). Князь Мещерский не называет и не раскрывает основных положений этих статей, давая им общую оценку. Но именно в этих статьях Катков представляет идеологические принципы своего понимания государственного служения.

В статье «К какой принадлежим мы партии» Катков подвергает резкой критике партийное устройство общества, справедливо утверждая, что партийные интересы не позволяют видеть подлинные потребности общества, которые застыт узкие партийные установки. «У нас есть политические партии всех оттенков: консерваторы, умеренные либералы, прогрессисты, конституционалисты (даже не выговоришь этого ужасного термина!), и демократы, и демагоги, и социалисты, и коммунисты; но у нас нет ничего похожего на политическую жизнь. У нас есть слова и нет дела, и все наши *исты* – существа воображаемые, призраки, слова и слова, которым ничто в действительности не соответствует, а если что и соответствует, то совсем другое, ни мало не похожее на смысл этих рассылаемых терминов» [4, с. 101]. В партии прогрессистов, к коей стремится примкнуть просвещенное большинство, он критикует огульное охаивание прошлого и настоящего России, справедливо утверждая, что «чем глубже преобразование, чем решительнее дви-

жение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней» [4, с. 107]. Но и консерваторы не вызывают у Каткова сочувствия, ибо представляют пусть другие, но все же партийные интересы. Потому он приходит к выводу: «... эти консерваторы и прогрессисты, эти знамена и значки – все это одна фантазмагория, которая совсем не то значит, что ею представляется» [4, с. 103].

Узости партийных интересов Катков противопоставляет живое течение бытия, в процессе которого складываются общественные начала жизни. Потому основой государственного служения является все то, что способно охранить эту органику: «Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл» [4, с. 110]. В этом контексте важно различать подлинное охранительство от мнимого консерватизма, которому надобно только знать, на чьей стороне власть: «Нынче они посвящают свои охранительные услуги монархии, завтра они явятся такими же ревностными хранителями власти в республике и вслед затем поступят на службу к диктатору» [4, с. 112]. Жизнь общества должна развиваться в формах ей свойственных, только в этих условиях свобода и личность являют собой высшие проявления этих форм. Герцен откликнулся на статью Каткова, отправив 10 июня 1862 года письмо в редакцию «Современной летописи».

В предыдущей статье Катков не упоминает имени Герцена, поскольку оно было под запретом, но познакомившись с письмом Герцена, он отвечает ему в статье «Заметка для издателя “Колокола”». Уже в самом начале своих размышлений Катков резко сдергивает с Герцена флер страданий борца за свободу народа, назвав

его «свободным артистом», «который сам сидит в безопасности, а других посылает на подвиги, ведущие их в казематы и Сибирь» [4, с. 328]. Далее он дает уничижительную критику деятельности Герцена, называя его «недовеском на всех поприщах». Катков обнаруживает принципиальную разницу в тех задачах, которые решают Герцен и Россия. Герцену, по мнению Каткова, хочется быть генералом от революции, а России необходимо государственное единство, которое есть благо. Служение России требует честного человека, «принимающегося в сложное время за публичное слово и находящегося на полной свободе». Не раздражаемый стеснением, он «должен чувствовать на себе великую нравственную ответственность, несовместимую с легкомыслием», ему должно избегать «всего, чего он не сознает с полной ясностью, с полным разумным убеждением» [4, с. 340]. Собственно, Катков начертал в этих словах те основополагающие принципы государственного служения, которым стремился следовать сам.

В конце статьи Катков провиденциально задается вопросом, который связан с идеями Герцена и взбунтовавшимся народом: «... будут ли стихийные силы, выступившие из берегов, разбирать виновных и невинных?» [4, с. 345]. Ответ на этот вопрос известен и понятен, потому издателей «Колокола» никак нельзя назвать честными людьми, подводит итог своим размышлениям Катков.

Хочу напомнить, что эта статья оказалась убийственной и для «Колокола», и для Герцена: в скором времени они были преданы полному забвению. Так, современный исследователь, А. И. Володин, в статье о Герцене вынужден заметить: «1862 – апогей “Колокола”... но в этот же год начинается и отлив от Г. дворянского читателя. Реакция организует травлю Г. как наставника “поджигателей” (статьи

М. Н. Каткова, Н. Ф. Павлова и др.)» [2, с. 549]. Здесь все неправда. Никто никакой статьи Каткову не заказывал, он написал и опубликовал ее на собственный страх и риск, открыто выступив против так называемых «передовых взглядов», чьим олицетворением был Герцен. Правительство скорее попустительствовало деятельности Герцена, стремясь выглядеть прогрессивным в глазах Европы. Опубликовав эту статью, в отличие от Герцена Катков рисковал, сильно рисковал. Но ему удалось развенчать Герцена, который так и не смог ответить на заданные Катковым вопросы. Другая неправда заключается в ссылке на дворян, которые будто бы только одни и отошли от Герцена. Оставляя за пределами известные внутренние неурядицы (например, «огаревское дело») редакции «Колокола», хочу заметить, что одними дворянами отвержение Герцена не завершилось. От него отошли и писатели, и авторы присылаемых статей, и читатели самых разных слоев населения России. Статья Каткова открыла всю призрачность надобности Герцена и «Колокола» в России. А за границей «Колокол» никому не был нужен, но, к сожалению, посеянные ими ростки нигилизма дали свои всходы.

Однако вернемся к воспоминаниям князя Мещерского. Впервые увидев Каткова, когда тот уже был известным журналистом, князь Мещерский отмечает в нем скромность, ум и непринужденность. Внутренняя сосредоточенность и не прекращающаяся работа мысли не позволяли Каткову размениваться на ненужные разговоры. По замечанию князя Мещерского, у Каткова «было, можно сказать, инстинктивное отвращение (как бы боязнь) к глупости, пустоте речи, бесцельности» [5, с. 10]. Лучшие стороны своей природы он оставлял для друзей и близких, в обществе оставался безупречно вежливым. Весь смысл жиз-

ни Каткова заключался в одном – служении России, Государю, русскому народу. «Сердце, беззаветно преданное отечеству, все священные для меня Карамзинские заветы находили в нем бесподобно красноречивый отголосок. В вопросах крестьянском, экономических, социальных слышалось лишь суждение великого, трезвого, непредубежденного ума, горячо ценившего высокую мысль Преобразователя, озабоченного только успехом той или другой меры и одинаково чуждого яркой злобы демагога и увлечений идеалистов» [5, с. 11–12].

Рассказывая об отношении Каткова к польскому восстанию 1863 – 1864 годов, князь Мещерский отмечает его бескомпромиссность в вопросах, которые касаются целостности государства. Он не побоялся вступить в противоборство с всемогущим министром внутренних дел Валуевым, он отказался писать записку князю Горчакову. Резкие статьи Каткова в адрес польских сепаратистов («Польский вопрос», 1863; «Польское восстание не есть восстание народа, а восстание шляхты и духовенства», 1863) князь Мещерский принимает как глубоко патриотические, направленные на укрепление единства Российского государства. «Он первый ярким светом правды осветил непроглядную тьму, нас тогда окружавшую, первый вызвал тот подъем духа, перед которым отступила Европа» [5, с. 15].

Князь Мещерский видит в государственном служении Каткова проявление его гения, потому ему удалось сформировать и воплотить лучшие черты этого служения, основанные на стремлении к одной цели. «Побуждение это, цель – благо, величие России. Воля эта – воля Государя Хозяина Русской земли. <...> Только в этом открытом, гласном исповедании истины, как он ее понимал, пред лицом Царя, без посредников, чуял он успех сво-

его труда. Полет на такую высоту могли выдумать только его верный и спокойный глаз, его бестрепетный дух, окрыленный любовью к Царю и родине и сознанием правоты своего дела» [5, с. 19]. По мысли князя Мещерского, своим трудом Катков заслужил право «говорить громко», никогда не отказывая в этом праве кому бы то ни было.

Деятельность Каткова в области реформ народного образования вызывала в душе князя Мещерского самое живое сочувствие. Он полностью разделял взгляды Каткова на то, что основу образования должны составить древние языки. В этих суждениях Катков не был оригинален, следуя за идеями Гумбольдта, которые в XIX веке сделали гимназии той ступенью в образовании, что предшествовала обучению в университете. Катков не только писал об образовании, но и организовал первый Лицей, где велось обучение древнегреческому и латинскому языкам. В результате ему удалось убедить и министра просвещения, и Государя в надобности реформирования школы. В 1872 году был официально утвержден первый гимназический устав, как пишет князь Мещерский, «впервые почти сравнивший нашу среднюю школу со школою западноевропейской» [5, с. 24]. Победа идей Каткова вызвала яростное сопротивление в просвещенном обществе, резкую критику: «Понятно, что успехи школы не могли быть вполне удовлетворительными при дружном противодействии части самого правительства, семейств учеников и крикливых газет» [5, с. 27]. Но успехи все же были, причем весьма заметные. Отвлекаясь от воспоминаний князя Мещерского, напомним, что, например, в провинциальном Ельце в 1887 году два учителя гимназии В. В. Розанов и П. Д. Первов решили переводить «Метафизику» Аристотеля. В течение 1887–1888 годов они

перевели первые пять книг, Розанов выполнил комментарий, который по сегодняшнему дню считается лучшим [1, с. 8–9]. Для сегодняшнего состояния образования в России подобное не только не представимо, но просто – фантастично. Таков итог советских и постсоветских реформ в области народного образования, неуклонно продвигаемого в область формализации и компьютеризации знаний. И ведь никто не хочет задуматься над простой истиной: разве с таким образованием кто-нибудь чего-нибудь добьется в науке? Подобное образование есть гибель для творческой личности. Хотя, видимо, в обществе потребления личностей просто не будет, а воплотятся самые жуткие прогнозы антиутопий, которым никто не внял.

Только смерть помешала Каткову убедить правительство в надобности реформ в области высшего образования. Потому, как пишет князь Мещерский, «совершилась антипедагогическая трагикомедия 1880 г., направленная преимущественно против спасительного влияния и направления Каткова» [5, с. 28].

Размышляя о принципах государственного служения Каткова, князь Мещерский вспоминает его статью 1879 года, отмечает то глубокое впечатление, которое статья произвела [5, с. 34]. Судя по приводимым князем Мещерским датам, речь идет, о статье «Что нужно для борьбы с крамолой?» (Московские Ведомости. № 297. 20 ноября. 1879), в которой Катков призывает власть принять решительные меры для борьбы с призраком революции. Катков пишет: «Горсть полумных, или развращенных, или одичалых людей, служа орудием тайной крамолы, бесчинствовала безнаказанно, и дерзость ее росла не по дням, а по часам. В недрах могущественного государства возникал призрак революции, грозившей все поколебать и все разрушить» [3, с. 229]. Он был

абсолютно, как мы сегодня знаем, прав, но князь Мещерский пересказывает один значимый эпизод, о котором он узнал от Каткова. Приведу фрагмент рассказа Каткова: «Я был при отъезде Государя... Государь был мною недоволен за статью (речь идет о статье «Что нужно для борьбы с крамолой?»). – И. Е.). Взгляд Его остановился на мне и ясно выразил упрек. Это я мог предвидеть, знал наперед. Но вот что меня поразило до глубины души, что сердце сокрушило, чего не могу забыть и, кажется, никогда не забуду... В этом взгляде выразился не гнев, а в этом упреке была такая глубокая, глубокая *грусть* (курсив князя Мещерского. – И. Е.), что сердце сжалось больно, невыносимо. Так жалко, так жалко Его! Он так добр, так трогателен, так желает добра! Но как же быть – я ведь *должен* (курсив князя Мещерского. – И. Е.) указать по совести до какой степени опасен для Него, для России путь, по которому мы идем... Да, да, все это так, этой мой долг... Но тяжело, князь, тяжело!...» [5, с. 35]. Этот эпизод свидетельствует не только о тех непростых отношениях, которые подчас складывались у Каткова с государем, но и о беспомощности самой власти, может быть, отчетливо понимающей, как мало вокруг тех, на кого на самом деле можно опереться, тех, кто готов искренне бороться с «крамолой» революции. Да и жить Александру II оставалось уже совсем недолго.

Князь Мещерский обращает внимание на плодотворность журналистской деятельности Каткова. «Ежедневный отклик на злобу дня, всегда точный, добросовестно разработанный до подробностей по требованию совести, внутренней дисциплины» отличает публикации Каткова. Он умеет сказать убедительное «да», когда все говорят «нет». Конечно, не из духа противоречия, но глубокого сущностного

понимания происходящих событий. Как утверждает князь Мещерский, Катков считал, что «вся тайна блага России в ней самой, в твердой вере в Бога, Царя, в себя и свое призвание» [5, с. 39]. Князь Мещерский убежден, что после смерти Каткова образовалась пустота, так никем и ничем не заполненная.

Давая обобщенную характеристику врагам Каткова, князь Мещерский отмечает его одинокое противостояние миру, добавляя, что «в недоброжелательстве к Михаилу Никифоровичу легко было найти следы иноплеменных влияний» [5, с. 44]. Угрозы и ненависть сопровождали журналистскую деятельность Каткова. Князь Мещерский задается горестным вопросом: «Какие же чувства должен был внушать противникам и завистникам человек ума столь выдающегося, что умные люди тускнели перед ним, как свет скромной свечи отражается тенью под лучами света более яркого?» Вопрос этот риторический и напрямую связан с особенностями отечественной интеллигенции, которая выработала свой механизм создания «великих» имен: «... есть... средство и самые посредственные умы превращать у нас в великие. Стоит только быть или считаться ярким противником существующего строя России, отрицателем исторических устоев, быть не верноподданным, присягнув и получая казенное жалование, действовать вопреки присяге, а еще лучше совращать на этот путь иных, колеблющихся, о, тогда ум не только признается в среде *интеллигенции*, но и превозносится за все пределы преувеличения» [5, с. 48].

В статьях Каткова задолго до появления сборника «Вехи» была определе-

на главная характеристика отечественной интеллигенции – неприятие настоящего и прошлого России, вскрыты подлинные смыслы в деятельности так называемых революционеров, особенно разночинцев, «лакейская» сущность которых жаждала одного: оказаться на месте тех, у кого есть деньги и власть. Все остальное – риторика. К сожалению, российская власть своими заигрываниями с идеями европейского Просвещения, в своем стремлении не казаться Европе темной и дикой либеральничала и с интеллигенцией, и с разночинцами. В результате династия лишится престола, подтвердив правоту предостережений русского мыслителя – Михаила Никифоровича Каткова.

Библиографический список

1. Биbihин В. В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Аристотель. Метафизика: пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
2. Володин А. И. Катков Михаил Никифорович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
3. Катков М. Н. Империя и крамола / сост. М. Б. Смолин. – М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – 630 с.
4. Катков М. Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климанова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.
5. Мещерский Н., князь. Воспоминания о М.Н. Каткове (Письма в Тверитино) // Русский Вестник. Т. 250. Год издания 42-й. 1897. Август. – М., 1897.
6. Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.

ИДЕАЛ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (1825–1855)

Аннотация. Для возрождения классических основ российской государственности нужна была церковная реформа, связанная с восстановлением Патриаршества и ликвидацией полной зависимости духовной власти от светской, Православной Церкви от власти Императора. В этом заключается главный изъян уваровской формулы, сохранявшей церковное устройство, которое было узаконено реформой Петра Великого.

Ключевые слова: самодержавие, царство, развитие, монархия, народ, неуважение.

В стихотворении «14 декабря 1825 года» Ф. И. Тютчев назвал декабристов «жертвами мысли *безрассудной*» и указал на причины этого «безрассудства»:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил... [2, с. 58]

Главный объект критики Тютчева в этих стихах – «самовластье». Самодержавие и самовластие – явления диаметрально противоположные. Самодержавие – форма монархического правления, основанная на «симфонии» между властью светской и властью духовной. Воля самодержца будет «святой», если она согласна с высшим Божественным Законом. Отрицание этой «симфонии» со стороны государства или со стороны общественного движения ведёт к нарушению органического развития национальной жизни, которое сопровождается разрушительными катаклизмами.

Отдельный человек или группа лиц не должны противопоставлять свою волю исторически сложившемуся направлению народной жизни. Тютчев вдохновляется мыслью о религиозной укоренённости нации. Нельзя механически переносить западноевропейское политическое и социальное устройство на русскую почву, не считаясь с высокой ценностью коллективного народного сознания, «духа народа» как мистического целого. Обращаясь к декабристам, Тютчев говорит:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена. [II, 58]

Тютчев отождествляет здесь политику Александра I с действиями декабристов, которые являются «детьми» государственного самовластия. Он полагает, что без православной духовной осведомлённости любое политическое деяние, от кого бы оно ни исходило – от государственной власти или от оппозиционного общественного движения, – обернется на практике насилием над жизнью, самовластием и деспотизмом.

Как истинный патриот своего Отечества, не раз высказывал Александру I нелицеприятные истины и Николай Михайлович Карамзин. В 1811 году он сделал это в «Записке о древней и новой России». Он резко осудил Александра I за его реформаторские начинания, «коих благотворность остается делом сомнительным». Он высказал правду о самом царе как неумелом и неопытном во внешней и внутренней политике властителя, занятом не благом России, а желанием пускать «пыль в глаза», увлеченным бездумным заимствованием тех или иных учреждений Западной Европы, без учета русского исторического опыта. Он указал Александру I на ошибки в правлении его великого предшественника Петра I. Главная пагуба его царства-

ния – пренебрежение к опыту истории, неуважение к нравам и обычаям народа. «Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им (русским людям) уставы есть насилие, незаконное для монарха самодержавного». «Самовластие» Петра I и Александра I как раз и не принимает Карамзин. Результаты самовластия всегда оказываются печальными для Отечества: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» [4, с. 169–171].

Когда Пушкин уже в конце 1830-х годов познакомился с этой «Запиской...» в рукописи, он сказал: «Карамзин написал свои мысли о Древней и Новой России со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостию убеждения сильного и глубокого». «Когда-нибудь потомство оценит... благородство патриота».

Но «Записка» вызвала раздражение и неудовольствие тщеславного Александра. В течение пяти лет он холодным отношением к Карамзину подчеркивал свою обиду. В 1816 году произошло сближение, но ненадолго. В 1819 году государь, вернувшись из Варшавы, где он открывал Польский сейм, в одной из искренних бесед с Карамзиным сообщил, что хочет восстановить Польшу в ее древних границах. Это «странное» желание так потрясло Карамзина, что он незамедлительно составил и лично прочел государю новую «Записку»:

«Вы думаете восстановить древнее королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Можете ли с мирной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования? ... Мы лишились бы не

только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душой к отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы перед другими и перед собой. Не опустел бы, конечно, дворец, Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы...» [4, с. 169–171].

В заключение горячего спора с Александром I по поводу его политики Карамзин сказал: «Ваше Величество, я не боюсь ничего, мы оба равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы Вашему отцу... Я презираю скороспелых либералистов; я люблю лишь ту свободу, которой не отнимет у меня никакой тиран... Я не нуждаюсь более в Ваших милостях».

Вступивший на престол Николай I глубоко осознал пагубность самовластной политики своего старшего брата Александра I и решительно повернул к возрождению самобытных национальных начал. В начале сентября 1826 года государь прибыл в Москву для коронации. А 4 сентября в Михайловское прискакал фельдъегерь, в сопровождении которого, хотя и «не в виде арестанта», был доставлен в Москву, прямо в Кремль, русский национальный поэт А. С. Пушкин. Его ввели в кабинет императора в дорожном костюме, пыльным и небритым. После довольно продолжительной беседы царь, отпустив Пушкина, сказал, что сегодня он разговаривал с «умнейшим человеком в России». Пушкину было разрешено жить в Москве и Петербурге, а с царем устанавливались «особые» доверительные отношения.

«Дело не только в личной милости к поэту, – справедливо утверждает в биографической книге о Пушкине Н. Н. Скатов. – Многие в политике Николая после

начала его царствования привлекло к нему многих – и в России и в Европе... Аракчеев и архимандрит Фотий были отстранены. Ставшие почти символическими образами гонителей и погромщиков русского просвещения Рунич и Магницкий были соответственно – первый сослан, второй отдан под суд: оба оказались еще и жуликами – казнокрадами.

С другой стороны, возвращался из опалы всегда вызывавший симпатии Пушкина основатель Лицея Сперанский. А быстрая и решительная поддержка новым царем борьбы за освобождение Греции, многие годы волновавшей Пушкина, снискала Николаю громкую славу рыцаря Европы, как называл его Генрих Гейне» [1, с. 391–392].

Дружеские чувства к России и её новому императору питал и баварский король, написавший стихи «Императору Николаю I», переведённые Тютчевым, в которых Людвиг I приветствовал победу русских войск в войне с Турцией (1827–1829) и освобождение православной Греции от многовекового турецкого владычества:

О Николай, *народов победитель*,
Ты имя оправдал своё! Ты победил!
Ты, Господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов Его смирил...

Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш Бог, Бог милости и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлён твой взор.
Но Тот, о царь, Кем держатся державы,
Врагам твоим изрёк их приговор...

Он Сам от них лицо Своё отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит –

Константинополь воскресает вновь...

(II, с. 78–79).

В период царствования Николая I происходит расцвет русской науки, литературы и искусства. Министром народного просвещения назначается национально мыслящий государственный деятель Сергей Семёнович Уваров (1786–1855). Это был один из образованнейших людей своего времени. Он владел свободно новыми и древними европейскими языками, интересовался археологией, философией, историей, увлекался поэзией, был членом «Арзамаса». Он был одним из первооткрывателей «русского гекзаметра» и вдохновителем Гнедича в его работе над переводом «Илиады» Гомера.

20-летним юношей Уваров оказался в Западной Европе на дипломатической службе. Прожив за границей несколько лет, глубоко познав западный мир, он возвратился в Россию убеждённым патриотом своего Отечества.

Основу его мировоззрения составляли 2 коренных принципа. 1-й заключался в том, что Россия не должна повторять западный путь развития, основанный на революционных потрясениях и деспотических режимах. Россия должна вернуться на свой путь, опираясь на свой исторический опыт: «Пора отказаться от попыток сделать Россию английскую, Россию французскую, Россию немецкую. Пора понять, что с того момента, когда Россия перестанет быть русской, она перестанет существовать» [3, с. 812].

2-й принцип заключался в том, что основа продвижения вперед в сильнейшей степени зависит от духовного просвещения народа. Одна из главнейших задач такого просвещения должна заключаться в укреплении чувства национальной гордости. Поэтому просвещение должно охватить все слои общества: «Министерство желает просвещения для всех, в мере способности каждого для вящего утвержде-

ния народного духа в верности к религии предков и преданности к трону и Царю» [3, с. 812].

Уваров связывал прогресс человеческого общества прежде всего с прогрессом человеческого духа. Поэтому Православие занимало первую, ключевую позицию в его формуле. Вера ограждает человека и общество в целом от крайнего цинизма, скептицизма, материализма, безнравственности: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце» [3, с. 812].

Основные положения вдохновлённой Николаем I программы национального просвещения впервые были высказаны Уваровым в 1832 в отчете о состоянии Московского университета: «Православие, Самодержавие и Народность составляют последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего общества».

В этой формуле «Православие» олицетворяло религиозно-нравственные устои общества, «мировоззрение» русского человека, «Самодержавие» отражало форму государственности, а «Народность» указывала, что православие и самодержавие отвечают коренным представлениям нации об устройстве её страны. Эта формула и стала государственной и национальной идеей эпохи Николаевского царствования. Вокруг неё, по мысли Уварова, должны были сплотиться все слои общества на пути эволюционного преобразования России. Уваров

считал, что в такой национальной идее особенно нуждался образованный слой русского общества, который в силу особенностей развития отошел от русской культуры, от *Православия* и которому вследствие этого недоставало национального самосознания.

К сожалению, в этой триединой формуле не был определён характер взаимодействия православия с самодержавием, не был оговорен принцип отношений между духовной и светской властью, восстанавливающий классические основы монархической государственности, не позволяющий самодержавию перерастать в самовластие. Для возрождения этих классических основ нужна была церковная реформа, связанная с восстановлением Патриаршества и ликвидацией полной зависимости духовной власти от светской, Православной Церкви от власти Императора. В этом заключался главный изъян уваровской формулы, сохранявшей церковное устройство, которое было узаконено реформой Петра Великого.

Библиографический список

1. Скотов Н. Пушкин. Русский гений. – М., 1999.
2. Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. – Т. 2. – М., 1966. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
3. Цит. по: Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. – М., 2003.
4. Шамшурин В. А. Бессмертие. Страницы жизни // Российские судьбы. Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в 30 книгах. Николай Карамзин. – М., 1998.

ЕЩЕ РАЗ О КОНЦЕ СВЕТА...

Аннотация. Речь здесь идет не о покаянном делании находящейся в аду души, а только о ходатайстве Церкви, восполняющей недостающее почившему христианину. Изменяется участь человека, имевшего в земной жизни веру во Христа, молившегося, борového с грехом, но не явившего должной высоты добродетелей.

Ключевые слова: конец света, явление, магия, пришествие Христа, Ориген, Царь, Страшный Суд, святые, мучения, календарь.

Нынешний год, благодаря титаническим усилиям нечистоплотных людей, воспринимается многими как последний в истории человечества в соответствии с календарем народности майя. Неудивительно, что в этой связи оживляются, завязываются, пропагандируются, проповедаются разного рода лживые спекуляции, касающиеся самой жизни, ее смысла, содержания и наполнения. Значительная часть этих спекуляций подается в контексте христианского вероучения и богословия. Примечательно, что голос атеистов почти не слышен. Большинство наших современников и соотечественников, согласно опросам службы ВЦИОМ, не сомневаются в том, что есть жизнь после смерти и, более того, что Бог существует!

Но... Существованиерая и ада ставится под сомнение, проблема реинкарнации проблемой не является, оккультизм из феномена превратился в явление, причем обыденное, магия, оказывается, бывает не только черной и белой, но и серой, а экстрасенсы, хотя и участвуют в битвах, вообще-то мягкие и пушистые. Но... Если люди признают существование Бога, вечность собственной жизни, называют себя православными по факту совершенного над ними Таинства Крещения, почему они не становятся людьми Церкви? Помню, еще в семинарские годы меня всерьез занимал вопрос – были ли саддукеи атеистами? Историческая наука отвечает на этот вопрос уклончиво. И да, и нет.

Мой учитель и наставник архимандрит Георгий (Тертышников), ныне покойный, много, долго и, главное, аргументировано убеждал меня в том, что саддукеи были чистой воды атеистами. Впрочем, в какое-то время и он засомневался. Однажды, прогуливаясь вечером по заснеженной Лавре, мы подошли к Свято-Духовскому храму, в котором пребывали под спудом мощи тогда еще не прославленного в лике святых преп. Максима Грека. Отец Георгий остановился и задумался. Чуть погодя он сказал: «Современники Максима Грека в большинстве своем тоже были саддукеями по тому образу жизни, который они вели. И по образу мыслей тоже... Они по-настоящему не верили в Страшный Суд». Моя глубочайшая убежденность – воцерковление человека начинается с его веры во всеобщее воскресение из мертвых и в то, что каждый из нас в вечности окажется одесную или ошуюю Иисуса Христа, после того, как будет судим. Участь каждого человека после Страшного Суда будет неизменной. То есть, либо вечное блаженство, либо вечное мучение.

Вопрос этот представляет собой крест для человеческой мысли. Разве найдется среди нас хоть один человек, который хотел бы мучиться вечно? В душе живет неистребимое желание – не исчезнуть, не погибнуть, иметь полноту благ и радости. Дело в том, что естество человека ориентировано на вечное бытие, и не просто вечное, а такое, в котором мы приобщались

бы благам Небесного Царства. Потому что наше изначальное призвание и предназначение – быть в единении с Богом. Если же эту душевную потребность вечного блаженства перевести в область философской, рациональной мысли, велик соблазн придумать систему, в которой проблема вечных мучений легко снимается, и такой человек дальше живет, не обременяясь мыслью о вечных последствиях за собственные поступки.

В XX веке в трудах некоторых богословов и церковных писателей стала высказываться мысль о том, что адские муки вовсе не обязательно вечны. Согласно этой идее, придет момент, когда «вечные» истязания прекратятся и человечество вновь вернется к состоянию первоначальному блаженства, оправдывая тем самым изначальную цель своего бытия. Аргументация этой идеи очень проста: любовь Божия превышает все наши грехи, и подобно тому, как обильно текущий родник гасит пламя костра, так и Божественное милосердие преизобильно покрывает грехи человечества и остудит безжалостное пламя гееннского огня. Да и собственно сам адский огонь, согласно таким представлениям, для того и создан, чтобы переплавлять людей грешных в святых, очищать их от примеси страстей и грехов, подобно как земной огонь очищает золото от посторонних примесей. Высказывается также мысль, что во время Второго пришествия Христова и Страшного Суда люди всех времен и народов, всех верований и атеисты, едва увидят грядущего во славе Господа, как несомненно преклонятся пред Ним, примут Его своими душами и навеки спасутся. Имена проповедников этой идеи мы не считаем нужным называть. Как нам кажется, рассмотрению и обсуждению должны подвергаться не отдельные личности, а их учение. Впрочем, нам придется упомянуть, пожалуй, ключевое в высказанной парадигме имя (хотя жил

человек этот в III веке, влияние его имеет место и по сей день), принадлежащее одному из наиболее интеллектуальнейших, эрудированнейших и аскетически настроенных в истории христианства людей, – это имя Оригена Александрийского († 254). Прозванный за свою интеллектуальную прочность Адамантием (что значит адамантовый, крепкий, как алмаз), Ориген написал богословских произведений столько, что по объему они превосходили всю предшествующую ему церковную письменность. Его ученость и миссионерское усердие были таковы, что беседы с ним на религиозные темы искала мать императора Александра Севера (222–235 гг.) Юлия Мамаея, а правитель Аравии приглашал его для беседы об истинной мудрости. Из среды его учеников вышли талантливые иерархи, миссионеры и пастыри; и даже святые учителя Церкви, такие как Василий Великий и Григорий Богослов, в своих богословских трудах опирались на некоторые разработки Оригена – они собрали лучшие высказывания Оригена в особый сборник под названием «Добротолюбие» (которое, конечно, не надо путать с современным сборником святоотеческих творений).

Однако многие стороны учения Оригена были осуждены Церковью в VI веке. В частности, неприемлемой для православной веры стала мысль о будущем всеобщем восстановлении (апокатастасис). Согласно этой мысли, все осужденные на муку грешники и даже падшие ангелы когда-нибудь, безусловно, будут избавлены от гееннского огня. Тем самым все предопределяются ко спасению независимо от настоящего расположения воли, а вечность мучений ставится под сомнение. Ориген понимал строгость Евангельского суждения лишь как педагогическую меру, а слово «вечность», происходящее от слова «век», объяснял лишь как период значительной продолжительности.

Ориген, как может многим показаться заманчивым, называл Бога Врачом, исцеляющим посредством адского пламени наши греховные недуги. В своем произведении «О началах» он писал: «Если для выздоровления тела от тех болезней, какие мы приобрели через пищу и питье, мы иногда считаем необходимым лечение при помощи более или менее сурового и жестокого средства, а иногда – если этого потребует качество болезни – нуждаемся в мучительном применении железа и в болезненном отсечении членов, если же мера болезни превзойдет даже эти средства, то до крайности развившуюся болезнь выжигает даже огонь, то тем более, должно думать, и Бог, этот Врач наш, желая истребить болезни наших душ, полученные ими вследствие различных грехов и преступлений, пользуется подобными же карательными средствами и, сверх того, даже прибегает к наказанию огнем для тех, кто потерял здоровье души. Образы таких наказаний находятся также и в Священном Писании... Наказание посредством огня тоже нужно понимать в смысле врачебного средства» [5, 6].

Ад в концепции Оригена превращается в исправительное учреждение наподобие католического чистилища. Прошедшие это чистилище безусловно спасаются, а попадают в него все, кто не сподобился Рая. То есть сама идея вечности адских мук снимается в принципе. Есть лишь этапы бытия человека разной продолжительности и разного духовно-нравственного содержания, неуклонно ведущие его к вечным благам. Стремись ли ты вверх или катишься вниз, все равно когда-нибудь будешь принят на Небо. Вследствие своего пребывания в аду люди становятся святыми – благой Бог посредством огненного наказания истребляет грехи и тем самым одерживает победу над злом в душе человека. На наш взгляд, одной из предпосылок подобного заблуждения являлось восприя-

тие некоторых дохристианских философских идей, серьезное изучение которых Ориген предпринял в зрелом возрасте ради более успешного преподавания людям, воспитанным в традициях античной философии. Для античного философа (допустим, платоника) история не представляла абсолютной ценности, для него важно лишь то, что вечно. И Ориген утверждал, что мир разумных существ от вечности сотворен Богом, уже тогда были созданы все представители человечества как чистые духи, пребывающие в созерцании Бога. Охладев в любви к своему Творцу, они превратились в души (смысл термина «душа» Ориген возводил к греческому глаголу «охладевать», то есть «душа» есть «охладевшая») и в наказание были облечены телами, рождаясь на земле каждый в положенный ему срок. К прежнему созерцанию Бога они возвращаются посредством духовного подвига, кто же не явил в земной жизни духовных усилий, вернется к созерцанию чрез очистительное действие гееннского огня. Таким образом совершится цикл мировой истории, возвращаясь к исходной точке чистого бытия. А затем, по мысли Оригена, последует точно такой же цикл, ибо до нашего мира были и после него еще будут другие миры.

Можно вспомнить, что еще стоики учили о циклическом повторении бытия мира. Некогда появившись, мир должен сгореть и затем вновь возродиться во всех своих формах. Возвращение к исходному состоянию – принцип языческой космологии. В христианстве же состояние первозданного мира понимается лишь как отправная точка, с которой начинается путь самоопределения разумных тварей, одни из которых обретут еще больше, чем им было дано, другие же потеряют и то, что имелось в начале. «Всякому имеющему дастся и преумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25: 29).

С момента Боговоплощения христианам открыто обожение как путь теснейшего единения с Богом. Непосредственно у Оригена восприятие нехристианской мысли наблюдалось в том, что он учил о предсуществовании душ – подобным образом в Александрии уже учил выдающийся иудейский учитель, современник Христа, Филон Александрийский. Филон также полагал, что Писание богодухновенно в каждой букве и раскрыть его подлинный смысл можно лишь с помощью аллегорического метода толкования, чему способствует знакомство с античной философией. Влияние эллинизма пропитало религиозную мысль Филона. В эллинской философии предсуществование душ признавал Платон (правда, Платон говорил о многократных воплощениях – реинкарнациях во многие тела, включая неразумные формы жизни, а Филон учил о единократном ниспадении чистых духов в грубо материальные тела), о возвращении мира к прежнему состоянию, как мы уже сказали, учили стоики. Здесь-то и покоятся вероятные предпосылки для заблуждений Оригена, который, будучи ученым александрийцем, несомненно, знакомился с мировоззрением своих идейных предшественников. Учитывая подобные мысли о предсуществовании душ и мнение об апокатастасисе, становится понятным, почему отцы Трульского собора (691 г.) назвали Оригена и его последователей людьми, «возобновившими эллинские басни» (1 правило).

Ориген часто упоминается в современных богословских дискуссиях. В зависимости от личного отношения к предложенным им идеям, высказываются самые разные версии об отношении Церкви к Оригену. Некоторые утверждают, что сам Ориген был вполне православен и высказал свои мнения лишь для того, чтобы быть лучше понятым эллинской средой, высказал лишь как гипотезу, соответственно,

Церковь осудила только ложные идеи-предположения, но не самого Оригена.

К сожалению, это не так. Церковь осудила не просто отдельные мысли Оригена, как это было, например, на Пятом Вселенском соборе с блаженным Феодоритом Кирским, писавшим одно время против борца с несторианством святителя Кирилла Александрийского, или с Ивой Эдесским, написавшим письмо в защиту Нестория. Данные произведения были Церковью отвергнуты, сами же отцы, написавшие их, были оправданы. С Оригеном ситуация оказалась иной – Церковь осудила как его сочинения, так и его самого. Такому решению предшествовал эдикт императора Юстиниана, легший в основу определения поместного Константинопольского собора 543 года. В частности, на этом соборе было провозглашено: «Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет после восстановления демонов и нечестивых людей, – да будет анафема» (9-й анафематизм).

В 553 году осуждение Оригена подтвердили отцы Пятого Вселенского собора. 11-й анафематизм звучит буквально так: «Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и Оригена, с нечестивыми их сочинениями, и всех прочих еретиков, которые были осуждены и анафематствованы святою кафолическою и апостольскою Церковью и святыми четырьмя помянутыми соборами, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно вышесказанным еретикам, и пребыли в своем нечестии до смерти, тот да будет анафема». Иными словами, Церковь анафематствует тех, которые сами не анафематствуют Оригена, то есть не признают его учение противоречащим Православию. В приведенном анафематизме сам Ориген поставляется в ряду прочих известных

еретиков. Многих подкупает ученость Оригена и его миссионерские заслуги. Когда к преподобному Симеону Юродивому (VI в.) пришли два монаха с подобным вопросом, святой разрешил их сомнения следующим образным выражением: «Ориген... зашел в море, не мог из него выйти и потонул в глубине»¹. Глубина учености способна не только утолить жажду, но и утопить. Трагедия Оригена заключалась в том, что его личный гений обрел слишком многих беззаветных поклонников, которые вслед за научными достижениями приняли догматические ошибки Оригена и развили их еще больше (что наиболее остро проявилось в первой половине VI века и завершилось церковным осуждением оригенизма). Что же касается самого по себе миссионерства или аскетизма, то известно, что талантливymi проповедниками и аскетами были не только святые, но и еретики, например Арий и Несторий. Вообще, под именем оригенизма понимается совокупность заблуждений, выраженных и развитых Оригеном: учение об ограниченности могущества Божия, предсуществование душ, посланных в тела для наказания за грехопадение, существование многих миров, одни из которых предшествовали нашему миру, а другие будут после него, мнение об одушевленности и разумности небесных светил, учение о сферичности первозданных разумных существ и т. д. Однако, как нам кажется, в наше время наиболее актуальным является оригенизм в его эсхатологическом ключе, то есть в отношении последних судеб мира и конечной участи человека. Эсхатологический оригенизм проявляется в той же самой идее – загробные муки конечны. В подобных представлениях эсхатология сводится к двум этапам посмертного бытия – на первом этапе душа получает воздаяние по собственным заслугам,

соответственно одни идут в рай, другие – в ад; на втором этапе, с наступлением после Второго пришествия Христа благодатного вечного Царства, грешники, прошедшие гееннское очищение, изымаются из адского огня, и таким образом «...будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15: 28).

Надо сказать, что в идее апокатастасиса (всеобщего восстановления) есть свое рациональное зерно. Как мы знаем, начало мира – в благодати Божией, и завершиться бытие мира должно также Божественной благодатью – окончательной победой над злом, вечным торжеством Царства Божия. Ведь для благого и всемогущего Бога не бывает неизлечимых болезней, почему сотворенный мир должен вступать в вечность ущербным? Исходя из благодати Божией, сторонники апокатастасиса делают скоропалительный вывод – всё должно стать таким же благим, каким оно было когда-то. Но все дело в том, что благодать Божия не есть циничное уравнивание добра и зла, благодать Господа не отменяет нашу ответственность за личный жизненный выбор, благодать Создателя не перемальвает личное свободное самоопределение Его создания – человека.

Вечное спасение есть та духовная точка, в которой встречаются и пересекаются два взаимонаправленных вектора – Божие милосердие к человеку и человеческое усердие в стремлении к Богу. Одних только сил человеческих недостаточно, потому что никто из людей сам собой не взойдет на Небо, но и Божие милосердие само по себе не спасет человека, если он не будет стремиться к этому.

Когда мы говорим о земном, то признаем банальную истину: подлинная любовь уважает свободу другого, и потому истинно любящий не будет овладевать предметом своей любви помимо его желания. Почему же мы думаем, что в мире духовном должен игнорироваться этот

¹ См.: Житие святого Симеона Юродивого – 21 июл./3 авг.

важнейший закон, когда одним из проявлений образа Божия в человеке является как раз его свобода, реализующаяся в личном выборе. «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор. 30: 15), – возвестил пророк Моисей от лица Божия. «Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (Сир. 15: 17). Бог сотворил не робота, бездушно исполняющего команды мастера, а живое разумное существо, способное принимать в глубинах своего сердца свободные, личные, ни от кого не зависящие (в том числе и от Бога) решения. В этом был риск, потому что свободный выбор предполагает возможность двух противоположных отношений к Богу и соответственно двух противоположных состояний в вечности. Всевышний создал, как сказано в известном парадоксе, «тот камень, который Сам не сможет поднять» – если конечно «камень» не хочет этого. Окаменение грешника в его личном безбожном выборе не позволяет (употребим категоричное выражение) Богу согреть и одухотворить его душу любовью, хотя эта любовь окружает его так же, как воздух окружает переставшего дышать.

В системе Оригена имеется много логических неувязок, непродуманности, на что указывали многие исследователи (допустим, безусловное очищение всякого грешника не гарантирует его дальнейшей добровольной праведности, и Ориген считал, что очищенные души затем вновь будут падать и вновь посылаться в тела, опять возникнет такой же мир и всё пойдет заново – смысл тварного мира теряется в круговращениях вокруг падений разумных существ). Но здесь важно понять, что дело совсем не в отсутствии системной логичности. Ведь если подходить только с точки зрения «рацио», придаться можно и к системе православной догматики.

Однако вспомним, что святые отцы и великие христианские богословы, чьи мыс-

ли наполняют систему православной догматики, основывались не только на человеческой логике и продуманности богословской системы с позиции земных наук, а прежде всего на Божественном Откровении. И там мы совершенно определенно читаем: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25: 46) – подобно как блаженство праведников будет вечным, так же вечными будут и муки нераскаянных грешников. «Лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9: 43-44) – вечность понимается как бесконечность, непрекращаемость.

«Не познавшие Бога и не покоряющиеся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа... подвергнутся наказанию, вечной гибели» (2 Фес. 1: 8, 9) – они подвергнутся не очистительному огню, а вечной гибели. Таким образом, вечность мук – истина, ясно открытая нам в Новом Завете. Даже в Ветхом Завете излагалась та же самая истина, например, у пророка Даниила в описании будущего всеобщего Воскресения: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12: 2).

Нельзя не согласиться, что осознание подобных истин несет с собой тревогу, ведь мы не знаем собственной будущей участи. Поэтому важно понять, что Церковь избличала оригенизм не для того, чтобы радоваться о будущем вечном возмездии грешникам, а для того, чтобы мы вовремя увидели истинное положение вещей, начали ценить отведенное нам Богом время. Правда оказывается суровой, но она лучше заманчивой и льстивой лжи. Святитель Иоанн Златоуст предостерегал: «Диавол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в геенну. Напротив, Бог угрожает геенной и ее приготовил, чтобы мы, зная

о ней, так жили, чтобы не впасть в геенну» [7, с. 786]. Этот же святой отец говорил об аде, что «заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает» [6, с. 458].

Иногда от людей, которые стараются наиболее ясно раскрыть евангельское благовестие, можно услышать, что сущность Божия есть любовь. С богословских позиций это не совсем точно, потому что сущность Божия непостижима и невыразима, она не может быть определена пусть и самым прекрасным человеческим словом. Тем не менее, можно сказать, что любовь есть самое возвышенное свойство Божие. И из того, что можно на человеческом языке сказать о Боге наиболее проникновенно, есть известная фраза апостола Иоанна: «Бог есть любовь» (1Ин. 4: 16).

Бог есть любовь не в смысле сентиментальной жалости к падшему мирозданию. Бог есть Любовь и не в смысле безграничного снисхождения к любым нашим проступкам – «Никому не заповедал Он поступать нечестиво, и никому не дал позволения грешить» (Сир. 15: 20). Но Бог есть Любовь в том смысле, что дарует нам возможность принять участие в Его вечной Божественной жизни, для чего по любви к человеку пострадал во плоти за наши грехи – «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою» (1Ин. 3: 16).

Удивительные оттенки обретает эта мысль в полном контексте Писания: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин. 4: 16). Создатель подает нам возможность, активную силу, способную нас возвести к Нему. Этой возможностью является, как

искренний отклик души, наша личная любовь к Нему («и пребывающий в любви пребывает в Боге»), которая, если действительно обымает душу, становится активной силой, побеждающей грех.

В этой связи задумаемся над следующей истиной. Вечное Царство Божие есть Царство Любви, ибо Сам Бог есть Любовь. И потому в Его Царстве жить смогут лишь те, кто Его действительно любят – «Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он» (1Ин. 4: 17), кто ради любви к Нему отреклись от греховных соблазнов, победили в себе пороки и страсти, которые все основаны на ложной любви к себе и болезненной привязанности к тленным, эфемерным благам мира земного. Любовь выражается в верности, и кто говорит, что любит, но каждый день изменяет, тот лжет. Порочный человек любит собственные страсти больше, чем Бога, – как такой сможет созерцать в раю святость Божию? Любовь к Богу выражается в верности Его заповедям, а заповеди предполагают труд над собой, преодоление в себе того, что мешает нам быть с Богом. Наши грехи и страсти подобны тлеющим уголькам, способным разгореться в адское пламя, нестерпимо жгущее душу в вечности.

Итак, суть вечных мучений не в том, что грешников наказали по нелюбви к ним, а потому, что они сами оказались неспособны к любви. Не в гневном отвержении оступившихся суть мучений, а в их личном отвержении Бога и обращенной к ним Его любви. Действительно, как находится в раю тому, кто не любит Бога и ничего не сделал для того, чтобы явить эту любовь в собственной жизни? Это станет настоящим мучением, адом. Вот в этом и заключается суть загробных страданий. Святой Иринеи Лионский писал: «Всем, соблюдающим любовь к Нему, Он дает Свое общение. Общение же с Богом есть

жизнь и свет и наслаждение всеми благами, какие есть у Него. А тех, которые по своему произволению отступают от Него, Он подвергает отлучению от Себя, которое сами они избрали. Разлучение с Богом есть смерть, и удаление от света есть тьма, и отчуждение от Бога есть лишение всех благ, какие есть у Него. Посему те, которые чрез отступничество свое утратили вышеупомянутое, как лишенные всех благ, находятся во всяческом мучении, не потому, чтобы Бог Сам по Себе наперед подвергал их наказанию, но наказание постигает их вследствие их лишений всех благ. Но блага Божии вечны и без конца, поэтому и лишение ихечно и без конца, подобно тому, как относительно неизмеримого света сами себя ослепившие или ослепленные другими всегда лишены сладости света не потому, чтобы свет причинял им мучение слепоты, но самая слепота доставляет им несчастье» [4, с. 50].

В наши дни нередко озвучивается мнение, что расставшись с телом, душа непременно увидит Христа в аду и, если захочет, примет Его уже там (такова идея вневременного, а не единократного сошествия Христа во ад). Также высказывается мысль, что во время Второго пришествия, с явлением Христа – Солнца правды на Страшном Суде, люди всех вер и безверия, как только увидят Его, так сразу же примут Его и спасутся, поскольку не смогут со всей очевидностью не признать Его как истинного Спасителя. В этой связи приведем слова преподобного Симеона Нового Богослова: «Подобно тому, как слепцы, не видящие сияющего солнца, хотя и всецело, со всех сторон бывают освещаемы им, однако являются вне света, будучи удалены от него чувством и зрением; так и Божественный свет Троицы есть во «всём», но грешники, заключённые во тьме, и среди него не увидят его и совершенно не имеют божественно-познания и чувства, но опаляемые и

осуждаемые своею собственною совестью, они будут иметь неизреченное мучение и невыразимую скорбь во веки» [8, с. 123]. Иными словами, та духовная темнота, которая стала внутренней сутью безбожных людей, при явлении истинного Света никуда не исчезнет, а только обернется вечным мучением, которое тем мучительнее, чем противоположнее бескрайнему Свету.

Несомненно, что при Втором пришествии Христа, когда Он явится во всей Своей славе и величии, Его вынуждены будут признать Богом и Вседержителем даже самые упорные в неверии, закоренелые грешники. Но запоздалое раскаяние уже не принесет пользы, не оправдает их на Страшном Суде. Второе пришествие явит Христа как Судью и Владыку. Признание Его таковым станет лишь обнаружением очевидного факта, а не итогом личного свободного принятия Его как Спасителя. Святой Ириней Лионский, описывая веру древней Церкви, свидетельствует о грядущем Суде: «Пред Христом Иисусом, Господом нашим и Богом, Спасом и Царем, по благоволению Отца невидимого, «преклонится всякое колено небесных и земных и преисподних, и всякий язык исповедает Ему» (Флп. 2: 10–11), то есть да, пред Ним в день Суда все преклонятся, но дальше святой Ириней продолжает: «И да сотворит Он праведный суд о всех: духов злобы и ангелов, согрешивших и отпадших, а также и нечестивых, неправедных, беззаконных и богохульных людей Он пошлет в огонь вечный, напротив праведным и святым, соблюдавшим заповеди Его и пребывшим в любви к Нему от начала или по раскаянии, дарует жизнь, подаст нетление и сотворит вечную славу» [4, с. 50].

Некоторые полагают, что в основе отвержения Бога лежит только незнание: люди не знали, какое счастье они обретут, если обратятся к Богу, а во время Второго Пришествия (да и вообще, в самых адских страданиях) узнают и потому обратятся.

Но дело в том, что во многих случаях не было и произволения к знанию. Святитель Григорий Двоеслов верно сказал: «Нечестивые потому имели конец грехов, что имели конец жизни. Они желали бы, если бы могли, жить без конца, чтобы иметь возможность грешить без конца» [1, с. 688]. Эти люди подобны богачу из известной евангельской притчи, который просил нищего Лазаря доставить ему прохладу хотя бы на миг, но сам так и не вспомнил про Бога – его беспокоили душевные страдания, а не лишение Бога. Свыкшиеся со грехом, мучиться не хотят, но и Небесный Отец им не нужен. Таковым хочется, чтобы им просто было всегда хорошо, и при чем здесь Создатель? Они не хотят усилий для общения с Господом, но и не видят реальных последствий жизни без Бога. Их внутренний мир ориентирован на комфорт и усладу, только вот эти сладости и покой кардинально иного порядка, чем блага Божии, обретаемые в Его вечном Царстве. Тем не менее, бытие создано Богом с определенными законами. Есть законы физического порядка, а есть законы порядка нравственного и духовного. Согласно последним, не может вечное счастье быть подано беззаконию, ставшему второй природой, натурой грешника. Не в возмездии здесь дело, а в духовно-нравственном достоинстве человека. Наша реальная жизнь, качества нашей души преломляются в вечности в то состояние, которое окажется для нее вполне своим и естественным – либо благим, либо мучительным. Симпатия к взглядам Оригена особенно понятна в наши дни, когда хочется пожить здесь в свое удовольствие, но и там, за гробом, не лишиться блаженства. Слостолюбивый мечтает о наслаждении. И собственно рай он представляет как полноту телесной сладости. Если же мы признаем, что «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14: 17), то ясно, что причастниками

Царства могут стать только те, кто стяжали благодать Духа Святого, в ком воцарились праведность, мир и радость, которая рождается в душе от общения с Богом (также как тоска и уныние – от утраты общения с Господом). «Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей» (Рим. 14: 18).

Потому что в приобщении Богу как высочайшему Благу уже содержатся все прочие блага и подлинное наслаждение, и в этом объективная причина для переживания душой райского блаженства. Мы все знакомы с притчей о десяти девах и знаем ее многообразные толкования. Особенно проникновенным является смысл, найденный в притче преподобным Серафимом Саровским. Не всякие по виду добрые дела являются елеем Господу, но только те, которые приносят нам благодать Духа Святого. Ведь человек может делать видимое добро из тщеславия, забывая о Боге и основываясь исключительно на собственном снисхождении к ближним.

Елей же мудрых дев есть обретаемая чрез истинно богоугодные дела благодать Божия, которая преображает внутренний мир человек. Соответственно, пред нерадивыми людьми двери затворятся не по жестокосердию к ним, а потому, что, не стяжав благодати, души их окажутся неспособны к восприятию благ Небесного Царства. В отношении апокатастасиса преподобный Иоанн Лествичник ясно писал: «Все, а в особенности падшие, должны беречься, чтобы не допустить в сердце свое недуг безбожного Оригена; ибо скверное его учение, внушая о Божиим человеколюбии, весьма приятно людям сластолюбивым» [4, с. 41]. Это значит, что люди, не желающие трудиться над преображением своей души, принимают мысль о будущем непременно прощении как оправдание собственных греховных слабостей. Ум, снабженный лукавой идеей, перестает контролировать чувства, которые льсти-

во склоняют душу к заманчивому наслаждению. Более того, человек, грешащий без страха о последствиях, лишает себя возможности покаяния. Он теряет благоговение, соответственно, перестает тепло и усердно молиться, ведь ему уже всё равно суждено конечное спасение. Это подобно анестезии, принимаемой для того, чтобы насладиться собственным кровопусканием. Каждый потерянный для спасения день становится очередной ступенькой в Ад, по которой пятится сторонник апокатастасиса, наивно всматриваясь в удаляемое от него бескрайнее небо как в гарантированную ему обитель.

В Православном исповедании Кафоллической и Апостольской Церкви Восточной, составленном в противовес распространявшимся протестантским заблуждениям и принятом как вероучительная книга Православными Восточными Церквями в XVII веке, одним из грехов против Духа Святого называется «чрезмерное и безрассудное упование на благодать Божию» (наряду с такими грехами, как отчаяние в милосердии Божием, противление ясной истине и отвержение православной веры). В Исповедании далее объясняется: «Чрезмерное упование есть излишняя надеянность на милосердие Божие, когда кто-нибудь, продолжая сам грешить, надеется, что Бог не заключит от него благодати Своей, и не накажет его, а таким образом почитает за ничто Божественное правосудие. Те, которые впали в таковое заблуждение, пусть послушают Апостола, который научает их и говорит: «Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведёт тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога» (Рим. 2: 4–5). Таковы суть те, которые осмеливаются дерзновенно говорить: «если угодно Богу,

спасусь; если не угодно, погибну», а по сему самому вовсе не пекутся об исправлении себя, и, как маловажное, презируют спасение души своей» [2, с. 122].

Среди религиозных мыслителей встречались такие, которые объясняли вечность мучений не в смысле бесконечной продолжительности, а в смысле необъятной полноты переживания мук. Глубина адских страданий такова, утверждали они, что переживание их душой оказывается бесконечным, вечным в самом их восприятии (тогда как сами муки будут иметь конец).

Проиллюстрировать это можно сказанием о некоем страдальце, который согласился взамен года земных страданий провести в аду всего три часа, но пребывание это показалось ему таким продолжительным и безгранично мучительным, что не было никаких сил терпеть, словно прошли столетия, и когда его извлекли оттуда, оказалось, что он провел там всего один час. Но все дело в том, что необъятная полнота переживания мук не отменяет их вечную продолжительность – в этом весь ужас геенны! В упомянутой же концепции мы видим созвучие учению Шлейермахера о том, что сама религия есть переживание бесконечного в конечном. В итоге, в подобной философской системе собственно нет и Бога, а есть лишь глубокое чувство человеческого сердца, переживающего гармонию бытия, его неповторимость и глубину. Если так объяснять вечность мук грешников, то как объяснить вечность блаженства праведников? Никто, ни Сам Христос, ни святые отцы не говорили, что вечность мук означает всего лишь глубину их переживания при том, что сама эта вечность должна окончиться.

Святитель Феофан Затворник писал: «Вы забываете, что там будет вечность, а не время; стало быть, и всё там будет вечно, а не временно. Вы считаете мучения сотнями, тысячами и миллионами лет, а там ведь

начнется первая минута, да и конца ей не будет, ибо будет вечная минута. Счет-то дальше и не пойдет, а станет на первой минуте, да и будет стоять так» [9, с. 32]. Таким образом, дело не только в невозможности механически изменить свободно-разумное существо, но и в особом свойстве мира духовного. Душа человека, покидая бренное тело, переходит в вечность, где просто нет времени, а значит, нет и кардинальных изменений, возможных в нашем переменчивом мире (до Страшного Суда бытие невидимого мира еще созвучно и симметрично нашему времени, но после Суда, по слову Писания, «времени уже не будет» (Откр. 10: 6)). Поэтому, согласно однозначному свидетельству святых отцов, когда душа расстается с телом, покаяние уже невозможно. В вечности есть лишь раскрытие личного духовного самоопределения, ставшего явным за пусть и короткое время жизни земной. И потому одни души предстанут в свете благодати Божией, к которой они всем сердцем стремились, а другие – во тьме грехов, поглотившей, словно мутное болото, внутренний мир человека.

Наше падшее естество с тайной радостью принимает учение апокатастасиса не потому, что грешный человек радуется о спасении всего человечества и даже демонов, а потому, что ложная надежда дает возможность грешить без страха за свою вечную жизнь.

Современные либерасты и гуманисты в один голос заявляют: «Надо любить Бога, а не бояться Его, так как Бог есть Любовь». Они не понимают глубины Адамова падения, не сознают, что страстный человек любит свой грех, а не Бога.

Начало спасения – страх перед Богом, который затем переходит в благоговение. Только человек, живущий по воле Божией, может реально пережить любовь Божию, не как мечтательное состояние и эмоциональную горячность, а как высший дар благодати.

Конечно, участь расставшихся с телом и попавших в темницы ада христиан до Страшного Суда еще может меняться – по молитвам Церкви и в связи с милостыней родных и близких, с поминанием души почившего. Но речь здесь идет уже не о покаянном делании находящейся в аду души, а только о ходатайстве Церкви, восполняющей недостающее почившему христианину. Изменяется участь человека, имевшего в земной жизни веру во Христа, молившегося, боровшегося с грехом, но не явившего должной высоты добродетелей.

Читатель вправе задаться вопросом о том, как вышеизложенные положения могут коррелировать с проблемой “21.12.2012”?

Закончится цикл календаря майя и начнется новый? Тогда по-прежнему можно есть, пить, веселиться! А если в этот день мы умрем? Бог милостив и не допустит наших мучений в вечности или позволит нам реинкарнировать, например, родиться бабабами!... Либо... все-таки Страшный Суд?!

Да, дорогой читатель, Бог весть, когда каждому из нас надлежит отойти в вечность, но несомненно одно – каждый из нас окажется на Страшном Суде! В этом смысле слова Символа Веры – «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.» – являются определяющими.

P.S. Напечатал статью и вздрогнул... Ее объем – 66,6 КБ.

P.P.S. Призываю всех нас отрешаться от власти магии чисел и вверять себя Христу, нашему Богу и Промыслителю!

Библиографический список

1. Григорий Двоеслов, св. Творения. – М., 1999.
2. Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере.
3. Иоанн Лествичник, преп. Лествица. Сл. 5: 41
4. Ириней Лионский, св. Творения. – М., 1996. Творения. Из-во Св.-ТСЛ, 1995.
5. Ориген. О началах. Кн. 2. Гл. 10: 6).

6. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 8. Кн. 2. – М., 2002.

7. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 7. Кн. 1. – М., 2000.

8. Симеон Новый Богослов, прп. Творения. Св. – ТСЛ., 1993. Т. 3.

9. Феофан Затворник, свт. Созерцание и размышление. – М., 1998.

УДК 234.22
ББК 63.3(2)6-7

Роднов Л. Н.

О СОБОРНОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ

Аннотация. После того, как определились сознание с его разумно-нравственной сущностью, становится ясно, что душа в своей нравственной и разумной истине становится тождественной не просто сознанию, а сущности его.

Ключевые слова: соборность, душа, мыслитель, этика, Гегель, Маркс, государство, сущность.

«Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к корню – к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что эта любовь – костромская, ибо нет во всей России, а, может быть, и на земном шаре, никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи... И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни поддает, что хочет расти не на корне, а “само по себе”»

Из письма Павла Флоренского Василию Розанову

Приведенные строчки из письма П. А. Флоренского нашему замечательно-му земляку В. В. Розанову, написанные почти сто лет тому назад, удивительным образом совпали с высказанной знаковой фразой нашего обаятельного губернатора И. Н. Слюняева, так органически вписавшегося в ту удивительную и своеобразную среду, которую мы называем костромской. «Кострома – душа России» – лучше, лаконичнее и точнее не скажешь. Эта фраза стала своеобразным «брендом» нашего города, и тем самым она накладывает нравственную ответственность не только на самого губернатора и всех субъектов власти в нашем городе и области, но буквально на каждого из нас, и даже особенно на каждого из нас. Каждый человек, живущий и работающий в нашем Костромском крае, должен соответствовать той характеристике нашей, которую нам дал

великий мыслитель П. А. Флоренский – ученый, теолог, философ.

Однако при этом необходимо заметить, что высказанная Флоренским мысль о Костроме и костромичах может вполне быть подвергнута сомнению по причине ее субъективности. На самом деле, почему бы, например, губернатору Ярославля или Нижнего Новгорода, а тем более мэру Москвы не заявить то же самое, сказать, что именно их город является «душой России»? Аргументы для положительного решения их заявлений, наверное, нашлись бы и тут. Вместе с эмпирическими фактами. Наверное, нашелся бы и соответствующий авторитет ранга Флоренского, который высказал почти ту же мысль в прошлом.

В силу сказанного автору этой статьи ничего не остается делать, как постараться выбранную тему исследовать так, как бы это сделал сам полукоренной о. Павел

Флоренский и коренной костромич и не менее крупный мыслитель Василий Розанов. Здесь уже было не обойтись без живого анализа того, что люди называют «душой», и философского определения такой важнейшей общности людей, которая выступает под именем «соборность». Понятно, что без критики формализма и абстракционизма в истории определений человеческого бытия автор обойтись не мог, как не мог бы обойтись любой мыслитель типа Флоренского и Розанова.

Начать этот анализ необходимо, как полагаю, с исторического вычленения двух родов опыта: 1) опыт научно-эмпирический, ведущий к акту его индуктивного обобщения на основе повторения одного и того же в системе свойств и отношений представляемых в этом опыте предметов как неких объектов, как неких буберовских «Оно» [1, с. 16–92]; 2) опыт философско-экзистенциальный, когда рассудочный гнозис, связанный с первым родом опыта, полностью отсутствует, будучи замещен актами чувственных переживаний субъекта как «яйности», где есть такой субъект, который «присутствует в мире», и, будучи присутствующим, он воспринимает мир не иначе, как «Ты», т. е. живет им, воплощается в него, *переживая*.

Вся западная философия, начиная с античности, с древних греков, всегда исходила из первого рода опыта, особенно начиная с Сократа, пуская философскую мысль по пути жесткого гносеологического рационализма, строгой рассудочности даже в той сфере жизнедеятельности людей – сфере этической, где она чувствовала себя неудобно, как будто входила в «дом», где ее совершенно не ждали и впредь не хотели иметь с ней никакого дела. Вместо того, чтобы повернуться и выйти в дверь как нежеланной гостье, попавшей совсем не туда, куда следовало бы, она, как ни странно, не только не выходила, но набравшись наглости, наводила там

свой моральный порядок, свои правила универсального поведения одного ко всякому другому и где всякая переживающая взаимная чувственность, не говоря уж о всплесках и бурях экзистенциальных страстей, объявлялась запретной и губительной для общественной, точнее – коллективно-гражданской, жизни людей. Наиболее адекватной формой такой рассудочной этики служит кантовский категорический императив в своей стандартной, или универсальной, форме: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она во всякое время стала общим законом» [2; 4, I, с. 260] «Золотое правило нравственности», как обычно называют современные кантианцы кантовский моральный императив, явно такого названия не заслуживает, даже будучи переформулирован по житейскому образцу: «Поступай по отношению к другому так, как ты бы хотел, чтобы другие по отношению к тебе поступили». Прежде всего потому, что кантовский моральный субъект – это вовсе не конкретно индивидуальное, живое человеческое «я», а «я» трансцендентально-познающее, стало быть, совершенно бесчувственное, абстрактное, чисто формальное, одним словом, «сознание вообще», которое только и способно на уровне выявленных Кантом рассудочных категорий что-то общезначимое (значимое для всех людей) образовать – будь это некая константа (закон) в науке или всеобщий (общезначимый) императив в социальной сфере деятельности людей. В «теоретической» сфере (научно-познавательной) мы имеем дело с законом и в «практической» (по Канту) – с долгом как иным выражением того же гносеологического закона. «Практический разум» Канта так же, как и «теоретический разум», оказался в своей трансцендентальной чистоте еще чище первого. Если «теоретический» еще мог синтезиро-

ваться с эмпирическим опытом, порождая из себя рассудочную сферу положительной науки (математики и математического естествознания), то второй – «практический разум», – имеющий по определению *безусловный* характер (система безусловных идей свободы, бессмертия души и Бога), опустившийся в нравственную (моральную) сферу бытия, уже ни с каким родом опыта иметь дела не мог. Поэтому кантовский моральный императив есть лишь порождение и выражение таинственной и в той же время пустой *доброй Воли*. Воля следовать долгу быть как все и при этом ничего не желать, никого не любить, никого не ненавидеть – это и есть «золотое правило нравственности»?

Ирония идейного рационализма истории европейской мысли, особенно ярко выраженная в кантовской трансцендентальной философии по отношению к этике, как раз в этом «правиле» себя и находит: говоря этому правилу «да!» (золотце ты мое!), она мыслит «нет!» (дрянь ты такая, погибель души моей!). На самом деле, если под «золотым» мыслить то, что этот предикат выражает, т. е. мыслить *золото* как концентрированное выражение материального богатства человека, то будет излишним доказывать, как это богатство, это стремление к нему, губит живую человеческую душу, губит человеческое в человеке. Когда меня студенты спрашивают, осмысливая эсхатологический вопрос и проблему человеческой судьбы, кого мне более всего жалко из живущих сейчас на Земле людей, имея в виду, скорее всего, нищих и, особенно, бомжей, то я на полном основании заявляю: мне более всего жалко не их, а конкретных субъектов той власти, которая создала условия для нищеты и бомжевания тех, кого вы жалеете, и, наряду с ними, тех самых, кого вы называете «олигархами», вообще людей, наживших свое материальное богатство за счет

ловкого прохиндейства и поганящих душу неблагодарности, зависти и злорадства. Заработанное таким образом богатство (золото) делает его обладателя глубоко несчастным человеком, т.е. абсолютно несвободным существом, к тому же отягощенным полным отсутствием интереса к чему бы то ни было из-за пресыщенности к потребительским «благам» жизни, ко всему тому, что вызывает психофизиологическое удовольствие. Духовного же удовольствия он не знает изначально уже потому, что для прохиндея Богом служит карьерная выгода, а средством ее существования – интриги с лицемерием, ложь и обман, исключаяющие духовность вместе с подлинной нравственностью.

Неправедным путем «заработанное» богатство страшнее реальной нищеты. Иначе почему бы людям без всякого исключения не радоваться случайно найденному пакету денег? Нет же! Находятся такие, и их достаточно много среди простых обывателей, которые, случайно найдя такой пакет, немедленно от него освобождаются, относя его в милицию или в какие-то другие государственные органы власти. Что их толкает к этому шагу? Страх? Наверное. Перед кем? Скорее всего, перед Богом. Не принадлежащее тебе, не заработанное тобой честно, но присвоенное тобой, оборачивается несчастьем по отношению к тебе. Историческая память таких поворотов в судьбах людей не смывается временем, равно как и то, что легко заработанные деньги с такой же легкостью и испаряются, при этом нанося обладателю их тот или иной вред, например, – здоровью.

Да, мы здесь толкуем о странностях человеческой души, размышляя о кантовском моральном императиве. И эта душа буквально кричит от возмущения – от того, к чему ее принуждает кенигсбергский мыслитель своим категорическим императивом. Ну как, например, не возмутиться живой человеческой душе вот

этим заявлением Канта: «Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» [2; 4, I, с. 415]. Не понимая смысла кантовской этики, обычная человеческая душа вообще начинает входить в ступор, когда слышит от нашего мудреца, что даже *любви* не находится места в определении нравственного долга, поскольку долг этот принуждает своей трансцендентально чистой формой, так сказать, приказывает, а «человек не может любить по приказанию» [2, с. 409]. Хочешь быть гражданином? Блуди долг и всячески сторонись наслаждений! А как же, в таком случае, жить в супружеской связке? Блюсти супружеский долг оказывается делом невозможным, ибо в этом случае от физического наслаждения избавиться невозможно, в конце концов человечество должно воспроизводиться, дети рождаются. Как тут быть? Ведь вся трансцендентальная логика кантовской этики своим гражданским долгом в форме категорического императива запрещает исполнение супружеского долга. Получается, что нравственный кантовский идеал осуществим лишь в кастрированном обществе, которое обречено на гибель.

Чтобы решить какую-либо настоящую проблему, ее необходимо довести до кричащего противоречия, в данном случае, с реальной жизнью, но при этом не забыть вскрыть и причину, которая привела, в данном случае Канта, к такому печальному итогу, граничащему с обычной человеческой глупостью, если не сказать сильнее – тупостью. Ведь мы все-таки здесь имеем дело не с каким-то там Мармеладовым, а с самим Кантом, с самим Кантищем, как его величали великие люди от культуры с ее философией и особенно от науки. Ведь не кто иной, а именно И. Кант вывел европейскую философию из догматического состояния и гносеологического тупика, совершив тем самым «Коперниканский переворот»

в ней. Здесь нет смысла пересказывать все то, что написал сам Кант и что написали о его учении его библиографы и критики. Я хочу лишь представить ситуацию, заставившую Канта последовательно и никуда не сворачивая двигаться к тому морально-нравственному тупику, который мы выше обнаружили и который, спасая гражданина, губит в нем живого человека, заполненного опытом переживаний, событийных состояний своего собственного эгоистического «я».

Сначала спросим себя, поставив себя на место нашего философа: вышедший из утробы матери младенец при рождении его на Свет Божий в каком качестве нам является? В качестве человека или какого-то иного существа? Кто-то, не задумываясь, может сказать: в качестве будущего человека. Умница Кант отвечает на это: родившийся на свет младенец не будущий человек, а уже человек, поскольку если он только «будущий человек», то здесь и сейчас, в момент рождения, он еще не человек, а из нечеловека никакого человека в будущем не станет. Правильный и точный ответ подлинного мыслителя! Но если народившийся младенец есть уже человек, то в нем с необходимостью заложена способность мыслить, при этом еще не обладая никаким эмпирическим опытом жизни, что очевидно. Какой же вывод отсюда следует? Только тот, который и сделал Кант: будучи уже с самого рождения мыслящим человеком, он обладает этой способностью в силу того, что опять же уже владеет средством реализовать эту способность. В качестве этого средства и выступает система чистых форм созерцания окружающего мира и чистых форм самой мысли, которые со времен Платона принято называть категориями. Эта система форм «чиста» в силу того, что изначально (с рождения человека) не замутнена никаким эмпирическим опытом, т. е. носит априорный (до-опытный) характер, иначе – трансцендентальный.

Так возникает трансцендентальная логика синтеза Канта, в противоположность формальной, Аристотелевой, логике абстрактного тождества, которая не позволяла ответить на все основные вопросы теории познания. Ни что такое наука, в отличие от венаучного знания, ни что такое научная истина и как она возможна, и почему возможно наращивание научного знания, и как возможна математика, которая является, по заявлению Декарта, критерием научности, и является ли сама философия наукой, а если не является, то почему? На эти и другие вопросы Кант ответил так, что по прошествии двух столетий после его смерти (1804 г.) философы продолжают вести дискуссии по адресу его трансцендентальной философии, и ни один серьезный философ его критическую мысль обойти не в состоянии.

А теперь постараемся понять причину, которая заставила Канта построить такую этику, которую не в состоянии выдержать ни одна живая душа, что дает нам возможность с этой живой душой разобраться и так же весьма строго подвести философскую базу под понятие христианской соборности, связав его с понятием души.

Представим положение: в хирургическом зале идет операция на сердце больного, который, как обычно, уже близко сошелся (сроднился) с хирургом, который эту операцию проводит. Если хирург, проводя эту операцию, будет проявлять к оперируемому свои нравственные, душевно-сердечные, свойства: волноваться за него, жалеть его, бояться сделать какую-либо ошибку, то резко увеличивается возможность как раз эту ошибку сделать и отправить больного на тот свет. Хирургу здесь просто необходимо полностью абстрагироваться от всех душевных, морально-нравственных свойств своей собственной человеческой души и сосредоточить свое сознание на строгом знании и последовательности того, что надо, что *должно* шаг за шагом делать. Здесь надо быть стро-

гим *рационалистом*, математически мыслящим существом. В силу этого обстоятельства хорошие хирурги отказываются делать ответственные операции своим особенно близким людям, родственникам. Их можно вполне понять. Причина тому очевидна.

Мысль Канта лежит на том операционном столе и *спасает* оперируемого. Но немецкий мыслитель идет дальше: на его операционном столе лежит все европейское (по крайней мере) общество, а в роли хирургов, стремящихся это общество оздоровить, осчастлививая каждого его члена, – субъекты государственной власти, чиновники во главе с главным над ними чиновником – монархом, царем, королем, императором, президентом, премьером – неважно. Вместе с Кантом теперь мы оказались в сфере господствующего в его время политического патернализма, в согласии с которым властвующий субъект считается соответствующим своему назначению, если он выполняет роль достойного отца, т.е. который действует в духе доброго наставничества, любящего сострадания и отеческой заботы о вверенных ему людях. Проблема только в том, что идея о таком достойном отце-властителе возникает в сознании человека, как верно замечает Э. Ю. Соловьев, который «уподоблен недорослю, который сам не ведает, чего он «должен желать» [3, с. 6–7]. Вот это «желание» и возводится Кантом в условие человеческой – его личной – свободы. Быть свободным, быть «господином самому себе», оказывается, очень просто: необходимо отвлечься от всего, что не принадлежит человеческой чувственности, которая человека делает рабом своих ощущений довольства и наслаждения. Применительно к мундиру любого чиновника, хоть чем-то или кем-то руководящего, это совершенно верно. Можно быть очень добродорядочным и хорошим человеком, но очень плохим руководителем. Последний должен быть хорошим специалистом

и совершенно не обращать внимания на то, что из себя представляют подчиненные со стороны нравственных свойств – любящие они или, напротив, ненавидящие, совестливые они или, напротив, бессовестные и т. д. Главное, чтобы они исполняли то, что положено исполнять, исходя их профессионального долга. И тогда коллектив, возглавляемый таким начальством, равно как и все государство, будут работать как часики.

На что работать, какую функцию общества исполнять и какие задачи общественные решать? На все эти вопросы по существу ответил К.Маркс – один из самых выдающихся мыслителей XIX века, по сути (видимо, не ведая того) ответив на социально-правовые, а вовсе не нравственно-духовные, вопросы Канта. Государство со всеми своими гражданскими институтами есть (должно быть!) весьма жесткая рационально-рассудочная структура, работающая на заботу людей сугубо материально-экономического свойства. Человек должен материально жить достойно, иначе, будучи нищим, он – существо не свободное, он – раб обстоятельств и подлинный враг всякой нравственности, невежда, бунтарь, головорез. Чиновник на службе – это действительно бездушный, сугубо рассудочный рационалист, лишенный всяких нравственных порывов души, как хирург перед операционным столом, производящим свою работу, определенную нормами правосознания. Когда гетерономия права, как внешняя сила, воздействуя на сознание руководителя, становится его собственным имманентным содержанием, право становится автономной формой морали, или – по Гегелю – «философией права». Гегель в свое время очень хорошо понял Канта, откинув в сторону всякую нравственность, разрушающую своими переживаниями (любовь, совесть и т. д.) коллективно-действующую целостность государственного организма.

В отличие от Гегеля, Маркс, осмысливая кантовскую этику, будучи согласным, что только такая безличностная (и бездушная) мораль может успешно работать на материальную сторону жизни людей, утверждает мысль о том, что такая мораль необходима лишь в определенных условиях материального производства, когда над сознанием каждого человека довлеет забота об обычном физическом выживании в мире материальных забот и хлопот, но такое состояние общества, которое можно назвать гражданским, является временным, исторически преходящим. Эту мысль он высказывает в «Тезисах о Фейербахе» еще до того, как он «выпрыгнул», по его собственному выражению, из философии в сферу реальной человеческой жизни, в экономическое ее осмысление, которое, заметим, совершенно было чуждо И. Канту. Десятый тезис Маркса гласит: «Точка зрения старого материализма есть *гражданское* общество, точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» [4; 3, с. 4]. Удивительная вещь! Маркс всегда, во все времена истории был глубочайшей загадкой не просто для мыслителей, а мыслителей глубочайших. Его почему-то всегда «открывали», и открывали по-своему: материалисты приписывали его к материалистам, идеалисты – к идеалистам, и даже экзистенциалисты в лице такого выдающегося философа, как М. Хайдеггер, а далее Э. Фромм, Н. А. Бердяев и др. причисляли его к своему лагерю.

Я тоже попытаюсь обосновать свою установку на учение К.Маркса, используя заодно и самый знаменитый его тезис – последний, одиннадцатый: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [4; 3, с. 4]. Оба тезиса здесь тесно связаны между собой, притом так, что их можно менять местами – суть мысли Маркса при этом не изменится. После-

дний тезис обращен не к политикам и даже не к экономистам, а к *философам*. Спрашивается, как философ может «изменить мир»? Предлагать нищим братья за топоры и «идти в бой кровавый»? Смешно: как *философ* и даже как экономист (тут он себя называет материалистом) Маркс всегда и изначально был гуманистом, причем гуманистом глубоким, умным, в отличие, например, от Прудона с его «Философией нищеты». Можно сколько угодно морализировать, призывать к совести, к добру, к любви властвующую в обществе элиту, измазать моралином все стены кабинетов, где эта политическая элита служит народу, – дело в лучшую сторону жизни народа не изменится. Так считает Маркс, если его правильно понимать.

Маркс не может не понимать, что человек, в отличие от животного, потребляет то, что сам же коллективным образом и производит. Значит, от производства товаров человечество никогда освободиться не может, а вместе с этим оно не может освободиться и от стоимости товаров, порождающих капитал. Получается, что всякое общество, какую бы форму государственного правления (политическую форму) ни имело, есть общество капиталистическое. Поэтому нет ничего глупее, как противопоставлять капитализм социализму. Маркс прямо об этом никогда не говорит, заботясь прежде всего о формах собственности. Здесь я не могу не процитировать следующие суждения Маркса из «Экономическо-философских рукописей 1844 года»: «Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает – по *крайней* мере по отношению к *более богатой* частной собственности – зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти

и этого нивелирования... Что такое упразднение частной собственности (всеобщее огосударствление – Л. Р.) отнюдь не является подлинным освоением её, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [4, т. 42, с. 114–115].

Тут есть над чем подумать, имея в виду и выше приведенные тезисы. По сути дела, Маркс здесь ставит вопрос об определении общественной собственности, но такой, которая одновременно является частной – по принадлежности чего-то кому-то. Ведь ясно, что в условиях разделения труда общественной собственности как собственности, принадлежащей всем без исключения и включенной в реторту материального производства, просто не может быть в принципе. Государственная собственность – это тоже частная собственность, номинально принадлежащая части общества – государственным чиновникам. Это и Марксу, и даже Ленину было хорошо известно, и они об этом не только говорили, но и писали.

При поддержке Канта и с помощью Маркса эту проблему можно вполне решить, что позволит ответить на вопрос, поставленный фактически в заголовке нашей статьи.

Маркс различает общество гражданское от общества человеческого, судя по всему – подлинно человеческого, поскольку гражданин – тоже человек. Там, где собственность не «возвышается» до своей подлинной общественной сущности, она выполняет роль сугубо экономическую – деятельно-экономическую. В этой деятельности сознание субъекта не может быть никаким иным, как рассудочно-потребительским, озабоченным целью обладания, но никак не подлинного бытия. Об этом

как раз и говорит кантовский моральный императив, не позволяющий человеку проявлять свои нравственные свойства, связанные, прежде всего, с событием подлинной любви, иначе государство пойдет, так сказать, в распыл, государственные скрепы рухнут под воздействием человеческих переживаний, связанных с отсутствием свободы, а стало быть и справедливости. Одним словом, царство экономической необходимости порождает кантовское царство морального, а точнее – правового долга. В согласии с Марксом-философом, человек находится в оковах до тех пор, пока над ним господствует экономика [4, т. 25, ч. II, с. 386–387]. Свобода по принуждению в условиях довлеющей над сознанием человека материальной заботы не есть свобода. По Марксу, она начинается там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью [4, т. 25, ч. II, с. 386–387]. Как это ни странно кому-то покажется, но слово «гражданин» на самом деле соотносится с тем «гражданином», который приобрел известный смысл в наше незабвенное советское время. Чем определяется «гражданское общество»? Коллективной деятельностью людей, регулируемой институтами права. Вот почему в таком обществе целая армия юристов, а к ней добавляется не меньшая армия психологов, психиатров и психоаналитиков. Растет армия психически больных людей, не выдержавших мертвой хватки отчужденных от живой человеческой души морально-правового государственного обруча. И это все при наличии достойной материальной жизни...

Неладно что-то в датском королевстве, ох неладно! Глубочайший мыслитель XX века Мартин Хайдеггер (1889–1976), долгие годы осмысливая путь западноевропейской мысли, в самом конце своей жизни в интервью журналу «Шпигель», названному «Только Бог может еще нас

спасти», разворачивает тему возможной позорной кончины человечества, не видя путей исхода [5, с. 12]. Заметим здесь, что великий философ говорит о философии, о ее вине перед человеком и человечеством в целом. А вовсе не о чем-то другом. Своим рационализмом и неопределенным разумно экзистенциализмом философия загнала себя в угол научного позитивизма, расписавшись в своей полной беспомощности. Говоря словами Маркса, «дообъяснялась», даже не пытаясь, не делая никакой попытки хотя бы что-то изменить в жизни людей к лучшему. Вопрос здесь может быть поставлен, пожалуй, в единственно возможной форме: как научить человека мыслить так, чтобы, наконец, высушенная рассудком душа человеческая нравственно (сердечно) ожила? Чтобы мысль человеческая была в ладу с человеческой сердечностью, не разводилась с нею. Хайдеггер, заглянув в исток западной философии, к древним греческим мудрецам, фактически вынужден заявить: не с того, мудрые вы наши, начали вы философию, в вас причина нашего нынешнего конца, нашей гибели. Надо искать и найти иное, другое начало! Надежда умирает последней...

Показательно, а для нас сейчас особенно важно, что Хайдеггер в своем «Письме о гуманизме» особенно высоко оценивает не кого-либо, а именно Маркса, ставя его учение выше всех современных философских течений, в том числе выше феноменологии Э. Гуссерля, своего учителя. Хайдеггер пишет: «Бездомность становится судьбой мира. Надо поэтому мыслить это событие бытийно-исторически. То, что Маркс, в сущности в весомом смысле опознал вслед за Гегелем как *отчуждение* человека, уходит своими корнями в *бездомность* новоевропейского человека. Последняя вызвана судьбой бытия в образе метафизики, упрочена этой последней и одновременно ею же в качестве

бездомности скрыта. Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории. Поскольку, наоборот, ни Гуссерль, ни, насколько я пока вижу, Сартр не признает сущности исторического аспекта в бытии, постольку ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом» [6, с. 207].

Продуктивный диалог с марксизмом возможен, в свою очередь, лишь тогда, когда мы на Маркса с его текстами будем смотреть не как на экономиста (тут он – материалист, что само по себе естественно), т. е. не как на «физика» (в широком смысле этого слова), взывающего к классовой справедливости через революционно-насильственные действия пролетариата, а как на метафизика (философа), теоретически осмысливающего положение западного человека в мире через систему экономических категорий. В результате такого сугубо метафизического анализа Маркс приходит к заключению, что все человеческие беды, все несчастья человеческие, вся материальная и духовная нищета человека и человечества коренятся в человеческом *его*, в изначально каждому человеку данном эгоизме его собственного «я», и тут совершенно неважно, природой данному или самим Господом Богом. Было бы несправедливым скрывать здесь, что Маркс – атеист, не скрывающий своего атеизма. Будучи гуманистом в своей философской основе, он никак не может понять библейское утверждение, гласящее: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Как может любовь к себе идти впереди любви к другому, или иначе – быть порождающей причиной любви к нему? Маркс в принципе не может не согласиться с Кантом, в со-

гласии с которым человек по своей изначальной природе *зол*. На самом деле, откуда взяться любви к себе, в своем изначальном *его*, вне любви к другому? Неоткуда ей, этой любви, взяться. С другой стороны, и кантовской «доброй воле», даже в ее абстрактнейшей форме, взяться неоткуда. И опять возникает недоуменный вопрос: любовь порождает добро или, напротив, добро порождает любовь? Кант сам явно запутывается с этим вопросом, когда он у него возникает, видимо, при жизненной критике по адресу его этики долга, в согласии с которой, как мы уже видели, супругам не только непозволительно любить друг друга, но непозволительно и «супружеский долг» исполнять, поскольку моральный долг исключает всякое наслаждение, в том числе, что естественно, и сексуальное. Кант явно здесь чувствует себя неудобно со своей не менее «чистой» доброй волей. Под финал своего творчества, в «Метафизике нравов», он вынужден был пойти на уступки своим критикам, при этом весьма неудачно связав «добро» с «любовью»: «*Делать добро* есть долг. Кто часто делает добро и ему удается осуществить свою благодетельную цель, приходит в конце концов к тому, что действительно любит того, кому он сделал добро. Поэтому когда говорят: полюби своего ближнего как самого себя, то это значит, что ты должен непосредственно (сначала) любить и посредством этой любви (потом) сделать ему добро, а наоборот – делай своим ближним добро, и это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие, как навык склонности к благодеянию вообще» [2; 4, т. 25, ч. II, с. 337].

Мог ли Маркс согласиться с таким заявлением Канта? Конечно, нет, даже если бы под «добром» и «добродетелью» понималось то, что обычно понимают люди, которые сами дошли до отрицания обыденного представления об отношении добра и любви, заявляя: «Не делай добра,

если не хочешь получить зла». С Кантом можно согласиться лишь при неразвитом обыденном сознании, не отдающем себе отчета в определении понятия добра, что человек действительно любит того, кому делает добро. Но вот отвечает ли любовью этому «доброму» человеку тот, кому он это «добро» делает и в силу этого делания его любит? Реальная жизнь показывает, что в условиях выявленного Гегелем и Марксом отчуждения человека последний не любит такого вот «добродетельного», не желает ему добра. На самом деле, хорошо ли чувствовать себя должником? Тут вступает в силу чувство зависимости, жалости к себе, а на этой основе чувство зависти к «добродетели». Если же добродетель доходит до альтруистической крайности, когда «добрый» человек, помогая близким ему людям, полностью забывает о себе, о своем достоинстве принадлежать себе и любить себя, по сути превращая себя в половую тряпку, то как, спрашивается, такого «добраго» любить? Вот тут и возникает вопрос, в действительности ли такой «добрый» человек является добрым?

Оказывается, что добро нельзя постулировать, оно не есть нечто трансцендентально заданное, априори неизвестно откуда спущенное, даже в форме абстрактной кантовской «доброй воли». Это – во-первых. А во-вторых, откуда, в таком случае, берется зло в человеческом сознании? Оно что, тоже онтологически укоренено и трансцендентально определено? Но, таким образом, мы попадаем в онтологический круг: либо – по примеру Ф. Ницше – выскочить из этого живого круга, т.е. за пределы «добра и зла», и начать «любить дальше», естественно не любя ближнего и ближнего своего.

Такая философия, сказал бы умеющий крепко выразиться Маркс, не стоит и выеденного яйца. Человек есть существо, общественным способом производящее то, что потребляет и использует в виде

средства того же общественного производства. В качестве Робинзона он может осуществлять свою жизнь как животное со стертым в сознании его, «я есть я», или просто «я». Но если есть «я», если «я» есть, то я, во-первых, *свободен*, поскольку будучи в этом акте «я» *принадлежащим себе*, я *волен* поступать, не исходя лишь из сложившихся обстоятельств, а так, как мне желательно, так, как мне хочется поступить. Во-вторых, если «я» *есть*, то в сознании находит свое определение и его, говоря словом Спинозы, модус – его же собственное «не-я». Без «я» нет «не-я», а без «не-я» нет и не может быть «я». Стало быть, в самом определении *присутствия* человека в мире, в акте «я есть», мы обнаруживаем не только способность человека быть *свободным*, в отличие от всякого животного, но и коммуникативное свойство человека быть существом *общественным*.

Итог наших размышлений, по сути, мы обнаруживаем уже у молодого Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» он пишет: «Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*» [4, т. 42, с. 119].

Здесь требуется разъяснение и продолжение мысли Маркса, направленной на освобождение человека от оков тех экономических условий жизни, которые исключают его из подлинно общественного, коммуникативного, присутствия в мире. Маркс в тех же ранних «Рукописях» верно замечает, что для решения этой задачи необходимо «положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой жизни*», которое, одновременно, и «есть положительное упраздне-

ние всякого отчуждения, т.е. возвращение человека...своему *человеческому*, т.е. общественному бытию» [4, т. 42, с. 117].

И все-таки мы еще пока не видим ясно и отчетливо, что же имеет Маркс в виду, когда говорит о положительном упразднении частной собственности и, таким образом, преодолении отчуждения человека, превращении его в подлинно свободное существо. *Положительное* упразднение частной собственности есть не что иное, как мы полагаем, как гегелевское «снятие» ее, или, иначе, диалектическое ее отрицание. Что это значит? Это значит, во-первых, то, что частная собственность, как таковая, сохраняется. Иначе и не может быть в условиях разделения труда и где государственная собственность в той же степени является частной, т.е. принадлежащей части общества, как и всякая другая. Во-вторых, поскольку диалектическое отрицание этой собственности все-таки произошло, то мы уже имеем не частную – в обычном ее понимании, – а общественную собственность.

Представляется, что мы попали, таким образом, в кричащее противоречие: как возможно, чтобы частная собственность, *оставаясь частной, была одновременно общественной?* Обыденному сознанию это понять тяжело. Тем не менее именно в решении этого вопроса и заключается метафизический ответ и метафизическое обоснование того, что сам Маркс называет *человеческим* обществом в отличие от общества *гражданского*, метафизику которого фактически дал Кант своей рассудочной, а вовсе не разумной, как он ошибочно полагал, этикой с ее категорическим императивом, для которой человеческая душа – потемки или, что то же самое, «вещь в себе».

Однако для того, чтобы решить поставленную Марксом проблему, необходимо полностью преодолеть довлеющее над сознанием европейской философии в течение двух с половиной тысячелетий,

слепящее мысль «очарование» (К. Поппер) платоновской философии в ее узлом для всякой метафизики понятии – понятии разума как системы универсальных идей, или эйдосов (см. мои работы, которые можно найти на моем кафедральном сайте). Заметим при этом, что у Маркса понятие «общественное» и понятие «человеческое» по существу идентичны. Поскольку человеческие отношения людей в своей сути и сущности определяются любовью (деятельностью чувства сопереживания, сочувствия, сострадания), то любовь как особый деятельный феномен обязана войти и в определение понятия «общественное». Что это может значить? Да только то, что подлинный общественный человек – это человек, обладающий способностью нравственно любить. А теперь спросим себя: может ли человек любить то, что он не понимает? Само собой – нет! Он любит только то, что понимает, стало быть, и понимает лишь то, что любит. Отсюда следует, что *понимание* – это продукт деятельности разумной мысли, а поскольку он единится с любовью, то остается признать, что разум – это универсальная форма подлинной человеческой любви.

Вот только теперь и могут быть решены Марксовы вопросы, к решению которых он шел во всех своих философско-экономических произведениях, главное из которых заключается в двух последних тезисах о Фейербахе. Что касается общественной собственности, то эта собственность, принадлежащая подлинно общественному человеку, т.е. человеку, сознание которого определено понимающе-любящей его сферой – сферой разумно-нравственной. Коренная ошибка различения мыслителей на коллективистов и персоналистов заключается в том, что и те, и другие сводят «общественное» к «коллективному», отождествляют их. Коллектив – это общность людей, определенная субъективно-деятельной стороной их единства, родом их общей

деятельности. Но такое определение «общественного» еще не выражает своей истинно нравственной, стало быть, и разумной, сущности. Мы уже говорили выше, что человек может быть очень хорошим специалистом, и в коллективе, где трудится, его могут считать общественно активным существом, а вот в своей метафизически-онтологической сущности может быть полным ничтожеством – прохиндеем, в том числе и от науки, культуры и так называемой «гуманитарности», как любил выражаться мой незабвенный учитель, философ Э. В. Ильенков. Человек подлинно общественен не потому, что вместе с другими людьми делает какое-то общее дело, а потому, что понимает, следовательно, и любит тех, с кем это общее дело он делает. Такого человека принято называть *личностью*. Отсюда и более лаконичное определение *общественной собственности*. Она есть собственность, принадлежащая личности или коллективу личностей (подлинно общественных людей). По принадлежности такая собственность по-прежнему остается *частной*, а вот по состоянию сознания собственников она является общественной в силу того, что сознание их обладает разумно-нравственной (понимающе-любящей) сущностью.

Вот сейчас только мы и подобрались к человеческой *душе* и человеческой *соборности*. Все предыдущие наши размышления готовили метафизическую почву для этих всем известных понятий, вообще-то отпочковавшихся от философии. «Душа» отпочковалась от сознания, а «соборность» оказалась в распоряжении религии, а более точно – в распоряжении православного христианства. Мы здесь не можем не привести следующее определение соборности, данное в выступлении архиепископа Костромского и Галичского Александра на II Романовских чтениях от 26 марта 2009 года: «Соборность можно трактовать как *«свободное един-*

ство духа в союзе мира» (Еф. 4, 3), в вере и любви, утвержденное на жертвенном служении Высшей Правде. В социально-философском смысле соборное единство (людей – Л. Р.) – объединенное силой любви – противопоставляется ассоциации как объединению формальному, механическому, внешнему» [7, с. 10]. Данное определение соборности как нравственно-духовного единства людей полностью совпадает с той человечностью и той подлинной общностью людей, которую мы выше определили. Остается лишь добавить, что духовность в теологическом ее понимании есть то же, что и в понимании философско-онтологическом. Духовность базируется на нравственности, т. е. на любви как любви, но будучи духовностью, она есть особого рода любовь, особого рода нравственность – нравственность трансцендирующая, т. е. выходящая из предметного мира к Богу, его Духу. Правда, философ при этом добавляет, что вместе с любовью трансцендируется к Богу и универсальная форма любви – разум, становясь человеческой мудростью, понимающей, что «Бог есть» и все идет от него. И смерти нет.

Здесь мы прервемся, заметив, что и понятие души, как и *соборности*, тут находится на границе религии и философии. Вся религиозная философия говорила и говорит об «идее бессмертия души», об этой «идее» говорит и наш И. Кант, идя здесь по линии Платона. В согласии же с нашей русской философско-религиозной мыслью, бессмертна не идея души (идею любить невозможно), а сама душа. Здесь особенно выделяется, пожалуй, самый простой и, одновременно, самый глубокий, русский философ – И. А. Ильин.

Что же касается философов, не относящих себя к религиозным мыслителям, то понятие «души» оторвалось от понятия

сознания только потому, что последнее всегда мыслилось гносеологически, по-русски, – исходя из этимологии самого слова со-знание (совместное знание). Понятно, что в этом случае «душа», рационализируясь, омертвляется и в результате исчезает из определений потока индивидуального сознания. Теперь же, после того, как мы определили сознание с его разумно-нравственной сущностью, становится ясно, что душа в своей нравственной и разумной истине становится тождественной не просто сознанию, а сущности его.

Заканчивая эту статью, должен заметить, что она должна иметь продолжение, поскольку еще требует объяснения вопроса связи с понятием «сердца» и человеческой

сердечности, как и со всеми вопросами религиозно-эсхатологического уровня.

Библиографический список

1. Бубер М. Два образа веры. – М., 1995.
2. Кант И. Соч.: в 6-ти т. – М., 1965.
3. Соловьев Э. Ю. И Кант: взаимодополнительность морали и права. – М., 1992.
4. Маркс К, Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд.
5. Хайдеггер М. Что зовется мышлением. – М., 2006.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993.
7. Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции, Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 472 с.

УДК 321.02
ББК 63.3(2)6-7

Головьёв А. А.

АНТИНОМИИ СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВА В САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Антиномичность проблематики Священства и Царства в сакральной истории российской государственности доказывает необходимость осуществления симфонии Церкви и государства, которая не является укоренённой в какой-либо форме государственного правления, – теократии, монархии или республики. Национально-религиозная идея Святой Руси – это пространство интеллектуального творчества, преломляющееся исключительно в сфере духовной и нравственной жизни социума и индивидуума.

Ключевые слова: священство, царство, Россия, историческое сознание, Христос, вера, антиномия, симфония, государство.

Дихотомия священства и царства как социальных институтов в исторической ретроспективе российского общества трансформируется в симфонию Царства и Священства в мифологическом дискурсе сакрального пространства *Святой Руси*. Антиномия подобного тезиса следует из разности семантики методологического и категориального аппарата богословского и историософского знания.

При одностороннем рассмотрении духовного поля заведомо неприемлемыми оказываются как методологические концепции, разработанные позитивизмом, который регистрирует лишь внешнее наблюдение, так и собственно богословские теории, принципиально ограничивающие себя миром Традиции и языком мистико-аскетического опыта [3, с. 154–167]. Потребность и поиски иной методологической установки, снимающей бинарное

противопоставление воплощённого и невыразимого, приводит к методу феноменологии, выявляющему априорные условия мыслимости предметов и чистые структуры сознания, независимо от сфер их приложения. Особенно целесообразным феноменологический метод анализа следует признать при описании тех истоков, из которых рождается мир переживаний и чувств человека. Тем самым данный метод непосредственно сопряжён с историко-культурным и историко-философским анализом интеллектуального пространства эпохи. Соединение же феноменологического метода символической истории с критическим методом микроистории позволит адекватно соотнести интеллектуальное пространство сакрального в контексте его историко-культурного преломления.

Воссоздание прошлого – необходимая предпосылка к его объяснению, требующая реконструировать, в том числе, атмосферу и менталитет эпохи. В основе феномена ментальности лежит представление о многослойности структуры пространства, его различных типов, разности темпов и направленности течения исторического времени, динамическом и статическом элементах исторического процесса и т. д. Целью при этом является выявление тенденций, анализ причин и следствий в социокультурном развитии общества, то есть рассмотрение динамики исторического процесса. Социокультурная сфера жизни характеризуется определёнными формами общественного сознания (религия, философия, искусство, образование, наука, политика) и их материальными носителями – средствами накопления, опубликования и передачи информации. Современный мир мультикультурен – трансформация идентификационных моделей происходит, в том числе, в контексте размывания религиозной идентичности. Человек постиндустриальной эпо-

хи редко отдаёт себе отчёт в той религиозной парадигме, к которой он себя относит. В современной религиозной идентичности превалирует игровая стихия, внешний облик, а не идея внутреннего микрокосма, базирующаяся на ценностных критериях гносеологического свойства. Это, несомненно, актуализирует исследовательское поле интеллектуальной истории, основой которой являются исторические категории мышления, интеллектуальной деятельности и духовные блага, непосредственно связанные с религиозными константами Бытия.

Символическая трактовка образа *Царства*, данная в Священном Писании, в христианской экзегетике приводит к трансцендентному его истолкованию. *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36). Вместе с тем, отметим, что эсхатологическое видение *Царства* в различных направлениях христианской мысли, несмотря на провозвестие прихода Царства Божия в Новом Завете как основу Евангелия, решается достаточно противоречиво. Весьма важным представляется в данном контексте ответ Иисуса на вопрос фарисеев о сроках Царствия. *Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Именно преломлением личного духовного опыта мир трансцендентного переходит в историческую канву индивидуального Сущего. Учение Иисуса Христа есть Благая, или Радостная весть. Так его Он называл сам (*бесора* по-арамейски, по-гречески *Евангелие*). Он принёс миру не новые философские доктрины, не проекты общественных реформ и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил самое отношение людей к Богу, открывая им тот Его лик, который прежде лишь смутно угадывался. Благая весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение

с Творцом. Религия Библии, в отличие от большинства верований древнего мира, имеет характер динамического учения. Стержневой её вектор нацелен на грядущее. Она вся в движении, в надежде, в ожидании прихода полного и совершенного Завета с Богом. Христианство не уместается в границах одного народа, одной культуры, разрушает преграды, издавна разделявшие людей. Становится второстепенной принадлежностью к нации, словию, полу, возрасту. *Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11). Ветхий Завет чаще всего говорил об отношении между Богом и народом. Евангелие выдвигает на первое место отношение между Богом и душой. Проповедь Иисуса обращена не к массам, а к личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придаёт такое важное значение отдельным судьбам. Внутреннее состояние человека обуславливает его практическую жизнедеятельность, которая во многом является следствием свободного выбора каждого из нас. Но выбор этот неизменно в христианском вероучении связан с пространством Любви. *Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 2–3). В контексте данных размышлений признавать ту или иную форму государственного правления специфически христианской не представляется возможным. *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мк. 12, 17). Ценность государственной системы власти измеряется гуманностью и целесообразностью по отношению к каждому отдельному человеку, что не противоречит испол-

нению христианином гражданского долга, что, в свою очередь, входит и в канонические требования веры. *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены* (Рим. 13, 1).

Напротив, в мемориальной ретроспективе сакральной истории России образы священства и царства преимущественно отождествляются. Обогащённая идеями Востока, усвоившая его церковно-государственную компоненту взаимоотношений (по выражению Г. Федотова – «православное ханство») и, после фактического разрыва с Константинополем, претендовавшая на единственно верное, незамутнённое Унией православие, Русская Церковь в лице иерархии московской митрополии утверждает историософскую идею, сформулированную Иларионом ещё в XI столетии, но переосмысленную в изменившихся условиях средневековой Руси. Её сущностными чертами выступают традиционализм и консерватизм. Несомненно, что на данные процессы повлияли тенденции складывающейся русской государственности, выраженные в функциональном усложнении государственного аппарата и, соответственно, требовавшие для этих целей более высокого специфического, интеллектуального уровня в целом. Заметим, что религиозно-нравственная концепция «Москва – Третий Рим» была изначально представлена в рамках государственно-церковных отношений; отнюдь не как проблема исключительно богословской компетенции, но мотивированной в мессианском духе теократически мыслящей интеллигенцией (преимущественно церковной) средневековой Руси.

Отношение к духовному и культурному наследию Византии, византизм политического спектра – это своеобразный вектор и исторический императив России. Как справедливо писал Константин Леонтьев, «...византизм нашел у нас Великого

Князя Московского, патриархально и наследственно управлявшего Русью. В византизме царяла одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрела себе плоть и кровь, священных для народа. Родовое монархическое чувство, этот великорусский легитимизм был сперва обращен на дом Рюрика, а потом на дом Романовых» [2, с. 27–28]. Символичным и исторически обусловленным представляется особый, весьма многочисленный чин святых в Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), который составляют святые «благодарные» князья. В подвиге святых князей соединяется как национальный идеал, так и церковное служение, именно поэтому доминирование данного чина наблюдается на грани Киевской и Монгольской Руси. Несмотря на скудость агиографической литературы, русский князь по преимуществу воплощает в себе не столько начало мирское, политическое (отметим отсутствие канонизаций благочестивых князей московских, если не считать Даниила Александровича, местно чтимого в построенном им Даниловом монастыре), сколько служение общественное, церковное в широком смысле этого понятия. Освящается не власть, скорее подвиг воителей за русскую землю, князей-страстотерпцев и князей-иноков. Таковы образы Александра Невского, Всеволода-Гавриила и Довмонта Псковских, Мстислава Ростиславича Храброго и др. Как отмечает Г. Федотов, их «военные подвиги и мирные труды, нередко и мученическая смерть представляются выражением одного и того же подвига жертвенного служения любви: за свой град, за землю русскую, за прославленных христиан» [4, с. 109]. Небесная рать князей как заступников русской земли и избранных представителей святости мирян выражает круг общенародной славы и русского благочестия.

Преподобный Сергей Радонежский, величайший из святых Древней Руси,

в своём подвиге соединяет мистику Фаворского света и политическую миссию национального сознания, отшельничество и церковное общежитие. На Куликовом поле благословением преподобного Сергия вершится победа русского воинства, защита христианства тождественна национальному делу Руси. Игумен Сергей благословил на ратный подвиг также и своих постриженников-иноков схимонаха Александра (Пересвета) и схимонаха Андрея (Ослябя). В память воинов, павших в Куликовской битве, установлена для общецерковного поминовения Дмитриевская родительская суббота. В первый раз эта панихида была совершена в присутствии святого князя Дмитрия Донского в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 г. Преподобным Сергием. Имя Сергия Радонежского, скончавшегося в 1392 г., «выступает из границ времени, потому что дело, осуществлённое им, по своему значению так далеко вышло за пределы своего века, своим благотворным воздействием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений», что из исторического деятеля он превратился, по словам В.О. Ключевского, «в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом» [1, с. 7]. Целостность и гармоничность русского идеала святости в фигуре основателя Троицкой обители несомненна, несмотря на антиномии земного и горнего мира в его мистико-политическом опыте.

Вместе с тем, очевидным с исторической точки зрения является тот факт, что победа на Куликовом поле была одержана союзом русских князей, по существу, федерацией русских земель и княжеств. Данное утверждение будет правомерным и по отношению к проблеме освобождения Руси от влияния монгольского мира в целом. Интересны и правомерны в этом

аспекте замечания современного церковного историка о. Иоанна (Экономцева), который, в частности, отмечает, что «...отождествлять национальный идеал, национальную идею с государственной идеей и государственными интересами было бы глубоко ошибочным. Святая Русь – это, с одной стороны, небесный Иерусалим, невидимый град Китеж, а с другой – Русская Земля, бытие которой не зависит от государственного устройства и границ. В период существования самостоятельных русских княжеств Русская Земля охватывала их все. Национальный идеал и Церковь, носительница религиозной идеи, единая для всей Русской Земли, – вот что было гарантией ее единства» [5, с. 152]. Преобладание царства над священством постепенно начинает очерчиваться в период подъема Московского государства, тогда же выкристаллизовывается и подчиненная роль Церкви со стороны государства, а также подмена национальной идеи идеей империи. Эта тенденция отражает линию, сформулированную в предшествующую эпоху игуменом Иосифом Волоцким и впоследствии переосмысленную, адекватно изменившимся историческим условиям, у Михаила Мунёхина, митрополита Макария, Ивана Пересветова. Данный вектор развития отныне возобладает в религиозно-философских и духовно-нравственных поисках русской церковной интеллигенции, которая вовсе не обязательно будет принадлежать к священническому сану (славянофилы, Л. А. Тихомиров и др.). Доминирование обозначенного направления в аспекте церковно-государственных отношений, происходило в силу иерархичности, статичности церковного института, консервативной ментальности общественного мнения, минимизированного в русском социуме, вследствие приближения к византийской модели особого отношения священства и царства.

Введение на Руси патриаршества в 1589 г. – акт глубоко символический в церковной истории, но мало что изменивший в контексте настоящей проблематики. Он лишь юридически оформил отношения с четырьмя древними патриархатами, фактически существовавшие со времён Флорентийской унии. Раскол в русской церкви в XVII в. («церковная схизма») по содержанию, несомненно, имел важные этическую и эстетическую составляющие. Разворачивается своеобразная экуменическая реформа, но не проведённая во всей своей завершенности, а лишь наметившая частную, преимущественно внешнюю проблематику – эллинизацию московского церковного ритуала (характерно, что активными сподвижниками патриарха Никона выступали грек Арсений и киевлянин Епифаний Славинецкий). С точки зрения церковной догматики раскол, так же как и ересь, обозначает обособление от церковного общества верующих, но обособление вследствие разногласия в обрядовом учении, символизирующее, на наш взгляд, укоренение в жёстко сформулированных ранее правилах культа. Раскол, безусловно, явившийся трагическим фактором разобщения в русской культуре, по своим прямым последствиям в церковно-государственных отношениях ещё более понизил статусное положение священства.

Реформы, проведённые в церковно-государственных отношениях Петром I в начале XVIII в., явились естественным и закономерным продолжением в двухвековом определении места и роли Православной Церкви в российском обществе, юридически оформив существовавшую систему. Ликвидация патриаршества и возведение на его место синодального ведомства православного вероисповедания сами по себе не несли ничего нового. С точки зрения существовавших настроений в среде русской интеллигенции, продолжающееся

обмирщение культуры, сближение положения Православной Церкви с протестантскими церквями смещало внутреннюю напряжённость духовно-нравственных поисков в сторону превалирования религиозно-метафизического внеконфессионального элемента. Синодальный период в истории РПЦ характеризуется полем постоянного внутреннего напряжения, интеллектуального творчества, дифференциацией и даже конфликтом между нормами общественного стандарта и их индивидуальной интерпретацией. Это время отмечено эзотерическими прорывами в сферу, находящуюся за пределами разума (русское старчество), удивительными образцами личной святости и непререкаемого авторитета (митрополит Филарет (Дроздов), епископ Игнатий (Брянчанинов)), глубокими исследованиями русской церковной истории (митрополит Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский), постановкой проблемы философии всеединства и воплощения Вселенской Церкви в исторических реалиях (В. С. Соловьёв). Для исследователя это чрезвычайно интересный период духовного самосознания России, религиозно-философских концепций, обретения нравственного и эстетического идеала в многоуровневой матрице русского общества. Вместе с тем едва ли не определяющей чертой данного времени является тенденция разобщения. Созидание новых религиозно-нравственных ценностей приводит к саморазрушению системы путём локализации, дробления общих направлений при минимальных предпосылках к их пересечению, а также при превалировании выходящих на первый план край-

них, радикальных течений в российском обществе, отчётливо проявившихся в XX столетии.

Таким образом, антиномичность проблематики *Священства и Царства* в сакральной истории российской государственности доказывает необходимость осуществления симфонии Церкви и государства, которая вовсе не является укоренённой в какой-либо форме государственного правления, – теократии, монархии или республики. Национально-религиозная идея Святой Руси – это пространство интеллектуального творчества, преломляющееся исключительно в сфере духовной и нравственной жизни социума и индивидуума. Обретение внутреннего смысла своего существования невозможно без веры, что предполагает выход сознания человека за пределы собственного «я», поиск нравственных ориентиров и ценностей, критериями которых может стать, в том числе, и духовный опыт прошлого своего Отечества, уникальный в своём эстетическом и этическом своеобразии. Не это ли и есть смысл жизни человека! Откровение, такое простое и понятное, и, увы, во многом ещё не осознанное нами.

Библиографический список

1. *Ключевский В. О.* Благодатный Воспитатель русского народного духа / В.О. Ключевский. – М., 1892. – С. 7.
2. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев. – М., 2005. – С. 27–28.
3. См. подробнее: Хоружий С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека // Православное учение о человеке – М.; Клин, 2004. – С. 154–167.
4. *Федотов Г.* Святые Древней Руси / Г. - Федотов. – СПб., 2004. – С. 109.
5. *Экономцев И. И.* Православие, Византия, Россия / И.И. Экономцев. – М, 1992. – С. 152.

ПОПЫТКИ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ В ЦАРСТВОВАНИЕ СВЯТОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Аннотация. Зажатая в тисках обер-прокурорского надзора при получении свободы другими конфессиями, Российская Православная Церковь, в лице многих своих иерархов, видела возможность освобождения в падении или ограничении монархии в России.

Ключевые слова: реформы, Церковь, Юбилейный Архиерейский Собор, государь.

Царствование Императора Николая II было ознаменовано попытками проведения реформ, направленных на стабилизацию политической и социально-экономической обстановки в стране, которые в целом не увенчались успехом. Половничатость и непоследовательность отличала и реформы в сфере церковного устройства. Однако, как справедливо отмечал на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года председатель Синодальной комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, «церковная политика Императора не вышла за рамки традиционной синодальной системы управления Церковью. Однако именно в царствование Императора Николая II дотоле два века официально безмолвствовавшая церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора» [11]. Широко распространён и рассказ о том, что Император Николай II якобы хотел сам стать Патриархом, с целью чего планировал по соглашению с императрицей оставить престол своему сыну и учредить при нем регентство из императрицы Александры и великого князя Михаила, и неофициально беседовал об этом с членами Синода [2, с. 68–69; 6, с. 31–32], но официально данный вопрос не обсуждался.

С наступлением XX века сильно обострились недостатки в церковном управлении, порожденные церковными реформами Петра I. Длительное подчинение Церкви государственной власти привело

к тому, что в народном сознании два этих института стали неделимы. Недовольство властью порождало недоверие к священнослужителям, и наоборот [1, с. 73]. Кризисное положение Церкви проявилось, прежде всего, в ее экономической базе. Церковная реформа 1860–1870-х годов так и не решила проблему материального обеспечения сельских приходов. Сельское духовенство, составлявшее подавляющее большинство белого духовенства в России, вплоть до 1917 года оставалось столь же бедным, как и до начала реформ. Несмотря на попытку государства нарушить однородность духовного сословия, священство пополнялось в основном по родственной линии. При этом лучшие семинаристы предпочитали продолжать образование в университетах. Без особого рвения восприняло духовенство необходимость преподавания в церковно-приходских школах, количество которых резко возросло к началу XX века. Полуграмотные священники далеко не всегда могли стать авторитетными и умелыми педагогами. Наконец, кризис Российской Православной Церкви проявился в падении нравственного влияния православного духовенства на верующих мирян. Все чаще представители интеллигенции и рабочих отходили от Церкви и подчеркивали свое вольнодумство и атеизм [4]. Необходимо здесь отметить и тот факт, что уже при Александре II на церковное законодательство начал влиять еще один орган государственной власти, а именно Государственный Совет, который

впоследствии, при Николае II, после открытия Государственной думы, стал играть роль верхней палаты российского парламента. Многие вопросы, которые Николай I решал еще единолично, поступали теперь на обсуждение в Государственный совет. К зависимости церковной политики от воли императора и его представителя – обер-прокурора добавлялась еще зависимость от представительных органов государственной власти [7, с. 230].

Начало XX века характеризуется либерализацией конфессиональной политики Российской империи. 17 апреля 1905 года был обнародован указ «Об укреплении основ веротерпимости», подтвердивший свободу вероисповедания и расширивший права христианских конфессий (в том числе старообрядческих согласий и сект) [3, с. 94].

Вместе с тем, начавшееся церковное реформирование еще более усугубило проблему. Так, принятие манифеста о вероисповедании 1905 года, вопреки ожиданиям, дало только отрицательный результат. Уравняв православие в правах с другими конфессиями, власть тем самым ослабила его авторитет. Число православных начало сокращаться. Так, с 1 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. было зафиксировано свыше 300 тысяч случаев выхода из православия [1, с. 73–74; 8, с. 254]. А к 1917 году всего лишь 10% солдат, считавших себя православными, подходили к важнейшему в Православной Церкви таинству причащения [5, с. 34].

Еще в преддверии издания указа он нашел оппонентов в Правительстве и Синоде. Правительственным откликом стала поданная на Высочайшее имя премьер-министром С.Ю. Витте в марте 1905 года пространная записка «О современном положении Православной Церкви», составитель которой остался неизвестен. В ней резкой критике подвергались бюрократизация синодального правления и обер-

прокурорский произвол. В «Записке» предлагалось созвать Собор и восстановить Патриаршество [9, с. 11].

После трех заседаний Синода, посвященных теме церковных преобразований, 22 марта 1905 года императору был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом», «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта государь наложил на докладе резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, для подготовки которого предусматривалось образование Предсоборного присутствия [9, с. 12].

27 июля 1905 года Святейший Синод разослал в российские епархии указание представить мнения о положении Российской Православной Церкви и проекты его преобразования. Согласно поступившим к концу года отзывам и материалам, православное духовенство высказывалось за церковные реформы и созыв Поместного Собора для проведения коренных изменений. 27 декабря императором был издан указ об учреждении Предсоборного присутствия – «особого присутствия из представителей церковной иерархии и других, духовных и светских лиц», для обсуждения вопросов, подлежащих рассмотрению на планируемом Поместном Соборе. Работа Предсоборного присутствия началась 6 марта 1906 года [3, с. 94]. В его состав вошли 10 архиереев, 7 священников и 21 профессор богословия. Председателем был назначен митрополит Антоний (Вадковский). Предсоборное присутствие заседало в Александро-Невской Лавре с марта по декабрь 1906 года. Участники заседаний единодушно высказались за восстановление патриаршества. В присутствии прозвучали решительные требования освободить Церковь от мелочной обер-прокурорской опеки. Большинство

выступавших поддержали предложение о многократном увеличении числа епархий. Предсоборное присутствие подготовило материалы для предстоящего Поместного Собора, после чего был распущен указом императора Николая II. Работу присутствия продолжил Священный Синод, который представил императору доклад о программе предстоящего Поместного Собора. 25 апреля 1907 года император наложил на доклад резолюцию, в которой повелел отложить созыв Собора «ввиду переживаемого ныне тревожного времени» [10, с. 305].

Вновь вопрос о созыве Собора был поднят с назначением обер-прокурором Синода В.К. Саблера в 1911 году. По его инициативе возобновилась подготовка Собора. Для этой цели 28 февраля 1912 года указом императора Николая II было созвано Предсоборное совещание под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Видными деятелями совещания были архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) и Холмский Евлогий (Георгиевский). На совещании рассматривались материалы присутствия 1906 года. Из них тщательно удалялись идеи, носившие оттенок церковного либерализма. Работа совещания была прервана начавшейся в июле 1914 года Первой мировой войной [10, с. 306].

Церковная политика военных лет зависела от перемещений в Совете министров. В связи с растущей оппозицией правительству в целом депутаты различных партий Государственной думы все сильнее критиковали бесцельность и бессистемность его религиозной политики, все громче звучали требования радикальных реформ. Обсуждение бюджета Святейшего Синода на 1916 год стало поводом для депутатов от духовенства всех фракций настаивать на том, что «нужно раскрепостить Церковь, освободить Церковь от всех внешних посторонних неответственных влия-

ний... Церковь не должна быть только орудием в руках государства». Это напоминание о данном десять лет назад, но так и не исполненном обещании созвать Всероссийский Поместный Собор, не было услышано. Поместный Собор смог собраться только после революции 1917 года. Он открыл новую, чрезвычайно сложную эпоху в истории многострадальной Русской Церкви [7, с. 244].

В целом, в царствование последнего Российского императора отношения Церкви с государством и обществом носили достаточно противоречивый характер. С одной стороны, Церковь мечтала о расширении прав, с другой, по-прежнему радела за сохранение поддержки со стороны государства. В то же время власть, с одной стороны, продолжала рассматривать Церковь в качестве основного проводника своей политики, с другой, инициировав церковную реформу и уравнивая ее в правах с другими конфессиями, существенно подорвала ее авторитет и тем самым ослабила свои позиции. Противоречивым было и отношение общества к Церкви. С одной стороны, ее авторитет по-прежнему был еще высок. Особенно усилилось влияние военного духовенства, делившего с русскими офицерами и солдатами невзгоды Первой мировой войны. С другой, часто источником своих несчастий народ считал Церковь, которая погрязла в бюрократии, отделилась от общества, не знает его нужд [1, с. 76].

Глубоко религиозный император был отдален от реальных проблем Церкви условиями придворного церемониала; в то же время большое влияние на его деятельность могли оказывать некоторые чиновники и мистически настроенные авантюристы. Зажатая в тисках обер-прокурорского надзора при получении свободы другими конфессиями, Российская Православная Церковь, в лице многих своих иерархов, видела возможность освобождения в падении или ограничении

монархии в России. Этим обусловлена и поддержка, первоначально оказанная Синодом Временному правительству. Можно говорить здесь о трагическом непонимании между святым императором Николаем II и церковной иерархией, обусловленном всей историей послепетровской России и ставшем одной из причин кризиса государственной власти в Российской империи в начале XX века.

Библиографический список

1. *Горожанина М. Ю.* Православная Церковь, Российская власть и общество в начале XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VII Международной научной конференции. – Иваново, 2008.

2. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Том I. 1917–1970. – СПб, 1997.

3. *Кумпан Е. Н.* Отношение Русской Православной Церкви к другим конфессиям в условиях веротерпимости: предсоборное присутствие 1906 г. // Государство, общество,

Церковь в истории России XX века. Материалы V Международной научной конференции. – Иваново, 2005.

4. *Муравьева Л. А.* Кризис Православной Церкви в начале XX века // Церковь, государство и общество в истории России XX века. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. – Иваново, 2001.

5. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995.

6. Россия перед Вторым Пришествием. ТСЛ, 1993.

7. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. – М., 1996.

8. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700–1917 гг. – М., 2003.

9. *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь на пути к Собору (1905–1917 гг.) // Светоч. Альманах. – Кострома. – 2010. – № 6.

10. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. – М., 2007.

11. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 13–16 августа 2000 года. – М., 2001.

УДК 32.019.5
ББК 63.3(2)523

Үсманов Ғ. М.

**ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Аннотация: Трагические уроки потрясений вековой давности не должны быть забыты в современной России. Нужно не бороться против «антинародной» власти, а работать на благо Церкви Христовой и России.

Ключевые слова: личность, интеллигенция, самодержец, общество, государство, Православная Церковь, политика.

13 января 1902 г. в газете «Россия» был опубликован фельетон известного писателя Александра Амфитеатрова «Господа Обмановы». В нем под видом описания родовой вотчины «Большие Головатыпы, Обманово тож» и его хозяина Никимилуши содержалось более чем очевидное обличение правящей династии Романо-

вых и самого государя Николая II. После появления этого фельетона газета была закрыта, а его автор отправлен в ссылку.

Прошло еще двадцать лет, и уже при советской власти бывший когда-то вместе с Амфитеатровым соиздателем газеты «Россия» не менее известный писатель Влас Дорошевич пишет памфлет под

названием «Николай II». Он оказался последней публикацией Дорошевича – уже посмертной.

Оба упомянутых нами антиромановских сочинения не отличались особыми художественными достоинствами, а потому обычно и не перепечатывались в сборниках Амфитеатрова и Дорошевича советской эпохи. Но свое дело в обличении Российского самодержавия они сделали. При этом еще и обозначив определенную тенденцию. Действительно, в начале правления императора Николая II противники правящей династии выступали против всех Романовых, против самодержавия вообще. К концу царствования государя Николая II именно против его личности и фокусировалось прежде всего недовольство «общественности». Вот и умирающий Дорошевич все еще норовил бросить камень в давно убиенного государя.

Так что неприятие личности императора Николая II российским общественным сознанием – это случай совершенно особый. Можно сказать, своего рода феномен. Хотя ни личность государя, ни его политика таких оснований противникам самодержавия, казалось бы, не давали. И, тем не менее, император Николай II по мере своего царствования становился все более чуждым и правящей элите, и промышленно-предпринимательским кругам, и интеллигенции, и даже своим ближайшим родственникам из правящего дома Романовых.

Многое уже было написано и сказано о высоких человеческих качествах государя Николая II и его семьи. Правда, их не так легко было разглядеть современникам. Зато тем ценнее для нас свидетельства тех, кто хорошо лично знал государя. В этой связи приведем еще одно свидетельство очевидца, опубликованное совсем недавно. Это показания арестованного в Советской России в 1931 г. епископа Сергия (Дружинина): « От облика царя

у меня осталось впечатление, что это был человек кроткий, смиренный, удивительно скромный, напоминавший скорее простого офицера, а не самодержца. Человек в обращении более чем деликатный, с приятным взглядом». Признания владыки Сергия выглядят особенно убедительно, если учесть, что в глазах его гонителей любые добрые слова о «Николае кровавом» были очень сильным доводом против тех, кто смел их произносить.

По сути дела, не была неудачной по своим реальным плодам для страны и политика императора Николая II. Об этом много думали и писали постфактум в Русском Зарубежье. Приведем здесь одну из наиболее впечатляющих характеристик такого рода, данную бывшим сотрудником графа С. Ю. Витте Иваном Ивановичем Тхоржевским:

«Государем было достигнуто многое!

1) Громадный рост народного просвещения.

2) Громадный рост народного достатка.

3) Широко двинуто крестьянское землеустройство (второе «освобождение» деревни).

И, наконец,

4) Дано народное представительство.

Для одного царствования при медленных русских темпах было достаточно. Но для интеллигентского мысленного «галлопа» казалось мало».

Многое здесь отмечено вполне резонно. Однако, чтобы объяснить интересующий нас феномен, сводить все к «болезням» русской интеллигенции было бы явно недостаточным. В конце концов, многие наши соотечественники личность святого государя-мученика не приемлют до сих пор. Такое неприятие, понятно, имеет весьма глубокие основания. Не претендуя на всеобъемлющее их истолкование, рискнем все же предложить некоторые соображения на этот счет.

1. Государь Николай II во многих отношениях был заложником прошлого, «расплачиваясь» за то, что не удалось его предкам. Так что и все достижения его правления считались не заслугой государя, а воспринимались как победы «общества», насильно вырванные у власти.

2. У Российской государственной власти в начале XX столетия не хватало продуманной стратегии развития страны на перспективу. Зачастую доминировали уже отжившие представления прошлых времен.

3. Правящими кругами очень недооценивались сферы культуры, науки и образования.

4. По сути, ненормальным было положение в обществе и государстве Православной Церкви, а изменение ее статуса по разным причинам затягивалось.

Многие противоречия в отношениях власти и «общественности» были еще больше заострены и запутаны «феноменом Распутина», который противникам самодержавия удалось сполна использовать для дискредитации императора Николая II и его семьи.

Надо признать, что в годы правления государя Николая II явно недостаточно велась борьба с разрушительными силами. Но ее нельзя было проводить только административными методами и полицейскими мерами. Было же огромное наследие российской общественной мысли. Было необъятное духовное богатство, которым обладала Церковь. Но зачастую это

ценнейшее наследие правящей элитой недооценивалось, не использовалось, а подчас и ограничивалось в его распространении.

Нельзя забывать также о личной ответственности за российскую катастрофу некоторых видных представителей дома Романовых, имевших обыкновение, в отличие от императора Николая II, «кланяться» общественному мнению. Достаточно только отметить, что в критические дни февраля 1917 г. некоторые великие князья, в частности, Николай Николаевич, Кирилл Владимирович, Николай Михайлович, по сути, предали государя и еще до его отречения пошли на поклон к разрушителям России – разумеется, в надежде на собственный политический успех. Этого не любят признавать их нынешние наследники. Однако данное существенное обстоятельство никак нельзя оставить в стороне, когда речь идет об усвоении уроков прошлого.

Трагические уроки потрясений вековой давности не должны быть забыты в современной России. Много есть причин и поводов у нынешней российской интеллигенции, да и у русского православного народа, быть недовольными существующей ныне властью. Эти причины реальны. Проблемы стоят очень остро. Однако и народу, и интеллигенции нельзя повторять ошибок прошлого. Нужно не бороться против «антинародной» власти, а работать на благо Церкви Христовой и России.

РЯДБА II

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И КОСТРОМСКАЯ КРАЯ

УДК 323.2
ББК 63-3(2)

Виноградова Г. Г.

РОДНАЯ ИХЪ СЕРДЦУ КОСТРОМА

Аннотация. Романовы и их потомки приезжали и приезжают в Кострому – город, богатый историей, хранящий мемориальные памятники, исторические духовные реликвии, напоминающие о восшествии на царский престол их династии, о наречении Михаила Федоровича царем, о приездах сюда их великих предков.

Ключевые слова: Кострома, Дом Романовых, Ипатьевский монастырь, династия, колыбель Дома Романовых.

6 мая 1913 года, в преддверии визита царской семьи в наш город, этими словами костромской губернатор Стремоухов в обращении к населению Костромской губернии определил отношение царственных особ Дома Романовых к Костроме. Столь теплое высказывание было вызвано не только царской телеграммой Николая II: «Радуюсь мысли быть в скором времени среди близких моему сердцу костромичей» [10, с. 17], но и более чем трехсотлетней исторической взаимосвязью нашего древнего города с династией Романовых.

Для государей Дома Романовых Кострома была связана с понятием Отчина, Отчизна, Родина. Здесь находилась земля их предков, родовые вотчины Романовых и Шестовых.

Кроме того, Кострома была не только Родиной предков, но и Родиной их царской династии, «колыбелью» Дома Романовых. Отсюда, из Костромы, они взшли на царский трон. Состоявшийся в Ко-

стромском Ипатьевском монастыре чин «умоления», а точнее – наречения на царство юного государя, положил начало в России новой царской династии Романовых. Именно костромичи явились свидетелями и участниками Божественной литургии и молебна о царском «многочетнем здравии» Михаила Федоровича в «церкви Пресвятыя Живоначальныя Троица в Ыпацком монастыре» и вручения ему царского скипетра, оказания первых царских почестей. И, что особенно значимо, важным следствием царского избрания в Ипатьевском монастыре, важным для всего Русского государства, стало окончание страшного Смутного времени и установление мира и спокойствия в истерзанной междоусобицей стране.

Эта сопричастность великим историческим событиям в стенах древней Костромской обители, чувство взаимосвязи судьбы каждого, от давшего согласие быть царем Михаила Федоровича и «большого боярина» Федора Ивановича Шереметева

до холопа, с судьбой России, единство интересов создали тот эмоциональный и духовный настрой, который заставил через 245 лет, 16 августа 1858 г, императора Александра II при посещении нашего города подчеркнуть: «Костромская губерния, по историческим воспоминаниям, близка семье Моей и Мы считаем её родною» [5, с. 288].

Эти исторические воспоминания уводят нас в древность, когда первые представители рода Романовых – бояре Андрей Кобыла и Федор Кошка – служили Московским князьям Симеону Гордому и Дмитрию Донскому. Род Шестовых, к которому принадлежала мать будущего русского царя – Ксения Ивановна, не уступал Романовым в древности происхождения. Основателем рода, по преданиям XVI века, считался выходец из Прусских земель Михаил Прушанин, который со своим сыном Терентием, служил князю Александру Невскому и за храбрость, проявленную в знаменитой Невской битве, был пожалован в бояре [2, с. 208–209]. Выбор в цари Михаила из рода Романовых, одного из самых знатных, древнейших и могущественнейших в земле Московской родов [1, с. 59], как отмечал голландец Исаак Масса, живший в России в период Смуты, был не случаен.

Романовский род мог похвастаться и земельными богатствами. Во многих уездах – Московском, Владимирском, Муромском – они владели вотчинами и поместьями. Борис Годунов на рубеже XVII века, посылая в опалу Романовых, у них «премногая имения отъемь» [4]. Здесь, на Костромской земле располагались наиболее крупные владения деда Михаила Федоровича по отцовской линии – Никиты Романовича – родного брата царицы Анастасии, первой жены Ивана Грозного. Согласно карте земельных владений Романовых, выполненной к 1913 году капитаном корпуса военных типографов М. Я.

Кожевниковым, Романовым принадлежали села Анофриево, Степурино, Ухтубуж в Галичском уезде; с. Здемирово, Денисовское – в Костромском [4].

По материнской линии в Костромском крае владением Шестовых была обширная Домнинская волость с центром в селе Домнино, 32 деревнями, сельцом, 15 починками, населенная 1650 крестьянами обоего пола, которую Ксения Ивановна получила в приданое, выходя замуж за Федора Никитича Романова. Кроме того, Ксения Ивановна имела земельные угодия в Андомском и Шачебольском станах Костромского уезда и в 5-ти волостях Галичского уезда [4]. В Костроме, в Старом городе, у Романовых был осадный двор, который находился в Переулке «на Большую улицу к Водяным воротам» [8, с. 257–259].

Устроение Русской земли, окончательная победа над Смутой не мыслились без «государева обиранья». «О сем прилежно, постыщаеся три дни, не ядуше ни пиюше, со кресты и с образы по церквам ходящее, молебная творяще со слезы, ... дал бы Господь Бог царя и государя всея Руси ... и устроил бы полезнаа всему православному христианству» [11, с. 231].

От Костромы известно присутствие на Земском соборе 1613 года архимандрита Ипатьевского монастыря Кирилла и игумена Богоявленского – Арсения. По преданию, первым на заседании заговорил о Михаиле Романове как о претенденте на царство «некто дворянского чина Галича града», который и «предложи на том соборе выпись о родстве цареви». Согласно этому документу, Романовы через первую жену Ивана Грозного Анастасию Романовну находились в самом близком родстве с угасшей династией великих Московских князей.

Историческая миссия Земского собора 1613 года велика: «Божиим изволением и умолением всего освещенного собору

и от всего царского синьклиту и всего воинства, и от всенароднаго множества всех чинов и всех православных христиан избран бысть на Московское государство царем и государем великий государь Михаил Федорович, братаничъ блаженнаго великого государя Федора Ивановича всея Руси» [11, с. 232–233].

К новоизбранному государю отправилъся «освященный собор» – торжественное посольство – с грамотой о всенародном его избрании на царство. 14 марта – воскресенье 4-й недели Великого поста – было назначено Михаилом Федоровичем днем принятия посольства в стенах костромского Ипатьевского монастыря. Описание дальнейших событий прослеживается по воспоминаниям участника их – келаря Троице-Сергиевой обители Авраамия Палицына.

Воскресным мартовским утром под «звоны великие» колокольные «весь же церковный чин града того облекошяся во священныя ризы и взявше честныя кресты и чудотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа» [11, с. 234].

После встречи у восточных Святых ворот монастыря, «вшедшим же в церковь, архиепископ же Феодорит принесе пред государыню и пред государя многомолбное писание от всего освященнаго собору и от бояр и от всего воинства и от христомениатаго народа Росийския державы, чтобы государыня пожаловала, благословила сына своего благороднаго государя Михаила Федоровича царем и государем на Московское государство и над прочими государствами Росийския державы» [11, с. 234].

Но именитые посланники получили непреклонный отказ от Михаила и его матери инокини Марфы Ивановны. «Архиепископ же Феодорит со освященным собором и боярин Федор Ивановичъ и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы» [11, с. 234]. Причина нежелания великой старицы отпускать сына на царство достаточно четко была выражена в её словах: «Как то может статися? А он еще государь не в совершенных летех; а Московского государства многие люди, по грехом,

Рис. 1. Призвание на царство М. Ф. Романова в Ипатьевском монастыре

в крестном целованье стали нестоятельны. Да и по тому, что Московское государство от Полских и Литовских людей разорилось до конца, и прежних великих государей из давних лет сокровища царские и их царское всякое достояние Литовские люди вывезли; а дворцовые села и черные волости, и пригородки и посады от Литовских людей и от воров запустошены, а всякие служилые люди бедны. И чем служилых людей жаловати, и свои государевы обиходы полнити, и против своих недругов, Полского и Литовского, и Неметцких королей и иных пограничных государей стоять? Да и для того, что великий государь мой, а сына моего отец, святейший Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, ныне у короля в Литве в великом утесненье; а сведает король то, что, по прошенью и по челобитью всего Московского государства, учинитца на Московском государстве сын наш Михайло, и король тот час велит над государем нашим Филаретом митрополитом какое зло учинить. И без благословения отца своего сыну моему как на такое великое дело помыслити?» [13]. Действительно, в слишком тяжелое, смутное время доставалось еще неокрепшему Михаилу разоренное Московское государство.

Смирение матери и сына наступило лишь после того, как «архиепископ и иже с ним» взяли «чюдотворную икону образ Пресвятыя Богородица, юже написал Петр митрополит, а Троицкий келарь старец Аврамей взем образ великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы» и провозгласили: «Сотворите повеленное Вам от Бога: во истинну бо от Бога избранни есте; и не прогневайте всех Владыку и Бога». «И в той час возложиша на государя пречестный и животворящий крест, и жезл царский прим в руку свою и седе на стуле царском и наречен бысть [...] великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович, всея Руси самодержец» [11, с. 235].

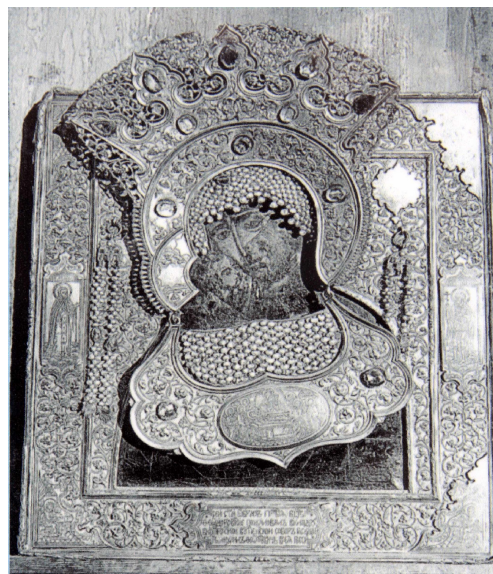

Рис. 2. Копия Чудотворной Феодоровской иконы, дар царя Михаила Феодоровича Успенскому собору. Фото начала XX века

Участником свершившихся в Ипатьевской обители исторических событий наречения царем юного боярина Михаила Федоровича, был и чудотворный Феодоровский образ Божией Матери, принесенный сюда костромской духовной процессией. В честь костромской святыни новоизбранный царь установил в день 14 марта (по ст. ст.) новый церковный праздник. Икона стала не только покровительницей Костромы, но и царской династии Романовых. Кроме того, в день 14 марта был введен и новый придворный праздник в честь Феодоровской иконы Божией Матери, точный список которой Михаил Феодорович увез в Москву 19 марта 1613 года и поместил в кремлевской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Ежегодно в этот день совершалось великое празднество, приравненное во всех отношениях к празднику Благовещения, с царскими выходами и патриаршей церковной службой.

Костромская чудотворная икона была одарена государем особенно щедро, о чем

свидетельствует вырезанная на колодках рясн надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец и великая старица Марфа Иоанновна приложили сии рясны на Кострому в соборную церковь к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския в пятое лето государства своего».. Эти драгоценные украшения для подвешивания – рясны или привески из крупного жемчуга с золотыми колодками и кольцами – все было украшено изумрудами, яхонтами и бурмицкими зернами. К этой же святыне государь прислал накладную жемчужную ризу, на одном из камней которой – «лазоровом» – имелось рельефное изображение святителя Николая Чудотворца. В 1619 году в соборный храм во имя чудотворной Феодоровской иконы Божьей Матери (будущий Успенский собор) царь пожертвовал одноименную икону в отдельном киоте для иконостаса храма. Икона украшена была серебряно-золоченым окладом с жемчужным убрусом, цатой и рясами с «лазоровыми негранными яхонтами и в венце 12 разноцветными камнями» [8, с. 257–259].

Духовенству соборного храма во имя чудотворной Феодоровской иконы Божьей Матери, по воле царя, было назначено «жалованье денежное» и «хлебная руга против Сретенского собора, что у нас на Москве на нашем дворе». По царской грамоте 1614 года, костромское духовенство «ездять к нам Великому Государю к Москве по дважды годом» со святой водою [14, с. 9–10].

Ипатьевский монастырь в память о событиях 14 марта 1613 года был одарен многими льготами не только Михаилом Федоровичем, но и его сыном царем Алексеем Михайловичем: тарханскими грамотами и земельными пожалованиями, денежными средствами на ремонт монастыря и правом беспошлинного провоза

товаров на годовой монастырский обиход. Но особенно ценны были вложенные для охранения родной для Романовых обители духовные святыни: часть Ризы Господней; икона преподобного Михаила Маленина – святого покровителя царя Михаила Федоровича; список Всероссийской святыни Владимирской иконы Божией Матери в серебряном басменном окладе, с украшенными камнями убрусом и цатой; список с чудотворного образа Богоматери Тихвинского монастыря, главное чудотворение которого – спасение Тихвинской обители от нашествия шведов – произошло в значимом для Михаила Федоровича 1613 году. Царь Алексей Михайлович приложил также в Ипатьевский монастырь образ Божией Матери «Умиление» с изображением на полях святых покровителей Ипатьевского монастыря – святого апостола Филиппа и священномученика Ипатия епископа Гангрского, и тезоименитых святых членов семьи Романовых – Шестовых; хоругвь с шитыми золотом и серебром изображениями своих небесных покровителей: Алексея человека Божия, святого Алексея Митрополита Московского и великомученика Федора Стратилата, а также список с родительской иконы – образ Богоматери Корсунской, которой отец его и мать Евдокия Лукьяновна Стрешнева были благословлены на брак.

Не только Ипатьевская обитель обрела новых могущественных покровителей, но Кострома и вся Костромская земля. Здесь было много святых мест для родоначальника царского рода Михаила Федоровича – монастыри, основанные преподобными Иаковом Железоборовским и Макарием Унженским, в которых, по преданиям, укрывался юный боярин со своей родительницей в Смутные времена: «Егда еще не оу диадему нося, и скипетр державства, егда крылся от безбожных ляхов во младых си летех, в пределах костромских» [3].

В 1619 году, будучи царем, он совершил паломничество в дальнюю Макарьево-Унженскую обитель «по обету», в благодарность за благополучное возвращение своего отца из многолетнего польского плена. Святой Макарий Унженский, при жизни прославившийся даром чудотворений, особенно почитался патриархом Филаретом. Мощи преподобного Макария, молитва, обращенная к святому, были обильными источниками чудес в скорбях, в болезнях, в общественных бедствиях. «Положи же благоверный царь обещание свое, преподобному Макарию, в молитвах своих, яко прошения его царская Бог исполнит, то паки свое царское шествие сотворити, в честную его обитель оунженскую, и гроб его целбоносный видети и целовати» [3] – записано в «Житии Макария Унженского».

В 1619 году царский путь в монастырь на реку Унжу лежал через Троице-Сергиеву лавру, Переяславль, Ростов, Ярославль и Кострому. Сопровождали царский поезд князь Федор Иванович Мстиславский, Иван Никитич Романов, Иван Иванович Шуйский и другие. 12 сентября 1619 г. Михаил Федорович написал отцу, патриарху Филарету: «Града нашего Костромы дошли и в соборной церкви, у чудотворного образа пречистые Богородицы, глаголемыя Феодоровския, всенощная пения и утрении, и литургии и молебная благодарения принести нас сподобил Бог; и далечайшему пути ятися, и целбоносным мощем преподобного отца Макария поклонитися» [9].

Погостив в своих родовых владениях селе Домнино 3 дня, царственные путешественники двинулись дальше через село Спас-Красная Гора, деревни Коробаниха, Новоселки, Ивакино, Григорьевское, Заречье в обитель преподобного Макария Унженского.

До 1912 года в Макарьево-Унженском монастыре сохранялась важная достопри-

мечательность – одноколка, которую местное предание связывает с Родоначальником Царственного Дома Романовых. На передней стороне кузова одноколки была изображена царская корона, а позади кузова – изображение резных старинной формы львенков, которые всегда являлись символом власти и могущества. Предполагается, что одноколка была сделана по заказу игумена Макариево-Унженской обители Зосимы (игумен с 1613 по 1625 гг.) для царя Михаила Федоровича и матери его Марфы Ивановны. С конца 1912 года одноколка была переправлена в Ипатьевский монастырь, где к 300-летию Дома Романовых Церковно-историческим обществом был открыто Древлехранилище.

Последние 20 верст пути в Макарьевский монастырь царь Михаил Федорович, по преданию, шел пешком, и в тех местах, в тех селениях, где утомленный путем и осеннею погодою, он отдыхал, местные жители соорудили позже часовни.

29 сентября царь с матерью прибыли в Макарьево-Унженскую обитель: «Пришли сентября в 29 день к вечеру, дал Бог здорово»; «у целбоносного гроба великого чудотворца Макария молебная благодарения и молитвы принести сподобихомся» [9, с. 47–48]. Глубоко чтимую святыню, свою келейную икону даровал царь в эту обитель – Казанскую икону Божией Матери. По преданию, Марфа Ивановна, пред своим отправлением в ссылку, в заонежский погост Толвуй, благословила этой иконой своего малолетнего сына Михаила, вверяя его покрову Матери всех скорбящих. Образ этот был впоследствии путевой иконою царя Михаила Федоровича, всюду сопровождаая его в дорогах. Мать же царя приложила к иконе собственноручно выполненную, как пишет И. Баженов, в технике лицевого золотного шитья двустороннюю пелену с изображением на одной стороне преподобного Макария Унженского, а на другой – Пресвятой

Троицы. От Святейшего Патриарха Филарета в ризницу Макариево-Унженского монастыря был доставлен кипарисовый крест тонкой работы, выполненный афонскими мастерами.

Макарьево-Унженский монастырь царь Михаил Федорович «возградити повеле, и многия церковные вещи, такожде и многая села и земли, с живущими тамо христианы монастырю дарова». По царским жалованным грамотам монастырские вотчины освобождались от уплаты оброчных и ямских денег; монастырские служки и крестьяне были неподсудны воеводам и приказным людям; разрешался беспошлинный провоз товаров по Волге, а «пошлины с лошадинные продажи на ярмарке, бывающей при монастыре», собирать не в государеву казну, а в монастырь, в домовую казну [16, с. 8–9].

Реформаторская деятельность Петра I внесла в жизнь России новые ритмы. Россия претерпела значительные изменения, превратившись в расширяющуюся Российскую империю. Внутренние династические кризисы, лихорадившие страну на протяжении почти всего XVIII века, способствовали сложению русской императорской династии – Дома Романовых. Святыне и царственно родовые костромские места приобрели для императоров особое значение в Новое время.

Весной 1767 года Екатерина II совершила путешествие по Волге. 14 мая Кострома колокольным звоном всех городских церквей, пушечными выстрелами, громкими восторженными криками «ура!» из тысяч уст костромских граждан торжественно встречала великую императрицу. На «Высочайший ужин» на царскую галерею были приглашены из костромичей А. И. Бибилов – маршал Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и губернский предводитель дворянства Одинцов.

Ранним утром 15 мая государыня проследовала в Ипатьевский монастырь

через Северные ворота, специально сооруженные к ее приезду и украшенные с внешней стороны вензелом императрицы. Епископ Костромской и Галичский Дамаскин Аскаронский с духовенством, дворянство и купечество Костромской губернии, и просто костромской люд встречали у обители Екатерину II.

В Троицком соборе, взойдя на царское место Михаила Федоровича, она слушала Божественную литургию, приложилась к святым иконам. После литургии, во время обеденного стола у преосвященного Дамаскина, императрица выпила бокал вина за здоровье костромского дворянства.

Пребывание Екатерины II было ознаменовано важным для Костромы событием – пожалованием герба, которого до этого город не имел: «В память сию по реке Волге путешествия ... представляется в сем гербе в голубом поле галера под императорским штандартом»¹.

Довольная посещением Ипатьевской обители, императрица 15 мая отправила графу Николаю Ивановичу Панину письмо из монастыря, в котором есть такие строки: «Я пишу в Ипацком монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него царь Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церквях, почтенно» [12, с. 206–207]. Императрица Екатерина II пожаловала Ипатьевскому монастырю 3 000 рублей на его благоустройство и ремонт.

Государыня посетила дом костромского воеводы Степана Гавриловича Малыгина, где Ее Величеству были представлены костромские фабриканты, магистрат, купечество городов Костромы, Нерехты. В Успенском соборе императрица слушала многолетие и приложилась к ставшей родовой святыней Романовых – чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Всю ночь город и берега реки Костромы были иллюминированы.

16 мая, рано утром, при пушечной пальбе с пристани Ипатьевского монастыря, Екатерина II покинула наш город и отправилась в дальнейшее путешествие. С городского вала был сделан залп из 51 пушки, а царская галера попрощалась с Костромой выстрелами 7 пушек.

В 1773 г. страшное бедствие постигло Кострому: сильным пожаром истреблена была вся юго-западная часть города. Пострадали Костромской кремль, Успенский собор, Крестовоздвиженский девичий монастырь, 9 приходских церквей, торговые ряды, лавки с хлебом.

На строительство нового теплого Богоявленского собора на месте сгоревшего Троицкого из Государственной коллегии, по именному указу императрицы Екатерины II выдано было 12 000 рублей.

С именем великой императрицы связано изменение административного статуса Костромы и её архитектурного облика. Благодаря екатерининской губернской реформе, город превратился в центр наместничества, управляемый не воеводою, как в старину, а генерал-губернатором. А в 1781 году был «Высочайше утвержден» генеральный план застройки нашего города, по которому центральная административно-торговая площадь и улица – парадный въезд в Кострому от Московской заставы – получили название Екатеринославских. До сих пор планировка нашего города – один из лучших примеров русского градостроительства XVIII – первой половины XIX века. Благодаря таланту архитекторов, отстраивавших Кострому по Екатерининскому генеральному плану, был создан один из выдающихся ансамблей провинции в стиле русского классицизма.

В XIX веке в отношении Костромы у царствовавшего Дома Романовых сложилась определенная традиция – императоры посещали Кострому дважды: будучи цесаревичами и вступив на царский престол. В программу обучения русских

наследников престола входило обязательное посещение ими Костромы и Ипатьевского монастыря.

Будучи цесаревичами, Кострому посетили:

1837 г. – Александр Николаевич, будущий Александр II;

1863 г. – Николай Александрович, умерший в 1865 г.;

1866 г. – Александр Александрович, будущий Александр III;

1881 г. – Николай Александрович, будущий Николай II.

Превратившись в самодержцев, государи вновь приезжали в Кострому, сопровождаемые своими семействами, великими князьями и княгинями.

В октябре 1834 г. Кострому почтил своим пребыванием император Николай I, в августе 1858 г. – император Александр II с императрицей Марией Александровной и дочерью Марией, в июле 1881 г. – император Александр III с императрицей Марией Федоровной и князьями Николаем, Георгием и Алексеем, в майские дни 1913 г. – император Николай II с императрицей Александрой Федоровной, наследником Алексеем Николаевичем и Великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией.

Во время своих визитов царственные гости обязательно посещали кафедральный Успенский собор, где проходила Божественная литургия, Ипатьевский и Богоявленский монастыри, церковь Воскресения Христова на Дебре и другие достопримечательности Костромы. Как правило, к приезду высочайших особ устраивали выставки мануфактурных и ремесленных изделий, принимались делегации дворянства, купечества, крестьян-белопащцев – потомков Ивана Сусанина, жителей Татарской слободы.

Император Николай I во время своего визита в Кострому посетил кроме вышеназванных мест губернскую гимназию,

училище детей канцелярских служащих, Костромской батальон внутренней стражи, богоугодные заведения приказа общественного призрения (острога, лазарета), рабочий и инвалидный дома.

К приезду императора город был украшен, а в вечернее время замечательно освещен, особенно пожарная каланча, что вызвало внимание царя и его слова: «Такой каланчи у меня в Петербурге нет».

В годы императорского правления Николая I Кострома и Ипатьевский монастырь заняли важное место в идеологической программе укрепления российской Романовской монархии.

По императорскому указу на «Высочайше дарованные средства» началось планомерное превращение монастыря в Мемориал Дома Романовых. Архитектурное решение поставленной задачи было возложено на ведущего архитектора николаевской эпохи, автора храма Христа Спасителя в Москве, профессора I степени Академии Художеств Константина Андреевича Тона. По составленному им в 1835 году плану, предусматривалось выявление на территории Ипатьевского монастыря объектов мемориального значения, связанных с историей Романовых, перестройка, реставрация их с целью придания им и монастырю «величия и благолепия». Подправив фасады многих зданий, введя в оформление их и новых построек – церкви Рождества Пресвятой Богородицы, церкви святых мучеников Хрисанфа и Дарии, Свечного корпуса – присущие русской национальной архитектуре элементы – шатер, «вислое каменье», кувшины-столбы, килевидные завершения окон, связав многие романовские постройки единым архитектурным оформлением, тем самым, подчеркнув их общий символический смысл, К. А. Тон достиг поставленной цели. Ипатьевский монастырь – памятник истории и славных дней династии Романовых, а, следовательно, – в символ процветающей России.

Приезжавших в монастырь встречала парадная площадь, почти полностью оформленная в официальном русско-византийском стиле, в центре которой была сооружена памятная колонна, которая до сих пор называется Романовской, где на медных пластинах были обозначены самые памятные в истории монастыря события.

11 декабря 1834 года ризница Ипатьевского монастыря пополнилась историческими реликвиями: Николай I прислал из Московской оружейной палаты черный деревянный посох и серебряный ковш с позолотой царя Михаила Федоровича, а также большой серебряный ковш времен императрицы Екатерины II. На полях ковша первого царя из династии Романовых находилась резная надпись: «Божиею милостию государь царь и великий князь Михаил Федорович и всея Руси самодержец».

С пребыванием Николая I в нашем городе связано возведение памятника на центральной административной площади Костромы, переименованной из Екатеринославской в Сусанинскую по «Высочайшему повелению» императора. В 1835 г., в ответ на обращение дворянства Костромской губернии, последовало «Всемилоштивейшее соизволение» на сооружение памятника «Царю Михаилу Федоровичу и поселянину Ивану Сусанину», который и был торжественно открыт 14 марта 1851 г. Кроме того, по указанию Николая I произошел обмен зданиями: в просторный и еще не достроенный к тому времени губернаторский дом переехала губернская гимназия, а в её помещения, довольно узкие и стесненные для учебного заведения, губернатор с семейством.

Отзыв императора Николая I о Костроме был весьма лестным: «Я видел такую приверженность, любовь и усердие народное только в Риге и Костроме».

Император Александр II в августе 1858 года посетил в нашем городе, кроме традиционных мест, губернскую

гимназию, губернское училище для девиц, Мариинский детский приют, городскую больницу, выставку фабричных произведений Костромской губернии. Он присутствовал при спуске парохода, изготовленного на заводе Шипова, который с разрешения царя получил название «Императрица Мария». Император побывал на балу, устроенном костромским дворянством в честь Высочайших гостей.

При императоре Александре II продолжились реставрационные работы в Ипатьевском монастыре. По возвращению в столицу, он направил в обитель известного архитектора Московской дворцовой конторы Федора Федоровича Рихтера, перед которым была поставлена задача сделать Палаты бояр Романовых, или как они тогда назывались, Дворец царя Михаила Федоровича, «приличными для царских чертогов». За образец реставрации здания в Ипатии были взяты Палаты бояр Романовых в Зарядье в Москве, незадолго до этого восстановленные Ф. Ф. Рихтером. Как известно, именно здесь 12 июля 1596 г. родился будущий царь Михаил Федорович. В результате работ под руководством Ф. Ф. Рихтера было восстановлено «во вкусе XVII века» монастырское здание, имевшее важное мемориальное значение: по монастырскому преданию, в нем в 1613 году жил со своей матерью избранный в цари молодой боярин Михаил Федорович Романов.

Посещение Костромы императором Александром III в июле 1881 г. было однодневным. Государь принял почетный караул Зарайского полка, в Ипатьевском монастыре слушал краткое молебствие в Троицком соборе, осмотрел ризницу и «царские чертоги», посетил кафедральный Успенский собор и Богоявленский монастырь.

В 1881 году Кострома вместе со всей Россией скорбела об императоре Александре II, убитом террористами-народо-

вольцами. Костромское уездное земство выступило инициатором строительства в городе часовни-памятника во имя небесного покровителя погибшего царя. 30 сентября 1881 г. в центре Костромы, на Молочной горе, состоялась закладка, а в 1883 году – торжественное освещение часовни-памятника во имя святого благоверного Великого князя Александра Невского.

В 1913 году Россия торжественно отмечала 300-летие царствовавшей династии Романовых. Костромичи к грядущему юбилею стали готовиться задолго. Ещё в 1903 году была создана особая комиссия, которая должна была решить «каким достойным образом увековечить память о великом историческом событии».

Торжества по случаю этой памятной даты в Костроме вылились в несколько очень важных событий: визит императора Николая II в Кострому; закладку памятника-монумента в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых; открытие первого и единственного в России Романовского музея; открытие Костромской губернской земской выставки.

Программа 2-х майских дней пребывания в нашем городе императора Николая II с семьей была очень разнообразной. Они присутствовали на торжественном богослужении в Успенском кафедральном соборе; стали первыми посетителями Романовского музея; заложили юбилейные рубли и именные кирпичики в основание памятника в честь 300-летия Дома Романовых, который должен был в скором времени возвыситься над Волгой; побывали в Богоявленско-Анастасиином монастыре и церкви Воскресения Христова на Дебре.

Богато украшенная Кострома восторженно встречала высоких гостей. Оба дня были насыщены встречами императора Николая II с духовенством, дворянством, купечеством, крестьянством.

В Ипатьевском монастыре царские особы слушали Божественную литургию

Рис. 3. Император Николай II в Ипатьевском монастыре 19 мая 1913 года

Рис. 4. Император Николай II на Костромской губернской земской выставке

в Троицком соборе, осмотрели в Палатах бояр Романовых ценности Древлехранилища Костромского Церковно-исторического общества.

300-летний юбилей Дома Романовых, а также высочайших гостей Ипатьевский монастырь встречал преображенным: в 1911–1912 гг. прошли крупномасштабные реставрационные работы под руководством академика П. П. Покрышкина и архитектора-художника Д. В. Милеева.

Государь принял парад войск, а также делегации от разных слоев населения, в том числе и от потомков Ивана Сусанина – коробовских белопашцев.

К юбилею Дома Романовых на берегу реки Волги была устроена Губернская земская выставка. В выставочных павильонах, стилизованных под древнерусские терема были представлены все богатства Костромской земли: кожи и лён, зерно и мука, глина и дерево, все в экспонатах, фотографиях, диаграммах, моделях и образцах. Императору и членам его семьи были преподнесены подарки – полотенца, скатерти, иконы, специально изготовленные к юбилею.

20 мая 1913 года последний российский император записал в дневнике свои впечатления от пребывания в Костроме: «Проснулся дивным утром. В 10 часов подошли к пристани в Костроме и поехали к собору, вокруг которого стояли войска шпалерами. Обошел их, затем вошел в собор и скоро пошел крестным ходом к месту закладки большого памятника 300-летия Дома Романовых. Каждый из нас положил свой именной камень. После завтрака поехал в старую церковь Воскресения на дебрях, затем в новое здание общины Красного Креста, наконец, на выставку, устроенную земством. Интересно, но утомительно. Выпив чаю и простившись со всеми, пришел пешком на пароход. Народ стоял сплошной стеной по берегу, даже в воде по колено. В 8 часов был также большой обед в нашей плавучей столовой. Прошла хорошая гроза. В 10. 30 ве-

чера пошли дальше вверх реки. Воздух был дивный» [7, с. 512].

26 мая 1913 года Николай II прислал в Кострому телеграмму: «Сердечно благодарю всех за Меня и Мою семью помолвившихся; с отрадою вспоминаем Наше пребывание в родной Костроме» [10, с. 211].

1917 год завершил царствование в России Дома Романовых. Но связи Костромы с потомками Романовской династии не прекратились. Судя по их высказываниям, Кострома и сейчас остается для них одним из самых дорогих в России мест. «Древняя Кострома занимает особое место, как в истории России, так и в судьбе нашей династии» – отмечала великая княгиня Мария Владимировна, дочь великого князя Владимира Кирилловича, праправнучка императора Александра II, посетив наш город в 1993 году [6].

Этот год, в связи с 125-летием со дня рождения Николая II и 380-летием Дома Романовых, по инициативе Российского дворянского собрания, был объявлен Международным годом памяти императора Николая II.

В проходившем в Костроме историко-культурном фестивале «Вехи» приняли участие великая княгиня Мария Владимировна с матерью великой княгиней Леонидой Георгиевной и сыном великим князем Георгием. В своем приветствии участникам фестиваля великая княгиня Мария Владимировна пожелала «счастья и процветания прекрасному городу» Костроме. По словам Марии Владимировны, которую наш город восхитил, она восприняла эту поездку как подарок. На пресс-конференции, которую дала великая княгиня для аккредитованных на фестиваль «Вехи» журналистов, она отметила красоту Костромы, теплоту и трогательность встреч на костромской земле.

В 1993, а затем в 2002 году, по приглашению Фонда 400-летия Дома Романовых, Кострому посетил князь Димитрий Романович Романов, который возглавляет

«Фонд Романовых для России», занимающийся благотворительной деятельностью в нашей стране. Д. Р. Романов, родившийся во Франции в 1926 г., является праправнуком императора Николая I, троюродным племянником Николая II. Брат Дмитрия Романовича – Николай Романович – является Председателем Комитета, управляющего Объединением членов Дома Романовых.

На пресс-конференции, которую дал Дмитрий Романович в Костроме летом 2002 г., он сказал, что с момента приезда в Кострому ощущает себя костромичом [15]. Визит Д. Р. Романова в Кострому сопровождался широкой благотворительной деятельностью:

Дмитрий Романович посетил исторические, памятные для Романовых, места в Костроме – Ипатьевский монастырь, Богоявленско-Анастасьинский монастырь, где в кафедральном Богоявленском соборе коленопреклоненно молился перед святыней Костромы и Дома

Романовых – чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери.

В 2006 году в Ипатьевском монастыре появился самый большой в настоящее время 500 пудовый колокол. Это вклад тоже потомка Романовых – принца Кентского Майкла, пра-пра-правнука русского императора Николая I, внучатого племянника Николая II, кузена королевы Великобритании Елизаветы II. Отлит колокол в городе Тутаеве Ярославской области на колоколотейном заводе братьев Шуваловых. Колокол назван «Царь Михаил» и отлит он в память 400-летнего избрания на престол государства Российского царя Михаила Федоровича Романова. По словам принца Майкла Кентского, колокольный звон в Ипатии во время его прошлогоднего визита в Кострому произвёл на него сильнейшее впечатление. Тогда и родилась идея царского подарка: «Здесь колыбель Романовых, и логично, чтобы колокол стал именно здесь, и чтобы люди могли бы радоваться ему».

Рис. 5. Колокол «Царь Михаил» – вклад принца Кентского Майкла в Ипатьевский монастырь

Потомки Романовых приезжают в Кострому – город, богатый историей, хранящий мемориальные памятники, исторические духовные реликвии, напоминающие о восшествии на царский престол их династии, о наречении Михаила Федоровича царем, о приездах сюда их великих предков.

Примечание

¹ Из доклада Сената 24 октября 1767 года.

Библиографический список

1. *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. – СПб., 1913. – С. 59.
2. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 208–209
3. Житие Макария Унженского.
4. *Кожевников М.* Земельные владения Дома Романовых в XVI и XVII столетиях. – СПб., 1913.
5. Материалы для истории города Костромы. Ч. 1. / сост. Л. Скворцов. – Кострома: Губернская типография, 1913. – С. 288.
6. На родине предков. Романовы в Костроме // Губернский дом. – 1993. – № 1; Романовы в Костроме // Дворянское собрание. – М., 1994. – № 1.
7. *Николай II.* Дневник. – М.: «Захаров». – 512 с.

8. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг.

9. Письмо царя Михаила Федоровича патриарху Филарету от 12.09.1619 г. // Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. – М., 1848. – №. 32.

10. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Издание Костромской Ученой Архивной Комиссии. Составил Н. Н. Виноградов. – Кострома: Губернская типография, 1914. – С. 17.

11. Сказание Авраама Палицына / под ред. Л. В. Черепнина. – М.; Л., 1955. – С. 231.

12. *Скворцов Л.* Материалы по истории города Костромы. – Кострома, 1913. – С. 206–207.

13. Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГГД). – М., 1813. – Ч. I. – № 203.

14. Список с грамоты 7122 (1614) году государя Михаила Федоровича. Цит. по: Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. Опыт археолого-статистической переписи. – М., 1913. – С. 9–10.

15. *Филин Ж.* Князь Романов: в жизни денежки нужны // Костромские ведомости. – 2002. – 3/VII.

16. *Херсонский И. К.* Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макарьев-Унженского монастыря Костромской губернии. – Кострома, 1887. – № 6. – С. 8–9.

УДК 323.2
ББК 63.3(2)6-8

Григоров А. И.

ВСТРЕЧИ МОЕГО ДЕДА С ИМПЕРАТОРОМ

Аннотация. Встречи с Государем запомнились юному кадету Борису Васильевичу Григорову на всю жизнь. Они являются свидетельством яркого, запоминающегося облика Государя, на которого была возложена огромная ответственность по управлению и защите России.

Ключевые слова: Григоров, Государь, кадеты, коробка конфет, Русско-японская война, пополнение.

Мой дед, Борис Васильевич Григоров, родился в Кронштадте в 1895 году. Его родители – поручик крепостной артиллерии Василий Васильевич Григоров (он служил на батарее «Константин» арт.офицером) и Мария Федоровна, дочь капитана 18 флотского экипажа Ф. П. Павлова)¹.

Таинство крещения совершал во Введенском соборе святой праведный пресвитер Иоанн – известный впоследствии по всей России св.Иоанн Кронштадтский.

Когда Российская Империя начала свою экспансию на Дальнем Востоке и «взяла в аренду» стратегическую часть

полуострова, начав строительство крепостей и портов Порт-Артур и Дальний – прадед был переведен для дальнейшего несения службы в Порт-Артур. Его жена с четырьмя детьми последовала за мужем. В Порт-Артуре у них родились еще сын и дочь. Когда стало понятно, что война неизбежна, семьи офицеров крепости эвакуировали морем в Петербург. Это было долгое – три месяца, и тяжелое плавание. В пути дети заболели тифом; и ухаживая за ними, заболела Мария Федоровна. К счастью, все они добрались до родных берегов живыми.

А Василий Васильевич Григоров с начала Русско-японской войны и до падения крепости находился среди ее защитников, когда погиб командир – командовал батареей и руководил огнем орудий, пока они все не были разбиты, затем командовал сводным отрядом стрелков (в основном бывших артиллеристов). После капитуляции крепости он, раненый в обе ноги, оказался в плену².

Во время пребывания В. В. Григорова в плену (а в неразберихе военного времени родным было сообщено о его гибели) в семью пришла другая беда – переболел тифом, в Петербурге скоропостижно скончалась его жена Мария Федоровна. Шестеро детей – Борис, Надежда, Зинаида, Василий, Мария, Анна – остались круглыми сиротами. Старший, Борис, был определен в кадетский корпус, девочки – в дворянский пансион. Василий мог быть принят в корпус, но по слабости здоровья отпущен в дом и жил в поместье родителей Василия Васильева, под Рязанью. Самую младшую, двухлетнюю Анну взял к себе в Москву дядя, Михаил Васильевич Григоров (его брак с баронессой Лидией Дмитриевной Бухгольц был бездетным). Так за один год разрушилась семья В. В. Григорова³. В это время и произошла первая встреча моего деда с Государем Императором.

Произошло это так.

Во время Русско-Японской войны (вероятно, уже в последний ее период – в стояние на Сыпингайских позициях – прим.) 1-й кадетский корпус в Петербурге, где учился Борис Григоров, внезапно посетил Император с несколькими членами Свиты своей и Государыни. Кадет построили в актовом зале, начальник корпуса доложил, Государь сказал несколько слов. После чего Государь спросил, есть ли в корпусе воспитанники – круглые сироты. Начальник корпуса скомандовал – «круглые сироты – три шага вперед». Вышло семь кадетов, в их числе, и мой дед. Государь подошел и коротко поговорил с каждым. Дед был по счету третьим. Конечно, десятилетний ребенок волновался. Но пока Государь говорил с первыми двумя (а второй кадет от испуга стал заикаться), дед успокоился. Когда очередь дошла до него, он уже почти не волновался. Короткий разговор он запомнил, и пересказал своему сыну – моему отцу. А он, в свою очередь, – мне.

Г. – Как твое имя?

Б. – Кадет Борис Григоров.

Г. – Сколько тебе лет?

Б. – Десять (по моим подсчетам, десять было неполных, дед себе примерно месяц «прибавил» – прим.)

Г. – Кто был твой отец и где служил? (был, т. к. тогда Василий Васильевич считался погибшим – прим.)

Б. – Мой отец – капитан Квантунской Армии Василий Григоров, а служил в Порт-Артуре.

Г. – Кем хочешь стать?

Б. – Артиллеристом, как отец.

Г. – Молодец. Встань Борис в строй.

Государь погладил деда по голове, фрейлина Двора дала, как и всем остальным кадетам-сиротам, коробку шоколадных конфет. Вот, собственно, и вся встреча⁴.

Дальше Государь разговаривал со следующими вышедшими из строя кадетами,

а дед стоял в строю очень боялся упасть – у него вдруг, когда напряжение спало, zakружилась голова.

А через несколько дней деду сообщили, что его отец жив и находится в японском плену⁵.

Судьба этих конфет (точнее, самой коробки) удивительна. Почти все кадеты свои коробки открыли и конфеты съели вместе с приятелями. У одного мальчика коробка «пропала» (точнее не знаю). Дед же сказал, что есть конфеты это не мужское дело, и что у него в пансионе сестры – поэтому свою коробку не открыл, а отнес в выходной день сестрам – за что на него некоторые его приятели обиделись (а некоторые похвалили – прим.). Эти конфеты сестры съели (одну конфету буквально заставили съесть и деда), а саму коробку решили разрезать на квадратики, чтобы каждый взял себе на память по кусочку коробки, которую держал в руках Государь (чья это была идея – дед не помнит, но точно не его).

Дальше каждый всюду носил с собой как «талисман» и как мог берег свой квадратик.

У моего деда его кусочек этой коробки конфет был с ним до конца учебы в корпусе, и во время учебы в Николаевском инженерном училище (все же он решил стать не артиллеристом, а строителем крепостей – прим.), и прошел с ним всю Великую войну⁶, и Гражданскую⁷, и последующую жизнь в Одессе⁸, и первый арест. Во второй арест 1923 г. «квадратик» остался дома, а когда бабушка ходила носить ему передачу, квартиру обокрали (или обыскали – непонятно, т. к. больше перерыли, чем взяли) и после того случая, дедов квадратик не нашелся⁹.

У сестер их квадратики прожили дольше.

Надежда Васильевна после закрытия пансиона в Петербурге переехала в Рязань, где окончила последние классы гим-

назии Екимецкой. Она очень сблизилась с мачехой. После гибели в 1915 году Василия Васильевича Надежда помогала Александре Ивановне растить ее сыновей – своих сводных братьев. После революции переехала в Москву, где вышла замуж за красного командира Петра Семеновича Машкина и переехала с ним в Курск, к месту его службы. Во время переезда пропала часть вещей, в т.ч и «квадратик».

Зинаида Васильевна, окончив дворянский пансион в Петербурге, переехала в Москву к дяде, в дом на Уланском переулке (где уже жила с младенчества ее младшая сестра Анна). В 1918 Зинаида и ее брат Василий (не успел окончить в Рязани Реальное училище, как и многие другие, побежали от революции, куда глаза глядят); они держались поближе к старшему брату, а он служил в Добровольческой армии. Киев, Харьков, Одесса – вот их маршрут. И Одесса была последним пунктом маршрута. Квадратик Зинаиды пропал в 1922 году, по пути из Одессы в родную Рязань.

Мария Васильевна – после революции переехала из Петрограда и какое-то время жила в Москве у дяди Михаила Васильевича Григорова, потом – в г. Харькове, работала телефонисткой. В первом браке замужем за Александром Ивановичем Головчаном. Во втором браке Мария Васильевна была замужем за Глазуновым Александром Петровичем (он – главный энергетик Харьковского тракторного завода). Во время войны ХТЗ эвакуирован на Алтай и начал выпускать танки в г. Рубцовск. После окончания войны часть заводских мощностей остались в Рубцовске, дав начало совр. Алтайскому тр. заводу. В Рубцовске и оставался среди семейных реликвий квадратик Мария вплоть до ее смерти в 1994 г.¹⁰

Вторая встреча Бориса Васильевича с Императором в 1916 году на фронте

была очень кратковременной, можно сказать, мельком – в феврале 1916 года в штабе СФ во время посещения наиболее отличившихся частей, в числе которых был и 15 армейский корпус. 15-й саперный батальон не был в числе запланированных к посещению частей, но совершенно случайно в этот день Борис Васильевич был командирован в штаб корпуса для решения каких-то организационных вопросов. Он ожидал у штаба, когда окончится встреча командования корпуса с Государем. Ждать пришлось недолго, т. к. Государь пожелал пообщаться с нижними чинами-георгиевцами. Он, чины Свиты и командование корпуса вышли из штаба неожиданно, так что ожидавшие еле успели вскочить и встать «смирно». Прокричали «Здравия желаю Ваше Императорское Величество!», Государь обратился с коротким приветствием. Так вышло, что Борис Васильевич стоял очень близко и хорошо видел Государя. Государь дважды посмотрел на него. Конечно, он не узнал бывшего кадета.

Борис Васильевич плохо запомнил его слова, т. к. после контузии у него болела голова, и он боялся забыть все, что ему нужно было узнать и сделать в штабе. Запомнил только, что Государь выглядел грустным и очень усталым. Почему-то хорошо запомнил лишь одного генерала Свиты – очень толстого и в абсолютно новом, прекрасного сукна мундире (вероятно, запомнил от раздражения на него – такого благополучного, сытого и чистого)

Третий раз Борис Васильевич видел Государя также на фронте, в самом конце 1916 года, но уже совсем издалека. Он хотел пробиться поближе и подать прошение о назначении пенсии семье его погибшего отца – кому-либо из Свиты, чтобы те передали Государю (т. к. законные пути уже были испробованы) – но не успел, т. к. Государь сел в повозку и кортеж уехал.

Тогда до отречения оставалось меньше трех месяцев.

Примечания

¹ Мария Федоровна Павлова – из семьи морских офицеров, коренных петербуржцев. Окончила консерваторию, прекрасно пела, музицировала, была очень разносторонней женщиной. С Василием Васильевичем она прожила до своей смерти в 1905 г., у них родилось шесть детей. Ее сестра Анна Федоровна после смерти Марии опекала племянников, всячески старалась помочь им устроиться в жизни.

² Сейчас это кажется странно, но офицеры Порт-Артура могли выбирать: те, кто давал слово не воевать против Японии, отпускались на свободу. Особенно уважаемых японцами за храбрость (а за долгое время осады и штурмов Порт-Артура противники неплохо узнали друг друга) отпускали на свободу даже с оружием. Для тех, кто не считал для себя возможным дать такое слово (само собой разумелось, что слово офицера нерушимо), – альтернативой был почетный плен до момента заключения мира между воюющими. Надо сказать, что условия плена (правильнее это назвать «домашним арестом») были больше похожи на пребывание в гостях). Как раз такой плен «перенес» и Василий Васильевич. Тем не менее, как только он оправился от ранения – умудрился бежать и продолжал служить во Владивостоке.

³ В это время была еще жива в Рязани бабушка сирот – Екатерина Николаевна Григорова, урожд. Леонова. Узнав о гибели сына и смерти невестки, она заболела. Понимая, что внуков ждет тяжелая жизнь, она хотела хоть чем-то облегчить их судьбу. Все, что у нее было – «родовые» григоровские десятины в Аляшево, Жолчине, Шадеево. В 20 веке владение этой символической по величине «недвижимостью» было уже скорее данью традиции, памяти предков, чем велением здравого смысла. Именье давно никого не кормило. Возможно, Екатерина Николаевна давно решила продать наследственные покойного мужа и свои десятины. Но сделала это она только в 1905 г. (оставила только старый господский дом с садом, которые тоже продержались за Григоровыми недолго (**)). Для «обеспечения

будущности сирот» вырученные деньги вкладываются в именные акции строительной компании, одним из руководителей которой явл. Михаил Васильевич Григоров – брат Василия Васильевича (***)). Дом в Москве в Уланском переулке, построенный на эти деньги, сейчас занимает офис компании «Avon».

⁴ Во время германской войны, дед, будучи подпоручиком а потом поручиком, еще дважды (первая встреча – в Кадетском корпусе) видел Государя на фронте и каждый раз испытывал к нему теплые чувства преданности и любви (чего он не мог сказать о Государыне. Кстати, такое «раздвоение» отношения к семье Николая Александровича – далеко не единственный случай в среде русского офицерского корпуса. Но – о покойных или хорошо, или ничего!).

⁵ После возвращения из плена, Василий Васильевич (с февраля 1906 г.) служит во Владивостокской крепостной артиллерии. За службу свою во время этой войны он был награжден орденами Св. Анны 4, 3, 2, Св. Станислава 4, 3, 2 и Св. Владимира 4 степени. Немало за 2 года! Узнав о смерти жены и бедственном положении детей, он бомбардирует начальство прошениями об отставке, но то ли бумаги терялись, то ли их клали под сукно, но даже перевод ближе к детям - в крепость Свеаборг, – он получил только к концу 1906 г.

И только 1909 г. В. В. Григоров был уволен со службы с чином подполковника и зачислен в артиллерийское ополчение Рязанской губернии. Вообще-то, после отставки, кроме уже отдалившихся от него детей, у Василия Васильевича не осталось никого и ничего. Средства к существованию – пенсия, которой не хватало, поэтому отставной подполковник устроился на службу страховым агентом. Место жительства – снимаемая им в Рязани недорогая квартира. Мать его еще жива, но отношения их почему-то оставляли желать лучшего, с братом Михаилом Васильевичем – тоже. Так или иначе, незадолго до наступления нового, 1910 г. Василий Васильевич вступает в брак с дочерью своего сослуживца по Порт-Артуру, Александрой Ивановной Хрущовой. Разница в возрасте у супругов большая – чуть меньше 20 лет. И несмотря на это и стесненные материальные условия (в общественном мнении

«золотопогонник» – само собой разумеется, обеспеченный человек, а это в России начала 20 века это было далеко не всегда так), – жили дружно и счастливо. У них родились Юрий (Георгий), Саша, и дочь Анна (р. 1914, умерла в детстве). Жили они в Рязани на Подгорной улице, в доме А. Григорова (не их, другого, какого – не знаю), потом – на Сенной, в доме Громова. На жизнь и прислугу хватало, на экипаж – нет. За исключением старшего сына, Бориса (он целых шесть лет не мог простить отцу этот брак), остальные дети познакомились и подружились с мачехой. Жили, правда, отдельно; но приезжали в гости, переписывались. Вся наладившаяся семейная жизнь Василия Васильевича вновь разрушилась с началом Великой войны. В июне 1914 г. подполковник Григоров призывается на действительную службу, повышается в чине и утверждается в должности командира Рязанского ополчения. В процессе формирования, когда часть стояла в Рязске, ополчение было переименовано в 105 пешую Рязанскую дружину. До тех пор, пока военные действия были где-то далеко, а муж, повышенный в чине и уважаемый подчиненными, которые к тому же все знакомые, бывшие соседи, - рядом – Александра Ивановна была довольна и спокойна. Тем более, что «содержание» семьям офицеров обещали увеличить. Хуже стало, когда дружину отправили из Рязска в Витебск, и далее – в сторону фронта. Молодая женщина, плохо себе представлявшая отличие жизни фронтовой от уездной, переживала, обижалась на мужа за то, что он «не может устроить» себе отпуск или, хотя бы, ее приезд в гости (на фронт). Сохранились письма Василия Васильевича с фронта своей жене, и от нее. Их две «разновидности»: те, которые посылались полевой почтой, и переданные «с оказией» (значит – минуя военную цензуру). Читая эти письма, (*) начинаешь многое понимать в жизни русского офицерства в последние годы Российской Империи. Как справедливо пишет А. А. Керсновский, обучение и снаряжение ополченческих частей оставляло желать лучшего. Да и отношение к ним, по сравнению с кадровыми, было, мягко говоря, небережное.

Судьба Рязанского ополчения в Великую войну – бессмысленна и трагична.

В мае 1915 г. Рязанская дружина и 18 бригада Государственного ополчения были расформированы в 453 пехотный полк 114 пехотной дивизии. А 114 дивизия, во время отступления из Польши, была оставлена защищать Новогеоргиевскую крепость – в полном окружении и без шансов на выручку. Сказать о том, что происходило в районе Варшавы и Новогеоргиевска в июле – августе 1915 лучше, чем А. А. Керсновский, я не берусь.

В предпоследнем письме, переданном «с оказией», полковник Григоров писал жене, что защищать крепость – безумие, и он, как и его начальники – преступны, ибо ведут своих подчиненных к гибели. Он молил Бога, чтобы был приказ к отступлению. Приказа не последовало. Последнее письмо жене он отправил с денщиком из практически уже окруженной немцами крепости. Отправил с денщиком, Матвеем Архиповым (фактически спасая его, т. к. Василий Васильевич знал, что Матвей – единственный кормилец большой семьи). В. В. Григоров не покрыл себя позором, подобно коменданту или высшим начальникам гарнизона. Он погиб 5 августа 1915 г., «возглавив контратаку для отбития восточных фортов». Предварительно он отдал приказ «в случае крайности испортить орудия и взорвать верки» на форте, который обороняли его подчиненные. Это был один из двух фортов, не отдавших при капитуляции немцам исправных орудий. Поскольку все документы гарнизона достались немцам, есть только два свидетельства его гибели – частное письмо из плена его начальника, генерал-лейтенанта Дубровского и «Удостоверение», данное одним из его подчиненных в 1928 г. в Рязани: «... я, нижеподписавшийся гражданин города Рязани Виктор Васильевич Казанский, настоящим удостоверяю, что полковник Василий Васильевич Григоров был убит в крепости Новогеоргиевск в 1915 г. во время наступления для отбития форта, занятого немцами, а также удостоверяю, что он командовал в это время батальоном 455 пехотного полка, сформированного из дружин ополчения...».

Кстати, бюрократическая машина Российской Империи работала не намного более

четко и осмысленно, чем сейчас. До начала 1917 г. вдове полковника Григорова не выплачивалась пенсия, поскольку она не могла предоставить официальное свидетельство о гибели мужа (при том, что документы об его посмертном награждении находились в Военном ведомстве. (В конце концов дело решило лишь обращение Александры Ивановны на Высочайшее Имя).

Александра Ивановна Григорова, оставшись без последнего кормильца (незадолго перед этим попал в плен брат Яков и погиб на том же германском фронте отец), не опустила руки. Кроме того, что вырастила своих двоих сыновей, она была хорошей, любимой мачехой для четырех детей мужа от первого брака (самую младшую, Анну – воспитывали в семье Михаила Васильевича Григорова, а старший, Борис после окончания в 1913 г. 1 Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, и Николаевского инженерного училища (ускоренный выпуск) – воевал на германском фронте.

⁶ В Великую войну Борис Васильевич Григоров служил в 15 саперном батальоне – строили укрепления, вели минную войну, когда приходилось – брали винтовки. Был ранен, награжден всеми российскими орденами (до Св. Анны и Св. Станислава 2 степени включительно). (**)(*) на фронте в начале 1915 г. он встретились с отцом (части стояли поблизости) и наконец помирились. К сожалению, это была их последняя встреча – Василий Васильевич в авг. 1915 г. погиб.

Незадолго до революции был произведен в штабс-капитаны и командовал 15 саперным батальоном. Когда случилась революция и в «самой свободной армии» солдаты стали выбирать командиров и утверждать или не утверждать их приказы – Бориса Васильевича подчиненные «утвердили» в должности. Но служить в новой армии он не смог и в 1918 г. со службы уволился. Дальше в моих сведениях – провал на 1 год

⁷ Знаю, что в 1919 г. отец служил в Офицерском полку Добровольческой Армии ВСЮР в Киеве, затем перешел служить в конвой (какого генерала – не знаю).

⁸ В составе отступающих войск Белой Армии в начале 1920 г. оказался в Одессе, но не эмигрировал. Какое-то время скрывался, затем сидел в Одесском ГубЧК. И в Одессе

же, еще до вступления в город Красной армии, познакомился Борис Васильевич Григоров со своей будущей женой - моей бабушкой, Лидией Евгеньевной Сахаровой.

⁹ Страшное воспоминание осталось о т.н. «регистрациях».

Люди, занимавшиеся историей первых лет Советской власти, знают про эту, поистине изверскую, хитрость руководителей ЧК. На территории, занятой Красной Армией, объявлялась перепись (регистрация, учет – названия в разных губерниях были разные, суть – одна). Все офицеры, дворяне, священнослужители и пр., и пр. должны были явиться и зарегистрироваться в местных «органах». Конечно, приходили немногие – боялись. На первой регистрации почти всех, переписав, отпускали. А вскоре, когда уже регистрация никого не пугала, объявлялась «повторная», «уточняющая» регистрация. Приходило в десятки раз больше людей. Вот в этот раз уже никого не отпускали. И в Крыму, Одессе, и в Новороссийске, и в Омске все происходило по схожему сценарию. Дед стал участником этого страшного спектакля в Одессе. Не эмигрировали, кроме него самого, несколько его подчиненных. Поэтому на первую перепись он пошел сам. Убедившись, что перепись не означает ареста, на вторую он привел своих подчиненных. Как я понял, они все погибли. Дед же, будучи отделен от «нижних чинов», в неразберихе по ошибке был отпущен. Он был «лишенцем», т.е. не имел права проживать в крупных городах, был поражен в правах и т.д. Работал он по селам землемером, прожил долгую и тяжелую жизнь. Тема службы деда в Белой Армии была запретной в нашей семье, так как это было опасно для жизни. Поэтому я знаю об этом очень мало. Вообще, «одесское» время тяжело далось деду. Кроме всего выше описанного, у бабушки появился поклонник – красный командир (к счастью, вероятно, в небольшом чине). Поскольку ни манерами, ни порядочностью он не был обезображен, предложение Лидии Евгеньевне сделал, поигрывая саблей, примерно в таком духе: «Давай живи со мной, Лидка! Контрика твоего мы все равно шлепнем, только найдем за что – и шлепнем. А я – при власти!» При этом, как рассказывала бабушка, кавалер сморкался в ладонь и вытирал соплю о бархатные галифе (как в известном фильме – красные!). Серьезным претендентом на руку

и сердце бабушки он не был, но этот герой мог в случае отказа жестоко отомстить. К счастью, он как-то проштрафился и из поля зрения исчез. С ноября 1921 по март 1922 дед был в заключении. Недолгое время после освобождения он поработал, «успел» зарегистрировать брак с Лидией Евгеньевной, у них родился сын Владимир. И в 1923 г. вновь Борис Васильевич был арестован и, на сей раз, выслан из Одессы с лишением гражданских прав.

¹⁰ Краткие биографии «держателей квадрантиков».

Борис Васильевич Григоров.

Родился 10 ноября (23 по новому стилю), крещен 12 ноября 1895 г. в Введенском крепостном соборе Кронштадта. В возрасте 10 лет Борис был отдан в I кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который закончил в 1913 г. В конце 1914 г. окончил (ускоренный выпуск) Николаевское инженерное училище, в чине подпоручика отправлен на германский фронт. Всю Великую войну служил в 15 саперном батальоне 15 армейского корпуса. Был ранен и награжден российскими орденами Св. Анны и Св. Станислава всех степеней до 2-й включительно. Командует саперной, затем дорожно-мостовой ротой. В 1917 г. производится в штабс-капитаны и командует саперным батальоном, затем нестроевой ротой 15 инженерного полка. После революции в марте 1918 г. был демобилизован. В 1919 г. служит в офицерском полку Добровольческой Армии в г. Киеве, затем перешел на службу в конвою. В составе отступающих войск Белой Армии в начале 1920 г. оказался в Одессе. Скрывался от арестов, потом сидел в ГубЧК. Б. В. Григоров не имел права проживать в крупных городах, был лишен в правах, т. е. был «лишенцем». По причине увольнений и арестов приходилось часто менять место жительства и работы. Имея необходимые знания, не мог подтвердить их документами: аттестат об окончании Санкт-Петербургского кадетского корпуса мог только повредить, а аттестат об обучении в Николаевском инженерном училище был украден вместе с вещами. В 1932 г. окончил курсы при Воронежском Дорожно-инженерном и геодезическом институте, что помогло в устройстве на работу. В 1932 г. семья проживала в г. Орел, работал землеустроителем в ОБЛЗО (Обла-

стном отделе землеустройств). Постоянно находился в командировках в колхозах области, что видимо и позволило ему избежать репрессий в 1936–37 гг. Во время Отечественной войны семья оказалась в оккупации в г. Орле, затем в течение года была интернирована немцами. После окончания войны с 1945 по 1956 г. работал инженером-землеустроителем в том же ОБЛЗО г. Орла. В 1956 году вышел на пенсию, жил в Орле. В 1964 г. переехал на жительство в г. Запорожье, где работал его сын, где и скончался в 1980 г., похоронен на Осипенковском кладбище г. Запорожья.

Борис Васильевич был всесторонне образованным человеком с энциклопедическими знаниями, полученными путем самостоятельных занятий. Он глубоко знал астрономию, очень любил высшую математику и историю, любил музицировать на пианино, очень много читал. Был женат с 1923 г. на дочери тульского священника Лидии Евгеньевне Сахаровой (умерла в Запорожье, похоронена рядом с мужем).

У них дети: Владимир (1923 г.р., г. Одесса) и Игорь (1929 г.р., г. Курск).

Надежда Васильевна Григорова.

Родилась в Кронштадте в 1897 г. В 1905 г. осталась сиротой и была отдана на воспитание в дворянский пансион в Санкт-Петербурге. В 1920 г. вышла замуж за командира Красной Армии Петра Семеновича Машкина, жили в Курске. У них родились две дочери: Нина /1921 г.р./ и Галина /1922 г.р./. Нина умерла в детстве. Петр Семенович умер 14 марта 1933 г. После этого жила в Алма-Ате, Орле, после войны - в Москве. Умерла в 1948 г. в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище. Дочь Галина была замужем за Станиславом Рисовым (ныне покойный), проживала с детьми и внуками в Москве, сейчас – на пенсии, живет с семьей дочери в Подмосковье, на ст. Шереметьевская.

Зинаида Васильевна Григорова.

Родилась в октябре 1898 г. в Кронштадте. Также воспитывалась в дворянском пансионе в Санкт-Петербурге. После переехала в Москву к дяде Михаилу Васильевичу Григорову (он тогда работал бухгалтером на Московской паркетной фабрике). Вначале проживала в его квартире на Уланском переулке, 4 (дом принадлежал тем же хозяевам паркетной фабрики, выкупившим его у строительной компании). Много лет работала машинисткой в Госполитиздате. Умерла в 1956 г., похоронена на Ваганьковском кладбище. Замужем не была.

Мария Васильевна Григорова.

Родилась в Порт-Артуре в 1902 г., после эвакуации в Петербург воспитывалась в семье тетки Марии Федоровны Павловой, потом в дворянском пансионе. После революции какое-то время жила в Москве у дяди Михаила Васильевича Григорова, потом – в г. Харькове, работала телефонисткой. В первом браке замужем за Александром Ивановичем Головчаном. У них сын Борис (1924 г.р., который в 1941 году окончил артиллерийское училище и всю войну воевал в артиллерии – от ком. орудия до ком. батареи). Боевой путь Бориса Александровича: Воронеж – Полтава – Пруссия – Чехословакия.

Во втором браке Мария Васильевна была замужем за Глазуновым Александром Петровичем (он – главный энергетик Харьковского тракторного завода). Во время войны ХТЗ эвакуирован на Алтай и начал выпускать танки в г. Рубцовск. После окончания войны часть заводских мощностей остались в Рубцовске, дав начало совр. Алтайскому тр.заводу. Александр Петрович с семьей не вернулись в Харьков, он и далее работал на заводе в Рубцовске.). Умер ок. 1960 г., Мария Васильевна умерла в 1994 г., оба похоронены в г. Рубцовске. Брак бездетный.

**РОМАНОВСКИЙ ПАНСИОН
ПРИ ГРИГОРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ**

Аннотация: Романовский пансион при Григоровской женской гимназии в Костроме, явившийся заботливым участием общества о воспитании подрастающего поколения, открыл путевку в жизнь многим своим воспитанницам и послужил добрым примером отношения к будущему страны.

Ключевые слова: пансион, гимназия, библиотека, дворянство, Григоров.

Еще «в 1850 г. дворянство Костромской губернии постановило образовать капитал в 150 тыс. руб. (с этой целью собиралось ежегодно по 7 коп. с владеемой крестьянской души) для учреждения в Костроме института для благородных девиц. С открытием Григоровского училища дворянство вошло с ходатайством, вместо предполагавшегося института, об устройстве при Григоровском женском училище пансиона на 40 девиц из потомственных дворян Костромской губернии, с присвоением ему наименования Романовский в честь Царствующего Дома. На это последовало Высочайшее соизволение 25 июля 1864 г. Открытие пансиона состоялось 30 августа 1865 г.» [2, с. 48–49], – повествовал учитель математики (01.08.1906), редактор отчетов о родительских собраниях [10], староста гимназической Александро-Невской церкви (1912) и историк гимназии Константин Петрович Аржеников (17.11.1862–22.03.1933) [9, с. 73].

«В ознаменование... 50-летнего юбилея существования Григоровской женской гимназии... в день храмового праздника в гимназической церкви, 23 ноября 1907 года, в честь св. благоверного князя Александра Невского... в зале гимназии прочитана была К. П. Аржениковым, в присутствии приглашенных почетных лиц, учащихся и учащихся означенная историческая записка» [13, с. 10–11].

Символично, что и «торжество открытия женского училища в г. Костроме состо-

ялось 26 августа 1857 г., в день коронавания Императора Александра II ... указавшего в Высочайшем повелении открывать повсеместно училища для девиц» [2, с. 43–44].

Костромское женское трехклассное училище для всех сословий, как известно, было основано отставным артиллерии подпоручиком (1823), почетным попечителем Костромской губернской гимназии (1857–1870) и почетным членом костромских губернского попечительства о детских приютах (20.01.1858) и городского попечительного о бедных комитета (06.01.1859), дважды удостоившегося благодарности попечителя Московского учебного округа (05.08.1858, 02.08.1868), Александром Николаевичем Григоровым (01.02.1799–13.01.1870) [6, с. 436–437; 20, л. 329–333, 505 об. – 510, 567–569], имя которого высочайшим повелением было присвоено училищу 25 июля 1864 года [2, с. 48].

«Костромская Григоровская женская гимназия состоит из 7-ми классов, и в том же здании помещается Романовский дворянский пансион, Высочайше утвержденный 25 июля 1864 года, и как гимназия, так и пансион состоят под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы», – подтверждалось и в отчетах о состоянии Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона [11, с. 3].

И, соответственно, с открытия и на протяжении столетия Григоровская

гимназия и Романовский пансион были не обделены вниманием имядателей. Так, 16 августа 1858 года «было осчастливлено посещением Их Величеств губернское училище для девиц. У подъезда, при встрече Их, находились: генерал-адеютант Чевкин, почетный попечитель гимназии Григоров с супругою, инспектриса заведения, дочь генерал-майора Шкот, и директор гимназии Егоров. При входе Их Величеств в зал училища, девицы встретили Их глубоким реверансом и приветствовали словами: “Счастье имеем Ваше Императорское Величество!” ... Её Величество спросила инспектрису: “Давно ли существует заведение?” “26 августа исполнится год”, – отвечала та. “Как, только ещё? – сказала Государыня Императрица, – и в это короткое время оно успело так развиться?” ... Воспользовавшись этим случаем, директор обратился с докладом к Государыне Императрице и, сколько возможно было, по краткости времени, объяснил, что существенную заботливость его в этом заведении составляет правильный ход учения, и что, он не имеет ввиду умножать число живущих в заведении воспитанниц. Её Императорское Величество изволила милостиво одобрить эту мысль, сказав: “Старайтесь, чтобы было побольше приходящих девиц и чтобы в заведении во всем была простота”» [1, с. 9–11].

15 августа 1866 года «Ихъ Высочества [Наследник Цесаревич Александр Александрович и Великий Князь Владимир Александрович] посетили Григоровскую женскую гимназию и Романовский пансион, где была устроена выставка сельских мануфактурных произведений Костромской губернии. На выставке Цесаревич купил троичную русскую сбрую работы костромского купца Кулакова» [14, с. 334].

15 мая 1868 года «Григоровское училище и Романовский пансион посетил

Его Императорское Высочество Великий князь Алексей Александрович» [2, с. 49].

19 мая 1913 года во время празднования в Костроме 300-летия Дома Романовых «по всему пути следования Ея Императорского Величества с Их Императорскими Высочествами Наследником Цесаревичем и Великими Княжнами расставлены были воспитанницы женских учебных заведений г. Костромы и Костромской губернии... Медленно следовали открытые экипажи, в которых помещались Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Их Императорские Высочества Наследник Цесаревич, Великие Княжны и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Воспитанницы учебных заведений бросали по пути следования Ея Величества и Их Высочеств заранее заготовленные живые цветы и восторженными кликами чистых детских голосов приветствовали ласково улыбающуюся им и отвечающую на приветствия поклонами Государыню Императрицу и других Августейших особ» [4, с. 91–92].

«Романовский дворянский пансион, – как отмечалось в гимназических отчетах, – содержится преимущественно на средства гг. дворян Костромской губернии... В пансионе своекоштными пансионерками принимаются преимущественно дети дворян Костромской и других губерний, но за недостатком их – допускается прием дочерей и других сословий... Находящиеся в Романовском дворянском пансионе воспитанницы, до начала уроков и после уроков, во все время внеклассных занятий, постоянно бывают под наблюдением двух дежурных надзирательниц пансиона, занимающих должности надзирательниц Григоровской женской гимназии; кроме сего непосредственный надзор за воспитанницами имеет г-жа начальница, а высшее попечение о всех пансионерках

принадлежит г-же попечительнице гимназии и пансиона» [13, с. 36–37].

Единственным развлечением пансионерок было чтение, но даже в разгар революции, 22 декабря 1905 года педагогический совет признал «желательным, чтобы школа руководила чтением учащихся, высказываясь вместе с тем против всякой насильственной регламентации... [однако] Совет не находит возможным ходатайствовать о выдаче ученицам из публичных библиотек всяких имеющихся там книг, в виду того, что, рассмотрев список запрещенных книг, он признает некоторые из них неудобными для чтения воспитанницами» [10, с. 40].

Собственная библиотека Григоровской гимназии и Романовского пансиона являлась общей и состояла из 7 отделов (книги духовного содержания, русская и иностранная словесность, русская и всеобщая история, география и путешествия, естествознание и математика, книги на иностранных языках, журналы и сборники). Расходы на библиотеку в 1876 году составляли 56 руб. 97 коп., 1877 году – 31 руб. 87 коп., на книги и учебные пособия для пансионерок в 1876 году – 168 руб. 70 коп., 1877 году – 191 руб. 37 коп., и к 1878 году общая библиотека гимназии и пансиона насчитывала 700 томов книг и журналов и 600 учебных пособий, что и получило отражение в опубликованном в том же году каталоге [7].

Соткрытием подготовительного и VIII (педагогического) классов в 1881–1883 годах библиотека была значительно пополнена и разделена по возрастам учениц, а 1887–1889 годах часть книг выделена для фундаментальной библиотеки, которой в 1890–1891 годах начальница и учительница истории и французского языка гимназии (06.10.1873–10.01.1901) Вера Ивановна Шахова (27.06.1840–27.09.1917) передала 543 книги, в том числе 48 на французском языке. Ученической

библиотеке в 1895 году учителями гимназии и пансиона было пожертвовано книг на 20 р. [12, с. 21], и в 1907 году фундаментальная библиотека насчитывала 757 названий в 1776 томах, ученическая – 1346 названий в 2315 томах, а расход на фундаментальную и ученическую библиотеки и естественнонаучный и физический кабинеты составлял 1306 руб. 26 коп. [18, л. 1–3]. В последнем учебном 1917/18 году фундаментальная библиотека включала 982 названия в 2138 томах, ученическая – 1873 названия в 3125 томах [19, л. 2].

В КОУНБ и ГАКО выявлено более полутора десятков книг, в том числе история Греции, жизнеописания Сократа, Байрона и В. А. Жуковского, Избранные мысли о воспитании и образовании Л. Н. Толстого и др., с круглыми штампами диаметром 30 мм [5, с. 51] Григоровской гимназии и Романовского пансиона, а также инскриптами (например, духовного писателя, заведующего женской воскресной школой (1906–1918) и товарища председателя (1909–1918) Костромского Александровского православного братства Ивана Михайловича Студитского (1858 – не ранее 1918): «В библиотеку Григоровской женск. гимназии от автора. 1917 г., нбр. 29» [15]) и монограммами (например, Е. Ш. [3] и К. Ш. [8]).

Последние принадлежали, очевидно, Екатерине Владимировне Шаховой, урожденной Клементьевой (1810–22.08.1886) [16, л. 50–51], дочери отставного капитана Клементьева Владимира Ивановича (1781–?) и Анны Алексеевны, урожденной Колычевой (1779–?), затем жене отставного капитана (1833) Шахова Ивана Алексеевича (1801–01.01.1853) и матери начальницы Григоровской гимназии и Романовского пансиона Шаховой Веры Ивановны [17, л. 89 об.].

Библиографический список

1. Андроников П. И. Император Александр II в Костромской стороне. – Кострома: Тип. П. И. Андроникова, 1858. – II.
2. Аржеников К. П. Историческая записка о 50-летию Костромской Григоровской женской гимназии. 1857–1907 // Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. – Кострома: Губ. тип., 1908.
3. Ваза. – СПб., 1857. – № 1–12. – КОУНБ. № ЦР 2947.3
4. Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–21 мая 1913 года / изд. КГУАК; сост. Н.Н. Виноградов. – Кострома: Губ. тип., 1914. – 234 с.: ил.
5. Горохова О. В. Книжные знаки учебных библиотек // Костромская старина. – 2006. – № 19.
6. Григорович А. И. Об учреждении женских училищ в Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. – 1858. – № 43. – Часть неофиц.
7. Каталог ученической библиотеки в Костромской Григоровской женской гимназии в 1878 г. – Кострома: Тип. П. Андроникова, 1878.
8. Le Moniteur de la Mode. Journal du grand Modes. Literture, Beaux-Arts, Theatres, & c. – Paris, Б.г. – КОУНБ. № ЦР 1822.3
9. Резепин П. П. Городские думы: гласные и головы // Губернский дом (Кострома). – 2007. – № 1/2 (76/77).
10. Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. Отчеты о собраниях, изданные гимназией / под ред. К. П. Арженикова. – Кострома: Губ. Тип., 1906. – 57, II.
11. Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона за 1876 и 1877 годы. – Кострома: Тип. Андроникова, 1878.
12. Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1893, 1894 и 1895 годы. – Кострома: Губ.тип., 1896.
13. Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. – Кострома: Губ. тип., 1908.
14. Скворцов Л. П. Материалы для истории г. Костромы / сост. член КГУАК Л. Скворцов. Ч. 1. – Кострома: Губ. тип., 1913. – 364 с.: портр.
15. Студитский И. М. Десятилетие воскресной женской школы при Запрудненской рукодельной школе Костромского Александровского Православного Братства (1906 – 21 октября – 1916 гг.) / сост. И. Студитский, изд. Л. С. Чумакова. – Кострома: Губ. тип., 1917. – 58 с.: портр., фот. – в бум. обл. – ГАКО. № 6583.
16. ГАКО. – Ф. 121. – Оп. 1. – Д. 6045. О выдаче копии с поколенных росписей дворянам. 1864.
17. ГАКО. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д. 11. Рословная книга дворян. Б-III. Ч. VI. Т. III.
18. ГАКО. – Ф. 426. – Оп. 1. – Д. 84. Отчет о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии за 1891 г. 1892.
19. ГАКО. – Ф. 426. – Оп. 1. – Д. 346. Отчет о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии за 1916 г. 1917.
20. ГАКО. – Ф. 429. – Оп. 1. – Д. 483. Документы о службе учителей Костромской Григоровской женской гимназии за разные годы. 1869–1882.

РОМАНОВЫ И САЛТЫКОВЫ

Аннотация: На основании изученного материала, автор восстановил генеалогическое древо рода Салтыковых, нашедших свое упокоение в Костромском Богоявленском монастыре. Их роль в истории оказалась решающей, и без них династия Романовых сложилась бы не так, как сложилась.

Ключевые слова: Романовы, ссылка, Богоявленский монастырь, строитель, церковь, вкладчик.

«Ни из одной фамилии не было столько бояр, столько фельдмаршалов и столько главных начальников Москвы, как из Салтыковых», – отметил еще Петр Владимирович Долгоруков, но и в костромской истории их было немало.

Таких, как воевода Иван Никитич Салтыков, выбивший из Костромы поляков в 1609 году, или Владимирский генерал-губернатор и Костромской наместник 1784–1787 годов и землевладелец Иван Петрович Салтыков (1739–1805). Имениями в Костромском крае располагали также генерал-аншеф Иван Алексеевич Салтыков (171?–1773), генерал-майор Сергей Владимирович Салтыков (1739–1800) и даже печально известная Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Иванова (1730–1801), замучившая четверть из шести сотен своих крестьян, но костромскими вотчинниками именовались лишь Салтыковы, похороненные в Богоявленском соборе костромского Богоявленского монастыря, начиная с «весьма любимого Борисом Годуновым» боярина и окольного Михаила Михайловича Салтыкова, в 1608 году назначенного воеводой в Тобольск и скончавшегося в пути.

Его дети, внуки и правнуки, также похороненные в Богоявленском соборе, являлись основными вкладчиками и застройщиками монастыря, в 1650 году построившими Салтыковские палаты, называющиеся Трапезным корпусом, а век спустя – Никольскую церковь, служившую усыпальницей генерал-майора Михаила

Петровича Салтыкова (1693–1750) и разрушенную большевиками.

Эта линия Салтыковых генеалогами почему-то выявлена неполно, хотя для этого не требуется перетряхивать архивы и достаточно всего лишь приобщить сведения, собранные костромскими краеведами позапрошлого столетия.

Иначе неучтенными оказываются также похороненные в Богоявленском соборе участник Северной войны, отставной бригадир Александр Петрович Салтыков (не позднее 1686–1732) и его тетка, девица Агриппина Петровна (†22.04.1675), которая, по словам первого историка Костромы Николая Степановича Сумарокова, «имела жительство в палатах Салтыковых в Богоявленском монастыре несколько лет, никем не видимая мужескому полу», а ее старшего брата стольника Федора Петровича Салтыкова, 15 мая 1682 года убитого в Москве восставшими стрельцами, принявшими его за Афанасия Кирилловича Нарышкина, по сей день путают с отцом царицы (с 1684) Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой (12.10.1664–13.10.1723), и тестем царя (1682–1696) Иоанна V Алексеевича (27.08.1666–29.01.1696) боярином Федором Петровичем Салтыковым († 02.02.1697).

Костромских Салтыковых, впрочем, это несколько не принижает, потому что с Романовыми они породнились задолго до воцарения первого из них, теткой которого была вдова вышеназванного Тобольского воеводы Екатерина (ин. Евникея)

Ивановна Салтыкова, урожденная Шестова (? – не ранее 1633).

Она же с сыновьями Борисом и Михаилом в 1616 году оказалась замешанной в историю несостоявшейся женитьбы племянника на Марии Ивановне Хлоповой, у которой Салтыковы обнаружили некий порок. Семь лет спустя патриарх Филарет после собственного расследования за оговор царской невесты и за то, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку» свояченицу сослал в монастырь, Бориса Михайловича – в вологодскую, а Михаила Михайловича – в галичскую вотчины, где, как многими считается, Салтыковы томилась «в заточении необратном» на протяжении целого десятилетия – вплоть до кончины патриарха, однако в действительности не прошло и трех лет, как Борис Михайлович Салтыков был назначен Самарским, а Михаил Михайлович Салтыков – Чебоксарским воеводами. Да и с учетом того, что женитьба Михаила Федоровича Романова на забракованной Салтыковыми невесте так и не состоялась, ссылка Салтыковых кажется незаслуженной. Зато их роль в истории оказалась решающей, и без них династия Романовых сложилась бы не так, как сложилась.

I

1-0 Михаил (ин. Мисаил) (?–25.04.1608, г. Кострома). Сын Салтыкова Михаила Игнатьевича (?–?), родоначальника Салтыковых. Боярин (160?) и окольничий (160?). Был назначен Тобольским воеводой, но в пути скончался в Верхотурье. Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Ж. – Екатерина (ин. Евникея) Ивановна, ур. Шестова (? – не ранее 1633). Дочь костромского вотчинника и полкового головы в Ливонском походе (1560) Шестова Ивана Васильевича. Сестра Ксении (ин. Марфы) Ивановны, ур. Шесто-

вой, в замужестве Романовой (ок. 1570–27.01.1631). Владелица половины села Молвитина Костромского у. Ссылная в монастырь за оговор царской невесты Хлоповой М. И. и за то, что с сыновьями БОРИСОМ и МИХАЙЛОМ «государской радости и женитьбе учинили помешку» (1623). Похоронена там же.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 22; Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – М., 1912. – Вып. 5. – С. 19; Полное собрание русских летописей. – М., 1987. – Т. 36. – С. 143; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 275, 561; Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. – С. 235; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 71. – № 22.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133. – Л. 647; РГАДА. – Ф. 188. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 67.

II

2-1 Дмитрий (?–?). «Умре в молодых летах».

Ж. – NN.

Лит.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 71. – № 34.

3-1 Борис (?–26.07.1646, г. Кострома). Боярин (160?). Костромской воевода (1610). Двоюродный брат и участник избрания Романова М. Ф. на царство (1613). Дворецкий (1613). Ссылный в свою вологодскую вотчину за оговор царской невесты Хлоповой М. И. и за то, что он братом МИХАЙЛОМ «государской радости и женитьбе учинили помешку» (1623). Самарский воевода (1626). Совладелец двора в Старом городе Костромы и вкладчик Богоявленского монастыря (псалтирь,

потир, три диска, звезда, копьё, лжица и покровы), в Богоявленском соборе которого и похоронен.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 205, 208. – № 35; Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 100; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 157; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVIII–XIX; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. – С. 199, 560; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за смутное время (7113–7121). – М., 1907. – С. 106; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 71. – № 35.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133. – Л. 15, 630 об. – 631 об., 647, 650 об.

4-1 Михаил (ин. Исаакий) (?–03.10.1670, г. Кострома). Двоюродный брат и участник избрания М. Ф. Романова на царство (1613). Кравчий (1613). Окольниковичий (1618). За московское осадное сидение (1618) был пожалован Коткишевской вол. Галичского у. и сослан туда за оговор царской невесты Хлоповой М. И. и за то, что он с братом БОРИСОМ «государской радости и женитьбе учинили помешку» (1623). Чебоксарский (1626–1630), Костромской (28.11.1649) и Казанский (1653–1656) воевода. В чине окольниковичего встречал в Москве тело Шуйского В.И. (10.06.1635). Боярин (1641). Ближний судья московского Судного приказа

(1660-е). Совладелец двора в Старом городе Костромы, строитель каменной палаты (1650) и вкладчик Богоявленского монастыря (псалтирь, потир, три диска, звезда, копьё, лжица и покровы), в Богоявленском соборе которого и похоронен.

«Лета 7179 Октября в 3 день на память священномученика Дионисия Ареопогита преставися раб Божий боярин ИСААКИЙ МИХАЙЛОВИЧ САЛТЫКОВ, а память тезоименитства его Мая в 30 день, а сей покров на гроб его положил сын его боярин ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ САЛТЫКОВ»

Ж. (с 1623) – Параскева Ивановна, ур. NN. Похоронена там же.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 36; Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 100; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 157; Список вотчинников, пожалованных за московское осадное сидение «в королевичев приход», по данным писцовых книг и книг Печатного приказа // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. – М.; Варшава, 2009. – Т. VIII. – С. 178; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XIX–XX; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. – С. 88, 235, 270, 560; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 71. – № 36.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133. – Л. 15, 630 об. – 631 об., 647.

5-1 Марфа (?–06.02.1637, г. М.). Похоронена в палатке Симонова монастыря.

М. – выходец из Крымской орды, участник I и II ополчений (1611, 1612), боярин (02.02.1615), глава Сысского (1621–1623, 1625–1630) и Разбойного (1628–1630, 1632–1636) приказов, Тобольский (1623–1625) и Новгородский (1630–1632, 1638–1640) воевода князь Сулешев Юрий Яншеевич (ок. 1684–08.02.1643).

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 172; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 71.

6-1 Анна (?–?). Младенец. Похоронена в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 764.

7-1 Федор (?–?). Младенец. Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133. – Л. 647 об.

8-1 Ульяна (?–?). Младенец. Похоронена в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 764; *Баженков И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVIII.

III

9-4 Петр (1629–05.07.1690, г. Кострома). Кравчий (1639). Боярин (1657). Управляющий приказами Денежного сбора и Судного Владимирского (1659–1661), Галицкой чети (1662), Малороссийским (1663), в том числе Малороссийским казачьим войском, и Большой казны (1670–

1673). Тобольский (1673), Астраханский (1676) и Смоленский (1681) воевода. В Тобольске «он устраивал дела калмыков, кочевавших по р. Ишиму и принявших русское подданство, заботился об отыскании серебряной руды, хрусталя, слюды, наблюдал за торговлей с Китаем, исполнял царские поручения о доставке в Москву соколов и кречетов, о наборе служилых людей для “кречатьей ловли”. В 1675 г. он должен был доставлять средства для путешествия Николая Спафария в Китай». В Астрахани «он также приводил под государеву руку кочевых инородцев и в 1678 г. получил царскую благодарность за склонение в подданство нагайских и едисанских мурз. Как воевода окраинной области, он должен был наблюдать за торговыми сношениями русских гостей с Персией. Особенности хлопоты доставила С. упорная борьба с воровскими яицкими казаками и калмыками». «Возвратившись в Москву, С. пережил тяжелое горе. В несчастный день 15 мая 1682 г. мятежные стрельцы убили по ошибке сына его, стольника Федора Петровича, приняв его за Афанасия Кирилловича Нарышкина. Убедившись в своей ошибке, они отвезли тело убитого к отцу с извинениями. Старик отвечал: “Божья воля!” и велел угостить убийц вином и пивом... По свидетельству современников, он был ровесником царя Алексея и очень любим им. Его хвалили за редкое благоразумие и непоколебимую верность». Владелец с. Молвитина Костромского у. и строитель молвитинской Воскресенской церкви (1690). Похоронен в расписанном на его средства (1671) Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

«Божіим изволенієм престається рабъ Божій бояринъ ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ 7198 года Іюля в 5 день на пренесеніе честныхъ мощей преподобнаго отца Сергія Радонежскаго чудотворца»

Ж. – Елена Васильевна, ур. NN. (?–04.08.1686). Похоронена там же.

«Лета 7194 месяца Августа в 4 день на память святого Петра митрополита во 2 часу ночи против 5 числа преставися раба Божия боярыня ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, жена боярина ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА САЛТЫКОВА, а память тезоименитства ея Маия в 21 день, а тело ея положено в Костроме в Богоявленском монастыре»

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 47; Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 104; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 157; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XIX; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. – С. 11, 12, 211, 240; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 72. – № 47.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133. – Л. 15, 630 об. – 631 об., 647; РГАДА. – Ф. 188. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 67.

IV

10-9 Федор (164?–15.05.1682, г. Кострома). Стольник. Убит в Москве стрельцами, принявшими его за брата царицы Афанасия Кирилловича Нарышкина. Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

«Лета 7190 месяца Маия в 15 день на память убиения святого благоверного Царевича Димитрия Углицкаго и Московскаго убить рабъ Божий стольникъ Феодор

Петрович Салтыковъ в смятеніе на Москве безвинно при державъ великих Государей, Царей и великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Альексеевича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ въ началъ царства ихъ; а убиень в ихъ царскихъ чертогахъ, въ мастерскихъ сеняхъ, а память тезоименитства его Юния въ 8 день Феодора Стратилата»

«Положен сей покров на гроб убиенного раба Божия стольника ФЕОДОРА ПЕТРОВИЧА САЛТЫКОВА, а убиен при державе великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержец в начале царства их в царствующем граде Москве в царских чертогах в монастырских сенях безвинно в смятении в лето 7190 Маия в 15 день на память убиения святого благоверного царевича Дмитрия Углицкаго, а тело его перенесено того же числа к отцу его боярину ПЕТРУ МИХАЙЛОВИЧУ честно»

Ж. – Анна Васильевна, ур. NN. (?–04.08.1686). Похоронена там же.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 56; Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 104; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 26; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVII; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 72. – № 59.

11-9 Агриппина (165?–22.04.1675, г. Кострома). Девица. «Имела жительство в палатах Салтыковых в Богоявленском монастыре несколько лет, никем не видимая мужескому полу». Похоронена в Богоявленском соборе.

«Лета 7183 года месяца Апреля в 22 день на память преподобнаго отца нашего Феодора Сикеота преставися раба Божия дочь боярина ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА САЛТЫКОВА девица АГРИППИНА ПЕТРОВНА»

Лит.: Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 104; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XX; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73.

Арх.: РГАДА. – Ф. 188. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 9.

12-9 Алексей (165?–1726, г. Кострома). Комнатный стольник (1676). Астраханский (1676–1678, 1686–1699) и Киевский (1685–1686) воевода. Боярин (1682). Глава Разбойного (1682–1684), Судного (1699–1707) и Провиантского (1711–1713) приказов. Командир Рязанского полка, снаряженного «для промыслу над неприятели басурманы и для береженья завоеванных турецких городов Азова и др.» (1698). Член боярской комиссии «об остаточных стрельцах» (31.10.1701). Московский генерал-губернатор (01.07.1713–02.05.1716). Отрешен от должности по обвинению в «похищении и растерянии царского величества интереса». Участник суда над царевичем Алексеем Петровичем (1718). Казанский генерал-губернатор (09.04.1719–13.11.1724). Содействовал постройке судов и заготовке провианта для Персидского похода (1722–1723), разыскивал золотую руду, распределял по губернии лифляндских косцов для обучения крестьян снимать хлеб косами, наблюдал за обучением малолетних крещеных татар, отправил для императора Петра I девять ишаков и для кунсткамеры петуха с четырьмя ногами, младенца-монстра и пр. Статский советник (17.05.1724).

Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

1-я ж. – Наталья Михайловна, ур. Ромодановская (?-?). Дочь боярина Ромодановского Михаила Григорьевича (1653–1714) и Евдокии Васильевны, ур. Голохвастовой (?-?).

2-я ж. – Иулиания Тимофеевна, ур. NN. (?–03.07.1722). Похоронена там же.

Лит.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – М., 2003. – С. 176; *Дворянские роды Российской Империи.* – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 207, 208. – № 57; *Областные правители России, 1719–1739.* – М., 2008. – С. 118, 569, 783, 805; *От губернатора до мэра. Главы московской власти 1708–1995.* – М., 1996. – С. 18–19; *Русский биографический словарь.* – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 73–74; *Русский провинциальный некрополь.* – М., 1914. – Т. I. – С. 766; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 26; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVII; *Балаязин В.* Императорские наместники Первопрестольной, 1709–1917. – М., 2000. – С. 41–42; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по городам. – М., 1789. – Т. IX. – С. 199, 451, 465; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 51, 72. – № 60; *Лысенко Н. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – нач. XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 290.

13-9 Петр (165?–10.04.1694, г. Кострома). Боярин (1688). Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

«Лета 7202 Апрелья въ день десятый въ десятомъ часу, на память преподобнаго

Иоанна, ученика Григория Декаполита, преставися рабъ Божій Бояринъ Петръ Петровичъ Салтыковъ, а тезоименитство его Марта во 2 день»

1-я ж. – NN.

2-я ж. – Мария Ивановна, ур. Прозоровская (1658-27.02.1730). Дочь боярина Прозоровского Ивана Семеновича (?-22.06.1670). Вкладчица костромского Богоявленского монастыря (1704 – Евангелие). Похоронена там же.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 58; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVIII; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 72. – № 61.

V

14-10 Василий (1675–1750). Санкт-Петербургский генерал-полицмейстер. Генерал-адъютант и генерал-аншеф (1740). Сенатор. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (1741).

1-я ж. – Анна Борисовна, ур. княжна Долгорукова (?–?). Дочь князя Долгорукова Бориса Федоровича (?–?).

2-я ж. – Мария Алексеевна, ур. княжна Голицына (01.01.1701–14.10.1752, СПб.). Дочь полковника князя Голицына Алексея Борисовича (04.02.1674–04.03.1713) и Анны Ивановны, ур. Сукиной (08.02.1672–07.10.1738). Статс-дама. Похоронена на Лазаревском кл. АНЛ.

Лит.: Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. – Лейпциг; Вена; СПб., б.г. – Т. 16. – С. 787; Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 68;

Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 19; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 157; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 291; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73. – № 74.

15-10 Алексей (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 69; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73. – № 75.

16-10 Аграфена (?–?).

М. – стольник (1626), Рыльский (1630–1632), Можайский (1634), Кольский (1636), Мценский (1643), Томский (1647–1649), Смоленский (1655), Полоцкий (1656–1660) и Двинский (1663) воевода, окольничий (1660) князь Щербатов Осип Иванович (05.1686–21.09.1765).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 112; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73.

17-12 Петр (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 70; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73. – № 76.

18-12 Михаил (16??–29.08.1723, г. Кострома). Боярин. Президент Вотчинной коллегии. Сенатор. Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Ж. – Анастасия Петровна, ур. княжна Долгорукова (?–?). Дочь окольничего (1653) князя Долгорукова Петра Михайловича (?–14.05.1708) и Анны Ивановны, ур. княжны Щербатовой (?–25.12.1750).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. –

№ 71; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 93; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73. – № 77; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. II. – С. 380.

19-12 Анна (?–11.08.1683, г. Кострома). Младенец. Похоронена в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 764.

20-13 Анна (09.09.1670–22.06.1728, г. М.). Похоронена в Богоявленском монастыре.

1-й м. – стольник (1682), боярин (168?), глава Посольского приказа (1690–1702) князь Нарышкин Лев Кириллович (1664–28.01.1705, г. М.), брат царицы Натальи Кирилловны, ур. княжны Нарышкиной (26.08.1651–25.01.1694). Похоронен в Боголюбской церкви Высокопетровского монастыря.

2-й м. (с 13.04.1713) – стольник (1669), боярин (1682), генерал-фельдмаршал (1704) граф (1706) Шереметев Борис Петрович (25.04.1652–17.02.1719, г. СПб.). Похоронен в Лазаревской церкви АНЛ.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. II. – С. 317; *Волков Н. Е.* Двор русских Императоров в его прошлом и настоящем. – СПб., 1900. – С. 220; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. II. – С. 6–7.

21-13 Ирина (167?–28.04.1746). Вкладчица Толгского Введенского монастыря Ярославского у. (1731 – крест-мощевик), где и похоронена под папертью Введенского собора.

М. – стольник и спальник императора Петра I князь Троекуров Федор

Иванович (июнь 1667–06.09.1695, г. Ярославль), убитый в первом Азовском походе. Похоронен в Чудотворской церкви Спасо-Преображенского монастыря.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 870–872; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. II. – С. 295.

22-13 Мария (?–?).

М. – комнатный стольник (1692) Милославский Сергей Иванович (1636–12.09.1701).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. I. – С. 384.

23-13 Александр (не позднее 1686–1732, г. Кострома). «В малых летах» сержант лейб-гвардии Преображенского полка (1698). Из комнатных стольников взят на службу к князю А. Д. Меншикову (1707). Участник Северной войны (1700–1721) и Головчинского, под Добрым, Лесным, Батуриным (1708), Полтавского (1709), под Ригой, Штральзандского (1710), при Вальгосте, Стральзанге, Мекленбурге, Росточе (1712), Фридрихштадтского и Теннингского (1713) сражений. Прапорщик (1710), поручик (1712), капитан (1712) и секунд-майор (1714) Астраханского драгунского полка. Генеральс-адъютант генерал-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева (1715–1719). Подполковник Владимирского драгунского полка (1720). Вице-капрал Кавалергардского корпуса (1724). Полковник и Нарвский комендант (1724–03.06.1728). Отставной бригадир (28.04.1730). Владелец 500 дворов крестьян в Дмитровском, Костромском, Кромском, Московском и Переяславском уездах. Похоронен в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря.

«Возри окомъ пришедый на сей
 камень гроба,
 Въждь, кого тутъ содержитъ земная
 утроба;
 Аще о фамиліи хочешь испытати,
 Отъ какого бысть рода, можешь здѣ
 познати.
 Славныхъ Салтыковыхъ красота сокрыся,
 Александръ Петровичъ с мертвыми
 вмѣняся,
 Иже имать начало пруссовъ
 знаменитыхъ
 Отъ давнихъ летъ преименитыхъ.
 Лтъ же здѣ изъявити и чести
 приличны,
 Таковой фамиліей пріяты различны.
 Им сей в кавалеріи степень
 высочайша сана
 Имъ же и кавалерія сего храбра
 бригадира
 Шлем воинства. Во браньхъ въ Бога
 уповая
 Бысть сей мужъ, сопротивныхъ вся
 пренебрегая
 Есть сей. Но не дивно, даде бо природа,
 Да имуть кавалеровъ отъ своего рода,
 Разсмотри токмо гърбъ сихъ:
 храбрость провъщаеть,
 Храбрость непременною во браньхъ
 изъявляеть.
 Единою паде днесь всегда сожалѣнный
 Доброта фамиліи россомъ вождельный,
 Многія бо вѣчныя славы суть достойны
 Дела всяческія сего мужеству пристойны.
 Ему же и большае ихъ не трудъ бѣ явити,
 Аще бы возмогъ токмо жизнь
 здѣ продолжити.
 Четырдесятъ на первомъ преиде
 съ сего свѣта,
 Не возмогъ избѣжати смертнаго навѣта.
 Его же множайшія чести ожидаху,
 Но пресъче часъ смертный и преда
 тьлю праху.
 В небо прія сео Богъ, в лучшее
 примѣняху.
 Воздохни фамилію сего поминая.
 Лета 1732/0 году»

Лит.: Областные правители России, 1719–1739. – М., 2008. – С. 84, 570, 756, 770; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 766; Сборник биографий кавалергардов: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. – СПб., 1901. – Т. 1. – С. 32–33; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженков И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVIII–XIX.

24-13 Михаил (06.09.1693–06.09.1750, г. Кострома). Участник Северной войны (1700–1721) и Полтавского (1709), под Ригой, Штральзандского (1710), при Вальгосте, Стральзанге, Мекленбурге, Ростокке (1712), Фридрихштадтского и Теннингского (1713) сражений и Дербентского похода (1722). Волонтер при князе А. Д. Меншикове (1709). Прапорщик (1711) и поручик (1712) Астраханского драгунского полка. Флигель-адъютант капитанского ранга генерал-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева (1714–1719). Капитан Ингерманландского пехотного полка (1719). Кавалергард (1724). Поручик лейб-гвардии Семеновского (1725) и капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского (1728) полков. Подполковник (1731) и полковник (1734) Астраханского пехотного полка. Отставной генерал-майор (22.11.1740). Действительный статский советник. Владелец имений в Костромском, Московском и Переяславском уездах. Похоронен в Никольской церкви Богоявленского монастыря.

«Стани мало путниче, много с сего начертания познаешь: погребен здесь муж родом, нравом, умом, храбростью и добродетельми славен генерал-майор Михаил Петрович Салтыков, Божиим изволением

в вечный покой отъезде сентября 6 дня... году, рождение его ... сентября 6 дня, поживе всех ... лет»

Ж. – Екатерина Михайловна, ур. графиня Шереметева (20.11.1707–21.01.1769, СПб.). Дочь графа Шереметева Михаила Борисовича (01.09.1672–23.09.1714) и Евдокии Григорьевны, ур. княжны Нарышкиной (1675–22.01.1739). Строительница Никольской церкви костромского Богоявленского монастыря (1760). Похоронена за оградой Лазаревского кл. АНЛ.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 72; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 19; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 561; Сборник биографий кавалергардов: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. – СПб., 1901. – Т. 1. – С. 35–36; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 49; *Баженков И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. XVIII; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 73. – № 78.

VI

25-14 Аграфена (08.06.1709–11.09.1762).

М. – действительный тайный советник, сенатор, князь Голицын Алексей Дмитриевич (26.08.1697–29.01.1768).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 289; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74.

Арх.: РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 16. – Кн. 985. – Л. 459; Ф. 286. – Оп. 1. – Кн. 111. – Л. 36.

26-14 Петр (1725–?). Камер-юнкер (17.08.1743). Действительный камергер (01.01.1748). Тайный советник. Владелец Вичугской вол. Кинешемского у. и 2000 душ крестьян (1763).

Ж. – Мария Федоровна, ур. княжна Сонцова-Засекина (28.01.1737–02.02.1801). Дочь князя Сонцова-Засекина Федора Петровича (?–?). Похоронена в с. Сергиевском-Березки Подольского у. М.г.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 78; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 765; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 167; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74. – № 91.

Арх.: РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 326.

27-14 Алексей (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 79; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74. – № 92.

Арх.: РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 16. – Кн. 985. – Л. 459; Ф. 286. – Оп. 1. – Кн. 111. – Л. 36.

28-14 Сергей (1726–?). Камер-юнкер (17.08.1743). Действительный камергер (05.09.1751). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Гамбурге (1754–1762, 1766–1768), Париже (1762–1764) и Дрездене (1764–1766). Тайный советник. Владелец каменного дома на Большой Дмитровке в Москве и 3000 душ крестьян в разных губерниях.

Ж. (с 29.01.1749) – Матрена Павловна, ур. Балк-Полева (07.11.1737–24.04.1813). Дочь генерал-поручика Балк-Полева Павла Федоровича (1690–04.10.1743) и Анны Дмитриевны, ур. Порецкой (1711–09.1753). Вкладчица московского Успенского собора.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 80; Русские портреты XVIII и XIX вв. – М., 1999. – Т. I. – С. 81. – № 99; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74. – № 93; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. I. – С. 29; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 728.

Арх.: РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 332.

29-14 Александр (172?–1803). Тайный советник.

1-я ж. – NN.

2-я ж. – Екатерина Алексеевна, ур. Вельяминова-Зернова (?–?).

3-я ж. – Евдокия Яковлевна, ур. Трегубова (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 81; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74. – № 94.

30-14 Мария (1728–14.11.1792, г. М.). Статс-дама. Похоронена в Даниловом монастыре.

М. – статс-секретарь (08.07.1762), президент Императорского Вольного экономического общества (1765), почетный член Императорской Академии художеств (21.09.1765) и Императорской Российской академии (21.10.1788) граф Олсуфьев Адам Васильевич (16.01.1721–27.06.1784, г. СПб.). Похоронен на Лазаревском кл. АНЛ.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. II. – С. 371; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. III. – С. 306; Словарь русских писателей XVIII века. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 383–387; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Пет-

рушевского. – СПб., 1897. – Т. XXI а. – С. 908; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 74.

31-14 Анна (24.06.1729–16.05.1799).

М. – генерал-майор князь Гагарин Матвей Алексеевич (27.04.1725–10.03.1793, г. Москва). Похоронен в Донском монастыре.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. I. – С. 250; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 243; СПб., 1855 – Ч. 2. – С. 75.

32-14 Екатерина (15.01.1732–19.01.1774).

М. – генерал-поручик (19.11.1796) и действительный тайный советник (26.10.1798) Измайлов Петр Иванович (13.11.1724–01.03.1807).

Лит.: К. Б. [Бороздин] Опыт исторического родословия Измайловых. – ? С. 21–22; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 75; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. I. – С. 223.

33-18 Михаил (17??–1795). Отставной майор. Президент Камер-коллегии. Тайный советник. Сенатор (1777).

Ж. – Мария Петровна, ур. баронесса Шафирова (?–?). Дочь барона (1710) Шафирова Петра Павловича (1669–01.03.1739). Владелица с. Коткишева Кологривского у. (1760).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 82; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 217–218; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 75. – № 95; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. II. – С. 379–380.

34-18 Петр (?-?). Белгородский губернатор (1742–1762). Тайный советник.

Ж. – Анастасия Алексеевна, ур. княжна Голицына (04.08.1705–08.04.1779, г. Москва). Дочь полковника князя Голицына Алексея Борисовича (04.02.1674–04.03.1713) и Анны Ивановны, ур. Сукиной (08.02.1672–07.10.1738). Похоронена в Донском монастыре.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 83; Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 68; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 291; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 75. – № 96; *Лысенко Н. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – нач. XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 270.

35-18 Мария (24.05.1710–18.05.1785). М. – сенатор (17.09.1741), камергер (08.11.1741) и отставной тайный советник (09.06.1762) Пушкин Алексей Михайлович (? – не позднее 1775).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 75.

VII

36-26 Василий (1754–18.04.1807). Действительный тайный советник.

Ж. – Евдокия Михайловна, ур. княжна Белосельская (05.10.1745–31.08.1824, СПб.). Дочь князя Белосельского Михаила Андреевича (01.11.1702–19.01.1755) и Натальи Григорьевны, ур. графини Чернышевой (05.04.1711–01.12.1760). Похоронена на Лазаревском кл. АНЛ.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 93; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 18; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 1. – С. 220; СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 120.

Арх.: РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 326.

37-29 Мария (1767–1788).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76.

38-33 Александр (1723–1775). Отставной секунд-майор. Конференц-секретарь Императорской Академии художеств (01.01.1765–26.04.1774). Писатель и переводчик.

Ж. – Мария Сергеевна, ур. Волчкова (1752–09.02.1805). Дочь директора Сенатской типографии (1759–1773) Волчкова Сергея Саввича (1707–1773). Во 2-м браке (с 1796) – за генерал-аншефом (1782) и президентом Императорского Вольного экономического общества (1794–1797) Пасеком Петром Богдановичем (18.02.1736–22.03.1804).

Соч.: Речь, произнесенная в Академии художеств в присутствии императрицы Екатерины II. – СПб., 1765.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № ?; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 149; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 121; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. II. – С. 75; *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Академии художеств. – СПб., 1864. – Ч. I. – С. 101, 187–192.

39-33 Михаил (?–1795). Майор.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № ?; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 122.

40-33 Борис (1723–1808). Выпускник Сухопутного шляхетного корпуса и Императорского Московского университета. Вольнослушатель Женевского университета. Посетитель Вольтера. Ученый секретарь Императорского Московского университета. Статский советник. Писатель.

Соч.: Доказательство тому, что ум без разума беда. – СПб., 1806; Совет весьма нужный и полезный родителям, учителям и студентам педагогических институтов. – СПб., 1807; Ответы на два вопроса // Любитель словесности. – 1806. – № 9.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № ?; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 149; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 123; *Шевырев С. П.* История Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. 1755–1855. – М., 1855. – С. 28, 48, 85, 118, 441.

41-33 Алексей (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. № ?; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 124.

42-33 Петр (?–?). Поручик.

Ж. – Анастасия Яковлевна, ур. NN. (12.12.1751–31.12.1833, г. М.). Похоронена в Новодевичьем монастыре.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № ?; Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 68; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 76. – № 125.

43-33 Мария (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 77.

44-33 Анастасия (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 77.

45-33 Екатерина (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 77.

46-33 Наталия (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 77.

47-33 Анна (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 77.

VIII

48-36 Сергей (1772–10.05.1846, СПб.). Отставной штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка (1800). «Удален из дворца за шалости». Коллекционер книг и табакерок. Похоронен на Лазаревском кл. АНЛ.

Ж. – Александра Сергеевна, ур. Салтыкова (?– не ранее 1854). Дочь генерал-майора Салтыкова Сергея Николаевича (?–?) и Анастасии Федоровны, ур. графини Головиной (16.12.1753–16.07.1818).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 111; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 21; Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. – СПб., 1886. – С. 142; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79. – № 149; *Полунина Н. М.* Коллекционеры России XVII – начало XX вв.: Энциклопедический словарь. – М., 2005. – С. 340–343; *Пыляев М. И.* Замечательные чудачки и оригиналы. – СПб., 1898. – С. 301–302; *Черейский Л. А.*

Пушкин и его окружение. Издание второе, доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386; Некролог // Санкт-Петербургские ведомости. – 1846. – № 114.

Арх.: РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 326.

49-36 Михаил (?-?).

Лит.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79. – № 150.

50-38 Михаил (10.06.1767–06.04.1851, г. Москва). Выпускник Сухопутного кадетского корпуса (1787). Участник русско-турецкой войны (1787–1791). Поручик (1787) и отставной полковник (29.11.1796) СПб. драгунского полка. Действительный камергер (07.04.1801). Попечитель Казанского учебного округа (16.09.1812–04.08.1818) и основатель Императорского Казанского университета (05.07.1814). Тайный советник и сенатор VI Департамента Правительствующего Сената (1828). Почетный опекун Московского опекунского совета (1830-1849). Почетный член Арзамаса. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Ж. – Елизавета Францевна, ур. Ришар (?–04.11.1814, г. Казань). Дочь швейцарскоподданного.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № ?; Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 70; Остафьевский архив князей Вяземских. II. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. – СПб., 1899. – С. 612–616; Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 79–81; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. XXVIII а. – С. 157; Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М., 1990. – С. 329; Долгоруков П. В. Рос-

сийская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79. – № 151; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Издание второе, доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

51-38 Екатерина (?-?).

М. – Чичерин.

Лит.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79.

52-42 Мария (04.10.1769–30.05.1842, г. Москва). Похоронена в Новодевичьем монастыре.

М. – майор Наумов Сергей Андреевич (01.09.1764–06.01.1802). Похоронен там же.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. II. – С. 320; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79.

53-42 Михаил (177?– апрель 1830). Статский советник.

Ж. – Дарья Ивановна, ур. NN.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 114; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79. – № 152.

54-42 Андрей (15.03.1779–15.03.1836, г. Москва). Коллежский асессор. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Ж. – Мария Александровна, ур. Семенова (?– январь 1845).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 115; Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 69; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 79. – № 153.

IX

55-48 Михаил (09.12.1814–19.02.1849, г. Москва). Похоронен в Симоновом монастыре.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 128; Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 70; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80. – № 167; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

56-48 Сергей (?–04.02.1904, СПб.). Действительный статский советник. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Ж. – Мария Александровна, ур. Безобразова (?–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 129; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 24; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80. – № 168; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

57-48 Анастасия (?–29.07.1853, г. Москва). Похоронена в Симоновом монастыре.

М. – шведский барон Моргенштерн.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. II. – С. 282; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

58-48 Елена (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

59-48 Александра (?–1854, г. Москва). Похоронена в Симоновом монастыре.

Лит.: Московский некрополь. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 67; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

60-48 ? (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

61-48 Софья (?–?).

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

62-50 Михаил (1804–?). Гусар.

Лит.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80. – № 169; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 386.

63-50 Софья (20.01.1806–04.03.1888).

1-й м. (с 30.10.1825) – поэт Дельвиг Антон Антонович (06.08.1798–14.01.1831, СПб.). Похоронен на Волковом пр. кл.

2-й м. (с 1831) – врач Баратынский Сергей Абрамович (1807–1866).

Лит.: Петербургский некрополь. – СПб., 1912. – Т. II. – С. 26; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. – СПб., 1855. – Ч. 2. – С. 80–81; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1988. – С. 135–136.

64-54 Петр (1809–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 131.

65-54 Александр (1809–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 132.

66-54 Валериан (1809–02.09.1862, г. Ростов Великий Ярославской г.). Похоронен в Спасо-Яковлевском монастыре.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 133; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 765.

67-54 Николай (1810–?).

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 134.

68-54 Михаил (29.03.1815–29.04.1870, СПб.). Генерал-майор. Похоронен на Митрофановском кладбище.

Лит.: Дворянские роды Российской Империи. – СПб., 1995. – Т. 2. – С. 208. – № 135; Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 20.

УДК 712.23:796.5
ББК 63.3(2)

Гизинцева Л. И., Лавшук А. А.

АЛЕКСАНДР II В КОСТРОМЕ

Аннотация: В своих посещениях «глубинки» цесаревич, а затем Государь Александр II, открывал для себя подлинную Россию. Свою миссию воспитатели будущего императора выполнили, – они сделали «питомца способным внимать постановлениям судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека».

Ключевые слова: Цесаревич, судьба, реформы, образование, император. Ипатьевский монастырь.

Государь-страстотерпец Александр II, чья смерть от руки бомбистов была прообразом будущей трагедии 1918 года, дважды посетил Костромскую землю. Первый раз это произошло в 1837 г., когда он был наследником-цесаревичем, второй раз – в 1858 г., уже императором, стоявшим перед принятием серьезных внутривполитических решений. Столь непохожие по целям и организации, каждое из этих посещений оставило свой след в памяти костромичей и в костромской историографии.

Путешествие наследника-цесаревича Александра Николаевича, организованное в 1837 г., завершало программу образования, которая была составлена в 1827 г., когда В. А. Жуковский был избран воспитателем наследника. Поэт писал тогда императрице-бабушке Марии Федоровне:

«Учение образует для добродетели, знакомя питомца: 1) с тем, что окружает его. 2) С тем, что он есть. 3) С тем, что он быть должен, как существо нравственное. С тем, для чего он предназначен, как существо бессмертное» [18, 1]. Он видел миссию воспитателя «единственно в том, чтобы сделать питомца способным внимать постановлениям судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека» [18, 2]. Само обучение Великого Князя, которое предположено было распределить на 12 лет (с 8-ми до 20-ти) В. А. Жуковский уподоблял путешествию, выделяя три периода:

1. Отрочество (8–13) – учение пригособительное. «Сей период можно сравнить с приготовлением к путешествию: надобно дать в руки компас, познакомиться с картою, снабдить орудиями,

нужными для приобретения сведений и открытий» [18, 2].

2. Юношество (13–18) – учение подробное. «Путеводный компас в руках. Карта известна. Дороги означены. Нет опасности заблудиться: ум приготовлен, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и беспорядка в понятиях, воспитанник может обращать свое внимание на каждый предмет отдельно. Подробное преподавание наук, нужных воспитаннику, как члену просвещенного общества» [18, 2].

3. Первые годы молодости (18–20 лет) – учение применительное. «Этот период мы сравним с окончанием путешествия. Сведения собраны, остается их обозреть, привести в порядок и определить, какое должно быть сделано из них употребление. В этом периоде воспитанник более действует сам, нежели приобретает от наставника» [18, 3]. Надо ли говорить, что этот документ предназначались только адресату, и не мог быть известен историкам-современникам, его опубликовали лишь в 1880 г.

Реальное путешествие по России должно было завершать образование. Александр Николаевич, уже наследник-цесаревич, совершил большое путешествие по России и посетил 29 губерний Европейской части, Закавказья и Западной Сибири, предварительно изученных им в классе. Оно продолжалось со 2 мая по 13 декабря, и было названо «всемирным обручением с Россией», – помимо образовательной, сохранялась и привычная для таких поездок символическая составляющая.

Не надо забывать, что в планировании этой поездки, наряду с В. А. Жуковским, принимал участие К. И. Арсеньев (1787–1865), чухломский уроженец и бывший ученик Костромской духовной семинарии, направленный оттуда на обучение в Петербургский педагогический инсти-

тут [20, с. 38]. Он преподавал наследнику предмет «Русская история и русская статистика» [18, с. 35], который и лег в основу плана путешествия по стране.

Подготовка к поездке велась основательно. В губернских городах, через которые был проложен маршрут, были открыты выставки местных произведений. Они должны были наглядно представить сырьевые ресурсы, все, по возможности, отрасли промышленности, сельского хозяйства [2; 6]. Благодаря их осмотру, наследник должен был получить представление о хозяйстве, географии и статистике империи в целом и одновременно о своеобразии каждой губернии. Для этого часть империи, лежащая на маршруте следования, была обращена в гигантский педагогический музей, созданный для одного человека, будущего императора – реформатора. Кострома стала немаловажной частью этой образовательной программы.

Приехав в Кострому вечером 13 мая, цесаревич посетил Успенский собор, где тогда хранилась Федоровская икона Божией Матери, перед которой был отслужен молебен, после чего он отправился в дом Борщова на центральной площади.

Костромская выставка, которую Александр Николаевич осматривал 14 мая 1837 года, размещалась в доме купца Стригалева [15, с. 85]. Было составлено описание выставки, рукописный вариант которого был представлен в министерство внутренних дел с сопроводительным письмом губернатора Приклонского [6]. Кроме того, описание было издано в московской типографии С. Селивановского [17]. Оно позволяет судить о структуре выставки, ее экспонентах и экспонатах.

В основу структуры был положен обычный для того времени сырьевой принцип. От всероссийских выставок костромская отличалась стремлением сделать акцент на исходных природных условиях губернии, для чего были представ-

лены образцы местных почв, как исходных, так и возделанных, известковый камень, руды, древесные породы “в естественном виде” и т. п. Образцы сырья открывали разделы, где были показаны изделия из него.

Несмотря на то, что часть экспонатов выставки была продана, она, очевидно, не была рассчитана на коммерческий эффект и адресована была одному посетителю, наследнику престола. Между тем предписание министра внутренних дел от 2 ноября того же 1837 года обязывало губернатора учредить на основе выставки губернский “музеум” и представить в министерство ведомость о составивших его предметах [6, л. 226]. «Ведомость о вещах, поступивших после закрытия Костромской губернской выставки 1837 года в Костромской губернский “Музеум”» в Петербург была доставлена [6, л. 227–231], но дальнейшая судьба этих предметов неизвестна, – потребность в подобном учреждении в Костроме в ту пору еще не сформировалась, и он не просуществовал долго.

После посещения выставки, представившей губернию во всем ее многообразии, цесаревич поехал в Ипатьевский монастырь, где после краткого молебна осмотрел ризницу и «келейные покои Царя Михаила Феодоровича», которые сегодня известны как Романовские палаты. После чашки кофе в архипастырских кельях, располагавшихся там же, наследник престола поехал осматривать заведения Приказа общественного призрения, ведавшего вопросами образования, медицины и благотворительности.

Утром 15 мая, в 6 часов, Александр Николаевич оставил Кострому, выехав по Галичскому тракту на север. Около 10 часов утра он посетил Судиславский собор, выслушал ектенью о многолетии и приложился к иконам Преображения Господня и Владимирской Божьей Матери.

Дальнейшие остановки наследника подробно описаны Е. П. Вознесенским. Он перечисляет завтрак на Клеванцовской станции, службу в Макарьевском монастыре, где цесаревич приложился к келейной иконе преподобного Макария, Смоленской, и его святым мощам. Особое внимание Александр Николаевич обратил на Макарьевскую икону Божией матери, написанную Корнилием Улановым. Ночевал в каменном доме майорши Р. Богуславской, «наилучшем во всем городе» [15, с. 94], в тот момент занятый И. И. Чумаковым, в ту пору еще числившимся в мещанском звании. Меньше известно о кологривском пребывании цесаревича. Вознесенский сообщает лишь о ночлеге в имении Е. М. Жадовской, урожденной Сипягиной, между станциями Дюковой и Ильинской.

На следующий день, в 7 утра будущий император пересек границы Костромской губернии и отправился в Вятку [15, с. 84–106].

Название труда Е. П. Вознесенского (1814–1857) «Воспоминания о путешествиях высочайших особ...» нельзя понимать буквально, он не был непосредственным свидетелем большинства описанных событий, и не только давно прошедших, но и большинства современных ему.

Уроженец с. Вёж близ Костромы [27, с. 12], он учился в Костромской духовной семинарии, но среди её выпускников не значится [26, с. 54–55], – вероятно, Е. П. Вознесенский был послан в Петербургскую духовную академию до окончания курса. Академию он закончил кандидатом [29, с. 607; 30, с. 450], после чего учительствовал в Витебской губ., и только в 1847 г. [24, с. 83] был снова переведен в Кострому.

Здесь он священствовал в Успенском соборе Костромы, преподавал в губернской гимназии и в качестве члена и делопроизводителя Костромского губернского

статистического комитета разработал «Программу для историко-статистических очерков Костромской губернии» [3] готовил обширное «Историко-статистическое описание Костромской губернии» [8]. В русле этих занятий (Губстаткомитет в ту пору был главным и единственным «краеведческим» ученым сообществом в губернии) и были предприняты исследования о путешествиях высочайших особ.

Первоначальные результаты исследования были опубликованы на страницах единственной тогда в губернии газеты, Костромских губернских ведомостей [12, с. 13]. Для публикации в книге они были позже отредактированы и дополнены деталями, почерпнутыми из документов и устных рассказов.

Помимо опубликованных к тому времени документов и писем XVII столетия, Евтихий Петрович использовал сравнительно недавние документы, современные описываемым событиям, – подневные записи соборного протоиерея Иакова Арсеньева, рапорты различных должностных лиц, отправленные вышестоящим начальникам. Но самое главное – историк выезжал на места, разыскивал и опрашивал свидетелей, то есть использовал то, что сегодня называют «устной историей», превращая индивидуальную память в исторический текст, персональный опыт – в коллективную «рамку памяти», по выражению М. Хальбвакса.

Так, посещение гимназии, в газетной статье сводившееся к простому упоминанию, удалось благодаря рапорту директора гимназии развернуть до самостоятельного очерка, своеобразной «вставной новеллы». Точно также отдельным сюжетом стало историческое исследование об иконописце Корнилии Уланове, икона которого привлекла к себе внимание наследника в Макарьевском монастыре.

Сегодня мы знаем немного больше, чем при работе над книгой было известно Е. П. Вознесенскому. Так, теперь можно разъяснить недоумение автора по поводу того, что речь соборного протоиерея г. Макарьева была написана (и найдена при работе над книгой), но не была произнесена. В сети Интернет недавно опубликован документ Тобольского архива с инструкцией по подготовке к встрече 1837 г.: «речей нигде не говорить, кроме, как в Москве и в Сергиевой Лавре» [4].

Наряду с этим события того визита получили отражение в автобиографических записях нерехтского священника, о. Михаила Диева, опубликованных только в 1891 г. и, соответственно, не известных Е. П. Вознесенскому. Там раскрывается одна из тайных пружин взаимоотношений царского воспитателя и рода нерехтских дворян Бошняков: «Василий Андреевич с родным братом Константином Карловичем, Александром Карловичем Бошняком, обучался в Московском университете, и по своей бедности получал вспоможения от родной бабушки Бошняков, Марьи Семеновны Аже, которую по признательности во всю жизнь называл матерью. Когда же Василий Андреевич узнал о кончине Александра Карлыча, то при свидании с Константином Карлычем сказал: “ты будешь от ныне на его месте моим братом”» [19, с. 66–67].

Благодаря этой близости К. К. Бошняк передал в Нерехте историческую рукопись М. Я. Диева В. А. Жуковскому, а тот – цесаревичу со словами: «каковы здесь сельские священники!» [19, с. 66]. Рассказ о богатой библиотеке, собранной о. Михаилом на скромное законоучительское жалованье, содействовал награждению его золотыми часами. Однако высочайшая похвала и награда обернулась для нерехтского батюшки архиерейским неудовольствием. Он записывал позже: «Павел Петрович Свиныин, известный литератор, приглашенный в Кострому на дру-

гой день Наследником к обеду, передавал разговор обо мне. Цесаревич в начале обеда, обратясь к епископу Владимиру, сказал: “Диев в вашей епархии ученейший”. Владыка в ответ: “за ним много дел”. Наследник: “Я говорю не о том, а что Диев ученейший”. Архиерей опять сказал: “за ним много дел”. Наследник прервал разговор и за обедом более ни об чем с владыкою не разговаривал. Это, кажется, было причиною тех моих огорчений, какие я понес от епископа Владимира в 1839 и 1840 годах» [19, с. 66].

Составляя свою «Историю города Нерехты», о. Михаил Диев пересказал там и этот эпизод, включив его в подробнейшее описание пребывания Александра Николаевича в Нерехте [5, с. 202–207]. Со слов очевидцев установлена каждая деталь, записана едва ли не каждая фраза наследника, остановившегося на ночлег в доме Б. И. Дьяконова. Эта часть рукописи до сих пор не опубликована, хотя она передает не только энтузиазм встречающих, но и круг интересов самого наследника-цесаревича, который хотел знать, сколько в городе фабрик, училищ и учеников в них, в соборе интересовался «Нет ли Чудотворных Икон, и давно ли Собор строен?» При отзыве незнанием со стороны Протоирея, Цесаревич изволил приказать о здравии отпеть молебен» [5, с. 203].

В диевской «Истории Нерехты» будущий император выглядит не просто учеником, путешествующим под присмотром воспитателей, но, как и надеялся В. А. Жуковский, в начале своего педагогического пути, «более действует сам, нежели приобретает от наставника». Эти эпизоды свидетельствуют о том, что образовательная программа, предложенная вдовствующей императрице в 1827 г., была реализована и принесла ожидаемые плоды.

Е. П. Вознесенский, судя по тексту книги, в Нерехту, в отличие от Макарьева, не ездил, и воспоминания очевидцев

там не записал. Не смог он описать и следующего приезда Александра Николаевича, поскольку за год до этого события, 11 апреля 1857 г., Евтихий Петрович умер, не дожив до 45 лет [1]. П. И. Андроников, посвятивший своему коллеге прочувствованные слова [8], принял на себя издание в собственной типографии его рукописи и, одновременно, миссию по составлению собственного описания следующего посещения Костромы некогда наследником Николаем Александровичем, а летом 1858 г. уже императором Александром II.

Посещение Костромской губернии императорской семьей состоялось в дни с 1 августа до 21 сентября, и в ходе его решались совсем иные, нежели в первый приезд, задачи. Александр II вместе с императрицей Марией Александровной и дочерью Марией предпринял путешествие по 10 губерниям России, Московской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской и далее – на северо-запад.

Целью путешествия была подготовка главной реформы его жизни, благодаря которой он вошел в историю Отечества как Освободитель. Все было тогда очень непросто: московское дворянство не скрывало своего недовольства. Но уже в молодости, еще цесаревичем, он понял, что Россия не исчерпывается ни Москвой, ни Петербургом, а чтение записок Сегюра, включенных Жуковским в программу, дало ему представление о том, как крепостное право воспринимается европейцами. Нельзя забывать и о том, что в те же годы росло влияние республиканской партии в Соединенных штатах Америки, бившейся над решением сходной проблемы, для решения которой там понадобилась гражданская война.

Книга П. И. Андроникова [10] не только позволяет проследить маршрут, по которому перемещался каждый из членов августейшего семейства, но и фиксирует

отдельные высказывания императора, передает реакцию на них и настроение разных слоев костромичей. Таковы попытки воспроизвести народный восторг при виде парохода царской семьи: «Часть народа, стоявшая возле заставы, бросилась на берег, некоторые кинулись в воду с криками: «вот Они, Христовы, Государь Батюшко с Государыней Матушкой! Сюда, ребята! Мы их увидим, скорее!». Другие крестились и с выступившими на глаза слезами, шептали: «желанные наши, Боговы!». Мелкие лодки появились, точно из-под воды вышли, сновали около пристани и бежали на встречу парохода, который шел ближе и ближе; сердца бились с радости сильнее и сильнее, будто хотели выпрыгнуть из груди» [10, с. 4].

После удаления императора в губернаторский дом, названный в книге дворцом, Андроников пересказывает статью А. Ломачевского: «Народ тысячами окружил дворец; толпился около него в течение целой ночи, и восторженное «ура!» поминутно носилось в воздух глухими перекатами. При этом раз в особенности умилительно было то, что едва восторженные крики на несколько минут умолкли, как в толпе неожиданно слышалось довольно стройное пение: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твоё; победы благоверному Императору нашему» и пр.» [10, с. 7].

Почти полностью воспроизводит П. И. Андроников краткую речь императора, обращенную к костромским дворянам, ссылаясь на публикацию в «Журнале Министерства Внутренних Дел»: «Господа, Костромская губерния по историческим воспоминаниям близка семье Моей, и Мы считаем её родной; по этому-то Мне особенно приятно находиться среди вас. Вчерашний прием глубоко тронул меня. Прошло слишком двадцать лет, как Я был здесь. Благодарю вас за готовность, с какой встретили вы желание Моё улучшить

быт крестьян. Этот близкий сердцу моему вопрос слишком важен для будущности России. Надеюсь, что вы в этом, так сказать, жизненном вопросе, оправдаете вполне Мои ожидания применением главных начал, выраженных в Моих рескриптах, к местным удобствам, и окончите его, при помощи Божьей, обоюдно, без обиды, как для себя, так и для крестьян» [10, с. 8].

Речь свидетельствует о том, что со стороны костромского дворянства были возражения или, по крайней мере, встречные пожелания: «Для объяснения справедливости и ваших выводов, Я позволяю вам избрать из среды себя двух депутатов, которые должны будут по окончании работ комитета здесь, на месте, прибыть в Санкт-Петербург, для окончательного пересмотра предположений ваших. Надеюсь, что вы оправдаете Мое к вам доверие. Ещё раз благодарю вас, господа, за оказанное вами усердие в прошедшую войну, за службу вашу и за все пожертвования» [10, с. 8].

Общий энтузиазм, вызванный любовью к императору, смягчил противоречия и позволил принять реакцию костромичей как одобрение будущих реформ: «Слова Его, сказанные от полноты души и с чувством глубокого убеждения, воодушевили дворянство: восторженное, единодушное «ура!» было общим душевным ответом. Слезы умиления невольно обнаружили, что происходило в душе каждого» [10, с. 8].

Даже с точки зрения современных политтехнологий, все было проведено грамотно, что и обеспечило проведение реформы, в отличие от США, без сползания в гражданскую войну. В России этой беды тогда удалось избежать, – как знать! – может быть, именно благодаря умению императора учитывать общественные настроения.

Маршрут императора 1858 г. практически повторял траекторию перемещений

наследника-цесаревича: Успенский собор, Ипатьевский монастырь, мануфактурная выставка, заведения Приказа общественного призрения. К последним примыкало и учебное заведение нового типа, созданное на средства А. Н. Григорова в ответ на призыв императора повысить уровень женского образования.

Книга завершалась выводом: «Да, это был путь по истине Царский; это была встреча Царя, который понял народ, и в малое время успел всех привязать к себе не страхом, все подавляющим, и не внешним только величием, чаще отталкивающим, нежели привлекающим, но неотразимой силой души любящей, человечной, вникающей в быт и нужды народа» [10, с. 26].

Репортажи П. И. Андроникова [9] и А. Ломачевского [21], анонимные заметки [22; 23; 11], опубликованные в Костромских губернских ведомостях, по свидетельству редактора «читались нарасхват, перечитывались, зачитывались». Да и написаны были статьи «второпях, и потому, многие интересные подробности, которые сделались, известны после, в них не вошли» [10, 1]. Так родилось желание П. И. Андроникова издать книгу, подобную книге Е. П. Вознесенского¹.

Автор так сформулировал цели и задачи издания: «с одной стороны, удовлетворить общему желанию жителей здешней губернии – иметь, по возможности, полное понятие о пребывании Их Величеств в нашей стороне, с другой: облегчить труд и будущего историка нашего края, я принял на себя обязанность собрать в одно целое всё то, что своевременно было напечатано об этом предмете в газетах и журналах; а что не было напечатано, дополнить собственными моими наблюдениями, или собрать на месте из достоверных источников» [10, 1].

Таким образом, работа предшественника была осмыслена, проанализирова-

на и продолжена. Круг источников оставался прежним, но можно говорить о расширении репертуара использованных периодических изданий. И еще одна деталь, которой не было у Е. П. Вознесенского: Андроников ссылается на конкретных лиц, когда использует «устную историю»². Таким образом, можно говорить о том, что «историография современности» в Костроме не просто была продолжена, но и развивалась.

Биография П. И. Андроникова (1835–1888) известна [16, с. 34–35]. Сын дьячка из с. Бушнево Чухломского у. [25, с. 71], он закончил в Костроме духовное училище и семинарию (1854), но отказался от духовной карьеры, поступив на службу в Гражданскую палату. Его сестра вышла замуж за протоиерея П. Ф. Островского, дядюшки известного драматурга. Павел Иванович был редактором неофициальной части Костромских губернских ведомостей, куда привлек значительные творческие силы губернии, членом упомянутого Губернского статистического комитета, секретарем Попечительного о бедных комитета и т.д. Но самое главное – в 1859 г. он организовал собственную частную типографию, а затем – первую в губернии частную газету «Костромской листок объявлений». В этой типографии и увидели свет две книги, повествующие о посещении Костромской губернии сначала наследником-цесаревичем, а затем – императором-реформатором Александром II.

Сделанные очень внимательно и тщательно, эти книги еще раз подтверждают, что история со временем раскрывает все новые и новые источники, благодаря чему потомки, как это ни парадоксально, узнают больше, чем современники. XX век подарил нам еще два источника, еще два взгляда на события мая 1858 г.

Один из них – взгляд А.Ф. Тютчевой (1829–1889), дочери поэта. Её вос-

поминания и дневники были впервые опубликованы в 1928 и 1929 гг., когда костромским краеведам было не до мнения фрейлины императрицы. Следующие публикации увидели свет в годы перестройки, когда они просто потерялись в лавине изданий, хлынувших «сквозь умственные плотины» [28].

Анна Федоровна, обладая умом и наблюдательностью, предложила «взгляд изнутри» на происходившее в Костроме 1858 г. Её внимательный и скептический взор фиксировал все – и торопливость в осмотре Николо-Бабаевского монастыря «наспех по обычаю августейших путешественников» [28, с. 165], и клопов в изящно убранном губернаторском доме.

Ей была неприятна чрезмерная театральность речи священника с. Коробова: «Государь и государыня принимали утром депутацию от крестьян деревни, где живут потомки Сусанина. Со времени Михаила Федоровича все жители этой деревни пользуются полной свободой от всяких налогов, но эта привилегия не только не принесла им никакой пользы, наоборот, вследствие лености они впали в нищету и в состояние почти полного варварства.

Несколько лет тому назад туда послали священника, чтобы вывести их из этого состояния отупения. Это очень развитый человек, который пишет умные, но чересчур патетические реляции о прогрессе и усовершенствовании их в его приходе. Он и находился во главе депутации и держал речь, очень вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определенный момент пасть на колени.

Эти показательные выходки меня мало трогают; я чувствую, что я в таких случаях принимаю выражение, совершенно не соответствующее минуте» [28, с. 166]. Возможно, некоторое сомнение родилось и у

императора, тогда становится понятным его неожиданное посещение раскольничьего Коробова.

Но тем ценнее данное А. Ф. Тютчевой описание искреннего восторга простых костромичей: «Нас сопровождало человек двадцать бородачей, которые бежали за нашей коляской, не отставали от лошадей, что очень забавляло маленькую княжну» [28, с. 165]. Великая княжна Мария Александровна (двойная тезка матери) весь день играла в губернаторском саду. «Бабы влезали на забор, чтобы посмотреть, как она играет, – вспоминала Анна Федоровна, – и кричали мне: “Нянюшка, приведи ее сюда, покажи нам ее царское лицо”. Девочка здоровалась с ними, и они по-своему осыпали ее выражениями нежности и похвалы, а обо мне говорили: “Какая маленькая нянюшка, какая молоденькая”. Я совершенно не соответствовала их представлению о “царской мамушке”» [28, с. 165].

Таким образом, восторженный прием царской семьи костромичами обратил на себя внимание даже такой независимой мыслящей особы, как дочь великого поэта, что позволяет с большей верой принять и описание костромских корреспондентов.

И все же главную точку поставила в этой истории публикация в 1992 г. письма императора Александра II от 16 августа 1858 г. из Костромы брату Константину Николаевичу: «Путешествием нашим мы доселе чрезвычайно довольны. Нас повсюду принимают с невыразимым радушием, доходящим иногда, можно сказать, до безумия, в особенности в Ярославле и здесь, так что страшно показываться на улице. Из всего, что я слышу, народ везде спокоен и послушен, а Дворянство, я надеюсь, после того, что оно от меня самого слышало, примется за

дело с усердием, – так что с Божьею помощью можно надеяться, что все пойдет хорошо» [7, с. 166–167].

Сегодня, в канун празднования 400-летия Дома Романовых, мы знаем: реформа прошла хорошо, гражданской войны удалось избежать. Можно сказать, что свою миссию воспитатели будущего императора выполнили, – они сделали «питомца способным внимать постановлениям судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека» [18, с. 2]. Но трагическая судьба императора-мученика доказала: чем более делает власть для людей, тем агрессивнее недовольные ею. «Живая власть для черни ненавистна, / Они любить умеют только мертвых», – эти провидческие слова вложил в уста своего героя А. С. Пушкин. И в этом качестве толпы видится сегодня корень трагедий России XIX и XX столетий.

Примечания

¹ Рукопись Е. П. Вознесенского была цензурована 29 сентября 1858 г., текст П. И. Андроникова прошел цензуру 10 марта следующего, 1859 г.

² «Сообщено священником посада Больших Солей, А. Рязановским» (отцом И. А. Рязановского), «Сообщено самим Н. О. Андрониковым» и др.

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. 56. – Оп. 3. – Д. 23.
2. ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 23. – Д. 83. – Л. 1.
3. ГАКО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 644. 7 лл.
4. Государственный архив Тобольской области. – Ф.И-85. – Оп. I. – Д. 30. – Л. 111–111 об. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://providenie.narod.ru/0000134.html>
5. Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – КОК 24761.
6. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 2. – Д. 358. – Л. 194–220.
7. Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 16 августа 1858 г. Кострома / Публикация Л. Г. Захаровой и Л. И. Тютюнник // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и до-

кументах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. – С. 166–167. – [Т.] II–III.

8. Андроников П. И. Городские известия // Костромские губернские ведомости. – 1857, 20 апреля. – №15. Ч. неофиц.

9. Андроников П. И. Городские известия // Костромские губернские ведомости. – 1858, 23 августа. – №33. Ч. неофиц.

10. Андроников П. Император Александр II в Костромской стороне. – Кострома: [тип. П. И. Андроникова], 1858. – [2], II, 34 с. [На обл. дата: 1859]

11. Вести из губернии // Костромские губернские ведомости. – 1858, 30 августа. – №34. Ч. офиц.

12. Вознесенский Е. П. Пребывание Государя Наследника ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Николаевича в Костромской стороне в 1837 году // Костромские губернские ведомости. – 1855, 2 апреля. – №20. Ч. неофиц.

13. Вознесенский Е. П. Царственные Посетители Костромской стороны, между 1817 – 1834 годами // Костромские губернские ведомости. – 1855, 14 мая. – №19. Ч. неофиц.

14. Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего Императорского Дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. – Кострома: В тип. Андроникова, 1859.

15. Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии, в ХУП, ХУШ и текущем столетиях. – Репринт издания: Кострома, 1859. – Кострома: ИПП «Кострома», 1993.

16. Войтюк Т. В. «По одной только христианской добродетели...» // Губернский дом (Кострома). – 1995. – №5 (14).

17. Выставка Костромской губернии. 1837. – М.: тип. С. Селивановского, 1837. – 81 с.

18. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826–1838 / Имп. Русское историческое общество: в 2 т. – СПб.: тип. 2-го отделения Собственной ЕИВ кан-

целярии, 1880. (Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. XXX). – Т.1. – СПб.: тип. 2-го отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1880. – XXVI: 494с.: 3 л. ил.

19. Диев М. Я. Благодетели мои и моего рода // Русский архив. – 1891. – Кн.2.

20. Коробицын Н. Рукопись И. И. Сигорского. Часть автобиографии Константина Ивановича Арсеньева // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 3. – С.36–53 (паг.3-я).

21. Ломачевский А. Городские известия // Костромские губернские ведомости. – 1858, 30 августа. – № 34. Ч. неофиц.

22. Плес // Костромские губернские ведомости. – 1858, 23 августа. – № 33. Ч. неофиц.

23. 15 числа сего месяца ... // Костромские губернские ведомости. – 1858, 23 августа. – № 33. Ч. офиц.

24. Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг.: (К 100-летию С.-Петерб. духов. акад.) / сост. Алексей Родосский. – СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1907. – [4], LXXXIV, 552 с.: ил. 24

25. Сапрыгина Е. В. Свойственник драматурга. П.И. Андроников как средоточие кост-

ромского краеведения 1850-80-х годов // Губернский дом (Кострома). – 2003. – № 1–2 (52–53).

26. Сырцов И. Я. 150-летие Костромской духовной семинарии. [1747–1897 гг.] . – Кострома: Губ. тип., 1897. – 91 с., 1 л. фронт. (портр.)

27. Титов А. А. Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые деятели Костромского Вертограда». – М.: изд. журнала «Библиографические записки», 1892.

28. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II / послесл. С. В. Мироненко. – М.: Мысль, 1990. – 189, [2] с.: ил.

29. Филиппов А. Список воспитанников Костромской духовной семинарии, обучавшихся в высших учебных заведениях с 1814 года. – [Кострома]: б.м., б.г. [Отд. оттиск из Костромских епархиальных ведомостей].

30. Чистович И. А. История С. Петербургской духовной академии. – СПб.: в тип. Якова Трея, 1857. – [8], 458, IV с.

УДК 323.282
ББК 63.3(2)6-4

Смирнова И. А.

ДВЕ СУДЬБЫ ОДНОЙ ЭПОХИ

Аннотация: Данная статья – это рассказ о людях, живших на сломе эпох, их судьбах. Цель автора – показать, как им жилось тогда, чего они лишились, кем стали, почему погибли после падения царской власти.

Ключевые слова: история, царское время, дворянин, офицер, Советская власть.

Прошло много времени с тех пор, как пала царская власть, пришли к власти большевики, и «машина времени» в истории начала крутиться в новом направлении. Любое изменение – это что-то новое, а новое не всегда хорошее и правильное. В этой публикации хотелось бы раскрыть в некоторых случаях еще закрытую для народа «правду».

Все представляют царское время: кто-то по урокам истории, кто-то по историческим и документальным фильмам. Мне бы хотелось преподнести историю тех времен, основываясь на архивных документах. Рассказать о людях той эпохи, того времени, их судьбах, как им жилось тогда и чего они лишились, кем стали или вообще погибли после падения царской власти.

Нелидов Василий Александрович, уроженец с. Судиславль, Судиславского района Костромской области, сын отставного подпоручика, окончил полный курс в Ярославском кадетском корпусе, бывший офицер царской армии, штабс-капитан, за заслуги в царской армии был награжден пятью орденами и медалью [1, л. 172]:

- орденом Святого Владимира 4 степени;
 - орденом Святой Анны 4 степени;
 - орденом Святого Станислава 2 степени;
 - орденом Святой Анны 3 степени;
 - орденом Святого Станислава 3 степени;
 - бронзовой медалью в память 300-летия царствования дома Романовых [2, л. 1].
- Заступил на службу 30 августа 1912 г. из Ярославского кадетского корпуса в Александровское военное училище юнкером рядового звания:
- 23 сентября 1912 г. принял присягу;
 - 22 апреля 1914 г. присвоено звание унтер-офицера;
 - 12 июля 1914 г. по окончании курсов наук произведен в подпоручики;
 - 6 августа 1914 г. ранен в бою с германцами;
 - 20 июля 1914 г. прибыл и зачислен в списки 183 пехотного Пултуского полка младшим офицером в 4-ю роту;
 - 2 января 1916 г. высочайшим приказом, состоявшимся 2 января 1916 г. на основании приказа по В. В. 1915 г. № 563, произведен в чин поручика [2, л. 1];
 - 3 мая 1916 г. на основании предписания начальника 46 пехотной дивизии от 28 апреля 1916 г. № 3658 командирован в г. Кострому на укомплектование 88 пехотного запасного полка;
 - 6 мая 1916 г. прибыл на службу в 88 пехотный запасный полк и зачислен в списки полка младшим офицером;
 - 20 июня 1916 г. ранен и эвакуирован на излечение [2, л. 1 об.];

24 января 1918 г. комиссией врачей при Гродненском военном госпитале на основании приказа за № 392 признан подлежащим увольнению в отпуск для поправки здоровья на три месяца [2, л. 2].

5 ноября 1949 года Управлением МГБ по Костромской области был арестован за измену Родине и антисоветскую агитацию. Следствием было установлено, что «...Нелидов В. А. проживая в г. Костроме, в 1930 году был завербован немецкими разведчиками для ведения шпионской деятельности в пользу Германии и передавал сведения шпионского характера о промышленности г. Костромы, условиях жизни и политических настроениях ее жителя.

Одновременно с этим, будучи враждебно настроенным к Советской власти, с 1925 г. и до момента ареста среди своего окружения систематически проводил активную антисоветскую деятельность. Выказывал недовольство Советской действительностью, распространял недовольнические измышления о политике ВКП(б) и Советского правительства, допускал злобные выпады по адресу руководителей Советского государства, восхвалял фашизм и немецкую армию, обрабатывал молодежь в антисоветском духе.

Так, в 1925–1930 гг. в беседах Нелидов высказывал недовольство Советской действительностью и существующим в СССР политическим строем.

В 1932 г. Нелидов возводил клевету на одного из руководителей Советского государства, высказывал антисоветские убеждения.

В 1934–1935 гг. в неоднократных беседах истолковывал в антисоветском духе учение Ленина о государстве, высказывал свое несогласие с политикой ВКП(б).

Во время Великой Отечественной войны с Германией. 1941–1945 гг., Нелидов в разговорах высказывал антисоветские пораженческие настроения, возводил клевету на Советскую армию, ее

командно-политический состав и Советское правительство [1, л. 171].

В 1948–1949 гг. среди сотрудников областного управления трудовых резервов, в частности возводил клевету на Советскую власть, Советских женщин и высказывал свое несогласие с политикой правительства.

В марте 1949 г. Нелидов обрабатывал комсомольца в религиозном духе, клеветал на Советскую власть, доказывал невозможность построения коммунизма в СССР.

Будучи допрошен по существу предъявленного обвинения, Нелидов признал себя виновным в проводимой им антисоветской агитации, изменческую деятельность отрицал [1, л. 172].

1 июля 1950 года постановлением Особого Совещания при МГБ СССР Нелидов приговорен к 10 года исправительно-трудового лагеря [1, л. 174].

17 сентября 1956 года определением военного трибунала Московского военного округа дело в отношении Нелидова прекращено за отсутствием состава преступления [1, л. 300].

Виноградов Николай Николаевич, бывший дворянин, в 1909–1910 гг., будучи студентом Петербургского Университета, принимал участие в работе соц. демократической студенческой группы. В 1910 г. Виноградов был задержан охраной, вскоре освобожден и выслан из Петербурга, как политически-неблагонадежный в г. Кострому. По прибытии в Кострому Виноградов поступил на службу в канцелярию губернатора и быстро сделал карьеру, получив в скором времени должность чиновника для поручений, а затем и цензора. В бытность его цензором, Виноградов отличался ярким удушением всякой печати, где проскальзывало неуважение к царской власти. Независимо от работы в качестве чиновника для поручений при губернаторе и цензора, Виноградов занимался и литературной деятельностью,

составил и издал огромное количество монархических книг и брошюр, среди которых центральное место занимает составленное им в резко монархическом духе «Описание приезда Николая II в Кострому в 1913 г.», а также состоял постоянным корреспондентом ряда черносотенных газет, посылая в таковые описания о манифестациях и проявления патриотических чувств населения г. Костромы [3, л. 58 а.].

После Октябрьской революции Виноградов был рукоположен в священники и состоя таковым в Шунгенской волости Костромского уезда, принимал руководящее участие в контрреволюционном кулацком восстании в 1919 г., за что был арестован, порвав после ареста с поповством, Виноградов «полез» на советскую работу и сотрудничал с Костромской газетой «Северная правда».

18 ноября 1925 года Костромским Губотделом ОГПУ Виноградов был арестован. В тот же день ему было предъявлено обвинение в том, что он «добившись доступа в местное Губернское архивное бюро, откуда систематически похищал большое количество ценных архивных документов политического характера» [3, л. 54.].

9 апреля 1926 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ Виноградов приговорен к 3 годам концлагеря [3, л. 68.].

27 апреля 1928 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ Виноградов приговорен к ссылке в Сибирь на 3 года [3, л. 70.].

28 сентября 1928 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ Виноградов приговорен к ссылке в Карельскую республику на 3 года [3, л. 71.].

Вот вроде бы небольшой рассказ, но сколько в нем значимого: как люди более сильные, а, может, более патриотичные, со своей верой, своими взглядами на жизнь и на «нововластие» старались держаться своих идей и страдали от этого.

Если сравнить этих двух людей по сути, они совершенно разные, но объединяет их одно – **судьба**, тяжелая, наполненная болью и страданием. Два разных архивно-следственных дела, с 20-ти летним промежутком времени, но, до сих пор, ни один из них не реабилитирован, хотя реабилитация началась в стране с 1991 года! Что это? Стечение обстоятельств? Невозможность реабилитировать всех, так как репрессии были массовые и исчислялись миллионами? Вопросов много – ответ

один: «нововластие» – это всегда что-то новое. А какое это новое – может показать только время. Время, которое сначала бежит вперед, но рано или поздно возвращается назад!

Библиографический список

1. ГАНИКО. – Ф.Р-3656. – Оп. 2. – Д. 2804.
2. ГАНИКО. – Ф.Р-3656. – Оп. 2. – Д. 2804. Вложение.
3. ГАНИКО. – Ф.Р-3656. – Оп. 2. – Д. 2413.

УДК 37.035.4
ББК 63.3(2)л6

Уткин Г. А., Рогов И. В.

КОСТРОМСКОЙ ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ – КОЛЫБЕЛЬ ДОМА РОМАНОВЫХ*

Аннотация. На протяжении вот уже почти 400 лет, с момента призвания в его стенах на царский престол Михаила Федоровича Романова, Ипатьевский монастырь, оставаясь одной из величайших православных святынь, в то же время является мемориальным комплексом – хранителем памяти о славных деяниях предков и выдающихся событиях в истории Российской государственности. Авторы верят, что это высокое предназначение он сохранит и в будущем.

Ключевые слова: Романовы, Годуновы, Филарет, Ипатьевский монастырь, Царские чертоги, инокиня Марфа, колыбель Дома Романовых.

I

Выдающийся памятник древнерусской архитектуры – Костромской Ипатьевский монастырь – на протяжении своей многовековой истории был тесно связан с виднейшими аристократическими родами России. Но наибольшую известность ему принесла та роль, которую он сыграл в судьбе двух знаменитых боярских и царских династий: Годуновых и Романовых.

Бояре Годуновы, чьи предки основали Ипатьевский монастырь и заложили основы его экономического и духовного процветания, превратили эту обитель в «Преименитую лавру» и царский мона-

стырь, а также мощную крепость на рубежах своих костромских владений. В жесткой конкурентной борьбе, которую данный боярский род вел во 2-й половине XVI в. с другими аристократическими фамилиями за российский престол, Ипатьевскому монастырю отводилась весьма существенная роль.

Ситуация неожиданным образом изменилась в самом начале XVII в., когда 13 апреля 1605 г. скончался Борис Годунов, с чьим именем связан и головокружительный взлет династии Годуновых к вершинам российской политической иерархии, и ее столь же внезапное крушение.

* Первый раздел настоящей статьи написан С. А. Уткиным, второй – И. В. Роговым.

В борьбу за обладание верховной властью вступили иные боярские группировки, в результате чего к 1610–1611 гг. Российское государство оказалось на грани распада и гибели. В этот период все здоровые силы общества стали концентрироваться вокруг другого старомосковского служилого рода – бояр Романовых.

В 1600 г. Романовы потерпели тяжелое поражение от Бориса Годунова в борьбе за царский престол. Многие представители этой фамилии погибли, а наиболее серьезный конкурент царя Бориса – Федор Никитич Романов – насильно пострижен в монахи под именем Филарета и сослан в далекий Антониево-Сийский монастырь. Его малолетний сын Михаил с родственниками оказался в заточении на Белоозере, а жена – Ксения Ивановна Шестова (представительница костромского дворянского рода Шестовых), в иночестве Марфа, также приняла насильственный постриг и в сопровождении приставов была отправлена на северное побережье Онежского озера, в Толвуйский уезд [21, с. 11–37].

Жестоко расправившись с Романовыми, Борис Годунов, сам того не подозревая, создал условия, которые в дальнейшем привели к победе этого рода в политической борьбе. Облеченный в иноческий сан, Филарет Романов пользовался большим уважением как у самозванных царей (Лжедмитрий I, Лжедмитрий II), так и у их противников (Василий Шуйский, Патриарх Гермоген и др.). Наученный горьким опытом, Филарет Никитич не вмешивался открыто в политическую борьбу Смутного времени, не вставал на сторону ни одной из противоборствующих группировок. Это обеспечило в дальнейшем серьезные преимущества перед другими кандидатами на Российский престол его сыну Михаилу Романову.

С крушением династии Годуновых, Ипатьевский монастырь, стремясь сохра-

нить свой статус и владения, стал ориентироваться на вновь возникшие в России центры силы и власти. Видя слабость «боярского царя» Василия, он поддержал Лжедмитрия II. В 1609 году за стенами обители нашли прибежище сторонники этого самозванца во главе с воеводой Н. Д. Вельяминовым. А в начале 1613 года стены Ипатьевской крепости стали надежной защитой для сына «тушинского Патриарха» Филарета – Михаила Федоровича Романова [11, с. 32–49]. Так совершился еще один удивительный поворот российской истории: обитель, основанная Годуновыми, стала колыбелью гонимого ими боярского и царского рода Романовых, который на протяжении последующих 300 с лишним лет правил страной.

События, которые происходили на Костромской земле в конце 1612 – начале 1613 гг. имели важнейшее значение для судьбы России XVII в. Вероятно, поздней осенью – в начале зимы 1612 г. Михаил Романов и его мать инокиня Марфа покинули охваченную мятежом и пожарами столицу. Их путь лежал в костромские родовые владения дворян Шестовых, которые по наследству достались старице Марфе. Дворянам Шестовым в XVI – начале XVII вв. в Костромском уезде принадлежало село Домнино с округой, включавшей в себя около 50 населенных пунктов. Историки не располагают подробной информацией о пребывании Романовых на Костромской земле в период с ноября–декабря 1612 по март 1613 годов. Известно лишь о том, что в это время крестьянин Костромской вотчины Романовых Иван Сусанин, схваченный польско-литовским отрядом, искавшим Михаила Федоровича, не открыл ему место пребывания последнего, за что был убит. Вероятно, именно это обстоятельство заставило Романовых покинуть свои домнинские владения и направиться в Кострому, чтобы укрыться за стенами

Костромского Ипатьевского монастыря [11, с. 46–47].

По-видимому, старица Марфа и ее сын Михаил сознательно избрали обитель, находящуюся вне городских стен, которую от города отделяла река Кострома. Настроение городского посада и оставшихся в городе служивых людей могло меняться в зависимости от политической конъюнктуры. Если бы в борьбе за царский престол верх одержал какой-либо иной кандидат, то по условиям того времени все остальные претенденты могли подвергнуться преследованиям вплоть до заточения или казни. В том случае, если ход политической борьбы вновь повернулся бы против Романовых, они могли легко покинуть монастырь либо по Старой Ярославской (Луговой) дороге, открывавшей выход на Ярославль, Москву, а также на Север – в Вологду, Новгород и т. д., либо иным путем. Вырваться в случае мятежа за пределы городских стен было гораздо сложнее [11, с. 48].

Вскоре после изгнания поляков, в Москве начал свою работу Земский собор, самый представительный за всю российскую историю. Главной его задачей было избрание нового русского государя. Деятельность собора сопровождалась невиданной в прежней Российской истории «предвыборной» борьбой. В итоге победу одержала «партия» сторонников боярской семьи Романовых, избрав на престол шестнадцатилетнего Михаила Федоровича. Во многом исход борьбы решило вмешательство казаков, которые надеялись при сыне «тушинского Патриарха» сохранить добытые в период междоусобицы вольности [24, с. 89–91]. Сыграло свою роль и родство Романовых с прежней «законной» царской династией рода Калиты. Из состава Земского собора было сформировано Великое посольство, которое возглавил митрополит Рязанский и Муромский Феодорит и боярин Ф. И. Шереметев.

В наказе посольству предлагалось ехать к Михаилу Федоровичу «в Ярославль, или где он, Государь, будет» [22, с. 15–22].

Поздним вечером 13 марта 1613 года депутация Великого посольства застала Михаила и его мать в стенах Ипатьевского монастыря. Будущий российский государь дал согласие принять посольство на следующий день.

Утром 14 марта, под звон колоколов городских церквей, из села Новоселки (современное с. Селище), где послы остановились на ночлег, к Ипатьевскому монастырю по льду реки Волги двинулась торжественная процессия Великого посольства. Во главе шествовал архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит «со всем освященным собором». Они несли главные святыни Российской земли – Чудотворную икону Богородицы «юже написал Петр митрополит», образ великих чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и другие святыни. За духовенством следовали представители светских чинов. Когда Великое посольство достигло устья р. Костромы, ему навстречу по льду этой реки из города вышел крестный ход костромичей. Обе процессии одновременно подошли к Святым вратам Ипатьевского монастыря. Среди костромских реликвий в руках духовенства находилась и чудотворная Федоровская икона Божией Матери, главная святыня города [11, с. 49–50].

Навстречу послам из Святых монастырских ворот вышли инокиня Марфа, Михаил Федорович и возглавляемая архимандритом Кириллом братия Ипатьевского монастыря. Михаил и его мать приняли благословение от архиепископа Феодорита, преклонились перед чудотворными образами, а затем вместе с руководителями посольства вошли в Ипатьевский монастырь и проследовали в Троицкий собор. Здесь архиепископ Феодорит прочел перед присутствующими в храме «известительную» грамоту Земского

собора об избрании Михаила Федоровича на царство. Началась многочасовая процедура упрашивания инокини Марфы и ее сына принять царский скипетр. На протяжении 6 часов более 8 раз руководители Великого посольства приступали к Михаилу Федоровичу с просьбой дать согласие занять царский трон. И все 8 раз инокиня Марфа и Михаил давали решительный отказ [11, с. 50–51]. Тогда архиепископ Феодорит и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын взяли в руки главные святыни Московского царства – образы Пресвятой Богородицы «юже написал Петр митрополит» и великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, подошли к Романовым и сказали им от имени всех присутствующих: «Вижьд, благовернаа великаа государыня Марфа Ивановна и благоверный и благородный великий государь Михаил Феодорович, виждь, что ради шествова с нами толик чуть пречеснаа и чудотворная сия икона богоматере и велиции святителие! И аще на милость не положили есте, но сего ради чудотворнаго образа всех царицы богоматере и великих ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повеленное вам от Бога: во истину бо от Бога избранни есте; и не прогневайте всех владыку и Бога» [19, с. 235].

Инокиня Марфа, видя настроение народа, не могла далее отказывать руководителям посольства. Взяв сына за руку, она подвела его к святым образам и благословила на царство, сказав: «Се тебе, о Богомати, пресвятаа Богородице, и в твои пречистей руце, владычице, чадо свое предаю и, яко же хощеша ему полезнаа, и всему православному христианству» [19, с. 235].

Вслед за этим состоялся сам чин наречения царем: на Михаила Федоровича возложили Животворящий крест, в руки ему дали царский жезл и усадили на царское место, находившееся в Троицком соборе. Далее архиепископ Феодорит с освящен-

ным собором отслужил Божественную литургию, по окончании которой было возглаголено многолетие Богоизбранному Царю. В конце церемонии нареченный государь «пожаловал велел быти у своей Царской руки» всем, кто в это время находился в монастыре [22, с. 44–45]. Затем, Михаил Федорович в сопровождении своей матери и руководителей московского посольства, держа в руках царский жезл (в некоторых источниках – посох), вышел из храма и под приветственные возгласы собравшегося на соборной площади народа проследовал в свои монастырские покои.

В Ипатьевском монастыре М. Ф. Романов, после своего наречения на царство, пробыл еще 5 дней. 19 марта 1613 г. состоялся его отъезд в Москву, причем от Западных ворот Ипатьевского монастыря государя провожал крестный ход костромичей. На том же месте, до которого царский поезд сопровождали жители города и насельники монастыря, впоследствии была выстроена мемориальная «Зеленая башня», одновременно являвшаяся часовней. Об этом свидетельствует запись на белокаменной плите, вмонтированной с наружной стороны западной стены этой башни [22, с. 50, 54; 10, с. 25–26].

11 июля 1613 г. Михаил Федорович венчался на Московское царство в стенах Успенского собора Московского Кремля. С восшествием на престол нового государя завершилась многолетняя Смута, и Российское государство, наконец, обрело возможность для мирного и спокойного развития. Ипатьевский монастырь с этого времени стал пользоваться покровительством практически всех государей рода Романовых. В судьбе основателя новой династии Ипатьевская обитель сыграла особую роль: ее стены укрыли будущего государя от врагов, в ее кельях строились планы по формированию нового российского правительства, а в главном монастырском храме Михаил Федорович

и его мать, великая государыня инокиня Марфа, получили твердые гарантии покорности со стороны русского народа.

Одним из первых свидетельств особого отношения первого государя из Дома Романовых к насельникам Ипатьевского монастыря является его жалованная несудимая грамота архимандриту Кириллу и келарю Анисифору «с братьею» от 4 марта 1614 г. Этим документом Михаил Федорович подтвердил право слуг этой обители на отказ от крестного целования во время судебных разбирательств. При этом царь обращал особое внимание на то, что именно в Ипатьевском монастыре «в Троицы славимый Бог изволи нас избрати и нареци на скипетродержавное Российское Царство и на великое княженъе быти Царем и Великим Князем всеа Руси» [9, с. 199–201].

Возможно, тогда же, в память о пребывании основателя царского Дома Романовых, в Троицком соборе у правого столпа устанавливается царское место. Оно было выполнено из липы, «с разными очень мелкими изящными украшениями, вышиною 11 аршин наподобие конусообразной короны древней с двуглавым орлом наверху и короной над ним; резные львы как бы охраняли вход в это священное место» [1, с. 11].

Осенью 1619 г. после освобождения из польского плена Филарета Романова, Михаил Федорович и старица Марфа вновь отправляются на Костромскую землю. Путь их лежал в Макарьев монастырь на р. Унже, где они намеревались поклониться мощам преподобного Макария Унженского. Во время этой поездки царская семья посетила и обитель святого Ипатия, в стенах которой 6 лет назад совершилось наречение Михаила на царство.

По свидетельству монастырской описи, в усыпальнице Ипатьевского монастыря Михаил Федорович положил покров («бархат зелен рытой, крест шит серебром,

подложен зенденью зеленою, как ходил молиться к Макарию Чудотворцу на Унжу») на гробницу боярина Ивана Хитрово [14, с. 59], видимо, незадолго до этого погребенного в обители.

В 1626 г. царь Михаил в знак особого благоволения к Ипатьевскому монастырю передал ей часть Ризы Господней, которая была получена от персидского шаха Аббаса [9, с. 89].

Примерно в это же время на монастырской колокольне устанавливаются большие боевые часы с перечасьем, которые также являлись вкладом российского государя [9, с. 12; 2, с. 21–22].

Прямым результатом посещения царем Ипатьевского монастыря в 1619 г. является начавшееся в 20-е гг. XVII в. надстройка и укрепление крепостных стен и башен монастырского «Старого города», которые пострадали в результате осады в 1609 г. Работы проводились по государеву указу мастерами, присланными из Москвы, во главе с подмастерьем Иваном Неверовым. Продолжались они около пяти лет (с 1621 по 1625 год). До своей надстройки монастырские стены достигали в высоту около 6 метров, в 1625 г. они уже имели высоту более 8 метров [2, с. 37].

В 1642–1645 гг. незадолго до своей смерти царь Михаил Федорович повелевает расширить территорию Ипатьевского монастыря с западной стороны. Новый участок был огражден каменной крепостной стеной с двумя угловыми и одной надвратной башнями, что увеличило занимаемую монастырем площадь почти в два раза. Эта территория стала именоваться «Новым городом» (или «Новым двором»). Самым заметным сооружением Нового города была Западная надвратная башня, получившая название «Зеленая» за цвет шатра, который покрыли зеленой обливной черепицей. Башня выполняла две функции: с одной стороны, она надежно защищала западные ворота монастыря,

а с другой – являлась мемориальным сооружением. По свидетельству П. Ф. Островского, самого крупного в XIX в. исследователя истории Ипатьевского монастыря, башня строилась «в память изшествия (1613) Царя Михаила Феодоровича из Ипатьевского монастыря в Москву» [9, с. 34].

Помимо этого, первый государь из рода Романовых подтвердил все права монастыря на земельные и иные владения, которыми он обладал издревле, а также высокий статус обители в иерархии российских монастырей [11, с. 59–60].

Таким образом, с момента воцарения М. Ф. Романова, в истории Ипатьевского монастыря, некогда укрывшего его в своих стенах от опасности, открылась новая страница, тесно связавшая судьбу этой обители и в целом Костромского края с судьбой знаменитого царского Дома.

II

В отличие от Михаила Федоровича, его ближайшие потомки (сын, внуки, правнуки) не посещали Ипатьевский монастырь лично, но продолжали традицию покровительства своей фамильной святыни на Костромской земле.

Царь Алексей Михайлович, сын основателя династии, а позднее государи Федор, Петр и Иван Алексеевичи своими распоряжениями 1670/71, 1676/77 и 1683/84 гг. подтвердили права и привилегии Ипатьевского монастыря, данные ему жалованной грамотой М. Ф. Романова 1615/16 г [9, с. 104].

Соборное уложение 1649 г., принятое в царствование Алексея Михайловича, закрепило за Ипатьевским монастырем 10-е место в «Лестнице» монастырских властей в России среди 49 элитных российских монастырей [23, с. 35].

Кроме того, Алексей Михайлович пожаловал Ипатьевскому монастырю хоругвь с вышитыми золотом и серебром изображениями с одной стороны Святой

Троицы, с другой – Алексея человека Божия, Алексея Митрополита и Федора Стратилата [9, с. 93].

По его указу от 25 марта 1650 г. в монастыре началось строительство нового соборного храма, посвященного Святой Живоначальной Троице. После сооружения в конце XVI в. боярами Годуновыми монастырских стен и башен, это были самые масштабные строительные работы в обители. Возведение Троицкого собора закончилось в 1652 г. К росписи стен и сводов этого храма привлекались лучшие мастера России того времени, которые ранее принимали участие в украшении храмов Московского Кремля: Василий Ильин (Запокровский) – 1654 г. и Гурий Никитин – 1684 г. На правом столпе четверика собора, напротив иконостаса (над Царским местом), мастера изобразили фигуры первых царей рода Романовых: Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, подчеркнув тем самым неразрывную связь обители с царствующим Домом [11, с. 68–74].

С юго-востока к основному объему храма по царскому указу от 1650 г. была пристроена небольшая одноглавая церковь во имя преподобного Михаила Малейна – небесного покровителя основателя царской династии Романовых [11, с. 70].

Несмотря на то, что реформы Петра I серьезно ограничили права российских монастырей, в том числе и Ипатьевского, по отношению к принадлежавшей им земельной и иной собственности, государь-реформатор продолжал поддерживать особый статус костромской обители. Так, в 1721 г. по его указу новым архимандритом монастыря стал Гавриил Бужинский, бывший обер-иеромонах российского флота. В том же году он назначается советником Святейшего Синода и получает должность «школ и типографий протектора» [13, с. 28; 9, с. 113]. С этого времени и до 1744 г. все настоятели Ипатьевского

монастыря входили в состав Святейшего Правительствующего Синода – высшего государственного органа, управлявшего Русской Православной церковью.

В 1744 г., в царствование дочери Петра I Елизаветы Петровны, в жизни Ипатьевского монастыря произошли значительные изменения. В Костроме была учреждена епископская кафедра, в связи с чем комплекс монастырских сооружений стал архиерейской резиденцией. Сам монастырь, при этом, был упразднен. На его территории разместились Архиерейский дом «с Крестовою церковью» и кафедральный Троицкий собор, с полным штатом белого духовенства [15, с. 94–95, 41–42]. Архиерейский дом стал правопреемником Ипатьевского монастыря по отношению к принадлежавшим последнему монастырских зданий и вотчинных владений. Поэтому, в документах последующего периода Архиерейский дом нередко именуется как прежде – Ипатьевским монастырем.

Накануне этих событий, в 1742 г. Елизаветой Петровной в Ипатьевский монастырь был командирован синодальный архитектор, майор И.Ф. Мичурин с целью обследования ветхостей в монастырских постройках, а также для составления плана и сметы предстоящих ремонтных работ. И. Ф. Мичурин, ученик Бартоломео Растрелли, являлся одним из крупнейших российских зодчих того времени. Он выполнял ремонтно-восстановительные работы в знаменитых российских монастырях, а так же восстанавливал многие здания в Москве после пожара 1737 г. Приезд его в Кострому можно считать свидетельством возросшего внимания представителей царствующего Дома к судьбе Ипатьевского монастыря [11, с. 99–100].

В интерьере Троицкого собора также происходят существенные изменения. Прежний тябловый иконостас был заменен на новый. Костромские мастера-резчики Петр Золотарев и Макар Быков

с артелью в течение 1756–1758 гг. изготовили по рисунку наместника и казначея резной деревянный иконостас, на тумбах, из пяти ярусов. Основным мотивом деревянной резьбы нового иконостаса являлись виноградные гроздья и листья аканта. Сверху они покрыты левкасом, по которому положено сусальное золото [11, с. 106]. Пышное и богатое убранство главного монастырского храма должно было соответствовать новому назначению Ипатьевского монастыря, ставшего резиденцией костромских архиереев и административным центром Костромской епархии.

Екатерина II продолжила и завершила реформы монастырского землевладения, начатые Петром I. Окончательно лишив российские монастыри земельной собственности и крепостных крестьян, она стала выделять на их содержание средства из государственной казны.

Она же была первой Российской государыней Дома Романовых, которая более чем через полтора столетия после Михаила Федоровича посетила Кострому и Ипатьевский монастырь. Ее визит состоялся в мае 1767 г.

Епископ костромской и Галичский Дамаскин (Аскаронский) в своей приветственной речи напомнил Екатерине II о значимости обители для рода Романовых, что прежде здесь «блаженные памяти предок Вашего Императорского Величества, Михаил Феодорович ... по прошению духовных и мирских, нарочно от Царствующего града Москвы, присланных чинов, принял скипетр Российского Государства» [5, с. 32–33; 7, с. 109, 174–175].

В Троицком соборе Ипатьевского монастыря императрица участвовала в торжественной литургии, стоя на царском месте, присланном сюда М. Ф. Романовым.

В письме графу Н. И. Панину от 15 мая 1767 г. она сообщала: «Я пишу в Ипатском монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него Царь

Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церквах почтенно» [20, с. 206–207].

Во время своего визита императрица пожаловала в распоряжение архиерея 3 тыс. рублей на восстановление пришедших в ветхость монастырских построек [9, с. 56–57].

Накануне приезда государыни в Кострому, в северной стене Ипатьевского монастыря были устроены новые парадные ворота, получившие позднее наименование Екатерининских. С 1767 г. северные ворота становятся главным входом в обитель. По свидетельству И. В. Баженова, в начале XX в. ворота имели стенную роспись: на внешней арке, со стороны улицы, была изображена Святая Троица и внизу вензель Екатерины II, с обратной стороны этой арки изображен Святой Великомученик Феодор Стратилат, держащий на руках образ Федоровской Богоматери. На внутренней арке, с северной стороны, помещались изображения Священномученика Ипатия и Михаила Малеина, а с южной – Всевидающее Око в треугольнике [1, с. 10].

Именно с визитом Екатерины II связано возрождение интереса потомков Михаила Федоровича к Ипатьевскому монастырю как Колыбели Дома Романовых. Вслед за ней большинство российских государей и представителей императорской фамилии стремились посетить колыбель своего рода.

Вскоре великий князь Михаил Павлович (внук императрицы), посетив в 1817 г. Ипатьевский монастырь обратил внимание на Палаты бояр Романовых, или «Царские чертоги» (дом, в котором, по монастырскому преданию, проживали М.Ф. Романов и его мать инокиня Марфа зимой 1613 г.), поразившие его скромностью убранства и простотой интерьера.

7-го октября 1834 г. в Кострому прибыл император Николай I. Подобно Михаилу

Федоровичу, российский государь приехал в наш город из Ярославля по луговой (старой Московско-Ярославской) дороге, и первым объектом на его пути стал Ипатьевский монастырь. В воротах обители императора приветствовал костромской епископ Павел (Подлипский). После торжественного богослужения в Троицком соборе Николай I осмотрел монастырские здания, в том числе и кельи Михаила Федоровича [9, с. 62–63].

Император Николай Павлович обратил внимание на ветхость многих монастырских построек. Он повелел костромскому губернатору А. Г. Приклонскому составить записку, которая должна была содержать предложения, во-первых, об исправлении повреждений строений обители, во-вторых, об умножении ее постоянных доходов, и в-третьих, о придании ей статуса, соответствующего ее историческому значению как колыбели царствующего Дома [9, с. 63–66].

Работу по составлению проекта обновления Ипатьевского монастыря государь поручил профессору архитектуры Императорской Академии художеств К. А. Тону [12, с. 57]. В декабре этого же года Николай I прислал в костромскую обитель деревянный посох и серебряный позолоченный ковш царя Михаила Федоровича, которые до этого хранились в Оружейной палате Московского Кремля [9, с. 66]. Таким образом, правительство как бы подтверждало свое решение о превращении Ипатьевской обители в Мемориал Дома Романовых.

Придание Ипатьевскому монастырю статуса мемориала царствующей династии включало в себя два основных момента: во-первых, выделение на его территории ряда зданий, которые должны были стать памятниками, свидетельствующими об исторических событиях XVII в. связанных с восшествием на престол М. Ф. Романова. Во-вторых, придание всему архитек-

турному комплексу монастыря облика, соответствующего XVII столетию. И, в-третьих, возвращение обители прежнего статуса, которого она лишилась в 1744 г. с учреждением в ее стенах Архиерейского дома.

В 1835 г. Ипатьевская обитель вновь стала первоклассным кафедральным монастырем, хотя Архиерейский дом продолжал находиться на ее территории [9, с. 68]. Из объектов, которые предполагалось сделать мемориальными, особое внимание было обращено на Палаты бояр Романовых, Зеленую башню и Святые ворота монастыря.

По проекту К. А. Тона тесовая кровля Палат бояр Романовых была заменена на железную, выкрашенную масляной краской. Производилась также заделка трещин на сводах и стенах, окраска комнат, перекладка печей и замена деревянных конструкций внутри покоев: балок, полов, подоконников, оконных рам и дверей. Вокруг корпуса тротуар вымостили булыжным камнем. С восточной стороны, для входа на 2 этаж, было пристроено каменное крыльцо с чугунной лестницей (лестничный марш направлен на юг), над которой установили железный зонт. На восточном фасаде и южном торце дома была восстановлена осыпавшаяся роспись «в шахматы» [25, с. 73]. Реставрация К. А. Тона не решила, однако, проблему сохранности здания, которое в скором времени вновь стало приходить в ветхость.

Большое значение при создании в Ипатьевском монастыре Романовского мемориала придавалось надвратной церкви Хрисанфа и Дарии, которую предполагалось возвести над Святыми воротами. По свидетельству П. Ф. Островского, инициатором этого строительства был сам император Николай I. День памяти Св. мучеников Хрисанфа и Дарии – 19 марта по старому стилю, совпал с двумя знаменательными датами в истории России: Днем отъезда из Ипатьевского

монастыря М. Ф. Романова на Московское царство и днем торжественного вступления российских войск в Париж, в 1814 г. [9, с. 67]. Не случайно также церковь планировалось установить на том месте, где Михаил Федорович вместе с матерью встречали Великое Московское посольство Земского собора. В этом смысле она должна была символически перекликаться с Зеленой башней, находившейся над Западными воротами обители, откуда Михаил Романов «исшел на царство Московское». Эта символическая перекличка запечатлелась в облике шатра церкви, который очень походит на шатер Зеленой башни. Интерьер храма должен был соответствовать тем историческим событиям, которым он посвящался. «При сем признано приличным, на стенах сего храма, в особых картинах, или под образами святых Михаила Малеина и Александра Невского, изобразить, с одной стороны, шествие Царя Михаила Федоровича из обители, – с другой вшествие в Париж Александра 1-го» [9, с. 68].

В связи с проектом К. А. Тона, вновь полностью перестраивается теплая церковь Рождества Богородицы. Причиной такой перестройки стало как состояние памятника, стены которого в 40-е гг. XIX в. стали покрываться трещинами [3, с. 54–56], так и стремление придать монастырским строениям вид, характерный для построек XVII в.

Практическая реализация проекта началась только в 1859 г., освящение храма состоялось в 1864 г. Изнутри церковь была облицована искусственным мрамором, в ней находился позолоченный деревянный иконостас, в котором размещались иконы работы палехского иконописца Софонова [9, с. 79].

Начиная с Николая I, традиция посещения Ипатьевского монастыря представителями царствовавшей Династии не прекращалась. Многие государи навещали эту

обитель неоднократно, до и после своего воцарения.

Император Александр II впервые побывал в монастыре в 1837 г., еще будучи наследником-цесаревичем. Следующий его визит в Кострому состоялся 16 августа 1858 г. уже в качестве российского монарха. Во время его приезда Палаты бояр Романовых находились в состоянии ремонта. Вскоре по возвращении государя в столицу в монастырь был направлен известный в то время архитектор Московской дворцовой конторы Ф.Ф. Рихтер, по проекту которого впоследствии и началось их восстановление [5, с. 84–86; 9, с. 76; 1, с. 38].

Работы по реставрации «Царских чертогов» проводились до 1863 г. Ф. Ф. Рихтер провел тщательное натурно-археологическое обследование памятника, выявил его древнейшую часть и позднейшие пристройки. Все последние были удалены, за исключением той, что связывала это здание с братским корпусом. Но и она была отделена от основного массива здания за счет фасадной росписи и формы кровли [25, с. 77–78].

В тех местах, где находились трещины, производился перебор кирпичной кладки, возобновлялась прежняя форма и расположение дверных и оконных проемов. По примеру московских кремлевских теремов были составлены проекты восстановления дверей, оконных рам, изразцовых печей, мебели и т. д. Таким образом, реставрация Ф. Ф. Рихтера в основном решила задачу сохранения здания «Царских чертогов» и возвращения ему облика, характерного для построек XVII в.

Необходимо отметить, что Палаты бояр Романовых приобрели мемориальный характер еще в 1-ой трети XIX в. Как писал в 1832 г. П. Подлипский, «кельи ... царя Михаила Феодоровича благоговейно сохраняются неприкосновенными в прежней своей простоте. В них имеются

двадцать четыре портрета ныне Царствующей Фамилии, писанные живописцем Беннером, гравированные и печатанные в Париже, а принесенные в дар Коммерции Советником Сергеем Петровичем Угличаниновым» [10, с. 23]. Таким образом, уже в то время монастырские власти рассматривали это здание как памятник, и создали там своеобразный музей.

Сразу по окончании реставрационных работ Ф. Ф. Рихтера, «Царские чертоги» были переданы в ведение Московской дворцовой конторы. С 1863 г. в них открылся музей Дома Романовых [11, с. 113], который напрямую финансировался из государственных средств, и в экспозиции которого были представлены, в том числе реликвии основателя царствующей династии, присланные на хранение в монастырь Николаем I. Как сообщало Правление Ипатьевского монастыря, «Дворец Царя Михаила Феодоровича в настоящее время составляет предмет исторической древности... и посещается оный разными лицами Российской Империи, особенно в летнее время, когда способствует путешествию река Волга». Смотрителями музея, как правило, назначались отставные унтерофицеры [11, с. 113–114].

Позднее, в 1907 г. Московская дворцовая контора выступила с инициативой вновь передать Палаты в ведение Ипатьевского монастыря. При этом предполагалось упразднить должность смотрителя «Царских чертогов», а его годовое жалование – 300 рублей, выдавать монастырю, «возмещение расходов по ремонту и содержанию покоев в чистоте, с условием, чтобы в будущем никаких ассигнований из средств Министерства Императорского Двора на этот предмет не испрашивалось». Однако Монастырское правление категорически возражало против такой передачи на том основании, что Палатам требовался сторож «безупречно трезвый, всегда исправный и способный объяснить,

какое имеет значение означенная колыбель Дома Романовых в истории». Из монастырских же средств обитель такого человека содержать не могла ввиду скудости казны [11, с. 114].

Император Александр III также дважды посетил свою родовую святыню: первый раз, в августе 1866 г., в качестве наследника-цесаревича, второй раз – в 1881 г., уже будучи императором. Вместе с ним приезжал в обитель его сын, наследник-цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II [5, с. 117–118; 9, с. 82–83].

Наиболее торжественным и пышным было посещение монастыря в мае 1913 г. последним российским государем Николаем II, который прибыл в Кострому в дни празднования 300-летнего юбилея Династии Романовых.

У стен Ипатьевского монастыря, перед Зеленой башней императора с семьей встречали правопреемники и потомки знаменитого Великого посольства Земского собора 1613 г. В их числе были епископ Рязанский, наместник кремлевского Чудова монастыря, келарь Свято-Троицкой Сергиевой лавры, архимандрит Новоспасского монастыря, протоиереи Архангельского и Благовещенского собора Московского Кремля, протоиереи Никольского собора г. Зарайска, обер-егермейстер граф С. Д. Шереметев, сенатор В. Я. Бахтеяров, камергер М. Н. Головин и другие. Вновь, как и 300 лет назад, из г. Костромы вышел крестный ход, во главе которого находилась чудотворная икона Феодоровской Божией Матери, святая покровительница царского Дома Романовых [4, с. 51–58].

Накануне визита императора Николая II в Кострому, в 1910–1912 гг., группой специалистов во главе с архитектором Д. В. Милеевым были осуществлены масштабные реставрационные работы в Троицком соборе Ипатьевского монастыря [2, с. 42]. Их деятельность по сохранению

стенописи в этом храме можно уже в полной мере назвать научной. Именно они явились прямыми предшественниками тех реставраторов, которые проводили работы по восстановлению стенописи Троицкого собора в 50–60-х гг. XX в. К приезду императора Николая II, в 1912 г., здание Палат бояр Романовых вновь было передано в ведение монастыря. В нем разместилось Древнехранилище костромского церковно-исторического общества. В его экспозиции были представлены старинные иконы, богослужебные предметы и другие вещи, имеющие большую художественную и историческую ценность [6, с. 42].

Таким образом, на протяжении XVII – нач. XX вв. сохранялась тесная связь Ипатьевской обители с царствующим в России Домом Романовых. Никакие исторические перемены не могли прервать этой традиции, даже упразднение монастыря в 1744 году. Сразу после возобновления деятельности монашеской общины в 1835 году, возродилась и существовавшая в XVI–XVII вв. традиция общих братских трапез, посвященных значительным событиям в жизни царствующего Дома. Так, в 1851 г. монастырское Правление обращалось к архиерею с просьбой разрешить приобретение для братского стола, посвященного тезоименитству императора Николая I следующих продуктов: «1 пуд 10 ф. свежей рыбы, полведра полугарного вина и бутылка белаго». В том же году аналогичный набор продуктов был закуплен монастырем для братского обеда по случаю годовщины восшествия этого императора на престол [11, с. 128].

Визит на Костромскую землю императора Николая II являлся своеобразным апогеем почитания Ипатьевского монастыря как колыбели Дома Романовых представителями царствующей фамилии [4, с. 45–69]. Кроме того, он был последним. Всего через 4 года, в связи с крушением монархии, данная традиция прервалась.

Рис. 1. Феодоровская икона
Божией Матери

Рис. 2. Царское место в Троицком соборе
Ипатьевского монастыря

Рис. 3. Прибытие в Кострому императора Николая II

Революция 1917 г. положила конец более чем 300-летнему пребыванию династии Романовых на российском престоле. Пришедшее к власти большевистское правительство в 1918 году закрывает Ипатьевский монастырь. С 20-х и до начала 60-х гг. XX в. в монастырских постройках размещались квартиры рабочих текстильных предприятий г. Костромы.

В 1992 году возобновила свою деятельность монашеская община Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря.

К началу 1990 г. относится и возрождение традиции посещения г. Костромы и Ипатьевского монастыря потомками царского и императорского Дома Романовых, проживающими за границей. 28 мая 1993 г. состоялся визит в обитель Главы Русского императорского Дома великой княгини Марии Владимировны со своей матерью Леонидой Георгиевной и сыном великим князем Георгием [8, с. 1; 16, с. 1]. Здесь они участвовали в торжественном богослужении в Троицком соборе, осмотрели музейные экспозиции в Свечном корпусе и Палатах бояр Романовых. Этот визит открыл целую серию посещений г. Костромы и Ипатьевского монастыря другими потомками царствовавшего рода.

В том же 1993 году Кострому и Ипатьевский монастырь впервые в истории обители посетил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Его приезд на Костромскую землю был связан с широко отмечавшимся тогда в России, и особенно в Костроме, 380-летием Дома Романовых. Последующие визиты Предстоятеля Русской Православной церкви в обитель святого Ипатия состоялись в 1994 и 2002 гг. [17, с. 1, 3; 18, с. 1–2].

Возродилась и традиция посещения монастыря высшими руководителями страны. В период с конца 90-х годов по настоящее время его посетили Президенты Российской Федерации Б. Н. Ельцин (1998), В. В. Путин (2005), Д. А. Медведев (2008).

Таким образом, на протяжении вот уже почти 400 лет, с момента призвания в его стенах на царский престол Михаила Федоровича Романова, Ипатьевский монастырь, оставаясь одной из величайших православных святынь, в то же время является мемориальным комплексом – хранителем памяти о славных деяниях предков и выдающихся событиях в истории Российской государственности. Мы надеемся, что это высокое предназначение он сохранит и в будущем.

Библиографический список

1. Баженов И. Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк. – Кострома, 1909.
2. Брюсова В. Г. Ипатьевский монастырь. – М., 1982.
3. Васильев Л. Церковь Рождества Богородицы Ипатьевского монастыря // Светоч / Издание Костромской епархии. – Кострома, 1996.
4. Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. – Кострома, 1914.
5. Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующаго императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. – Кострома, 1859. (Репринтное издание 1993 г.).
6. Каталог церковных и других предметов древности, находящихся в древнехранилище Костромского Церковно-Исторического общества в покоях Михаила Федоровича Романова, что в Ипатьевском монастыре. – Кострома, 1914.
7. Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М., 1840.
8. Костромской край (Газета областного совета народных депутатов) – 1993, 29 мая.
9. Островский П. Историко-статистическое описание костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870.
10. Подлипский П. Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым

посольством Московским на царство Русское. – М., 1832.

11. *Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. – М., 2003.

12. *Румянцева О.* Реставрация Ипатьевской обители // Светоч / Издание Костромской епархии. – Кострома, 1996.

13. Русский биографический словарь. «Гааг-Гербель». – М., 1914.

14. *Самарянов В. А.* Палаты бояр Романовых или дворец царя Михаила Феодоровича в костромском кафедральном 1-го кл. Ипатьевском монастыре. – Рязань, 1892.

15. *Самарянов В. А.* Памятная книга для Костромской епархии. – Кострома, 1868.

16. Северная правда. Костромская областная независимая общественно-политическая газета. – Кострома. 1993, 1 июня.

17. Северная правда – 1994, 27 июля.

18. Северная правда – 2002, 3 сентября.

19. Сказание Авраамия Палицына. – М.; Л., 1955.

20. *Скворцов Л.* Материалы для истории г. Костромы. Ч. 1. – Кострома, 1913.

21. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Л., 1985.

22. Собрание государственных грамот и договоров хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. – М., 1822.

23. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л., 1987.

24. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. – М., 1990.

25. *Уткин С. А.* Из истории реставрации Палат бояр Романовых в Ипатьевском монастыре в XIX в. // Забытый зодчий Ф. Ф. Рихтер. К 190-летию со дня рождения (Труды ГИМ. Вып. 117). М., 2000.

УДК 726

ББК 79.0

Ушанова Ю. А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРИОД КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКОВ

Аннотация. На протяжении веков архитектурный облик Ипатьевской обители неоднократно менялся, монастырские здания были подвержены многочисленным перестройкам. Для истории становления архитектурного ансамбля столь знаменитого монастыря было бы, безусловно, значимо создание исторических реконструкций его облика в различные эпохи его бытия.

Ключевые слова: Ипатьевский монастырь, обитель, комплекс, собор, башни, галерея.

Ипатьевский монастырь это не только самая древняя обитель в Костромском крае и Поволжье, но и одна из древнейших, сохранившихся до настоящего времени в Российском государстве, а также одна из наиболее знаменитых в России и далеко за ее пределами. История Ипатьевского монастыря неразрывно связана с историей двух царских династий – Годуновых и Романовых.

Наша работа посвящена короткому по времени, но многозначительному периоду становления архитектурного ансамбля

Ипатьевского монастыря в конце XVI – начале XVII веков. Данный период в истории обители носит условное название «годуновский период». Он характеризуется, прежде всего, значительным увеличением благосостояния монастыря за счет вкладов представителей рода Годуновых, царя Федора Иоанновича и его супруги Ирины Федоровны (Годуновой). Именно столь высокое покровительство позволило начать в монастыре каменное строительство, и за довольно короткий период все деревянные строения были заменены

Рис. 1. Современный вид Ипатьевского монастыря. Аэросъемка

каменными. В конце этого периода стенах Ипатьевской обители свершилось событие огромной политической важности для истории России. Здесь 13 марта 1613 года состоялся акт призвания на русский царский престол молодого московского боярина Михаила Федоровича Романова, основателя новой царской династии Романовых. В «годуновском» Троицком соборе он принял верительные грамоты Земского собора из рук Московского посольства. С 1613 года Ипатьевская обитель получает нового покровителя – царский род Романовых, для монастыря начинается новый исторический период

Главная задача нашей работы – представить архитектурный ансамбль Ипатьевского монастыря в архитектурно-планировочном решении (генплан территории) и объемно-пространственном виде (макет монастыря) в период смены его высочайших покровителей – царских династий Годуновых и Романовых.

По преданию, Ипатьевский монастырь основал татарский мурза Чет (в православном крещении Захария) на рубеже XIII–XIV веков. Захария стал родоначальником боярской династии Годуновых. Первоначально все монастырские строения были деревянными. Исключительно благодаря покровительству Году-

новых была сформирована главная планировочная структура каменного монастырского ансамбля, на основе которой он развивался в последующие столетия вплоть до начала XX века.

Монастырские здания за период существования обители были подвержены неоднократным перестройкам, поэтому первоначальный вид каменной годуновской обители не сохранился. Благодаря архивным документам^[3], библиографическим¹ и визуальным источникам² XVII–XIX веков, а также материалам научной реставрации Ипатьевского монастыря 1960–1980-х годов³ и археологическим раскопкам 2009 года на месте разрушенного храма Рождества Пресвятой Богородицы⁴ стало возможным воссоздание облика монастыря годуновского периода.

В процессе работы с архивными и библиографическими источниками была разработана таблица для систематизации информации по строительству каменных монастырских зданий и сооружений. Данная таблица помогла избежать многих неточностей и даже ошибок в определении названий зданий, их архитектурных особенностей и назначения.

Самым ранним источником по истории Ипатьевского монастыря являются Переписные книги 1595 года, опубликованные

М. Соколовым в 1892 году⁵. Огромный интерес для раскрытия наших задач представляет миниатюра из «Книги об избрании на царство на превысочайший престол великаго российского царствия Великаго Государя и Великаго Князя Михаила Федоровича всея великия России Самодержца. 1673 год», на которой изображена сцена встречи Михаилом Романовым и старицей Марфой Московского посольства у Святых ворот Ипатьевского монастыря. Некоторые исследователи истории Ипатьевского монастыря рассматривают рисунок «Вид Костромского Ипатьевского монастыря в 1613 году»⁶, как источник по истории архитектурного ансамбля монастыря. Наши исследования показали, что к данному источнику надо относиться более чем критически.

За короткое время, предоставленное для доклада, невозможно дать характеристику всем использованным источникам.

Таким образом, на основе проведенных исследований разработан генплан территории Ипатьевского монастыря на конец XVI – начало XVII веков, выполнены эскизные проекты лицевых фасадов части монастырских зданий, выполнен макет Ипатьевского монастыря на исследуемый период.

Территория монастыря в конце XVI – начале XVII веков была почти в два раза меньше его современной территории. С первой половины XIX века первоначальная монастырская территория именуется Старым городом. Она имеет форму неправильного пятиугольника. В центре ансамбля размещалась главная монастырская площадь с собором и звонницей. По периметру располагались административные, жилые и хозяйственные корпуса. В исследуемый исторический период, как правило, не существовало традиции выполнения вертикальной планировки зас-

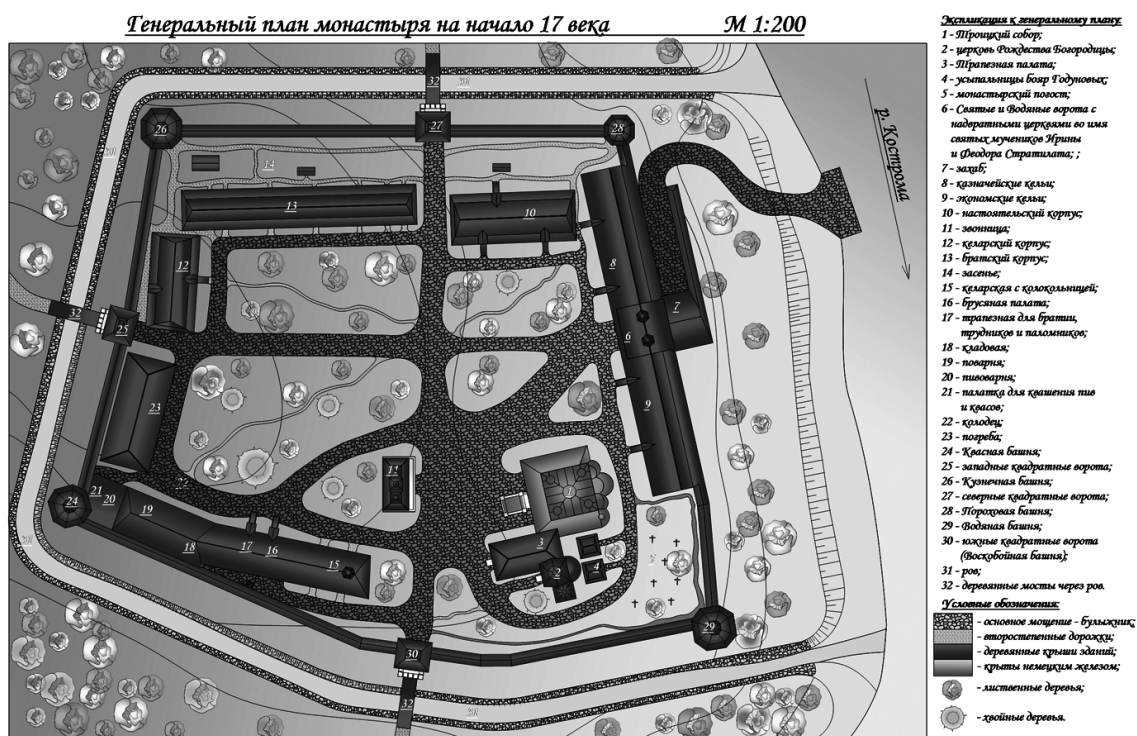

Рис. 2. Генеральный план Ипатьевского монастыря на начало XVII века

траиваемых участков. Все здания и сооружения вписывались в естественный рельеф природного окружения.

Перейдем к характеристикам строения Ипатьевского монастыря.

Храмовый комплекс

Троицкий собор

Троицкий собор, возведенный около 1560 года, являлся главным и самым ранним каменным сооружением в архитектурном ансамбле Ипатьевского монастыря. Он был разрушен в 1649 году взрывом пороха, хранившегося в его подклете.

Размеры четверика собора 4 сажени в длину и 5 сажени в ширину, что соответствует 8,5x10 метрам. По сохранившимся до наших дней медным с золотой наводкой дверям первого каменного Троицкого собора можно примерно рассчитать высоту и ширину входных порталов и галерей.

При исследовании архивных и библиографических источников стало известно следующее:

- собор был каменный, двустолпный, на подклете, «о пяти верхах, крытых немецким железом» в 1595 году;
- собор имел позакומרное (по три килевидных закомары на каждую стену) покрытие с киотами, расписанными в 1595–1596 годах;
- купола собора венчали золоченые кресты на золоченых яблоках;
- четверик окружали с трех сторон

каменные галереи (северная и западная открытые, южная крытая), как и собор, галереи были покрыты белым немецким железом;

– собор имел придел во имя Святого Апостола Филиппа и Священномученика Ипатия Гангрского;

Полагаем, что в Троицком соборе была необходимость в отдельном помещении для ризницы, которая для удобства пользования в процессе богослужения располагалась рядом с главным алтарем, а именно с дьякоником, и приделом и, то есть в южной крытой галерее собора;

Несомненно, по архитектурному стилю Троицкий собор принадлежал к «годуновской» архитектурной школе.

Местоположение первого каменного Троицкого собора удалось уточнить в процессе работ по укреплению фундаментов современного Троицкого Собора в 1999–2001 годах и прокладке каналов для новой калориферной системы⁷. При земляных работах в подклете собора были обнаружены остатки фундаментов годуновского собора, причем северо-западный угол четверика.

Таким образом, полученная информация позволила провести сравнительный анализ всех храмовых сооружений, возведенных на средства Годуновых в середине XVI века, подобрать архитектурные аналоги по стилю и времени строительства. За аналоги приняты церкви годуновских усадеб – церковь Богоявления (1592 г.) в селе

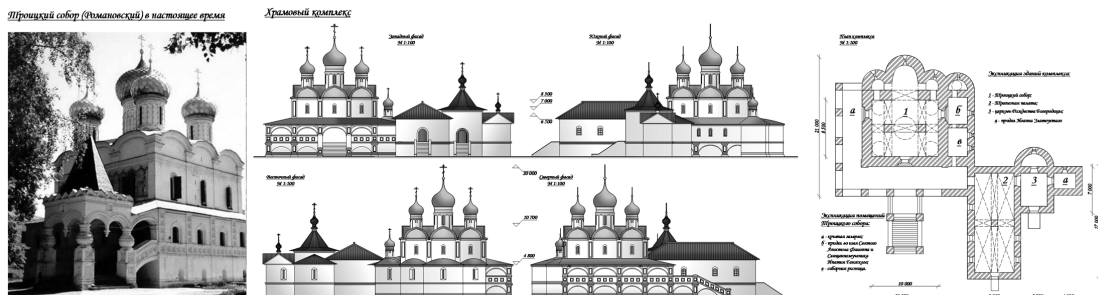

Рис. 3. Храмовый комплекс

Красном-на-Волге Костромской области, церковь Преображения Господня в селе Большие Вяземы (кон. XVI в.) Московской области, Собор Архангела Михаила в Московском кремле (кон. XVI в.), Спасо-Преображенский собор (нач. XVI в.) в Ярославле, церковь Святой Троицы в Хорошеве (1598 год, мастер Федор Конь) в Москве.

Трапезная палата

Построена около 1559 года. Располагалась южнее Троицкого собора. Была каменной одностолпной постройкой длиной в 8 сажений – почти 17 метров. Её расположение рядом с соборным храмом и удаленность от поварни говорят о том, что это была праздничная трапезная, а не повседневная.

За аналоги трапезной палаты нами приняты близкие по архитектурным особенностям палаты Пафнутьево-Боровского монастыря (1511 г.) в г. Боровске Калужской области и Макарьевского монастыря (1525–1530 гг.) в Калязине.

Церковь Рождества Богородицы

Была пристроена к трапезной палате в 1564 году. Одно время называлась «трапезной церковью». Про эту церковь известно крайне мало. В исследованных источниках сказано, что это была теплая церковь на подклетах, с приделом во имя святителя Иоанна Златоуста, с шатровым завершением. Так как ни один источник не сообщает, что церковь была, как и собор покрыта железом, полагаем, что кровля церкви была деревянной.

Из «Переписных книг Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года» известен состав и размеры икон иконостаса церкви Рождества Богородицы. Именно по размерам икон иконостаса мы рассчитали вероятный размер самой церкви. Размеры иконостаса: 3 метра 80 см в ширину и 5 метров 63 см в высоту. Следовательно,

но, ширина четверика церкви около 4-х метров, а высота около 6 метров. Столь незначительные размеры четверика позволяли устроить только одну алтарную апсиду. Размеры придела Иоанна Златоуста: в ширину 3 метра 30 см, в высоту 5 метров 30 см. В «Писцовой книге г. Костромы 1627/28 г. – 1629/30 гг.» [3] здания монастыря описаны в следующей последовательности: сначала идет описание Троицкого Собора, как главного храма монастыря, затем идет описание трапезной палаты. Хотя традиционно в первую очередь принято описывать монастырские храмы и по принятым правилам должно следовать описание церкви Рождества Богородицы. Еще один интересный факт стал известен из «Переписных книг Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года». Источник сообщает, что в трапезной палате было два клироса – левый и правый. Напоминаем, что церковь Рождества Богородицы и трапезная палата находились в одной связи. Из выше изложенного можно сделать вывод, что из галереи Троицкого собора писец попадал прежде в трапезную палату, описывал её, а только потом переходил в церковь Рождества Богородицы. То есть все три постройки находились в одной связи.

Усыпальницы бояр Годуновых

Известно, что на территории Ипатьевского монастыря существовало три усыпальницы рода Годуновых. Одна из них, самая поздняя, находилась в подклете Троицкого Собора, две другие, более ранние, были устроены в непосредственной близости от апсиды церкви Рождества Богородицы. В одной усыпальнице было захоронено 21, в другой 16 представителей рода Годуновых. Описаний архитектурных особенностей первых двух усыпальниц не сохранилось. За стилистический аналог предлагаем принять гробовую палату, в которой погре-

бены останки семьи царя Бориса Годунова, на территории Троицкой Сергиевой Лавры. Палатки-усыпальницы были упразднены в 60-е годы XVIII века при возведении новой церкви Рождества Богородицы.

Монастырский погост

В юго-восточной части монастыря, за Троицким собором, располагался монастырский погост.

Святые и Водяные ворота с надвратными церквями во имя святых мучеников Феодора Стратилата и Ирины.

В 1586 году начинается строительство Святых и Водяных ворот и каменной ограды вокруг монастыря. Святые ворота были главным входом в монастырь. Перед ними было устроено наружное дополнительное укрепление в форме коленчатого коридора – захаба, остатки которого были обнаружены в ходе работ по благоустройству архиерейского сада в 2003 году, зафиксированы на чертежах и представлены в статье археолога С. А. Кабатова «Захаб свя-

тых ворот Ипатьевского монастыря» [2]. Над Святыми воротами в 1595–1597 годах был выстроен двухшатровый храм во имя святых мучеников Феодора Стратилата и Ирины – соименных святых царя Федора Иоанновича (Рюриковича) и царицы Ирины (Годуновой). За стилистический аналог предлагаем принять Святые ворота Ферапонтова монастыря (XVI век). Основанием для принятия этой версии является графический рисунок Л.С. Васильева, опубликованный в его статье «Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк» [1].

Экономские и казначейские корпуса

К Святым воротам с северной и южной сторон примыкали экономские и казначейские корпуса. Известно, что за крепостной стеной уже в начале века были постройки, это видно на лицевой миниатюре «Встреча Московского посольства Михаилом Федоровичем Романовым у Святых ворот Ипатьевского монастыря» из «Книги об избрании на царство на превысочайший престол

Рис. 4. Святые ворота Ферапонтова монастыря (XVI в.)

великаго российского царствия Великаго Государя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея великия России Самородержца. 1673 год». Но в XVIII веке эти здания были разобраны до основания. До нас дошла лишь одна ячейка в перестроенных казначейских кельях, датированная концом XVI века. По её аналогу мы смогли воссоздать первые этажи корпусов на сохранившихся фундаментах, так как строителям того времени был присущ рационализм, то есть новые здания в основном возводились на фундаментах разобранных строений. Исходя из этого, местоположения корпусов не должны были кардинально измениться. Так как корпуса функционировали не только как административные, но и как жилые постройки, традиционно первые этажи были каменными, вторые, жилые, этажи возводились деревянными с галереями, лестницами и крылечками, столь характерными для второй половины XVI века.

Настоятельский корпус

Точная датировка возведения этого корпуса отсутствует в архивных и библиографических источниках. Известно, что корпус находился на том же месте, что и современный настоятельский корпус. Корпус неоднократно горел, но вновь отстраивался. Но как было уже сказано ранее, его фундамент вряд ли сильно изменился в плане. На плане корпуса в настоящее время четко прослеживаются две одинаковые ячейки. Именно они и взяты за основу для его дальнейшей реконструкции. Второй жилой этаж первоначально был деревянным по аналогии с братским корпусом.

Звонница

Построена в 1603–1604 годах. Это одно из наиболее совершенных архитектурных сооружений монастыря. Звонница построена по схеме уже знакомой нам по годуновской усадьбе Большие Вяземы.

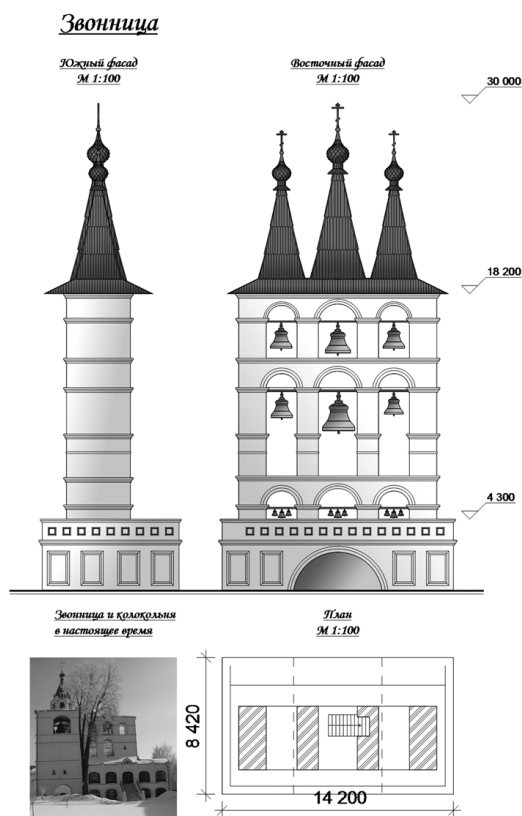

Рис. 5. Звонница

И здесь и там зодчими использован один и тот же мотив многопролетной аркады в трехъярусном прямоугольном блоке. Главный объем звонницы окружала открытая галерея, с которой звонил звонарь. Существование галереи вокруг звонницы также подтвердили археологические раскопки, проведенные в 2009 году ООО «Анклав» (Кострома).

Келарские кельи

С начала XVII века келарские кельи именуются как Палаты бояр Романовых в память о проживании в них в 1613 и 1619 годах Михаила Романова и его матушки старицы Марфы Романовой. Первоначальная дата возведения этой постройки неизвестна. Известно, что она была двухэтажной, второй этаж был деревянным в восемь оконных осей, с одной лестницей

на второй этаж и одним крыльцом на первом этаже.

Братский корпус

Находился к северу от соборной площади и предназначался для проживания монастырской братии. Согласно Переписным книгам 1595 года, в 1560 году в обители находилось 25 келий, где жило 70 старцев (монахов и послушников). Характерная особенность архитектуры братского корпуса: сравнительно большой размер, простота и скромность декоративного оформления. Перекрытия были сводчатыми, каждое помещение по фасаду здания выделялось промежуточными лопатками. Все кельи имели отдельный вход со стороны соборной площади и дополнительный выход в засенье (пространство между кельями и крепостной стеной). Помещение делилось на сени (прихожую) и жилую часть (собственно келью). Деревянные вторые этажи тоже имели отдельные входы с двух сторон через галереи, с которых можно было спуститься по деревянным лестницам.

Комплекс Черного (хозяйственного) двора

Келарская с колокольницей

Да наших дней дошли лишь краткие описания этого корпуса. Известно, что это было двухъярусное здание с шатровой колокольницей. Находилось оно на месте современного Свечного корпуса.

К келарской примыкал целый ряд построек:

Брусяная палата

Трапезная палата для высокопоставленных лиц. Двухэтажная постройка, с отдельной деревянной лестницей на второй этаж.

Трапезная для братии, трудников и паломников

Двухэтажная постройка. Первый этаж для трудников и паломников. Второй этаж для братии.

Кладовая палата

Помещение для хранения сухих продуктов, располагается рядом с поварней. Сохранилась до настоящего времени.

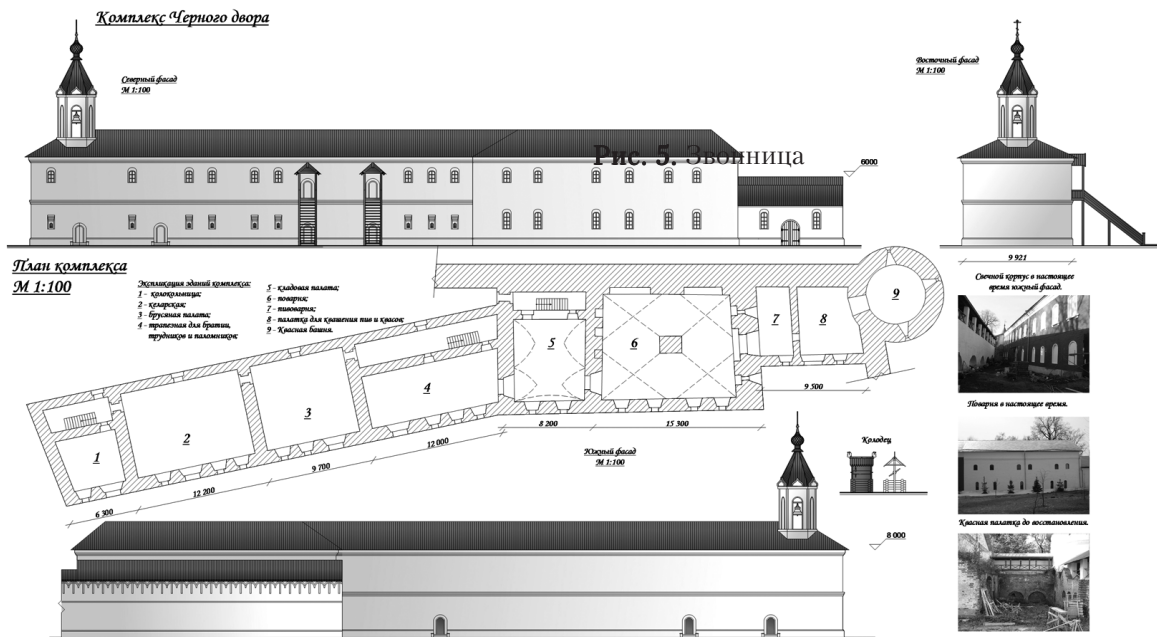

Рис. 6. Комплекс Черного (хозяйственного) двора

Поварня

Одностолпная двухэтажная постройка. Сейчас перекрытий между первым и вторым этажом не существует, но в начале XVII века они явно присутствовали. Сохранилась до настоящего времени.

Пивоварня, палатка для квашения пив и квасов

Небольшие помещения располагались между квасной башней и поварней.

Все перечисленные здания Черного двора располагались в одну связь, то есть были единым комплексом.

Колодец

При Черном дворе, близ поварни существовал деревянный колодец глубиной в 6 сажень (12,5 метров).

Погреба

В 1586–1593 годах у западной стены Старого города было выстроено здание погребов с тремя вместительными ямами-погребами. Первоначально это одноэтажная постройка с тесовой кровлей. Очевидно, что первое каменное здание погреба не примыкало к пряслу западной крепостной стены. Это видно из фотографий крепостной стены, сделанных в 1950-е годы

во время комплексной реставрации монастыря. Надстроены и перестроены (соединены с крепостной стеной) погреба были в 1732 году.

Башни и ограда

В 1586 году монастырь был обнесен каменной крепостной стеной. Их протяженность составляла 243 сажени (518 метров). Восточная стена располагается вдоль береговой линии реки Костромы, южная – реки Игуменки, впадающей в реку Кострому. Стены стоят на мощном фундаменте (уходящем на несколько метров в глубь земли) из валунов, скрепленных известковым раствором. Их высота первоначально составляла около 6 метров, а толщина – 2 метра 10 см. Стены были выложены из двух рядов кирпичной кладки, пространство между которыми заполнено бутом. Стены делились на 2 яруса. В верхнем ярусе находилась галерея боевого хода, вдоль которой равномерно располагались щелевидные бойницы и смотровые окна. Между ярусами бойниц находились варовые щели, позволявшие защитникам монастыря лить на противника горячий «вар», т. е. смолу или кипятком непосредственно с галереи боевого хода.

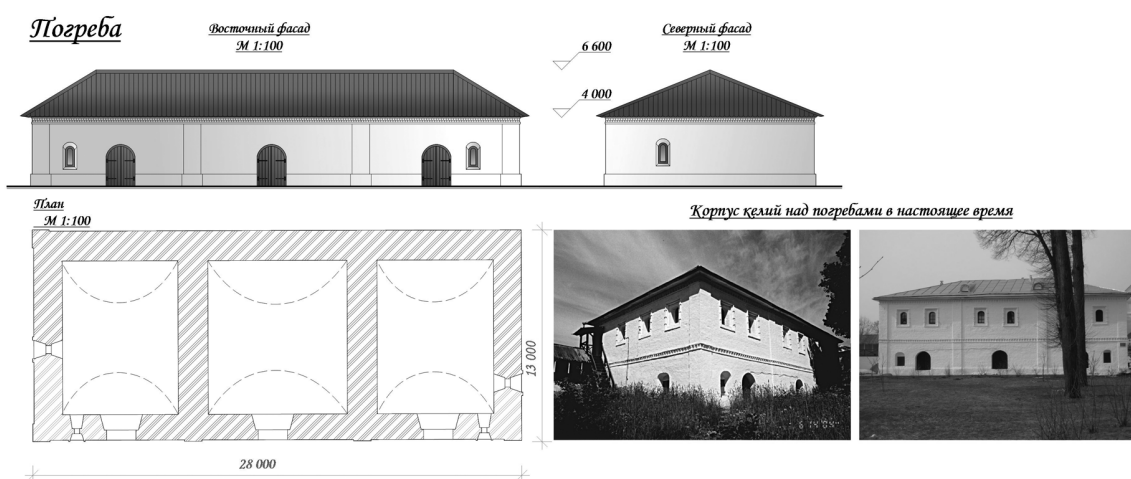

Рис. 7. Погреба

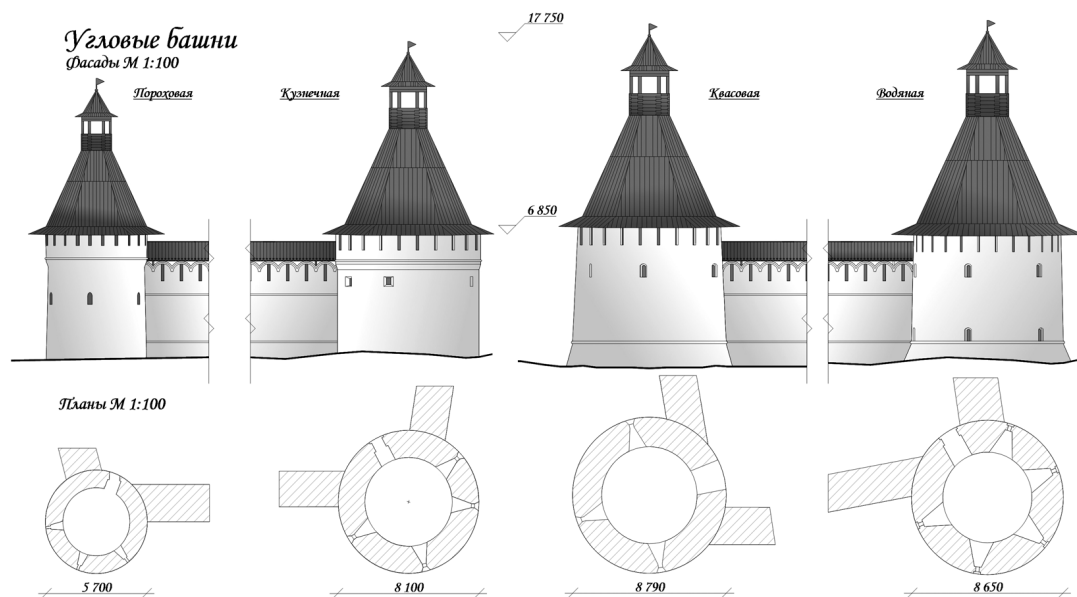

Рис. 8. Угловые башни

С четырех сторон крепостная стена фланкировалась круглыми башнями. Башни имели собственные названия. Северо-восточная именовалась Пороховой, т.к. в ней, вероятно, хранился запас пороха. Юго-восточная – Водяной, возможно потому, что рядом с ней находились ворота или потому, что она стояла недалеко от берега реки Костромы. Но существует предание, что из этой башни в сторону реки Костромы шел подземный ход, через который, в случае осады защитники обители могли пополнять запасы воды. Юго-западная башня именовалась Квасной, т.к. рядом с ней находилась квасоваренная палата. Северо-западная – Кузнечная, потому что рядом с ней размещалась монастырская кузница.

В 1621 году крепостные стены и башни были надстроены без изменения прежнего плана. Об этом свидетельствуют не только библиографические источники, но и сделанные при комплексной реставрации монастыря в 1960-х годах фотогра-

фии, на которых отчетливо видны прежние контуры стен и башен.

В монастырь вели пятеро ворот. Двое в восточной стене: Святые и Водяные. Южные ворота монастыря защищала мощная квадратная башня, именуемая Воскобойной. Западные и северные, вероятно, тоже располагались в квадратных башнях, аналогичных Воскобойной. Снаружи ворота монастыря прикрывались каменными «захабами», т.е. были обнесены невысокой каменной стеной с дополнительными воротами. Об этом свидетельствуют остатки сооружения перед Воскобойной башней. От ворот квадратных башен через ров проходили деревянные мосты на каменных столбах.

Ров

В мае 1609 года около всего монастыря по северной, западной и южной стороне монастыря выкопали ров глубиной в шесть аршин, укрепленный камнем. Он был заполнен водой и шел до самой реки Костромы.

Таким образом, монастырь был превращен в хорошо укрепленный фортификационный объект на подступах к городу Костроме.

Так выглядел Ипатьевский монастырь в начале XVII века. На протяжении веков архитектурный облик обители неоднократно менялся, монастырские здания были подвержены многочисленным перестройкам, которые происходили во время правления царской династии Романовых, считавших Ипатьевский монастырь «колыбелью» своего рода.

Для истории становления архитектурного ансамбля столь знаменитого монастыря было бы, безусловно, значимо создание исторических реконструкций его обликов в последующие периоды: вторая половина XVII – середина XVIII веков, вторая половина XVIII – середина XIX веков, вторая половина XIX – начало XX веков.

Примечания

¹ Павел (Подлипский), епископ. Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на царство Русское. – М., 1832.; Диев М. Я. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. – М., 1858.; Островский П. Ф., протоиерей. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870.; Баженов И. В. Костромской Ипатьевский монастырь. Ис-

торико-археологический очерк. – Кострома, 1909.

² Миниатюра – хранится в государственном музее-заповеднике «Московский Кремль» Рисунок хранится в собрании Костромского музея-заповедника. Фотографии первой научной реставрации Ипатьевского монастыря 1910–1913 гг. – хранятся в научном архиве Института материальной культуры РАН (СПб.)

³ Материалы реставрации хранятся в научном архиве ГУП «Костромареставрация».

⁴ Отчет по археологическим раскопкам хранится в департаменте государственного имущества и культурного наследия Костромской области.

⁵ Собрание Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

⁶ Информация предоставлена О. С. Куколевской, работавшей в 1999–2001 гг. заместителем генерального директора по научной работе в Костромском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь».

Библиографический список

1. Васильев Л. С. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк // Краеведческие записки. Вып. I. – Ярославль, 1973.

2. Кабатов С. А. Захаб святых ворот Ипатьевского монастыря // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. – Кострома, 2008.

3. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 г. – 1629/30 гг. / сост.: Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. – Кострома, 2004.

РЯЗДБА III

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА. ВЗАИМНЫЙ ДИАЛОГ

УДК 726

Аврітов Ю. И.

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Аннотация. В статье автор указывает на причины деформации и разрушения памятников архитектуры, акцентируя свое исследование на причинах разрушения памятников церковной архитектуры Ярославской области «романовского периода».

Ключевые слова: архитектура, церковь, грунт, стены, шпиль.

Для того, чтобы верно оценить техническое состояние памятника архитектуры, верно определить мероприятия по его консервации и реставрации, нужно суметь разобраться в причинах деформаций и разрушений памятников. Некоторые причины деформаций действуют медленно и незаметно, вызывая в частях зданий незначительные изменения, такие, как действие силы тяжести, вызывающей равномерные осадки здания, происходящие в результате сжатия грунта, и затухающие со временем. При всей неизбежности осадок зданий, они безвредны для построек, если при их возведении не были допущены ошибки.

Медленно и незаметно оказывают воздействия на памятники архитектуры ветры и солнечный свет, вызывая незначительный перекося и искривления деревянных или металлических верхних частей зданий, изменения цвета древесины, темнеющего от солнца, выцветание красок на фасадах, потемнение оконного стекла. Указанные изменения не представляют опасности для памятников архитектуры.

Вред фасадам городских построек наносит находящаяся в воздухе пыль, загрязняющая фасады. В промышленных центрах, где атмосфера загрязнена сернистыми газами и окисью углерода, наблюдается разрушение (деструкция) поверхности камня и штукатурки газами, действующими совместно с атмосферной влагой. Ярославская церковь Иоанна Предтечи, что в Толчковской слободе, после сноса зимнего Вознесенского храма и строительства лакокрасочного завода на месте снесенного храма, оказалась в непосредственной близости от заводских цехов, выбрасывающих в атмосферу химические вещества – переработанные продукты химического производства. Выбросы производства, прошедшие предусмотренную нормами очистку, тем не менее, оказывают разрушительное действие на росписи церкви Иоанна Предтечи, выполненные в 1694 году бригадой ярославских живописцев (специалистами подсчитано, что по числу стенописных сюжетов, церковь Иоанна Предтечи – первая в христианском мире). В результате

соприкосновения газов и конденсата с красочным слоем на стенах и сводах возникают споры черной плесени, которые прорастают в живописный красочный слой и разрушают его. В 70-е годы XX столетия рассматривался вопрос о включении церкви Иоанна Предтечи в Толчкове в Список Всемирного наследия. Однако эксперты ЮНЕСКО, изучившие документы, выезжавшие на место, не поддержали это предложение из-за близости цехов лакокрасочного завода и предложили вынести химическое производство на безопасное расстояние.

Силами ярославских художников-реставраторов монументальной живописи (Е. А. Чижов) разработана методика реставрации монументальной живописи церкви Иоанна Предтечи, позволяющая нейтрализовать «черную плесень». Указанные работы требуется проводить ежегодно. Только в этом случае росписи храма удастся сохранить от разрушения (рис. 1).

Пагубно влияет на сохранность памятников влага. От действия дождя и снега ржавеют и приходят в негодность железные кровли. Металлические конструкции, заделанные в каменную или кирпичную кладку (оконные решетки, связи, сердечники колонн), при наличии в кладке дефектов, способствующих скоплению влаги в заделках, также ржавеют. Увеличиваясь в объеме при ржавлении, металлические конструкции начинают ещё более разрушать кладку, что проявляется в раскрытии швов и трещин. Так, автору статьи пришлось наблюдать разрушение кирпичной кладки в местах заделки железных связей колокольни Спасо-Преображенского собора в городе Рыбинске. Подверженные коррозии, детали связей увеличивались в объеме, провоцируя раскрытие трещин и дальнейшее проникновение влаги в образовавшиеся неплотности. В ходе реставрации поверхность связей была тщательно очищена от коррозии, а разру-

Рис. 1. Церковь Иоанна Предтечи (XVII в.) в окружении цехов химического завода

шенные участки штукатурки и кирпича были отремонтированы известковым раствором, в состав которого добавлен древесный уголь, имеющий свойства оттягивать (адсорбировать) влагу.

Дождевая вода сама по себе не причиняет вреда поверхности камня, хотя в течение длительного времени смывает верхние слои камня на ничтожную величину. Однако действуя одновременно с низкой температурой, дождевая вода производит значительные разрушения. В местностях с резкими колебаниями высокой дневной и низкой ночной температур можно наблюдать появление мелких трещин на наружной поверхности стен каменных зданий и их облицовке, вызываемых различными коэффициентами температурного расширения кирпичной кладки, майолики, черепицы.

Проникая в трещины, швы и поры, замерзая там и увеличиваясь в объеме, вода раздвигает отдельные камни, или разрывает их на части. Такие разрушения происходят наиболее интенсивно в постройках с открытыми сверху горизонтальными поверхностями кладки. Так, открытые

остатки стен древних строений Угличского кремля, расположенные у стен Спасо-Преображенского собора, разрушались под воздействием замерзающей влаги. В результате разрушения твердый кирпич превратился в сыпучий материал. Процесс разрушения кладки удалось приостановить после устройства на горизонтальной поверхности стен цементно-песчаной стяжки, защитившей кирпич от воздействий атмосферной влаги.

Высокий уровень грунтовых вод представляет опасность для зданий, так как строительные материалы, будучи пропитанные водой, теряют свою прочность и разрушаются под воздействием нагрузки. Опасен «капиллярный подсос» грунтовых вод в материал кладки. Вода, пропитавшая кладку и замерзая, разрывает её, поверхность кладки осыпается, образывая «шейку», поперечное сечение несущих стен сокращается, усилия, возникающие от нагрузки, возрастают, приводя к потере прочности материала.

Одной из первостепенных и низкокзатратных мер, направленных на борьбу с подсосом грунтовой влаги, является организация оттока поверхностных (дождевых) вод путём создания отмосток из дискретных материалов, обеспечивающих отведение поверхностных вод и аэрацию фундаментов.

Отзывается на состоянии подземных частей зданий (фундаментов) искусственное изменение уровня грунтовых вод – его поднятие или понижение. Для каменных подземных частей зданий опасно первое, так как высокий уровень грунтовых вод влечет за собой переувлажнение фундаментов со всеми последствиями, о которых сказано выше.

Для деревянных оснований зданий – свай и ростверков – опасно понижение уровня грунтовых вод. Деревянные конструкции, хорошо сохраняющиеся в постоянно влажном грунте, начинают гнить после их осушения, что приводит к деформациям стен и их обрушению. В 1997 году произошло обрушение южной галереи надвратной колокольни церкви Рождества Христова в Ярославле, построенной в XVII веке. Причина аварии – гниение деревянных дубовых свай в основании фундаментов колокольни, начавшееся в результате понижения уровня грунтовых вод (рис. 2).

В ходе работ по реставрации колокольни церкви Рождества Христова были выполнены работы по устранению причины деформаций – укреплены фундаменты путем нагнетания под давлением 6 атмосфер в толщу фундаментов специального раствора, заполнившего пустоты, образовавшиеся при гниении деревянных свай.

Рис. 2. Колокольня церкви Рождества Христова (XVII век). На первом снимке – обрушение галереи колокольни, на втором снимке – колокольня после завершения реставрационных работ

В деревянных зданиях гниением поражаются такие их части, где возможно застаивание дождевой воды – водометы старинных изб, стыки крутых и пологих скатов тесовых крыш. Разрушая кровельный тес, влага проникает на стропила, провоцируя гниение и последующее их обрушение. То же происходит и на чердаках каменных зданий, плохо проветриваемых, где плесень и грибки могут поразить древесину стропил и обрешетки. Первые признаки этого явления – белые пятна и полосы грибницы, почернение дерева под ней и характерный «грибной» запах. В 1996 году в результате протечек кровли и, как следствие этого, гниения деревянных конструкций шпилья церкви Петра и Павла в Ярославле, возникли значительные деформации иглы шпилья. Отклонение верхней точки шпилья (подкрестного яблока) от вертикали составило 2,5 метра. Существовала реальная угроза обрушения шпилья на храм и разрушения рухнувшими конструкциями самого храма. В кратчайшие сроки реставраторами были произведены работы по укреплению деревянных конструкций шпилья металличе-

скими элементами, по установке домкратов и выправлению шпилья.

Полуразрушенные каменные стены часто страдают от травы и деревьев, произрастающих на незащищенных крышей частях стен и сводов, увлажняемых дождевой влагой и снегом. Корни растений, проникая в швы и трещины, раздвигают камни и кирпичи и разрушают кладку стен.

Разрушающее действие на старые постройки оказывают ветры. Сильные ветры опрокидывают верхние части зданий, не обладающие должной устойчивостью, а ураганы сносят порою крыши, шатры, главы, полностью разрушают небольшие деревянные здания. Так, в 1953 году ураганом были разрушены кровли, снесены главы церквей и построек Ростовского кремля (рис. 3). Потребовалось немало времени и средств, чтобы ликвидировать последствия урагана и восстановить разрушенные постройки Ростовского Кремля. Работами по реставрации Ростовского Кремля руководил архитектор-реставратор В. С. Баниге (1905–1973), чертежи и разработки которого используют реставраторы и в настоящее время.

Рис. 3. Ростовский Кремль после урагана 1953 г.

В 70-е годы прошлого столетия ураганом были снесены малые главы церкви Николая Рубленного в Ярославле.

Большую опасность для деревянных зданий и деревянных частей каменных зданий представляют удары молний, вызывающие пожары или повреждения каменной кладки. Для предупреждения ударов молний следует устраивать молниезащиту (громоотводы) и особенно это актуально для высоких и отдельно стоящих построек. В Ярославской области от удара молнией полностью разрушены (сгорели и обрушились) шпили, венчавшие колокольни церковью Благовещения в селе Аббакумцево и церкви Троицы в селе Диево-Городище (рис. 4).

Разрушительное действие сил природы усугубляется ошибками, допущенными при проектировании и строительстве зданий. Так, крест, установленный в 2005 году на шпиле Спасо-Преображенского собора в Рыбинске, не простояв и года, рухнул на землю во время сильного ветра. В результате проведенного расследования установлено, что крест был изготовлен из тонких листов титана, имеющих сварной стыковой шов в нижней четверти длины, то есть в самом напряженном сечении. Разрыв металла произошел по сварному шву, явившемуся самым слабым местом конструкции, то есть при изготовлении креста была допущена роковая ошибка.

К необратимым деформациям и разрушениям старых зданий могут привести срезание воздушных металлических связей, установленных в основании сводов и воспринимающих распорные усилия. В Крестовоздвиженском храме Толгского Свято-Введенского монастыря в советские годы располагался кинотеатр. Воздушные металлические связи, установленные в этом храме, являясь помехой при демонстрации кинофильмов, были срезаны, что в конечном итоге привело к обрушению сводов Крестовоздвиженского храма (рис. 5).

Рис. 4. Церковь Троицы (XVIII в.) в селе Диево-Городище. Шпиль колокольни разрушен в результате попадания молнии

Рис. 5. Вид Крестовоздвиженской церкви (XVII в.) Толгского Свято-Введенского монастыря до и после разрушения

Представляют опасность пожары. Огонь уничтожает полностью или частично деревянные здания и деревянные части каменных построек. В каменных зданиях, имеющих своды, огонь, уничтожая деревянные связи или расплавления металлические, способствует последующему разрушению стен усилиями распора сводов. Под действием огня некоторые породы природного камня растрескиваются и разрушаются. Известняки при продолжительном воздействии на них огня во время пожаров пережигаются в известь и рассыпаются, что приводит к обрушению здания.

Штукатурка и лепнина, находящиеся внутри зданий, растрескиваются и осыпаются при пожарах под действием высокой температуры, при чем наиболее сильному разрушению подвергаются рельефные детали на деревянном каркасе. Изменяется красочная гамма фресковой живописи: охра превращается в жженую охру и приобретает красно-коричневый цвет, темперные краски темнеют и даже чернеют. Росписи, сделанные масляными красками, покрываются пузырями, а при длительном воздействии огня – сгорают. Кроме того, копоть, возникающая при пожаре и покрывающая поверхность стен и сводов, портит их.

Наибольшие искажения и разрушения старых построек зачастую невольно причиняют люди. Это выражается в произвольных перестройках, вызываемых изменениями практического назначения зданий, в неумело проявленной заботе о поддержании и укреплении обветшавших построек, в желании изменить облик здания в угоду новым архитектурным вкусам.

Наиболее распространены переделки зданий, связанные с полным или частичным изменением их первоначального назначения. Но даже здания, сохранившие своё первоначальное назначение, становятся со временем тесными, что влечет

расширение таких зданий путём строительства пристроек, Это - пристройки галерей, трапезных и приделов в церквях и надстройки гражданских зданий, увеличивающие площадь зданий и этажность. Изменения в облик зданий вносят работы по приспособлению их к современному использованию. Это сопровождается разделением внутреннего пространства зданий новыми перегородками и перекрытиями на части, пробивкой новых и заделкой старых проемов, пристройками и надстройками. Нередко демонтируются конструкции перекрытий с целью их замены на капитальные и долговечные. При этом безвозвратно теряются элементы декора интерьеров, составлявшие особенности объекта, предмет его охраны.

Так, в ходе производства работ по приспособлению объектов гражданской архитектуры в Ярославле надстроены (с целью увеличения площадей) объекты культурного наследия, расположенные по адресам: ул. Первомайская, 7, ул. Волжская набережная, 29, ул. Революционная 1/11. Надстройки в виде изменённых конфигураций крыш исказили до неузнаваемости внешний облик этих объектов.

Расширение старых и пробивка новых проемов становятся причиной искажения фасадов зданий и уничтожения их декоративного убранства. Кроме того, такие переделки ослабляют конструкции стен, что может привести к деформациям и обрушению конструкций. Устройство новых полов, заменяющих старые или уложенные поверх старых, искажают интерьеры зданий. Так, устройство полов в Ярославских церквях Николы в Меленках, Благовещения и Феодоровской из современных облицовочных материалов, не соответствующих ни фактуре, ни цвету первоначальных полов, исказило восприятие древних интерьеров, сделав интерьеры «стильными и осовремененными». Исказило памятники устройство новых

скатных упрощенных крыш взамен сложных, позакомарных. При этом определяющую роль играла экономическая целесообразность такой замены – для крыши с прямыми скатами можно применять дешевые кровельные материалы. Облик здания изменяет замена прежних каменных водометов на водосточные трубы с желобами, тянущимися по всей длине фасадов. Для проветривания чердаков устраивались новые слуховые окна, чуждые архитектуре зданий. Одни изменения влекли за собой другие. В церквях переделанные крыши частично закрывали барабаны и их окна, что заставляло расширять верхние части окон барабанов, чтобы не ухудшать освещение зданий. С целью улучшения освещенности, растёсывались окна или устраивались новые. Примером может служить фасад южного придела церкви Ильи Пророка, получивший новые широкие окна в XIX веке (рис. 6).

Укрепление обветшавших стен приводило к изменению архитектурного облика зданий – пристраивались контрфорсы или прикладками утолщались стены на некоторую высоту, закладывались проемы, на которых возникали трещины. Так, на церкви Владимирской в Коровниках с целью приостановки развития трещин, вместо того, чтобы выявить и устранить причину их возникновения, закладывались старые оконные проемы и растёсывались новые. Работы по укреплению фундаментов, путём устройства подбетонок, искажали внешний облик зданий. Так, устроен уширенный цоколь по периметру церкви Зосимы и Савватия, являющийся подбетонкой, призванной усилить (уширить) существующие фундаменты.

Часто в деревянных постройках для предохранения их стен от гниения обшивают тёсом торцы брёвен или углы срубов, а иногда и целые фасады. Последнее сильнейшим образом портит внешний облик зданий. А ценность этого приёма как

Рис. 6. Церковь Ильи Пророка в Ярославле (XVII в.). Растёсаны новые оконные проемы взамен первоначальных, следы которых открыты и сохранены реставраторами

способа сохранения древесины очень сомнительна, так как он (прием) создает благоприятные условия для возникновения и развития под обшивкой плесени и грибка. Так, основным источником появления и многочисленных очагов разрушения древесины сруба церкви Иоанна Богослова на Ишне (XVII век), находящейся в 3-х километрах от Ростова Великого, явилась тесовая обшивка храма, сделанная в 30-х годах XIX столетия.

Часто старые рельефные детали, кирпичные или каменные, сбивались, чтобы сделать фасады гладкими, а их остатки закрывались новой штукатуркой. Реже новые детали выполнялись в камне или в кирпиче, для чего в стенах вырубались гнёзда для них, сильно искажавшие остатки старых деталей, заменяемых новыми. Старые лепные детали (капители, картуши, наличники) часто сбивались при поздних ремонтах ради упрощения, а следовательно, и удешевления последних.

Внутренняя отделка помещений – роспись стен, сводов и потолков – изменялась чаще, чем наружная отделка, причем прежняя отделка иногда не уничтожалась, а сохранялась под новой. На сводах первого этажа церкви Петра и Павла в Ярославле (XVIII век) при ремонте

Рис. 7. Спасо-Яковлевский монастырь. Церковь Зачатия святой Анны. Пристройка паперти и храма, перестройка глав в XVIII веке

интерьеров (снятии побелки) обнаружили хорошо сохранившиеся росписи XVIII века. При ремонте дома Пастухова в Ярославле (ул. Собинова, 32/8) в 1997 году под штукатуркой потолка одного из помещений был обнаружен холст, покрытый живописью XIX века. При выполнении в 1996 году реставрационных работ на Главном доме усадьбы, где жил поэт Н.А. Некрасов в Карбихе, под слоем штукатурки стен была обнаружена отделка стен искусственным мрамором, которую не удалось сохранить при производстве ремонтно-реставрационных работ конца 90-х годов.

Наконец, были случаи добавления к старым зданиям новых пристроек, нужных не столько для практических целей, сколько для изменения облика зданий под влиянием новых вкусов в архитектуре. Так в XVIII – XIX веках к древнерусским зданиям нередко пристраивались портики, ус-

траивались декоративные подобию куполов, в церквях изменялись форма глав. Примером может служить церковь Зачатия святой Анны Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове Великом (XVII век), получившая новые пышные завершения глав, пристройки приделов и галерей (рис. 7).

Правильное решение вопроса о соотношениях между художественной ценностью первоначального облика реставрируемого здания и того же облика, измененного поздними добавлениями, имеет первостепенное значение. Современное законодательство (Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 73-ФЗ от 25.06.2002) обеспечивает неизменность облика и интерьера объектов культурного наследия в соответствии с особенностями объекта, являющимися предметом их охраны.

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ВЫСТАВКА 1913 ГОДА

Аннотация. В статье рассказывается об этом сказочном выставочном городке, состоявшем из тридцати с лишним павильонов, уютных улочек, фонтанчиков, открытых площадок, эстрады, где по воскресным и праздничным дням в течение всего летнего периода играл духовой оркестр, со своим театром, почтой и рестораном, память о котором еще долго жила среди костромичей и гостей, посетивших Костромскую губернскую земскую выставку, приуроченную к 300-летию царствования Дома Романовых.

Ключевые слова: Губернская выставка, комиссия, павильон, Дом Романовых, Губернское земское собрание, земство, экспонаты.

Мысль об организации в Костроме губернской выставки в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых в земских кругах возникла еще в 1909 году. Но лишь через два года на сессии Губернского земского собрания 1911 года была избрана специальная подготовительная Выставочная комиссия, которая, проведя ряд подсчетов, предоставила к следующему заседанию губернских гласных доклад-заключение. Доклад был принят, и гласные постановили, что «... в предвидении Высочайшего посещения гор. Костромы и безотносительно к тому, состоится ли такое посещение, губернскому земству, безусловно, следует летом 1913 года организовать чисто местную выставку Костромского края» [1, с. 27].

В части устройства ее гласные выставили одно неперемное условие: выставка должна «... представить не частную картину одной какой-либо отрасли народнохозяйственной жизни, а полную картину этой жизни в главных ее проявлениях» [1, с. 27].

Об организационных мероприятиях Выставочной комиссии можно судить по сохранившемуся в фондах Костромской областной универсальной научной библиотеки «Журналу» заседания этой комиссии от 9 февраля 1912 года, в котором были распределены обязанности между губернским и уездными земствами, обсуждено количество и размеры выставочных павильонов, сроки проведения выс-

тавки, порядок и условия доставки и хранения экспонатов, способы оповещения населения об открытии выставки и ее популяризации и др. [3, с. 27].

В городе Костроме была создана своя Выставочная комиссия в составе гласных: В. А. Шевалдышева, В. Ф. Глебова, Е. Г. Орлова, Л. П. Скворцова, А. А. Фролова, П. И. Кекина и А. И. Доброхотова. Они проанализировали самым тщательным образом программы Костромской губернской земской управы, где указывался перечень земских экспонатов, и решили, что земская деятельность и городская отличаются друг от друга. Потому, экспонаты юбилейной выставки, рассказывающие о городском самоуправлении должны быть подготовлены особо и отражать все стороны развития этой формы управления, начиная с 1870 года [4, с. 68].

Костромская городская Дума в своем экстренном заседании от 7 августа 1912 года была ознакомлена с материалами совместного совещания Городской управы и Выставочной комиссии об организации и программе работ для юбилейной выставки 1913 года, которая предусматривала приглашение 2 лиц – статистика Московской городской управы Н. Ф. Осколкова в качестве организатора работ и ответственного лица по проведению их и статистика С. А. Щербакова, как непосредственного исполнителя таковых.

Н. Ф. Осколков предложил подробный перечень экспонатов на предстоящую

выставку от городского самоуправления, а Выставочная комиссия признала желаемым издание «Обзора деятельности Костромского городского управления» со времени издания Городового Положения 16 июня 1870 г. до настоящего времени и необходимости популяризации деятельности городского управления по отдельным отраслям его хозяйственной, просветительной и благотворительной деятельности и работ в области городского благоустройства за тот же период [4, с. 249].

Костромским губернским земством заранее были разработаны и разосланы во все уездные земства необходимые документы: Положение о выставке, Правила и Программы [5, с. 66].

На местах эти документы были приняты к обязательному исполнению и, в соответствии с их основными положениями, началась организационная работа: составлялась смета, определялся обязательный перечень экспонатов для выставки и т. д.

В г. Костроме Комиссия подыскивала подходящий участок для выставки. Рассматривалось несколько предложений, как на окраине города, так и в его центральной части. Выбор пал на прибрежный волжский участок между улицей Воскресенской и Никольским переулком, потому что водная транспортировка строительных материалов и будущих экспонатов значительно сэкономила земские финансовые средства. Одну часть участка арендовали на период работы выставки, другую – приобрели в земскую собственность.

Определившись с местом выставки, организаторы озаботились ее проектом. В столичном журнале «Зодчий» в марте 1912 года объявили конкурс на разработку творческого проекта. Через три месяца первую премию получил проект художника – архитектора Л. Р. Сологуба из Санкт-Петербурга. Правда, в дальнейшем, в ходе строительства, ему пришлось дополнительно проектировать еще несколько со-

оружений, так как отдельные участники выставки, по примеру более состоятельных предпринимателей, захотели иметь собственные выставочные павильоны.

В июле 1912 года артели плотников подрядчика М. С. Трофимова, взявшего заказ на эту работу, начали возводить первые терема-павильоны деревянного приволжского городка, задуманного автором в древнерусском стиле XVII века. С наступлением зимы, внешние работы приостановились, зато, внутренняя отделка зданий шла полным ходом. К маю 1913 года выставочный городок блистал во всей красе.

Вот как описывает выставку Н. Н. Виноградов в своей книге «Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года»: «Земская выставка занимала довольно значительную часть квартала, расположенного на берегу Волги и простиралась от Нижне-Дебринской до Набережной улицы. Кроме того, к выставке примыкало еще обширное пространство довольно низменного берега реки Волги, также занятое выставочными павильонами и разнообразными постройками, приготовленными для целого ряда различных кратковременных сельскохозяйственных выставок. Через Набережную улицу перекинут был висячий мост, соединявший две только что названные части обширной выставки.

Все выставочные здания и павильоны сооружены были в древнерусском стиле, по проектам и под наблюдением художника Сологуба [2, с. 187].

Кто же такой был этот талантливый архитектор? Леонид Романович Сологуб происходил из запорожских казаков, вышедших из Литвы. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и Академию художеств по классу профессора Л. Н. Бенуа. Еще в студенческие годы участвовал в многочисленных конкурсах, где его работы признавались лучшими. Среди них – проекты нового здания Государ-

ственной Думы, за который присуждена была первая премия и получена творческая командировка за границу (проект осуществлен не был из-за отсутствия денег и в связи с начавшейся войной); затем последовал проект курзала на Буских минеральных водах в Польше; здания Благородного собрания и выставочного зала Дворца искусств в Петербурге. Его жизнь и творчество тесно связаны с костромским краем. Он был женат на дочери фабриканта и директора Товарищества мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями в с. Родники Костромской губернии Н. М. Красильщикова – Анне. В городе Костроме принимал участие в конкурсе проектов памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых и, несмотря на то, что его работа была признана специалистами Академии художеств лучшей, от костромских властей он получил лишь вторую премию. Победа досталась проекту А. И. Адамсона.

Широкую известность Л. Р. Сологуб приобрел как автор проекта Костромской губернской земской выставки в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, получившего на конкурсе вновь первую премию. Он стал автором художественного оформления всей выставки. Работы проводились в сжатые сроки, поэтому строителям приходилось поторапливаться. Открытие выставки намечалось на 10 июня 1913 года, к приезду императора. Но, в связи с ранней навигацией, визит императора Николая II состоялся несколько ранее намеченной даты – 19–20 мая 1913 года [8].

Посредине выставки, на обширной площади, засаженной цветниками, высилась конная статуя мощного богатыря-визя, как бы погруженного в глубокое раздумье. Здесь же, неподалеку, высокою струею бил красиво устроенный фонтан с обширным бассейном.

Все выставочные здания, как общественные, так и частных владельцев,

были расцвечены национальными флагами, убраны разноцветными полотнищами, украшены гербами – Рода Романовых, Государственными и Костромской губернии. Все пространство между дорожками было заполнено роскошными коврами живых цветов. Целые цветники окружали также и отдельные павильоны выставки [2, с. 187].

Ко времени прибытия на выставку для встречи Его Императорского Величества Государя Императора и Их Императорских Высочеств Великих Княжен, у входных ворот, со стороны больницы Красного Креста, собрались все гласные Костромского губернского земства, каждый в присвоенной ему форме, комиссар выставки И. В. Щуплепников и все члены Костромской губернской земской управы – А. А. Апушкин, Г. Н. Ротаст, и В. А. Потехин, во главе с председателем Управы, членом Государственной Думы Б. Н. Зузиным.

К тому же времени на территории выставки собрались Министры и другие высокопоставленные лица. Здесь же находились члены Уездных управ Костромской губернии, земские служащие со своими семьями, учащиеся начальных земских школ Костромской губернии и экспоненты выставки.

При вступлении Государя Императора с Августейшим Семейством на территорию выставки, председатель Костромской Губернской Земской Управы Б. Н. Зузин преподнес хлеб-соль и приветствовал Его Императорское Величество специально приготовленной речью [2, с. 187].

После официального приветствия начался осмотр выставки. Первый павильон, который осмотрел Государь Император была звонница колоколотейного завода С. Н. Забенкина. Высокий гость расспросил хозяина о его производстве и пожелал услышать колокольные звоны. Просьба была незамедлительно исполнена, причем, качеством звона Император остался весьма доволен.

Указатель к плану Выставки

<p>I. Павильон крупной промышленности.
 II. Павильон ткацко-прядильный.
 III. Павильон кустарный.
 IV. Павильон земского и городского хозяйства.
 V. Павильон лесной.
 VI. Павильон сельскохозяйственный.
 VII. Навес для сельскохозяйственных машин.
 VIII. Торжок.
 IX. Главный вход.
 X. Ресторан и театр.
 XI. Мост.
 XII. Павильон животноводства.</p> <p>1. Павильон Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры на Томне.
 2. Павильон Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры.
 3. Павильон фабрики Товарищества мануфактур Сосипатра Сидорова.
 4. Павильон Товарищества мануфактур Анны Крапильщиковой с сыновьями в селе Родники Юрьевоцкого уезда.
 5. Павильон Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном (фабрики в с. Бонячки и мест. Каменке).
 6. Павильон Товарищества бумаготкацкой мануфактуры братьев Григория и Александра Горбуновых в с. Киселеве Нерехтского уезда (почтовый адрес: с. Середя).
 7. Звонница колоколотейного завода С. Н. Забенкина в г. Костроме.
 8. Павильон Товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых.</p> | <p>9. Павильон Товарищества мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева в с. Тезино Кинешемского уезда.
 10. Павильон кондитерской и булочной М. Ю. Заблоцкого.
 11. Павильон пивоваренного завода «Новая Бавария» Э. И. Куни.
 12. Павильон крестьянского поземельного банка (Костромское отделение).
 13. Лесной павильон Товарищества Ивана Коновалова с сыном.
 14. Павильон Товарищества мануфактур, основанных И. И. Скворцовым.
 15. Павильон огнестойкого строительства губернского земства.
 16. Павильон Российско-Богемского пивоваренного товарищества «Богемия» в г. Рыбинске.
 17. Образцовая маслодельня и продуктовый павильон.
 18. Павильон Костромского добровольного пожарного общества.
 19 – 20. Шатры отдела пчеловодства.
 21. Гидротехнический отдел.
 22. Фонтан (скульптор Козельский).
 23. Эстрада для оркестра.
 24. «Русский богатырь» (скульптор Козельский).
 25. Водоем (скульптор Лишев).
 26. Питомник Товарищества Ивана Коновалова с сыном.
 27. Пмгомник Спасо-Красногорской лесной школы.
 28. Питомник Костромского отдела Императорского Российского общества садоводства.</p> |
|---|--|

Рис. 1. План Костромской губернской земской выставки

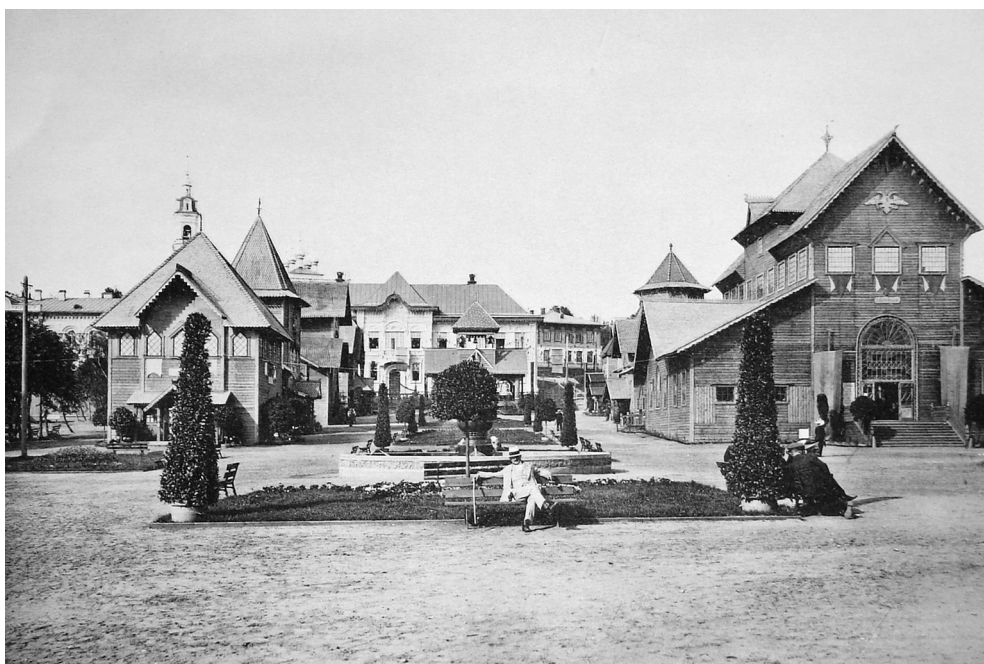

Рис. 2. Улица. Общий вид

Рис. 3. Вид на выставку с высоты

Рис. 4. Царский павильон

Рис. 5. Павильон земского
и городского хозяйства

Рис. 6. Лесной павильон Товарищества
мануфактур Ивана Коновалова с сыном

Рис. 7. Павильон Товарищества Большой
Костромской льняной мануфактуры

Затем последовали павильоны мануфактурных производств Костромской губернии: товарищества мануфактур братьев Г. и А. Горбуновых и товарищества братьев Разореновых, Разоренова и Кокорева, товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном, товарищества Большой Кинешемской мануфактуры, Большой Костромской льняной мануфактуры и др. Продолжилась экскурсия в Ткацко-прядильном павильоне и Павильоне крупной промышленности, после чего перешли через площадь в Сельскохозяйственный и Лесной павильоны, затем осмотрели Павильон Крестьянского поземельного банка, Павильон земского и городского хозяйства, Кустарный павильон. Завершился осмотр выставки торжественным чаепитием в большом зале Кустарного павильона, где были сервированы специальные столы. В центре императорского стола были поставлены три кресла с Государственными гербами под императорской короной, искусно вышитыми руками учениц Юрьевецкой женской гимназии.

Во время пребывания Его Императорского Величества Государя Императора в Кустарном отделе, перед павильоном, на обширной площадке, хором учащихся начальных земских училищ количеством до 800 человек, под управлением учителя пения Костромской женской учительской семинарии С. Т. Белова исполнен был целый ряд номеров хорового пения.

После пения громадного детского хора оркестр балалаечников также из учащихся земских начальных училищ Костромской губернии, числом более 100 человек, исполнял на балалайках и некоторых других инструментах русские народные песни до момента выхода Его Императорского Величества из Кустарного павильона.

Пение и музыка учащихся удостоилась Высочайшего одобрения. В награду за пение и музыку по велению Государя

Императора прислано было каждому исполнителю из учащихся по коробке конфет с изображением Государя Императора, Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича.

По завершении осмотра выставки, Высочайшие гости, в сопровождении лиц свиты, министров, высших чинов, Костромского губернатора, председателя и членов Костромской губернской земской управы, гласных губернского земства проследовали по всей территории выставки на берег реки Волги, к царской пристани, у которой под Императорским штандартом стоял пароход «Межень».

На следующий день после торжественного открытия, состоявшегося 20 мая 1913 года, выставка распахнула свои двери для всех желающих.

Что же из себя представлял выставочный городок? Парадный вход выставки был обращен лицом к Волге. Его надвратная башня с высоким шпилем венчалась древней ладьей – символом Костромы. В новоустроенный «древний» град посетители входили с Нижне-Набережной улицы. Сразу от входа располагались павильоны-терема, здание ресторана и театра. В последнем демонстрировались синематографические ленты, и, в частности, через три дня по отъезде Государя (он посетил выставку 20 мая 1913 года), с успехом весь летний сезон «сверх программы» давали хронику костромских юбилейных торжеств. Тут же устраивались музыкальные представления, дивертисменты, спектакли.

Взору всякого посетителя, вступившего на территорию городка, тотчас открывался воздушный живописный вид с великолепным образом устроенной просторной площадью. В середине ее действовал главный фонтан (скульптор Козельский). В центре круглого, изрядных размеров бассейна, на массивной возвышенности покоилась приятной работы чаша с невысокой пирамидой, из которой била струя

чистой волжской воды высотой до трех-четырёх метров. У внутренней стороны бассейнового кольца с четырех сторон на подставках устроились сказочные птицы, рассыпающие из клювов прозрачные шипящие веера влаги. Рядом с фонтаном находилась музыкальная беседка. В определенные часы «оркестр музыки» одаривал посетителей порядочной игрой, исполняя любимые и знакомые произведения публики. Фонтан и беседку окружали искусные газоны, созданные умелыми руками, «пестрые и мелкие» цветы которых производили на всякого приятное впечатление. Против музыкальной беседки в окружении островков-газонов стояла конная статуя «Русского богатыря» (скульптор Козельский), олицетворяющего силу и мощь русского народа. Нарядная площадь переходила в улочку, образованную линиями павильонов, в центре которой лежали газонные цветные ковры. В последнем из них также имелся фонтан, более скромный по размерам и устройству. Короткая улочка завершалась звонницей колокололитейного завода С. Н. Забенкина. По просьбе посетителей звонарь, представленный хозяином, мастерски выводил над городом самые разнообразные звоны. Отдельные колокола-экспонаты на звоннице были украшены портретами царствующих особ. Колокол особой отливки Забенкин преподнес в дар Государю Императору.

Невдалеке от звонницы, в уединенном зеленом уголке имелся круглый водоем (скульптор Лишев). Центром его была скульптура сидящей девушки – русалки, против которой над водой возвышалась голова лешего. Сказочное место, окруженное деревьями, отбрасывающими в жаркий день спасительную тень, привлекало для отдыха на скамьях отдыхающую публику.

Рядом соседствовали два «вкусных» павильона: булочной и кондитерской

М. Ю. Заблоцкого и пивоваренного завода «Новая Бавария» Э. И. Куни. Их продукция всегда славилась исключительными вкусовыми свойствами.

Нижне-Набережная улица разделяла выставку на две части. Вход в прибрежную часть располагался между зданием ресторана-театра и площадкой «торжок», которая представляла собой торговый ряд с почтово-телеграфным отделением и междугородным телефоном. Связь была с Нерехтой, Ярославлем и Москвой. Публика по неширокому деревянному пешеходному мостику, перекинутому через улицу, проходила для осмотра береговых экспозиций. Из капитальных построек здесь имелся только павильон российско-богемского пивоваренного товарищества «Богемия» в Рыбинске. В павильоне с гордостью демонстрировался автоматический буфет с холодными закусками. Остальной участок занимали навесы отдела животноводства, шатры и пчельники пчеловодного отдела. В весеннее половодье местность почти целиком заливалась водой, оттого и обустройство этой части выставки состоялось только после спада внешней воды.

В павильонных строениях числом около тридцати, имеющих разный архитектурный вид, в образцах и экспонатах представлялись, пожалуй, все губернские богатства. Тысячи экспонатов в виде фотографий, диаграмм, моделей, образцов природных богатств, продуктов производства, отчетов о состоянии и полных характеристик обо всех отраслях и видах деятельности губернского народонаселения – вот, пожалуй, самый короткий перечень павильонных «внутренностей» выставки. Многие посетители выставочного городка испытали от пребывания в нем истинное наслаждение. Вся тамошняя атмосфера располагала к тому. В восторг и изумление гостей-экскурсантов приводило все: и вид внешний, и внутреннее убранство

сказочных теремов, их экспозиции, составленные доходчиво, с исчерпывающей полнотой, и простые, хорошо запоминающиеся объяснения служителей, и возможность наблюдать в действии работу многих машин и механизмов. В особенности долго помнились бесплатные угощения, приготовленные тут же на глазах восхищенных наблюдателей. Все лето приволжский городок принимал группы учащихся, студентов, путешественников, прибывающих сюда со всей России.

На украшенных площадях городка устраивались праздники, спортивные состязания, детские утренники и вечера отдыха. За лето состоялось несколько временных выставок: по молочному хозяйству и маслоделению, птицеводству, крупного рогатого скота и т. д.

Победителям вручались награды: медали, похвальные листы, свидетельства. В августе на многих экспонатах появились ярлыки с надписью «продано». Первого сентября в торжественной обстановке был спущен флаг выставки. Началась пора распродаж. Состоялись аукционы. Павильоны освобождались от экспонатов. Часть их, по желанию владельцев, переместилась в естественно-исторический музей губернского земства. Павильоны продали на слом и постепенно вывезли. На пустынной площадке еще некоторое время оставалась конная статуя богатыря, но и она через год исчезла [1, с. 29–30].

Память об этом сказочном выставочном городке, состоявшем из тридцати с лишним павильонов, уютных улочек, фонтанчиков, открытых площадок, эстрады, где по воскресным и праздничным дням в течение всего летнего периода играл духовой оркестр, со своим театром, почтой и рестораном, еще долго жила среди кост-

ромичей и гостей, посетивших Костромскую губернскую земскую выставку, приуроченную к 300-летию царствования Дома Романовых.

В наши дни на волжских берегах уже ничто не напоминает о тех событиях 1913 года, но, к счастью, мы можем обратиться к литературным источникам, рассказывающим подробно и о подготовительной работе губернских земских и уездных властей, и о строительстве выставки, и о посещении ее императором Николаем II, и о награждении участников, представивших свои экспонаты, и о многом другом [6].

Библиографический список

1. Анохин А. Юбилейный городок // Костромская старина. – 1993. – № 4. – С. 27.
2. Виноградов Н. Н. Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. – Кострома, 1914. – С. 187.
3. Журнал Выставочной комиссии (заседание 9 февр. 1912 г.): по устройству в 1913 году в г. Костроме, в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых губернской сельскохозяйственной, кустарной и промышленной выставки. – Кострома, 1912. – 27 с.
4. Журналы Костромской городской Думы за 1912 год. – Кострома, 1914. – С. 68.
5. Костромская губернская земская в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых сельскохозяйственная, кустарная и промышленная выставка. Положение о выставке. Правила и программы. – Кострома: Изд. Комитета выставки, 1912. – 66 с.
6. Костромская губернская земская выставка в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. 1613–1913. Указатель. – Кострома, 1913. 10; 125; 12 с.: план
7. Костромская выставка в память 300-летия Дома Романовых /архитектор Л. Р. Сологуб. [Б. м.]: [Б. и.], [б. г.] 60 л. ил.
8. Магнитский М. Звонок из Парижа // Костромской край. – 1993. – 11 марта.

УДК 910.3
ББК 77.056

Голицына М. А.

КУЛЬТУРНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО К «РОМАНОВСКИМ МЕСТАМ» КОСТРОМЫ В 1910 ГОДУ

Аннотация. Учитывая опыт прошлых лет, главной задачей сегодня можно считать привлечение внимания к городу как к «колыбели рода Романовых» в связи с грядущим празднованием 400-летия царской династии, которое должно сделать город не только центром массового туризма, но также значительно улучшить экономическое положение и способствовать развитию городской инфраструктуры.

Ключевые слова: экскурсия, паломничество, колыбель Дома Романовых, романовские места.

Начало XX века в истории Российского государства было ознаменовано торжественным событием – празднованием 300-летия царствующей династии Романовых. Это время также характеризуется массовым подъемом интереса к культуре и истории страны, особенно к тем ее страницам, которые непосредственно связаны с царской династией. Масштаб события был столь велик, что затронул почти все сферы общественной жизни, породив волну паломничеств к «романовским местам».

Объектом подобных путешествий была выбрана Кострома – «колыбель царского рода», место, где в марте 1613 года, в стенах Ипатьевского монастыря, представитель боярского рода Романовых был впервые наречен русским государем. В 1910-е годы в город организовывалось множество экскурсий, статьи о Костроме публиковались на страницах журналов, посвященных туристическому и экскурсионному делу.

Говоря слово «экскурсия», «экскурсант», следует понимать, что в то время это понятие имело несколько иной смысл. Сегодня экскурсант – временный посетитель той или иной местности, находящийся там не более одного дня [1, с. 111]. Сама программа экскурсии занимает еще меньший отрезок времени. Экскурсии начала XX века могли продолжаться более месяца, подобные поездки были ближе всего к понятию образовательного тура. Чаще всего они совершались воспитанниками

образовательных учреждений в сопровождении своих преподавателей.

Пожалуй, лучше всего задачу экскурсионистики того периода выразили члены Центральной Московской Экскурсионной Комиссии. Своей целью они ставили «отметить проявление в Смутное время могучих, живых сил русского народа, твердо вынесшего страшное потрясение и ответившего на напор разлагающих элементов крепким единением любви к родине и преданности к избранному Государю, родоначальнику Царствующей Династии» [6, с. 189].

Для того чтобы на личном опыте проверить то, что могло представлять интерес для экскурсантов, члены Комиссии сами совершили экскурсию в Кострому. Результатом этой поездки стали две статьи, посвященные романовской тематике: «Избрание на царство Михаила Федоровича» и «Великое посольство в Кострому». Их отличительной особенностью является подробное, полное деталей изложение событий начала XVII в., представляющее ценность для сопровождающих экскурсантов как в начале XX в., так и сегодня.

История воцарения рода Романовых изложена в логической последовательности, но самым ценным является то, что члены Комиссии реконструируют застройку Костромы, перечисляя постройки, непосредственно связанные с именем первого Романова: «Уже во время Михаила Федоровича Кострома значительно изме-

няет свой внешний вид. Так, в костромском кремле выстраивается деревянная церковь в память воцарения Михаила Федоровича, во имя московских святителей [...]» [6, с. 47]. Здесь, вероятнее всего имеются в виду имена святителей Алексея, Петра и Ионы, образы которых, согласно преданию, несло с собой Великое Московское Посольство. «[...] около Успенского Собора воздвигается храм во имя преподобного Геннадия, первого возвестника дома Романовых» [6, с. 47–48]. Преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский, посетивший Москву и дом боярина Романа Юрьевича, предсказал роду Романовых царскую будущность. Речь также ведется и о покровительстве Романовых Костромскому краю и Ипатьевскому монастырю.

На основе этих статей возможен (и тогда, в 1913 г., и сегодня) не только показ основных мест в Костроме, связанных с избранием царской династии, но и подробный, детализированный рассказ об истории на том самом месте, где она когда-то свершалась, что является важным потому, что в экскурсионном деле главную роль играет именно наглядность в тесной взаимосвязи с историей.

Упоминание об экскурсиях к романовским местам встречается также и на страницах журнала «Русский экскурсант», выполнявшего роль посредника между экскурсантами и различными организациями, принимающими и отправляющими туристов. В одной из статей журнала говорится о том, что Кострома «после 300-летнего юбилея благополучно царствующего дома Романовых приобрела особый интерес своим Ипатием и Сушанинскими воспоминаниями» [3, с. 197]. В связи с этим, в журнале встречаются две статьи, повествующие об экскурсиях в Кострому.

Первая из них принадлежит преподавателю детского Ярославского приюта

К. Студитскому, который в своей статье «Пешком к Ипатию» описывает впечатления от экскурсии, предпринятой им вместе с воспитанниками. Его статья интересна тем, что помимо простого повествования о событиях экскурсии, в ней содержится еще и часть путевой информации, которая могла бы быть в последствии использована и другими преподавателями.

Отличительной особенностью этой статьи К. Студитского является то, что она написана живым языком. Автор описывает впечатления своих воспитанников, их эмоции, ощущения от посещения монастыря: «[...] с живым-живым интересом все вошли в собор, [...] дети больше всего интересовались царским местом, стоящим впереди храма и сделанным из липы, натурального вида, с весьма образными мелкими резными украшениями и двумя резными же львами, как бы охраняющими вход в это священное место» [7, с. 295–297].

В этом отрывке представляет ценность повествование о царском месте, которое Михаил Федорович вложил в монастырь в 1613 году. Сегодня в Троицком соборе Ипатьевского монастыря стоит новое царское место, дарованное обители в 2008 году, а вот дар Михаила Федоровича находится в музее «Коломенское».

Красочным примером является также рассказ о посещении воспитанниками палат бояр Романовых: «[...] повеяло стариной. Смотрю, дети с каким-то благоговением поднимаются по ступенькам лестницы, так и видно, что в их детских головах проносятся мысли о старине: [...] что они в «дворец» идут, а не просто в дом» [7, с. 295–297].

Еще одним интересным примером впечатлений о Костроме является статья ученика Калужского реального училища Евгения Шапошникова «В Нижний, Кострому и Ярославль» [8, с. 66–73]. Экскурсант делится своими впечатлениями, полученными от путешествия, а также

упоминает ряд памятников, не сохранившихся до наших дней. Так, например, он упоминает о памятнике И. Сусанину и царю Михаилу Романову [8, с. 70], который сегодня планируется восстановить.

За несколько дней пребывания в городе Е. Шапошников успел посетить открытую специально к празднованию 300-летия дома Романовых выставку, на которой, по мнению автора, «находились поразительно интересные вещи, [...] зоологический павильон, на котором была масса чучел различных животных, [...] модели главных зданий Костромы» [8, с. 70]. Так же, как и К. Студитский, Е. Шапошников осмотрел Ипатьевский монастырь.

Говоря о паломничестве к «романовским местам», нельзя не упомянуть и об экскурсиях, предпринятых воспитанниками костромских учебных заведений, в частности учащих костромской 2-й мужской гимназии, возглавляемой А. Н. Рождественским. Мужская гимназия предоставляла помещения для экскурсантов, а её преподаватели «оказывали содействие при обозрении города» [4, с. 97]. О популярности экскурсий к «романовским местам» свидетельствует тот факт, что из 16 предпринятых за 1913–1914 учебный год экскурсий, шесть были организованы в Ипатьевский монастырь и Романовский музей, построенный непосредственно к юбилейной дате [5, с. 440].

Также, под руководством А. Н. Рождественского, был выпущен специальный сборник рефератов, написанных воспитанниками гимназии, посвященный Романовым и историческим событиям, связанным с воцарением этой династии.

Особое место в этом сборнике занимает статья самого А. Н. Рождественского, рассказывающая об основных исторических постройках Костромы. В статье содержатся ценные для экскурсантов и руководителей маршрутов сведения об отделах Романовского музея. Музей

состоял из 8 отделов: Романовского, церковного, доисторического, этнографического, архивного, библиотеки, отдела гравюр и нумизматики [5, с. 440]. В отделах были собраны обширные тематические коллекции, позволяющие детально изучить обозначенные темы, а также собственными глазами увидеть предметы старины («документы, книги, портреты, картины [...]» [5, с. 440]), имеющие непосредственное отношение к царскому роду Романовых.

Вне всякого сомнения, особым родом паломничества являлся и визит в Кострому самого императора Николая II вместе со своим семейством, а также его участие в торжествах, проходивших в городе 19–20 мая 1913 года [2, с. 230].

Подводя итоги, можно отметить, что расцвет развития русской экскурсионистики совпал с торжествами в честь 300-летия царской династии Романовых, что породило немалое количество публикаций, посвященных Костроме, а также вызвало всплеск экскурсий к «романовским местам» и сделало город объектом внимания. Именно поэтому, учитывая опыт прошлых лет, главной задачей сегодня можно считать привлечение внимания к городу как к «колыбели рода Романовых» в связи с грядущим празднованием 400-летия царской династии. Празднование 400-летия Романовых в Костроме должно сделать город не только центром массового туризма, но также значительно улучшить экономическое положение и способствовать развитию городской инфраструктуры.

Библиографический список

1. Биржаков М. Б. Введение в туризм. – М.; СПб.: Изд. Невский фонд; Т.д. Герда, 2000.
2. Виноградов Н. Н. Празднование 300-летия царствования дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 г. [Репринт издания : Кострома, 1914]. – [Кострома]: Гос. архив Костромской обл.; фестиваль «Веги», [1993].

3. Волга как материал для экскурсий // Русский экскурсант. – 1915. – № 4.

4. К сведению руководителей // Русский экскурсант. – 1914. – № 1.

5. Педагогический ежегодник Костромской второй, прежде общественной, мужской гимназии за 1913–1914 учебный год. – Кострома: электро печатня М. Ф. Риттер, 1914. табл.

6. Спутник экскурсанта / Центр. Экскурсионная комиссия при Московск. учебн. окр. ;

под ред. С. И. Гинтова. 1913. № 5: Города, объединенные подвигом избрания Дома Романовых на царство – Кострома – Ярославль – Ростов Великий.

7. Студитский К. Пешком к Ипатию : экскурсия в луга Ярославского детского приюта // Русский экскурсант. – 1915. – № 5.

8. Шапошников Е. В Нижний, Кострому и Ярославль: экскурсия учеников Калужского реального училища // Русский экскурсант. – 1914. – № 1.

УДК 781.6
ББК 85.316

Зябликов А. В.

ОБ АВТОРСТВЕ ГИМНА «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ»

Аннотация. Алексей Федорович Львов остается ярчайшим представителем эпохи «блестящих дилетантов» – людей, сочинявших и игравших хорошую музыку не ради заработка, а для потребности души и сердца.

Ключевые слова: гимн, музыкант, Русское музыкальное общество, капельмейстер, церковные напевы.

На старой пластинке общества «Граммофон» с записью русского национального гимна читаем: слова В. Жуковского, музыка А. Львова. Если имя первого участника авторского дуэта, автора прекрасных романтических баллад, хорошо известно, то фамилия Львов до сих пор мало что говорит широкой публике. Кто же он, автор музыки знаменитого «Боже, Царя храни»?

Алексей Федорович Львов родился 11 мая 1798 года в Ревеле (Таллинн) в аристократической семье. Отец будущего композитора князь Ф. П. Львов был участником державинского литературного кружка и преемником Д. С. Бортнянского по управлению Придворной певческой капеллой. Двоюродный дед Алексея Федоровича Н. А. Львов, архитектор, поэт, член Российской академии наук и почетный член петербургской Академии художеств, был крупнейшим знатоком и собирателем народных песен, од-

ним из составителей первого системного «Собрания русских народных песен с их голосами» (1790).

Любовь к русскому фольклору и церковному пению была семейной традицией Львовых. Не случайно Алексей так рано почувствовал свое музыкальное дарование. Девятилетним мальчиком он публично выступает с концертом Джованни Виотти, а в 1817 г. преподносит публике концерт собственного сочинения. «Молодой Львов играет с такой приятностью, с таким чувством, что кажется, водит смычком по сердцу», – замечал один из современников [6, с. 209].

Очень скоро А.Ф. Львов приобретает славу скрипача-виртуоза. Однако профессиональное музицирование, актерство было не принято в великосветской среде, считаясь уделом низшего сословия. Князь Алексей Львов не изменил дворянской традиции. В 1816 г., с производством в офицеры, он поступает

в привилегированный Институт корпуса инженеров путей сообщения (там же в ту пору обучался и молодой А. Н. Верстовский). После окончания института Львов в течение 8 лет руководит инженерными работами на аракчеевских военных поселениях.

Начало николаевской эпохи открывает важный этап в жизни музыканта. В 1826 г., одновременно с назначением отца на должность директора Придворной певческой капеллы, Алексей Львов становится секретарем-адъютантом начальника Третьего Отделения А. Х. Бенкендорфа. Впрочем, новые служебные обязанности, участие в турецкой военной кампании, бурная придворная жизнь не могли отвлечь князя от музыки. В 1828 г. штабс-капитан А.Ф. Львов основывает концертное общество «Музыкальная академия» (в 1850 г. на его основе возникло Симфоническое, а в 1859 – Русское музыкальное общество), призванное знакомить слушателей с лучшими образцами музыкального искусства.

Переломным в творческой судьбе А. Ф. Львова стал 1833 год, когда Николай I неожиданно поручает адъютанту своего друга А. Х. Бенкендорфа написать музыку русского национального гимна на уже имеющиеся стихи В. А. Жуковского. Николай I, при котором имперское могущество России достигает своего апогея, чрезвычайно заботился о престиже государственной власти и ее атрибутах. Официального гимна у России тогда не было. В этом качестве использовались полонез О. А. Козловского «Гром победы, раздавайся» на слова Г. Р. Державина и даже английский национальный гимн «God Save The Queen», который с легкой руки великого князя Константина Павловича иногда исполнялся при встрече императора. В короткий срок гимн был написан и получил одобрение царя. В день тезоименитства Николая I, 6 декабря 1833 г.,

в Москве, в Императорском Большом театре, «Боже, Царя храни» впервые было исполнено для публики и произвело потрясающий эффект. Восхищенный царь в знак признательности преподнес автору табакерку с бриллиантами [3].

После официального признания гимна А. Ф. Львов делает стремительную придворную карьеру. В 1834 г. он уже флигель-адъютант, а спустя короткое время – генерал-майор и управляющий делами Императорской Главной Квартирры и Собственного Его Величества Конвоя. В течение 14 лет генерал-адъютант Львов сопровождал императора в бесконечных путешествиях по России и Европе. В поездках композитор продолжал изучение русского церковного пения и знакомился с новинками европейской музыки.

Начиная с 1835 г. в роскошном особняке А. Ф. Львова устраиваются еженедельные музыкальные вечера с участием лучших артистических сил того времени. Предпочтение отдавалось квартетной игре – сам хозяин обычно исполнял партию первой скрипки. Участниками львовского салона были европейские звезды первой величины: итальянский баритон А. Тамбурини, П. Вирардо, австрийский пианист-виртуоз С. Тальберг, бельгийский скрипач и композитор А. Вьетан. Исполнялась, в основном, европейская классика: Бетховен, Гайдн, Гендель, Мендельсон, позже – Шопен, Шуберт.

В 1837 г. Алексей Федорович назначается директором Придворной певческой капеллы. На этом посту он сменил умершего годом раньше отца. Львов с головой уходит в работу и добивается великолепных результатов. Г. Берлиоз, слышавший в 1847 г. львовскую капеллу, был поражен высочайшим уровнем исполнительского мастерства. В 1839 г. при капелле Львов открывает инстру-

ментальные классы для малолетних, впоследствии давшие русскому искусству немало отличных музыкантов. Но главным делом своей жизни композитор считал сведение воедино всех древних церковных напевов и переложение их в четырехголосную гармонию (до этого церковные песнопения исполнялись без нот и потому всегда по-разному). Титанический труд потребовал долгих одиннадцати лет.

1830–1850-е годы стали для А.Ф. Львова наиболее плодотворными и в сочинительском плане. Им созданы концерты, фантазии, духовно-музыкальные произведения, а также три оперы: «Бьянка и Гвальтеро» (1844), «Ундина» (1848), «Староста Борис, или Русский мужичок и французские мародеры» (1854). Написанные в староитальянской манере, они, конечно, не могли составить конкуренцию операм М. И. Глинки и недолго держались в репертуаре. Но Львов стал первым русским композитором, кто смог поставить свои оперы на заграничной сцене: в Дрездене, в Вене.

Возвращаясь домой, князь погружался в любимую работу: сочинял новые произведения для хора, систематизировал старые церковные напевы, писал первое в России инструктивное пособие «Советы начинающему играть на скрипке», готовил к изданию сочинения Д. С. Бортнянского, перед которым преклонялся.

Между тем придворная карьера А. Ф. Львова продолжалась. В 1853 г. он переименован в действительные тайные советники, ему присваивается звание обер-гофмейстера Высочайшего Двора, а в 1855 г. Львов назначен сенатором. Но высокие чины и положение в обществе не вносили оптимизма в настроение князя: на него надвигалась самая страшная для музыканта болезнь – глухота.

В 1861 г. А. Ф. Львов подает прошение об увольнении из капеллы. После это-

го какое-то время он работает в хоре Кавалергардского полка, где пишет несколько пьес для военного оркестра. Совсем больной, он уезжает в ковенское имение дочери Романи, где умирает 16 декабря 1870 года. Погребен А. Ф. Львов недалеко от города Ковно (Каунас) в ограде Пожайского монастыря.

Посмертная судьба обер-гофмейстера А. Ф. Львова сложилась драматично. В 1898 г. музыкальная общественность весьма сдержанно отметила столетний юбилей композитора: к концу века демонстрировать цезаристские симпатии стало немодным, а фигура А. Ф. Львова неизбежно ассоциировалась у фрондствующей интеллигенции с консервативно-монархической, имперской идеей.

На волне либеральной ревизии монархизма в начале XX столетия в периодической печати вспыхнула дискуссия об авторстве национального гимна. Поводом стала сенсационная публикация в «Русской музыкальной газете»: некто, укравшийся за псевдонимом Тенор, заявлял, что подлинным автором «Боже, Царя храни» является композитор Ф. Б. Гаазе, немец по происхождению, который с 1830 г. служил капельмейстером гвардейского и гренадерского корпусов [4]. Написанный им «Преображенский марш» якобы и стал музыкальной основой национального гимна. Рассуждения Тенора опирались на экспертизу берлинской музыкально-издательской фирмы «Schlesinger», допускавшей (!), что «Преображенский марш» мог быть написан Ф. Б. Гаазе до 1833 г. (притом, что опубликована партитура была только в 1834 г.).

У А. Ф. Львова нашлись заступники. Н. Жерве, ссылаясь на «Дела штаба отдельного гвардейского корпуса за 1834 г.», утверждал, что Ф. Б. Гаазе было поручено лишь аранжировать и разучить написанный штабс-капитаном А. Ф. Львовым гимн [2]. А. А. Шульц считал, что в пользу

А. Ф. Львова говорит тот факт, что Ф. Б. Гаазе, умерший в 1851 г., никогда не оспаривал авторство гимна, хотя характером капельмейстер обладал вспыльчивым и тяжелым. Музыканты дружили, нередко музицировали вместе. Сохранилось письмо Львова к Гаазе от 17 апреля 1841 г., в котором адресат назван «cher ami» [5].

Диспут столетней давности о «Боже, Царя храни» открывал многолетние виртуальные тяжбы о праве собственности на музыкальные и поэтические опусы новой героической эпохи – включая революционные марши и знаменитый «Гимн Советского Союза».

В начале XX в. директор Придворной певческой капеллы С. В. Смоленский и композитор М. А. Гольтисон выступили с предложением об установке памятника трем великим русским духовным композиторам: Д. С. Бортнянскому, П. И. Турчанинову и А. Ф. Львову. Впервые эта мысль была высказана в 1901 г., когда в России отмечалось 150-летие Д. С. Бортнянского. Идея нашла поддержку. В марте 1908 г. в Уфе и Рыбинске прошли первые концерты духовной музыки с целью сбора средств. В апреле 1908 г. под председательством С. В. Смоленского создается временный комитет для реализации проекта. 24 июня 1908 г. было получено Высочайшее разрешение на повсеместный сбор пожертвований. Санкт-Петербургская городская управа выделила под памятник участок земли в 84 квадратных аршина в районе Казанской площади [1, с. 1090]. Однако смерть

С. В. Смоленского помешала осуществлению замысла.

В советское время имя А. Ф. Львова было прочно забыто: фигура композитора, всю свою жизнь посвятившего изучению литургийных песнопений, плохо соответствовала динамично-мироустроительному ритму советской эпохи. Печальная участь постигла и величественный гимн «Боже, Царя храни»: он превратился в объект эстрадно-кинематографического окарнаментирования и опошления.

Сегодня, когда мы перелистываем забытые страницы отечественной истории, имя А. Ф. Львова невольно задерживает наше внимание. И дело здесь не в авторстве знаменитого гимна, а в том, что Алексей Федорович Львов остается ярчайшим представителем эпохи «блестящих дилетантов» – людей, сочинявших и игравших хорошую музыку не ради заработка, а для потребности души и сердца.

Библиографический список

1. Исторический вестник. – 1909. – № 10. – С.1090.
2. Русский инвалид. – 1904. – № 12.
3. Русский инвалид. – 1905. – № 263. По другой версии первое исполнение гимна состоялось в августе-сентябре 1833 г. // Русская музыкальная газета. – 1904. – № 5.
4. Русская музыкальная газета. – 1903. – № 52.
5. Шульц А. А. К вопросу об авторе национального гимна // Русская музыкальная газета. – 1904. – № 5.
6. Ямпольский И. М. Русское скрипичное искусство. – М.; Л., 1951. – С. 209.

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ С МОНОГРАММОЙ «Х.Р.»

Аннотация. Благодаря исследованию, удалось выяснить, что нательный крест, представленный в публикации, является подписным произведением работы известного московского чеканщика Родиона Семеновича Хрусталева, отлит в одном из медных заведений Лефортовской части Москвы и датируется последней четвертью XIX – началом XX вв.

Ключевые слова: нательный крест, коллекционеры, Крест хранитель, металлопластика.

Памятники медного художественного литья представляют собой особую группу предметов православного церковного обихода¹. Меднолитые иконы и кресты появились на Руси со времени принятия христианства². Первоначально такого рода произведения христианского искусства ввозились из Византии³. Со временем, греческие образцы на русской земле начали копировать, а в дальнейшем и перерабатывать в зависимости от вкусов и потребностей местного населения⁴. Производство русской металлопластики было ориентировано прежде всего на удовлетворение спроса на предметы личного благочестия, предназначенные в первую очередь для домашнего употребления. Чаще всего эти предметы изготавливались из меди. Именно этому металлу приписывались магические свойства⁵. В библейской традиции медь занимает особое место. В Притворе Храма Соломона стояли две медные колонны, отделяя святое от мирского. Моисей,водя евреев по пустыне, по велению Господа сотворил медного змея и выставил его на знамя. И когда змея жалила человека, «он, взглянув на медного змея, оставался жив»⁶. Иудеи почитали этого *освященного спасительного медного кумира* вплоть до дней благочестивого царя Езекии, который повелел его истребить⁷.

Ветхозаветный эпизод о медном змее примечателен в контексте интересующей нас темы. В сюжетном ряду Библии *медный* кумир противопоставлен *золотому* тельцу. В Евангелии от Иоанна (3, 14-15)

Иисус сравнивает себя с этим змеем: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесены быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Таким образом, широкое применение меди при изготовлении икон и крестов имело идеологическое обоснование. Этим же, возможно, объясняется и популярность амулетов-змеевиков в Древней Руси.

В XVII и XVIII вв. происходит подъем в развитии русской церковной металлопластики. Особенности государственно-политической ситуации в России после Раскола предопределили тот факт, что в это время изготовление литых икон, складней, разнообразных крестов сделалось достоянием почти исключительно старообрядцев⁸. Исключение составляло производство нательных крестиков, которые продолжали отливаться и в мастерских, предлагавших свою продукцию Православной Церкви Нового обряда.

В конце XVIII столетия возникают мастерские по производству литых икон в Москве⁹. Они группируются вокруг Преображенского кладбища, ставшего с 1771 года центром старообрядцев федосеевского согласия. Расцвет этих мастерских приходится на вторую половину XIX столетия. В послереволюционный период деятельность этих производственных центров по понятным причинам значительно сокращается.

В настоящее время в музейных и частных собраниях находится большое количество произведений церковной металло-

пластики XII–XIX вв. Самую массовую группу среди этих предметов составляют кресты-тельники¹⁰.

Интерес исследователей и коллекционеров к этой группе артефактов велик. Он определяется массовостью и разнообразием этих материалов, предоставляющих большие возможности искусствоведческого и исторического анализа.

Предметом настоящей публикации является нательный крест, хранящийся в частной коллекции. Морфологически он относится к группе четырехконечных крестов с прямым углом в средокрестии и прямыми лопастями одинаковой ширины. Изображения на обеих сторонах креста оконтурены двумя валиками. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом изображены восьмиконечный крест, по бокам которого располагаются копьё и трость с губкой. У основания креста имеется схематичное изображение черепа человеческой головы: череп представлен анфас, лежащим на правой стороне. Это изображение Головы Адама, соотносимое с горой Голгофой, на которой был распят Христос. Над крестом – надпись под титлами ЦРЬ СЛВЫ (Царь Славы) в две строки. По сторонам креста в оконечностях горизонтальных лучей – монограммы под титлами: над основной перекладиной ІС ХС (Иисус Христос), под ней – СНЪ БЖІИ (Сын Божий). Между древом креста и древками копьё и трости размещена монограмма НИКА (Победитель) без титлов. Вся плоскость оборотной стороны занимает рельефная надпись, воспроизводящая начало текста молитвы Честному Кресту без заглавных букв, знаков препинания и промежутков между словами: «да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его и да бежат от лица его ненавидящии его яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ тако да погибнутъ». Оглавие креста выполнено в виде бусины с тремя венцами вверх, символизирующими Свя-

тую Троицу. На бусине оглавия имеются отлитые буквы монограммы: на лицевой стороне – «**Х.**» (буква **ха** с точкой), на оборотной – «**Р.**» (буква **эр** с точкой). Размеры креста: высота без оглавия – 35 мм, с оглавием – 47 мм; общая ширина – 22 мм; ширина лопастей – 9 мм; толщина – 2 мм. Промеры креста позволяют говорить о его пропорциях. Размеры боковых лопастей одинаковые – 6 x 9 мм, верхней лопасти – 8 x 9 мм, нижней лопасти – 17 x 9 мм. Соотношение длин верхней и нижней лопастей определяется как 1:2 (8 и 17 мм). Соотношение расстояния от вершины верхней лопасти до нижней линии перекладины и длины нижней лопасти составляет 1:1 (соответственно – 18 и 17 мм). Крест отлит из медного сплава. По классификации литейного мастера А. П. Серова (1899–1974 гг.) крест относится к группе нательных крестов 4-ого сорта, в которую входили крупные мужские кресты длиной 47 мм, шириной 24 мм, весом 8 гр., продававшиеся по цене 3 1/2 к. за 1 штуку¹¹.

Нательные кресты этого типа различных размеров в XVIII – начале XX в. являлись массовой продукцией старообрядческих меднолитейных мастерских. Они встречаются повсеместно и чрезвычайно многочисленны¹².

Особенностью описываемого креста является монограмма «Х.Р.», расположенная на бусине оглавия. При массовости нательных крестов этого типа упоминаний об аналогичном оформлении бусин оглавия в публикациях нет. Между тем, в каталоге «Тысячелетие креста» под номером 2–17 представлен наперстный меднолитой крест с аналогичным оформлением бусины оглавия¹³. Крест датируется XVIII – нач. XX в., происходит из г. Москва, размеры 80 x 44 мм. Крест четырехконечный с прямым углом в средокрестии и прямыми лопастями. На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконеч-

нечного креста с копием и тростью по сторонам. Над крестом – надпись **ЦАРЬ СЛАВЫ** в две строки, по сторонам креста – монограммы: над основной перекладиной **КРЕСТ ХРАН** (Крест хранитель), под ней – **СЫНЪ БОЖИИ, К Т** (Копие, Трость); напротив ее концов – S под титлами. Между древом креста и древками копия и трости размещена монограмма **НИКА** (Победитель) без титлов. Оглавие выполнено в виде бусины с *прочерченным косым крестом* (курсив – А. Г. Лапшина) и тремя венцами вверху, символизирующими Святую Троицу¹⁴.

К сожалению, в каталоге дано изображение только лицевой стороны креста, описание оборотной стороны отсутствует. Однако, в аналитической части описания отмечается: «На оборотной стороне крестов этого типа обычно воспроизведен текст псалма 67 “Да воскреснет Бог”»¹⁵.

Изображение креста, представленное в каталоге, оставляет желать лучшего: это черно-белая фотография без шкалы масштаба, грубо обрезанная по контуру креста. Несмотря на плохое качество репродукции, изображение на бусине оглавия видно достаточно хорошо, чтобы идентифицировать его как букву «Х» с характерными плавными изгибами концов. Плавные очерки буквы дают основание предположить, что буква не была прочерчена после отливки креста, но имела уже в форме. Нижняя часть оглавия на репродукции сильно затемнена. Поэтому невозможно определить, имеется ли точка справа от буквы.

Если наше предположение о наличии монограммы на оглавии креста № 2–17 верно, то можно говорить о его типологической близости с нательным крестом, описанным выше. Понятно, что эта типологическая близость условна. В первом случае мы имеем нательный крест, во втором случае – крест наперсный. Если обратиться к классификации А. П. Серова,

то первый крест, как отмечалось выше, определяется как крест 4-го сорта, второй крест – как крест 5-го сорта¹⁶. Примечательно, что составители каталога, ссылаясь на статью О. С. Куколевской, определили крест № 2–17 следующим образом: «По номенклатуре мастеров-литейщиков, крест относится к так называемым “казацким”. В начале XX в. мастера отпускали их торговцам по цене 5 коп. за штуку»¹⁷. Именно такое название и цена зафиксированы за крестами 5-го сорта в типологии А. П. Серова¹⁸. Таким образом, описываемые кресты относятся к одному типологическому ряду. Их типологическая близость усиливается наличием монограммы на оглавии. Совершенно очевидно, что на лицевой стороне бусины оглавия буквы «Х» выполнены стилистически и технически одинаково. В обоих случаях мы имеем схожие очерки букв с характерными изгибами и контурами концов, а также их одинаковое расположение.

Монограмма «Х.Р.» на произведениях медного художественного литья – явление редкое, но известное. Эта монограмма принадлежит мастеру Родиону Семеновичу Хрусталеву, который был одним из ведущих московских мастеров-чеканщиков в последней четверти XIX в. – начала XX в. В настоящее время о его жизни почти ничего не известно. Однако, его монограмма («М.Р.С.Х.», «Р.С.Х.», «Ч.Р.С.Х.», «Р.Х.») идентифицирована на значительном ряде отливок 1870–1880-х гг.¹⁹ Стилистически монограммы на описанных крестах соответствуют монограммам мастера Р. С. Хрусталева.

В настоящее время в музейных и частных собраниях выявлено более 30 иконографических сюжетов, принадлежащих этому мастеру. Готовится к печати каталог его произведений²⁰. Р. С. Хрусталева работал в «медных заведениях», принадлежащих Е. П. Петровой и М. И. Соколовой²¹. Обе мастерские располагались за Преоб-

раженской заставой, в селе Черкизово, на улице 9 роты. Здесь – в Лефортовской части Москвы – располагался центр старообрядцев беспоповского толка федосеевского согласия – Преображенская община²². По заказу старообрядческой Преображенской общины Р. С. Хрусталева занимался изготовлением и правкой моделей для литья крестов, икон и складней. Последний период творческой деятельности мастера был связан с заведением Марии Ивановны Соколовой²³. «Медное и серебряное заведение» М. И. Соколовой было известно в России конца XIX – начала XX века. Эта мастерская оказала влияние на развитие меднолитейного дела в различных регионах России не только тем, что поставляло на рынок высокохудожественные образцы продукции, но и тем, что производило на продажу модели для последующего создания литейных форм и организации производства на местах, за пределами Москвы. К примеру, именно по такой схеме – *приобретение модели в Москве, затем серийное производство на месте* – было организовано медно-литейное заведение П. Я. Серова в с. Красное-на-Волге Костромской области²⁴. Модели для отливки изготавливались опытными мастерами-граверами. Эта работа ценилась высоко: стоимость изготовления одной модели креста составляла 15 руб.²⁵. Одним из таких мастеров вполне мог быть Р. С. Хрусталева.

Таким образом, нательный крест, представленный в данной публикации, является подписным произведением работы известного московского чеканщика Родиона Семеновича Хрусталева, отлит в одном из медных заведений Лефортовской части Москвы и датируется последней четвертью XIX – началом XX вв.

Примечания

¹ Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1–2. –

Киев, 1899–1900; Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. – М., 1991; Гнутова С. В. Мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С. В. Гнутова. – М., 1993. – С. 7–20; Исаева Н. Н. Русское медное художественное литье XVI–XX вв.: Приенисейский регион. Сводный каталог. – Красноярск, 1996; Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX вв. из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева. – М., 2000; Лучшева З. А. Старообрядческое медное литье в собрании Государственного музея истории религии: обзор коллекции // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 1. – СПб., 2001; Гармина Н. В. Христианские древности. Художественный металл XI–XIX вв в собрании Новгородского музея-заповедника. – М., 2005; Карпенко Е. «Образ литой старинный...» Медное Художественное литье XII–XX вв. из собрания Национального художественного музея Республики Беларусь. – Мн., 2006; Воробьев М. Старинный образ медный: сюжетное многообразие старообрядческого медного литья // Православие и современность. – 2008. – № 6. – С. 23–28; Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. Каталог-справочник / сост. А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьев. – М., 2003.

² Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь: быт и культура. Археология с древнейших времен до средневековья / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М., 1997. – С. 166–178; Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных ви́робів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). – Киев, 2001; Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты – реликварии XII–XIII вв. – СПб., 2003.

³ Переседов И. Г. Об амулетах-змеевиках и их связях с нательными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. – СПб., 2004. – С. 108–121.

⁴ Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // Византийский временник. – М., 1958. – Т. XIV. – С. 129–137; Пуцко В. Г. Русское сюжетное художественное литье и его модели // Русское медное литье. Вып. 2. – М., 1993. – С. 17–29.

⁵ Николаев С. М. Камни и легенды. – Новосибирск, 2007. – С. 115–117.

⁶ Чис. 21, 9.

⁷ 4 Царств, 18, 4.

⁸ Пуцко В. Г. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье. Вып. 1. – М., 1993. – С. 21–33; Зотова Е. Я. Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в Московском регионе // Локальные традиции в народной культуре русского севера: материалы IV научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Сборник научных докладов. – Петрозаводк, 2003. – С. 23–27.

⁹ Зотова Е. Я. О московских «медных заведениях» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. Е. М. Юхименко. – М., 1999. – С. 402–418; Зотова Е. Я. Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в Московском регионе // Локальные традиции в народной культуре русского севера: материалы IV научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Сборник научных докладов. – Петрозаводк, 2003. – С. 23–27.

¹⁰ Столярова Е. К. Медные кресты-тельники XI–XVI вв. из собрания музея им. А. Рублева // Русское медное литье / сост. и ред. С. В. Гутнова. Вып. 1. – М., 1993. – С. 98–103; Гутнова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX вв. из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева. – М., 2000. – С. 18–43; Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. Каталог-справочник / сост. А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьев. – М., 2003; Энциклопедия крестов. Каталог. – URL: <http://www.krest.histexpedition.ru/katalog>.

¹¹ Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области. Из тетради красносельского литейного мас-

тера А. П. Серова (1899–1974 гг.) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С. В. Гутнова. Вып. 2. – М., 1993. – С. 157.

¹² Куколевская О. С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Краеведческие записки. Вып. V. – Кострома, 1993. – С. 91–92; Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М., 1999. – С. 326–360; Воробьева Т. Ю. Коллекция нательных металлических крестов из фондов Ивановского историко-краеведческого музея / / Художественный металл России. – М., 2001. – С. 73–82; Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. Каталог-справочник / сост. А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьев. – М., 2003; Энциклопедия крестов. Каталог. – URL: <http://www.krest.histexpedition.ru/katalog>; Самигулов Г. Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX вв. (К вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 212–218.

¹³ Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. Каталог-справочник / сост. А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьев. – М., 2003. – № 2–17.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области. Из тетради красносельского литейного мастера А. П. Серова (1899–1974 гг.) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С. В. Гутнова. Вып. 2. – М., 1993. – С. 157–158.

¹⁷ Куколевская О. С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Краеведческие записки. Вып. V. – Кострома, 1993. – С. 91–92.

¹⁸ Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области. Из тетради красносельского литейного мастера А. П. Серова (1899–1974 гг.) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С. В. Гутнова. Вып. 2. – М., 1993. – С. 157–158.

¹⁹ Зотова Е. Я. О московских «медных заведениях» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. Е. М. Юхименко. – М., 1999. – С. 402–418.

²⁰ Зотова Е. Я. Московское «Медное и серебряное заведение» М. И. Соколовой конца XIX – начала XX века // «Книжница самарского староверия». – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ>.

²¹ Зотова Е. Я. Преподобный Нифонт Кипрский. Сопроводительный текст // Сокровища ЦАК МПДА, с. 11 // Галерея на Котловке. – URL: <http://kotlovka.ru/pgalery>; Зотова Е. Я. Московское «Медное и серебряное заведение» М. И. Соколовой конца XIX – начала XX века // «Книжница самарского староверия». – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ>.

²² Зотова Е. Я. О московских «медных заведениях» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. Е. М. Юхименко. – М., 1999. – С. 402–418.

²³ Зотова Е. Я. Московское «Медное и серебряное заведение» М. И. Соколовой конца XIX – начала XX века // «Книжница самарского староверия». – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ>.

²⁴ Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области. Из тетради красносельского литейного мастера А. П. Серова (1899–1974 гг.) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С. В. Гнутова. Вып. 2. – М., 1993. – С. 156–157.

²⁵ Там же. – С. 157.

УДК 246.3
ББК 85.14

Каткова Г. Г.

РОСПИСЬ КУПОЛА ВЛАДИМИРСКОЙ ЦЕРКВИ Г. НЕРЕХТА

Аннотация. Роспись купола Владимирской церкви г. Нерехта можно вполне назвать «романской». Храм, по замыслу архитектора, выражал в своем облике главные идеи имперской России: торжество ее и славу и был приурочен к 225-летию юбилею Дома Романовых.

Ключевые слова: Владимирская церковь, Нерехта, интерьер, технология, бригада, колокольня, реставрация, Святой Дух.

Владимирская церковь Богородицко-Сретенского монастыря самый древний каменный храм в городе¹. На ее строительство жертвовали средства царь Федор Алексеевич в 1678 году на начало строительства, Петр I в 1685 на ее окончание. Внешне она близка ярославским храмам: огромный четверик увенчан мощным пятиглавием, нарядное крыльцо с висячими гирьками, изразцы, роспись на фронте крыльца и в закомарах. Но в интерьере вместо четырех столбов – два, световые главы установлены на конструкции из подвышенных арок. Этот вариант сокращенной крестовокупольной конструкции связан с костромской артелью зодчих и каменщиков, строивших подобные храмы в разных городах, и в Москве тоже.

Около 1700 года к юго-востоку от церкви была возведена шатровая колокольня. В 1764 году монастырь упразднили, и храм стал приходским. В 1833 году расширяется, примыкавшая с запада теплая церковь с приделами Сретения и Михаила Архангела.

В первой половине XIX века реконструкции, увеличивающие размеры церкви, получили в костромской епархии широкое распространение. Многие из них проектировал архитектор П. И. Фурсов². Реконструируя церкви, Фурсов не стремился стилизовать свои дополнения под старину. Не отступая от стилистики ампира, он умело соотносил его декор, пропорции с основным объемом, четко обозначая границы древнего и современного строе-

ний. В 1830–1834 годах по его проекту в Троице-Сыпановом монастыре г. Нерехта возводится трапезная³. Почти одновременно ведется строительство во Владимирской церкви. Комплекс выглядит соединением стоящих рядом зданий, где каждое ценно и красиво по-своему. Они не спорят друг с другом, создавая картину смены вкусов и стилей в архитектуре.

Документальных свидетельств о проектировании пристройки к Владимирской церкви П. И. Фурсовым нет, но ряд повторяющихся элементов и приемов, как в конструкции, так и в декоре, позволяют отнести ее к творчеству знаменитого зодчего. Храм, по замыслу архитектора, выражал в своем облике главные идеи имперской России: торжество ее и славу. Напомню, что на возведение храма царствующие особы из династии Романовых жертвовали определенные суммы. И память о том ко многому обязывала. К тому же реконструкция храма явно приурочивалась к очередной юбилейной дате: 220 или 225-летию Дома Романовых.

Пристройка трапезной по площади превышает основной объем храма. Ее кубический объем завершает невысокая глухая ротонда с барабаном на сферической кровле. Западный фасад оформлен шестиколонным портиком с треугольным фронтоном, по сторонам которого высокие окна в широкой раме наличника. Прием, опробован П. Фурсовым, на фасаде костромской гауптвахты. На северном и южном фасадах трапезной портики приставные из двух пар трехчетвертных колонн.

В центре интерьера четыре мощных столба-пилона держат огромный плоский купол. А. Ф. Писемский, описывая усадебный дом Коптева (П. А. Катенина) в Клушеево, дает портрет зодчего, в котором узнается отставной губернский архитектор⁴. Зал с круглым сводом был единственным в помещичьих домах костромской глубин-

ки, и, видимо, он породил легенду о том, что свод рассчитал сам заказчик, ведь он «математике у самого Лагранжа учился». Конечно, для нас важно, прежде всего, авторство П. Фурсова. Известно, что поэт Катенин был большим эрудитом, знал дифференциальные и интегральные исчисления. Однако, и Фурсов был архитектор опытный. Обмерные чертежи клусеевского дома дают возможность сравнения купольной системы, поставленной на усиленные пилоны, с куполом трапезной Владимирской церкви⁵. Результат сравнения однозначно указывает: использован тот же прием.

Широко расставленные большие, трехчастные окна (тоже часто использовавшиеся П. Фурсовым) дают много света. Торжественность интерьера дополняли росписи и нарядные иконостасы приделов. Иконостасы не сохранились, а росписи были забелены в несколько слоев, так как помещение церкви много лет после закрытия использовалось как кинозал Дома культуры. После того как Дом культуры приобрел свое здание, церковь долгое время была бесхозной, стояла с выбитыми окнами и без дверей.

Весной 2001 года реставраторы ООО «Изограф»⁶, к этому времени уже завершившие реставрацию стеного письма 1775 года в четверике и алтаре основного храма, начали реставрацию живописи свода.

Реставрационное задание предусматривало удаление всех слоев окрасок, укрепление красочного слоя масляной живописи и тонирование в местах его утрат. Раскрытия до клеевой живописи не предусматривалось. Стиль и характер клеевой росписи представляли изображения евангелистов на парусах и композиция «Тайная вечеря» на восточной стене над аркой входа в летний храм. Эти сюжеты были заключены в орнаментальные композиции из плетущихся, цветущих

растительных побегов, исполненных в технике гризайли. Реставрацию этих частей предполагали выполнить после окончания работ по своду⁷.

В процессе реставрации росписи купола была открыта авторская подпись художника: «Н. И. Баженов. 1914 год». Николай Иванович Баженов из семьи потомственных иконописцев посада Большие Соли. Известно, что его кисти принадлежали росписи в ряде храмов Ярославской и Костромской губерний. Чаще всего ему приходилось поновлять утратившие цельность клеевые росписи. Поновлял он их масляной живописью, технологией и секретами которой, применительно к стенному письму, владел в полной мере. В нашем случае роспись выдержала многочисленные закраски, перепады температур, промочки в годы бесхозности здания. Под воздействием экстремальных условий начался процесс самораскрытия: слои покрасок стали трескаться и отставать, обнажая роспись. Роспись, как неудобную шкуру, начала сбрасывать закраски, при этом качественно выполненная Баженовым живопись практически не пострадала. При обследовании церкви в 1971 году комиссия КСНРПМ отметила шелушение покрасок. Тогда же сделано было пробное раскрытие, показавшее удовлетворительную сохранность масляной живописи⁸.

В 1913 году Кострома и губерния отмечали 300-летие правления Дома Романовых. Юбилей – это не просто круглая дата, это всегда особое, пристальное внимание к началу, истоку пути, не только итог, но и нереализованность промысла, поставившего юбиляра на этот путь. Понятно, что избрание на царство Российское отрока Михаила Романова было освящено с соблюдением принятого ритуала; сам факт избрания его как кандидата выглядит как провидение. Историки анализировали все стечения обстоятельств, бла-

гоприятствовавших этому решению, и трижды в начале XVIII, XIX, XX столетия пытались осмыслить этот факт.

1913 году в этом отношении был особенный. 300 лет. Исторические факты обретали роль символа, получали мистическую окраску, где воля неба все предопределила и разрешила. Выбор сделали небеса.

В начале XX века символизм получил широкое распространение в искусстве. Знаковая система обретала права художественного образа.

Попробуем проанализировать под этим углом зрения вновь раскрытую роспись.

Подготовку к юбилею начали с 1908 года. Ремонтные работы захватили все уездные города Костромской губернии, сельские церкви и монастыри. Во многих храмах поновляли иконы и стенное письмо, заменяли и украшали иконостасы. В пылу этого усердия нанесли значительный ущерб историческому наследию.

Возникает вопрос: когда же начали роспись купола и почему не успели к торжествам? Мы также не знаем, повторяли ли Н. Баженов уже существовавшую роспись или в связи с наступающим юбилеем разработал свою композицию, в образах-символах показав небесное покровительство новому избраннику на царство московское.

Немного из истории росписей костромских каменных храмов XVIII – начала XIX веков. В XVIII веке в архитектуре каменных храмов Нерехты преобладают церкви с перекрытием четверика сомкнутым сводом и восьмерика восьмилотковым сомкнутым сводом, если объемная композиция храма «восьмерик на четверике». Сохранившиеся росписи этих церквей имеют в центре свода изображения парящего в ореоле света голубя (Святой Дух) из композиций Новозаветной Троицы или Коронования Богородицы.

На лотках свода обычно им предстоят все девять чинов небесных сил.

Купольные перекрытия в эти годы большая редкость. Из сохранившихся в руинированном состоянии храмов Нерехтского района известны только два перекрытых куполом: ц. Федоровской Богоматери с. Ильинское-Шихматовых, церкви Покрова с. Пирогово. Обе начала XIX века. Росписи купола Федоровской церкви «Новозаветная Троица» в центре и чины небесных сил по кругу не сохранились. В обоих памятниках живопись клеевая, сюжеты обрамлены растительным орнаментом в технике гризайли. Главное, купольные композиции повторяют иконографию росписей сомкнутых сводов⁹.

В исследуемой росписи в центре купола композиция «Новозаветная Троица»: на облаках сидят Бог Отец, Бог Сын и над ними голубь (Святой Дух). Иконография, на первый взгляд вполне традиционная, Христос сидит на едином Престоле с Саваофом. Традиционно Он держит восьмиконечный крест-распятие. Крест бывает большой, и тогда он опирается на плечо, или небольшой, возвышающийся над сферой, которая объединяет Отца и Сына. В нашем варианте есть отступления от принятой традиции. Крест четырехконечный, его держит ангел за спиной Христа. Он словно представляет будущий крестный путь, а пока Отец благословляет Сына.

Под крылом ангела с крестом второй ангел со скрещенными на груди руками. Часть его фигуры скрыта облаками. Симметрично, за спиной Саваофа, тоже два ангела: первый со сложенными перед грудью руками (жест моления) на подлете уже складывает крылья; нижний же ангел улетает в сторону, выставив вперед правую руку, а левая у него перед грудью. Нижнюю часть его фигуры тоже скрывает облако.

Рассмотрим жесты Христа и Саваофа. Христос положил левую руку на сферу,

правая на левом колене. Саваоф правой рукой благословляет именованно, левая лежит на колене.

За сферой стоит Скрижаль Завета. Итак, перед нами сопрестолie, в котором Сыну уготован крестный путь, и Он держит руку на сфере (Спаситель мира), а Отец разделяет с ним Престол и благословляет. Ангел за спиной Отца олицетворяет молитву, другой, улетающий, представляет, что Отцу предстоит покинуть Сына. Даже этот сюжет Троицы предстает символом – параллелью начала правления Михаила Федоровича под опекой отца патриарха. И в этом контексте сфера мира воспринимается как Держава, а Скрижаль Завета как закон: правление законно и идет по закону.

Троица развернута по оси запад-восток, то есть входящий в храм видит Её полностью, так как окружающее Её золотистое сияние простора неба отделяет от остальных сюжетов. В подножии Троицы среди облаков изображены парящие херувимы, они как связующее звено с венком сюжетов по окружности купола.

Персонажи этой части росписи тоже из чинов небесной силы, все они изображены коленапреклоненными, понятно, что это продиктовано ограниченностью пространства купола. Многочисленные персонажи объединены в группы, в которых четко обозначены центры, расположенные по сторонам света.

Изображение Архангела Михаила можно считать заглавным, так как именно ему была посвящена теплая церковь. Он «яко Бог» изображен в образе воеводы небесных сил в воинских доспехах Архистратига с огненным мечом победителя сатаны. Он символ воинской доблести и олицетворение защитника, поэтому на Руси Архангел Михаил был покровителем князей воинов. Меч огнем опущен книзу, в левой руке у него зеленая хоругвь с равноконечным крестом на древке с копьём.

Где меч, там должен быть и щит. Щит держит левой рукой ангел, сидящий на облаке слева от крыла Архангела. Над головой архангела Михаила три оплечных ангела, очевидно, символ Троицы.

Слева от архангела Михаила сцена Благовещения. Архангел с цветком белой лилии, конечно, Гавриил. Только благовествует он не Богородице, а коленопреклоненному ангелу. Архангел Гавриил в белой тунике, перепоясанной накрест голубым лором с золотой каймой и синими звездами (одна темно-красная). В левой опущенной руке держит зеркало в золотой оправе, а в правой поднятой цветущая ветвь лилии. Крылья развернуты по сторонам и опущены. Глаза возведены ввысь. Слева от него ангел в желтой тунике с розовым гиматием. Его крылья опущены вниз, а руки возведены вверх. Он смотрит на архангела Гавриила.

Зерцало открывает Божественную волю, и воздетые ввысь взоры, и поднятые в молении руки ангела – знак принятия благой вести и готовности донести избранныку волю небес.

Справа от Архангела Михаила композиция из трех персонажей. В центре ангел в белых одеждах со светло-желтым гиматием. Он положил руку на спину коленопреклоненного белокурого мальчика в белой рубашке, руки которого в жесте моления сцеплены перед грудью. Ангел перстом поднятой руки указывает отроку на крестраспятие. Второй ангел в серо-розовой тунике с голубым гиматием, сложив руки накрест на груди, смотрит на стоящего напротив ангела в белых одеждах.

Эта аллегория настолько прозрачна, что сразу вызывает в памяти события избрания на царство отрока Михаила (сына боярина Федора Никитича Романова, впоследствии патриарха Филарета и костромской боярыни Ксении Шестовой, в монашестве инокини Марфы). Ангел указывает на мученический крест, как на

судьбу, ведь шестнадцатилетнему отроку предстояло принять правление страной, разоренной войной и смутой.

На восточном склоне купола тему продолжает развивать сцена венчания на царство. Архангел стоит на коленях, в фас, голову чуть запрокинул вверх и склонил к левому плечу. Крылья широко расставлены и опущены. Одежда – далматик розовый, с широким золотым оплечьем, усеянным камнями и жемчужной обнизью. Накинутый поверх бирюзовый плащ он за концы поддерживает на груди.

Перед архангелом коленопреклоненный ангел в синей тунике и красном плаще. Он подносит корону и меч на бордовой подушечке с золотыми кистями по углам. В руке он держит скипетр.

Справа от ангела со скипетром на пушистых облаках еще группа из двух ангелов. Впереди ангел в апельсиново-розовой тунике, голубой мантии с горностаевым воротом. В правой руке он держит корону (малиновую с золотом). Жест протянутой левой руки можно считать обращением принять корону. Ангел второго плана в зеленой тунике и сиреневом гиматии указывает руками на центральную фигуру, которой эта корона предназначена.

Облака частью скрывают низ одежд второго ангела. Крылья второго ангела сверху подсвечены розовым рефлексом. У ангела с короной крылья темно-серые в тени и белые по краю.

Слева от центрального архангела ангел в ярко-голубом архиерейском саккосе с розовой епитрахилью и палицей (кресты золотые). По низу саккоса широкая золотая кайма, такая же по краю рукавов, на вороте узкая кайма с пуговкой. Испол саккоса лиловый. В левой руке он держит митру (лиловая с золотом и белой опушкой). Протянутой правой держит бирюзовый омофор.

Перед ним ангел в дьяконском стихаре (светло-желтом) держит в левой руке

архиерейский посох со змеями, красным бантом над белым с золотыми кистями сулком. Крылья с наклоном от центра влево. И этим разворотом он заключает композицию из трех персонажей.

Продолжают тему священного служения группа из трех ангелов на северном конце оси север-юг.

В центре ангел в белом дьяконском стихаре. Правой рукой машет кадиллом (золотое), оно дымится. Левая рука приподнята и держит конец ораря (бирюза с желтыми крестами и кромкой). Голова в фас, глаза воздеты к небу. Складки одежд глубокие, передают переливчатость шелка.

Стихарь бирюзовый. Орярь (розовый) держит в руках как ленту и передает венчающемуся на царство¹⁰.

Третий ангел со свечой горящей. Свеча обвита лентой и стоит в высоком серебряном подсвечнике. Ангел держит ее двумя руками. Одежда розовая с лором на перекрест на груди (лор бирюзовый с красно-коричневой каймой и крестами).

На южной стороне группа архангелов, облаченных в мантии с горностаевым подбоем. В центре ангел лицом в фас. На нем бирюзовый далматик с золотом оплечья. Поверх малиновая мантия с рукавами и золотой каймой на отворотах. На круглой малиновой подушке он держит Державу и Скипетр. Слева подушку поддерживает снизу ангел в желтом платье, мантия на нем вишневая с горностаевым подбоем, рукава с горностаевой опушкой, как у безрукавки.

Таким образом, справа персонажи в одеждах с горностаевым мехом, они символ царственности, слева персонажи, определяющие священство, власть духовную.

Главный атрибут царской власти корона и меч защитника страны дарованы государю Небом, тогда как скипетр и державу ему вручают князья земные, возмож-

но, это намек на избрание Михаила Федоровича Земским собором.

Правой рукой венчающегося на царство выступает архангел в архиерейском наряде с митрой и посохом. Это сопровитель юного царя патриарх Филарет, его еще называли «Великим Государем». Рядом с ними группа во главе с архангелом в дьяконском одеянии. Он кадит кадиллом и принимает от ангелов горящую свечу и омофор – атрибуты служения Богу. Небо вручает патриаршеский престол отцу государя. Таким образом, власть мирская и власть духовная с благословения Неба передана сыну и отцу. Свет веры должен освятить дела Государя, а ладан отгонит от него все козни и беды.

Не столь однозначна символика Благовещения. Архангел Гавриил изображен в традиционной иконографии с белой лилией. Может быть, это символ пророческого благовещения костромского святого Геннадия, прозорливо предсказавшего судьбу Анастасии Романовой, родство с которой и обосновало право Михаила Федоровича на избрание царем.

Одним из первых актов Михаил Федорович учредил придворное празднество в честь иконы Богоматери Федоровской, приравненное к Благовещению¹¹.

Таким образом, многосложная композиция росписи купола в символических образах повествует о начале династии Романовых и связи их с землей костромской.

Что заставило заказчиков пригласить художника на поновление только купола? Возможно, предполагалось продолжить поновление всей росписи, но начавшаяся первая мировая война, а затем революция сделали продолжение работ невозможным. Хотя сотрудничество с храмом у художника продолжалось. В следующем 1915 году на средства нерехтского купца Е. И. Сыромятникова он поновил чудотворный образ Богоматери Владимирской¹².

Творческий почерк Н. И. Баженова отличается свободой лепки форм и уверенным рисунком. Мазки корпусные, тянутые лежат по форме. Лица румяные, тени легкие, положены прозрачно, на шее серые. Глаза крупные с яркими белками, на радужке белый блик света. Веки розовые, слезник выделен только у лиц в фас. Губы пухлые розовые с лиловатым оттенком. Золото одежд везде писано желтой краской. Автор знал, что подлинное золочение часто темнеет и выглядит плоско на фоне объемной живописной трактовки образов.

Но в какой степени Н.Баженов был привязан к иконографии первоначальной росписи ?

Центральная часть росписи купола традиционна по иконографии и была распространена в росписях конца XVIII – первой половины XIX века. Пухлощечие, румяные детские головки херувимов с пушистыми крылышками по стилю письма близки пластическим образам в декоре иконостасов и росписей XVIII века. Так писать мог художник, начавший свой путь в конце XVIII века или учившийся у мастера, сложившегося в эти годы. Эти мотивы и клеевая роспись на парусах, композиция «Тайная вечеря» над входом в основной храм заставляют предположить, что автор клеевого письма в куполе был мастер, владевший стилистикой академического письма. Возможно, это кто-то из потомственных большесольских иконописцев первой трети XIX века.

Расписывали большую часть храмов Нерехты и уезда выходцы из села Большие Соли, представители известных семей художников Демидовых, Соколовых, Казаковых, Баженовых. Отличительной чертой мастеров этого центра было использование в росписи гравюр и репродукций картин европейских и отечественных академических мастеров на библейские сюжеты. Они часто повторяли

сюжеты стенового письма В. М. Васнецова, М. В. Нестерова, образы М. А. Врубеля. Клейма и картины заключали в пышные рамы, имитирующие скульптурный рельеф в технике гризайли, лишь изредка дополняя его полихромией. Купольные росписи не отличались по сюжетам от росписей сомкнутых сводов.

Поскольку раскрытия масляной живописи свода не производилось, то нет ответа на вопрос, в какой степени Н.Баженов повторил сюжеты клеевой росписи. Цельность образов и символов заставляет предположить единство замысла, и трудно предположить изменение иконографии в какой-то части росписи. Есть ли образец этой сложной программы? Во всяком случае, мне пока неизвестно ни одной росписи с аналогичным венком сюжетов.

Мог ли реализовать эту программу автор клеевой живописи? Как уже упоминалось, храм возвели к очередному юбилею царствующей династии.

Исключить это невозможно, так как в 1830-е годы русское общество было подготовлено к восприятию сложных образов-символов, аллегорий, а художники к исполнению подобных заказов.

Хотя в 1820 году и последовал запрет деятельности масонских лож, но годы существования их в России, широкое посвящение в премудрости «соломоновых наук» образованной части русского общества не могли исчезнуть по указке и бесследно. Три первых ступени «символического» масонства были азбукой символики и истории братства. Роль разума, премудрости, умение мыслить аллегориями и разгадывать различные символические картины были подняты на особую высоту и к концу XVIII века уже перевели мышление русских людей в европейскую мифологическую и эмблематическую систему. Велика роль Академии художеств, с самого начала воспитывавшей своих питомцев на античной

мифологии. Овладение образами-символами, аллегориями было частью образования художников.

Если считать, что весь замысел принадлежит автору 1830-х годов, тогда надо включить и символику архитектурной композиции. Купол – символ неба, горнего мира, где обитают чины небесной силы: от Самого Творца до ангелов. Столбы, как столпы, поддерживают свод и через систему арок связывают его со стенами, которыми мир горний соприкасается с миром земным.

Как небо, купол расписан на сюжет, приоткрывающий предопределенность событий земных. Иконография, на первый взгляд, традиционна. Это сопрестоліе. Но выбор ее для данного замысла неслучаен. Напрашивается параллель с сопрестоліем сына и отца Михаила Федоровича и Федора Никитича. Есть несколько деталей, которые привнесены в композицию в связи с символикой соправительства. Единство Отца и Сына – параллель с началом правления Михаила Федоровича под опекой отца-патриарха Филарета. Сфера как символ державы, власти над страной. Скрижаль завета – Закон Божий, положенный в основу власти монарха. И то, что Бог Сын один положил руку на сферу, а Саваоф именованно благословляет, в нашем контексте прочитывается так: правление страной получил сын, а дела духовные у его отца. Херувимы с разным направлением взглядов подтверждают разделение власти: один смотрит в небо, его удел дела духовные, другой вниз на землю, это забота государя.

Обычно мастера, возобновлявшие росписи, указывали в особых клеймах имена заказчиков, исполнителей росписи и характер выполненной работы: «возобновил», «поновил». В данном случае художник, хотя и оставил свой автограф, не уточнил, что именно было им сделано. Очевидно, для него было не суть важно, следовал ли он

иконографии прежней росписи. Н. Баженов писал в масляной технике, а значит, реализовывал новую программу, и потому мог не упоминать о поновлении.

Примечания

¹ Памятники архитектуры Костромской области (ПАКО). Вып. XI. Нерехта и Нерехтский район. – Кострома, 2009. – С. 108–113.

² Фурсов Петр Иванович (1798 – ок. 1840 гг.) – русский архитектор, работавший в Костроме (*Сытина Т.* Архитектор Петр Иванович Фурсов // Архитектурное наследие. – М., 1972. – № 19. – С. 107–118).

³ ПАКО. – С. 280–284.

⁴ *Писемский А. Ф.* Люди сороковых годов. – Иркутск, 1957. – С. 28, 419.

⁵ Обмерные чертежи усадьбы сделал Л. С. Васильев. Архив «Костромарестарация»; *Каткова С. С.* Века и судьбы. – Кострома, 2001. – С. 47.

⁶ Бригада художников-реставраторов: Малафеев А. М., Ильвес Е. В., Марев Е. И., Тисов В. Е.

⁷ Однако, как у нас часто случается, запланированное натолкнулось на ряд препятствий с финансированием и, главное, с передачей храма епархии. На несколько лет прекратились всякие работы в приделе, а затем по воле церковных властей столбы и стены побелили. Под побелку ушли все орнаментальные композиции, изображения евангелистов на парусах, что оторвало роспись свода от архитектуры основного объема.

⁸ Акт обследования технического состояния церкви Владимирской Божией Матері г. Нерехта. 1971. Архив «Костромарестарация».

⁹ ПАКО. – С. 218–219, 247–249.

¹⁰ Орать символизирует благодать дьяконского служения и крылья ангелов, которых дьякон изображает за богослужением.

¹¹ На церемонию приглашения на царство Михаила Федоровича костромское духовенство пришло в Ипатьевский монастырь с чудотворными иконами. Местная святыня чудотворная икона Богоматери Федоровской стала покровительницей рода Романовых.

¹² *Демидов С. В.* О Владимирских иконах Богоматери в г. Нерехте // Материалы IV Григоровских чтений. – Кострома, 1994. – С. 9–12.

УДК 78.05
ББК 85.315

Клейн Э. Г.

ВОЕННАЯ МУЗЫКА В ДНИ ПРАЗДНОВАНИЯ ТРЕХСОТЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОСТРОМЕ

Аннотация. Военные оркестры придали празднованию трехсотлетия Дома Романовых, проходивших в Костроме 19 – 20 мая 1913 года, особую торжественность. Автор подробно освящает военно-музыкальную сторону юбилейных мероприятий.

Ключевые слова: Пултусский полк, Эриванский полк, Император, духовые оркестры, марш.

Празднованию трехсотлетия Дома Романовых с участием Императора Николая II 19–20 мая 1913 года особую торжественность придали военные духовые оркестры. Наряду с оркестром 183-го пехотного Пултусского полка, квартировавшего в Костромском гарнизоне с 1910 года, для участия в торжествах прибыли оркестры Кизляро-Гребенского казачьего полка и 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Эти музыкальные коллективы вместе со своими воинскими частями были торжественно встречены костромичами 8–9 мая. Описывая прибытие на костромскую землю первого эшелона Эриванского полка, современник отмечал: «Встречал эшелон Пултусский полк в полном составе со знаменем и оркестром музыки. Продефилировав перед памятником Сусанину, эшелон проследовал в расположенные около Лазаревского кладбища лагеря» [2].

Военные музыканты задолго до приезда в Кострому начали подготовку репертуара, который должен был совместно исполняться. Так, в сентябре 1912 года на имя командира Пултусского полка поступило письмо от полкового адъютанта Эриванского полка с просьбой выслать партитуру полкового марша [7]. Вероятнее всего, этот марш, как и марши двух других присутствовавших на торжествах полков, мог звучать в составе сводного оркестра. В настоящее время партитура марша 183-го пехотного Пултусского полка, автором которого мог быть капельмейстер С. И. Виноградов, утрачена.

С 10 мая начались совместные гарнизонные репетиции праздничных мероприятий.

Официальным торжествам предшествовал ряд воинских ритуалов с участием сводного оркестра. Так, 11 мая около Ипатьевского монастыря состоялась встреча командующего Московского военного округа генерала от кавалерии П. А. Плеве, в которой приняли участие оркестры Пултусского и Эриванского полков, а 14 мая состоялся парад, посвященный коронаванию их Императорских величеств. Вот как писала об этом параде газета «Поволжский вестник»: «Парад вышел очень грандиозным. Войска проходили церемониальным маршем мимо памятника от Гостиных рядов, выходя на Ильинскую улицу. Первым проходил Эриванский, за ним – Пултусский полк и сотня Кизляро-Гребенского полка. Парад принимал генерал-майор Парский» [4].

При встрече парохода «Межень» с членами царской семьи 19 мая на пристани «Царская ставка» музыку воинских ритуалов, которая включала гимн А. Ф. Львова «Боже, Царя храни», строевые и встречные марши, исполнял оркестр Эриванского полка. Современник свидетельствует: «Войска взяли на караул. Величественно склонилось полковое знамя и Его Императорское величество под торжественные звуки народного гимна подошел к фронту почетного караула Эриванского полка при несмолкающих восторженных криках “Ура!” окружающего народа. <...>

По представлении начальников отдельных частей, Государь Император пропустил мимо себя почетный караул лейб-гренадер Эриванцев и за молодецкое прохождение изволил милостиво их благодарить» [1, с. 43–44].

Далее Николай II проследовал в Ипатьевский монастырь, где у Зеленой башни была выстроена сотня Кизляро-Гребенского полка с трубачами и Георгиевским штандартом. При приближении Высочайшего кортежа к стенам монастыря оркестр казаков заиграл торжественную встречу. Осмотрев монастырь, император переехал на Царскую пристань, где состоялся завтрак, музыкальное сопровождение которого было поручено хору трубачей (так назывался военный оркестр в казачьих подразделениях) Кизляро-Гребенского полка. Музыканты-духовики исполнили несколько маршей, а также «Индийскую зарю» Кристмана, увертюру «Царица лесов» М. М. Иванова, серенаду «Вздохи сердца» Сарра, попури из оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки. По воспоминанию одного из участников торжества, за отличное исполнение произведений хор трубачей-гребенцев «заслужил милостивое царское “Спасибо”» [1, с. 69].

В тот же день на городской пристани Император был встречен оркестром Пултусского полка, а вечером на пароходе «Царь Михаил Феодорович» оркестр под управлением капельмейстера С. И. Виноградова был удостоен чести исполнить концертную программу во время праздничного обеда с участием Николая II. Программа включала оригинальные сочинения для духового оркестра, а также симфонические переложения: марш «Петра Великого» Гертнера, вальс «Фраскатти» А. Ш. Литольфа, полонез «Гром победы раздавайся» О. А. Козловского, увертюру «Луиза» Франсуа, увертюру из оперы «Вильгельм Телль» Дж. Россини, попури из оперы «Руслан и Людмила» М. И. Глинки,

попури из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского.

Одним из центральных мероприятий второго дня пребывания Государя на Костромской земле стал высочайший смотр войскам. Это событие и место в нем военных духовых оркестров прекрасно описал костромской историк Н. Н. Виноградов в документальной книге, вышедшей в свет в марте 1914 года. В своей работе автор уделяет внимание каждому военному оркестру, участвовавшему в этом смотре. Вот какое описание дает историк оркестру казаков: «Первой частью войск, стоявших по пути следования Их Императорских Величеств, была пятая сотня 1-го Кизляро-Гребенского полка в пешем строю. <...>

Его Императорское Величество изволил направиться прямо к фронту развернутой сотни, удостоившейся чести первую встретить Державного Вождя Земли Русской. Трубачи заиграли “поход”, вся сотня дружно взяла на караул. Государь Император изволил поздороваться с сотней: “Здорово, гребенцы!”. В ответ на царское приветствие гребенцы молодецки отчеканили: “Здравия желаем, Ваше Имераторское Величество!”

Трубачи мгновенно переменили мотив: “поход” сменился звуками русского национального гимна “Боже, царя храни!” и из сотни могучих грудей молодецко-гребенцев вырвались непрерывные крики “Ура!”» [1, с. 108].

Далее историк показывает оркестр Пултусского полка.

«Его Императорское Величество приближался к флангу 181 пехотного Пултусского полка. Прекрасно обученный капельмейстером Виноградовым, значительный по составу полковой оркестр стройно грянул Русский национальный гимн. Государь Император обходил фронт взявших на караул пултусцев, здороваясь с каждой ротой в отдельности» [1, с. 109].

И, наконец, автор книги дает краткую характеристику Эриванского полка.

«Государь Император изволил здороваться с 13-м гренадерским Своего Имени полком, обходя фронт его под звуки прекрасного полкового оркестра, при несмолкаемых восторженных криках уже всех расположенных на площади перед Костромским Кафедральным собором частей войск» [1, с. 110].

Все три фрагмента, приведенные выше, показывают не только особую роль духовой музыки в воинских ритуалах, но и прекрасный уровень подготовки оркестров, принимавших участие в торжествах.

В этот же день состоялся парад войск в присутствии их Императорских Величеств, во время которого все воинские части прошли церемониальным маршем под звуки военных оркестров, исполнявших по очереди марш на тему оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Н. Н. Виноградов запечатлел для нас красоту этого парада.

«Начался церемониальный марш. Еще раз блеснули на ярком весеннем солнце штыки и шашки. Глухими перекатами зарокотали барабаны; затрещала, полилась задорная мелкая барабанная дробь, колыхнулась и сверкнула искристым, перебегающим отблеском стальная щетина первых рядов. Войска плавно двинулись, проходя во взводных колоннах. Их повел командующий парадом, командир 2-й бригады 46-й пехотной дивизии, начальник местного гарнизона, генерал-майор Парский» [1, с. 135].

По нашему мнению, общее количество военных музыкантов, принявших участие в параде, могло достигать до 85 человек. Полковые оркестры, которые были в Пултусском и Эриванском полках, имели по штату 36 исполнителей, а ор-

кестр Кизляро-Гребенского полка включал 13 музыкантов (численность дана вместе с капельмейстерами)

Наряду с военными оркестрами в торжествах принимали участие духовые оркестры учащихся Кинешемского железнодорожного и Костромского реального училищ.

В дни официальных торжеств прошли и другие мероприятия с участием военных музыкантов. Так, на циклодроме Петербургским попечительством о народной трезвости были устроены народные гуляния. На открытых сценах выступали куплетисты, гимнасты, акробаты, играли два оркестра [3].

Прибывшие на празднование оркестры выступали в Костроме и после окончания торжеств. Сохранились свидетельства, что 23 мая 1913 года на территории губернской земской выставки играли оркестры Кизляро-Гребенского и Пултусского полков [5]. Через два дня, 25 мая, оркестр Кизляро-Гребенского полка выступал на офицерском банкете в гостинице «Кострома», а 27 мая, во время отъезда, казаки на вокзале до поздней ночи «увеселяли собравшуюся многочисленную публику духовой музыкой, пением и плясками» [6].

Библиографический список

1. Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. – Кострома, 1914.
2. Костромская жизнь. – 1913. – 11 мая.
3. Костромская жизнь. – 1913. – 25 мая.
4. Поволжский вестник. – 1913. – 15 мая.
5. Поволжский вестник. – 1913. – 25 мая.
6. Поволжский вестник. – 1913. – 28 мая.
7. РГВИА. – Ф. 2797. – Оп. 1. – Д. 126 – Л. 1016.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Аннотация. Представительницы династии Романовых от инокини Марфы до великой княгини Елизаветы Фёдоровны почти всегда являли деятелниц добра и устойчивости жизни, носительницами её высшего и сокровенного смысла.

Ключевые слова: женский вопрос, социальный статус, Императрица, век императриц.

Русская история даёт примеры того, как в самые тяжёлые времена русская женщина была не только хранительницей домашнего очага, но и верным защитником нравственных и культурных ценностей.

Веками складывался предрассудок в отношении женщин, что их уделом должны быть лишь семья и забота о детях. Это мало способствовало тому, чтобы по заслугам оценить подлинный вклад в историю замечательных русских женщин.

Многие философы, начиная с древних времён, предлагали своё видение бытия женщины. Чувство глубокого мужского превосходства над женщиной Сократ выразил следующими словами: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное; что ты грек, а не варвар; и что ты мужчина, а не женщина».

В античной философии сложились два противоположных подхода к пониманию социального статуса женщины, нашедшие отражение в трудах Платона и Аристотеля. Мужчина, по Аристотелю, властвует, а женщина подчиняется, поскольку «первый по своей природе выше, вторая – ниже». Принципиально иной подход предложил Платон.

Это был первый философ, выступивший за равноправие мужчины и женщины. Он считал, что «по своей природе женщины, как и мужчины, могут принимать участие во всех делах». И даже воинскую деятельность он не считал противоестественной женскому началу. Платон утверждал, что представительницы прекрасной половины челове-

ства просто необходимы на поле брани в качестве мощного средства психологической поддержки воинов: «На глазах у любимой отступить, проявить малодушие или покинуть место битвы мужчина просто не сможет».

Но у антифеминистов был другой подход к пониманию роли и места женщины в обществе. Например, Гегель ставит женщину на более низкую ступень развития по сравнению с мужчиной. По мнению философа, женщины совершенно непригодны для участия в управлении государством, в противном случае «государство находится в опасности».

В продолжении развития антифеминистской мысли Ницше отказывает женщине в интеллектуальных способностях, не считая её способной мыслить, и если «женщина обнаруживает научные склонности, то обыкновенно в её половой системе что-нибудь не в порядке». Ещё более категорично он рассматривает возможность участия женщин в воинской деятельности: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина – для отдохновения воина, всё остальное – глупость».

Блаженный Августин утверждал: «Если бы Бог назначил женщине быть госпожой мужчине, он сотворил бы её из головы, если бы – рабою, то сотворил бы из ноги; но так как Он назначил её быть подругой и равной мужчине, то сотворил из ребра».

И женщины оказались достойны этих слов. Они сравнялись с мужчинами во многом – не исключая притязаний на величие и славу. С древнейших времён

величие ассоциируется с властью. Вот почему многие дамы былых веков прославились и заслужили честь именоваться великими, либо потому, что трон и порфира принадлежали им по праву рождения, либо потому, что ухитрились ценой невероятных усилий достигнуть верховной власти.

В XVIII веке мы сталкиваемся с поразительным парадоксом: в стране повсеместно господствуют нормы «Домостроя» XVI века, русское общество однозначно трактует женщину как существо второго сорта, а у верховной власти в могущественнейшей империи на протяжении почти 75 лет непрерывно находятся женщины. Некоторые историки Российский XVIII век называют веком женщин.

Несомненно, представление о женщине как существе неполноценном перешло в XVIII век из допетровской эпохи, несмотря на те разительные перемены, которые произошли с русским обществом и русской женщиной в результате петровских реформ. Общим для того времени было утверждение о неспособности женщины заниматься делами, требующими умственных и волевых усилий, особенно в управлении государством.

История с Екатериной I особо примечательна, так как на ней отработывались своеобразная концепция «перенесения» на супругу Петра сугубо мужских достоинств её великого мужа. Это должно было поднять её статус в глазах общества и сделать полноценной наследницей престола. Как известно, в 1714-м году Пётр учредил высший женский орден Святой великомученицы Екатерины. Первым кавалером этого ордена, имевшего девиз «Трудами сравнивается с супругом», стала царица Екатерина, проявившая мужество во время Прутского похода 1711 года,

когда русские войска вместе с царём и его женой оказались в окружении, и после провала переговоров многим казалось, что армия погибнет. Екатерина настояла на продолжении переговоров и, согласно легенде, передала для подкупа турецкого военачальника все свои бриллианты, подаренные ей монархом за годы совместной жизни. В 1714 году 24 ноября, награждая жену этим орденом, Пётр сказал, что орден «учреждён в память пребывания Ея величества в баталии с турками у Прута, где в такое опасное время не как жена (т. е. женщина), но как мужская персона видима всем была».

Через несколько месяцев после коронации Екатерины в марте 1725 года, архиепископ Феофан Прокопович в своей знаменитой речи у гроба Петра Великого сказал, обращаясь к вдове: «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быти подобной Петру Великому». Это означало, что к супруге Петра перешла его корона, душевные достоинства, ум и энергия великого преобразователя.

Но вот факт прихода женщины к власти состоялся, она самодержица, правит как может. Что происходит в обществе, в массовом сознании? Несомненно, часть людей примиряется с этим фактом, как они примирились бы с любым другим правителем, но другая часть общества факт присутствия на троне женщины постоянно держала в поле своего внимания и почти непрерывно комментировала. За это многие комментаторы попадали в Тайную канцелярию и подвергались пыткам и казням. Материалы сыскных ведомств позволяют сделать вывод, что женщины на троне рассматривались в обществе как нонсенс.

Петровские преобразования образа жизни кардинально не изменили тради-

ционного подхода общества (и в мужской и в женской его части) к женщине как к существу неполноценному, недееспособному и нечестивому. Во-первых, петровские реформы не коснулись широких слоёв народа, в толще которых формировались взгляды на женщину. Женщина заведомо признавалась слабейшей как душой, телом, так и умом. О чём гласит русская пословица: «У бабы волос долог, а ум короток».

В 1730 году на престол вступила императрица Анна Иоанновна. Ни сама императрица, ни её царствование не оставили доброй памяти о себе у русского народа. Страной фактически стали управлять немцы, наводнившие Россию и занявшие все важнейшие государственные посты. В области хозяйства и торговли вряд ли ощущалось движение вперёд. Некоторые успехи были в металлургическом производстве: открыли несколько крупных месторождений железных руд.

Своеобразной чертой царствования Анны Ивановны была государственная забота о создании конных заводов, для чего в ряде областей выделялись пустующие земли, выписывались породистые немецкие и датские лошади, обучались конюхи и наездники. Обращалось внимание на образованность дворянства. Высшим образовательным учреждением была Академия наук. Появилась первая книга по российской истории, написанная на русском языке В. Н. Татищевым. Об образовании простого народа заботились мало, считая, что грамота лишь отвлекает чернь от работы.

После смерти Анны Иоанновны власть перешла к Анне Леопольдовне, объявленной правительницей при малолетнем сыне Иване VI Антоновиче (1740–1741 гг.). Её правление было не долгим. Тихая и скромная Анна Леопольдовна безропотно подчинилась насилию,

но и в заточении сохранила до конца своих дней достоинство и честь.

Царствование Елизаветы Петровны было полезным для развития русской науки. При ней заблистал всеми гранями своего таланта Михаил Васильевич Ломоносов, которого первым из русских императрица назначила профессором Академии наук. Немцы потеряли прежнюю власть в Академии.

В её царствование не было проведено никаких значительных государственных реформ, зато было издано несколько важных законов: по воинской повинности, по заёмным банкам и т. д.

Безгранично любя Россию, русский народ, Ломоносов все свои силы отдавал развитию отечественной науки. Благодаря его просьбам и стараниям, в 1755 году в Москве был открыт университет, первый настоящий университет в нашем Отечестве. Был также открыт университет и при Академии наук, а в столицах и крупнейших городах России были утверждены общеобразовательные и специальные учебные заведения.

Царствование императрицы Елизаветы Петровны отмечено двумя основными чертами: гуманностью (никого не подвергать смертной казни, не применялись также и пытки) и отстаиванием национальных интересов. Все немцы были отстранены от управления государством, а на их места были назначены русские.

В характере Елизаветы Петровны было что-то двойственное. От вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене. Мечтательная, она пыталась жить какой-то сказочной жизнью. Ослепительная красавица, Елизавета Петровна стремилась обратить ночь в день, а жизнь – в вечный бал, где она одна могла бы сиять королевой красоты. Нескончаемой чередой шли праздники, спектакли, прогулки, маскарады, поражающие блеском и роскошью.

Русские называли её царствование счастливым, и доля истины в этом есть: ведь она царствовала после ряда случайных правителей, лишь разорвавших Отечество.

Российская императрица Екатерина II находилась на престоле более трети столетия. Чтобы судить о положении дел в России не по дворцовым докладам, императрица предприняла в первые годы ряд поездок по стране, в ходе которых собрала много поучительных наблюдений. Обобщая впечатления от знакомства с настоящей Россией, с идеями, навеянными чтением, и желанием добра подданным, Екатерина решила выработать новый Свод законов, который давал бы основание говорить о России как о правовом государстве. В качестве пособия для составления законов она разработала так называемый «Наказ», провозгласивший нравственные и правовые принципы, из которых надо исходить в законотворчестве.

Наибольшую славу Екатерине II принесла провидимая ею внешняя политика. В военном отношении её царствование было одним из самых блистательных и самых кровопролитных в истории России. В течение 34-х лет её правления Россия вела шесть войн в Европе и готовилась к седьмой с революционной Францией.

Немалая заслуга в победах русских войск принадлежала самой Екатерине. Обладая огромной работоспособностью и полководческим талантом, она стала настоящим начальником генерального штаба. По её указанию строились корабли. Она входила в подробности военных приготовлений, составляла планы, инструкции. Успешные войны произвели сильное впечатление за границей. Мир признал за Екатериной «великое имя в Европе и силу, принадлежащую ей исключительно».

Екатерина II была самой умной и самой образованной из всех своих предшественников – правителей России.

Её обуревали две страсти – чтение и желание выразить свои мысли на бумаге. За свою жизнь она прочла уйму книг. Начитанность звала к перу, к необходимости высказаться. Книга и перо для неё были всё равно, что топор и токарный станок для Петра. Целых 12 томов книг составляет её литературное наследие. О её высокой образованности говорит и тот факт, что императрица вела переписку с французскими философами и поддерживала связи со многими монархами.

Все женщины, сидящие на императорском троне, такие разные, и у каждой своя, необычная судьба. Но в чём-то они и близки. Все они, кроме несчастной Анны Леопольдовны, оказались на престоле в том возрасте, который для женщины XVIII века считался достаточно почтенным, и, прежде чем испытать упование властью, каждая успела познать горечь униженности и зависимости. Они любили и ненавидели, совершали ошибки и преступления, страдали и мучили других.

Думаю, что мы, люди грешного XXI века, не вправе беспечно судить о прошлом, взвешивать на весах истории достижения и неудачи правления каждой из них, сидевших на российском престоле. Их жизни были исковерканы государственной машиной, потому что все они вольно или невольно подчинялись безжалостным по своей сути законам борьбы за власть, которая завораживает и ослепляет любого, кто приближается к её сияющим вершинам.

Каждая из этих женщин дорого заплатила за своё место на российском престоле, и не только политическую цену – они принесли в жертву идолу власти свои мечты о любви и обыкновенном

женском счастье, мир и уют семейной жизни, радости материнства, уверенность и покой.

В пору конца 60-х годов и развернувшегося в России женского движения было модно награждать женщин, достигших общественного признания, почетным титулом «первая». Первая женщина-врач. Первая женщина-математик. Первая женщина-историк. Цебрикова стала первой женщиной-критиком.

А женское движение... Путь многих выдающихся женщин 1860–1870 годов, таких, как А. П. Философова, М. В. Трубникова, Е. И. Конради, Е. О. Лихачёва, пролегал рядом с Цебриковой. Они высоко ценили подвижничество Марии Константиновны, её самоотверженные старания помочь русским девушкам получить образование.

Борьба русских женщин за право получить высшее образование, за свои человеческие и юридические права была длинной и нелегкой. Но собственно «женское движение» начало своего самосознания числит со статей известного поэта, переводчика и публициста, одной из самых ярких и драматических фигур 1860-х годов, Михаила Иларионовича Михайлова, появившихся в журнале «Современник» в 1860–1861 годы. Это были статьи «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Женщины в университете» и «Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин». Эти статьи стали программой действия для целого поколения русских девушек, надолго определили судьбы многих из них.

Однако при утверждении нового университетского устава 1863 года женщины так и не получили туда доступа. Для получения образования девушки устремились в заграничные университеты. Среди них была и Мария Цебрикова.

Вместе с Н. Стасовой, М. Трубниковой, А. Философовой она организовала женские общеобразовательные Владимирские и Аларчинские курсы, вместе с Е. Конради – вечерние публичные курсы, открытые в 1878 году.

Русские женщины с глубокой древности, сохраняя свою национальную корневую крепость и вместе с тем принимая всех, кто шел с добром, объединяли сначала народности, княжества, потом страну, нацию в единое целое. Они пронизывали весь народный организм одними традициями, одной культурой, одной верой, любовью, надеждой, понятными каждой женщине – от простой крестьянки, горожанки до княгини и цариц. Они хранили народный дух и сокровища национальной жизни.

Французский писатель Шамфор говорил, что разложение каждой цивилизации начинается с женщин. Но и спасение народов всегда начинается с них же.

Каждый век имел свою героиню. От инокини Марфы до великой княгини Елизаветы Фёдоровны они всегда были делательницами добра и устойчивости жизни, носительницами её высшего и сокровенного смысла.

Не зря Патриарх Алексей II сказал: «Белые платочки спасли христианство в России, спасли своими молитвами страну».

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В СВЕТЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

Аннотация. На примере возвращения Православной Церкви Ипатьевского монастыря и учреждения в нем Церковно-археологического музея, автор, по аналогии с «собираанием камней», свидетельствует о новом периоде государственно-церковных отношений.

Ключевые слова: Россия, музей, древлехранилище, Церковь, реституция, ценности, Ипатьевский монастырь, Костромское церковно-историческое общество, Церковно-археологический музей.

*«Все мое время, и время всякой вещи под небом:
... Все сделал Он прекрасным в свое время, и вложил
мир в сердца их, хотя человек не может постигнуть дел,
которые Бог делает от начала до конца» (Еккл. 3; 1, 11).*

О возрождении России много говорят, предлагают варианты, программы, идеи, формы, пути заимствования, забывая, что Творцом истории является Бог, что никакое возрождение немислимо без обращения и возвращения человека к своему Творцу. «Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, – писал И. А. Ильин, – и возродится к новому творчеству и новому расцвету – через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности»¹. Далее он указывает на причины, ввергнувшие Россию в хаос: «...Беспредметная и противопредметная свобода – стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия»².

И в связи с данным контекстом можно привести аналогию с Таинством Исповеди, которое является не только Таинством очищения человека от греха, осознанием отступления от Бога и от Церкви, но и Таинством возрождения его в новую жизнь – «вторым крещением».

Обратимся к истории. 30 августа 2002 года, по случаю празднования 850-летнего юбилея основания Костромы, Святейший Патриарх Московский и всея Руси

Алексий II посетил Ипатьевский монастырь. В ходе визита его Святейшество призвал максимально ускорить процесс возвращения древней обители Костромского края Русской Православной Церкви, отметив, что «возрождение в древних стенах монашеской жизни даст возможность во всем объеме оценить историческое и духовное значение выдающегося памятника Отечества» и что «передача монастыря Церкви не означает закрытие музея или каких-либо ограничений для туристов – музей и монашеская община могут здесь гармонично существовать»³.

Напомню, что музей КЦИО (Костромского церковно-исторического общества), получивший название древлехранилища, берет свое начало с 27 мая 1913 года, его открытие было приурочено к юбилею 300-летия Дома Романовых. 7 мая 1913 года управляющий Костромской епархией епископ Тихон (Василевский, упр. епархией 1905–1914) поручил председателю КЦИО И. В. Баженову разместить в палатах предметы церковной древности, преимущественно из ризницы Ипатьевского монастыря⁴. Первыми посетителями его стали государь-страстотерпец Николай II с семейством. В 1918 году

музей прекратил свое существование, его фонды перешли в Губ. музей Костромы.

Указом Святейшего Патриарха Алексия II № 2732 от 13 мая 2004 архимандрит Иоанн (Павлихин, Решением Священного Синода от 5 октября 2011 года избран епископом Магаданским и Синегорским) был назначен наместником обители. 15 августа 2004 года он назначен директором возрожденного Церковно-археологического музея. Первым начинанием музея стало проведение выставки «Костромские святыни», посвященной 260-летию юбилею Костромской епархии. На выставке, открытой совместно с Государственным историческим музеем и музеями Московского Кремля, были представлены уникальные экспонаты – иконы, церковная утварь, памятники церковного искусства, некогда принадлежавшие храмам и монастырям Костромской земли. Среди экспонатов выставки была представлена древняя рукопись «Галичское Евангелие» 1347 г., хранящаяся в фондах Государственного Исторического музея.

30 декабря 2004 г. распоряжением № 1555 Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Российской Федерации, по поручению Президента России В. В. Путина, комплекс зданий и строений Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря был полностью передан в безвозмездное пользование Костромской епархии Русской Православной Церкви⁵.

23 марта 2005 г. в ходе своего рабочего визита в Кострому В. В. Путин посетил Ипатьевский монастырь. Президент РФ высказался за необходимость возрождения былой духовно-просветительской деятельности Ипатьевской обители и принятие действенных мер по сохранению ее уникального архитектурного ансамбля. В память о своем посещении монастыря глава государства

оставил запись в книге почетных гостей: «Ипатьевский монастырь занимает особое место в истории Отечества и Православия. С его возрождением будет связано и возрождение России»⁶.

Как следствие этих слов, 3 августа 2005 г. Федеральное агентство по культуре и кинематографии издало Приказ № 480 за подписью М. Е. Швыдкого «О передаче музейных предметов из фондов Костромского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» в безвозмездное пользование православной религиозной организации «Церковный историко-археологический музей» Костромской епархии Русской Православной Церкви». Согласно Приказа, в безвозмездное пользование в ЦИАМ перешло 2 677 музейных предметов: ценнейшая иконопись, предметы утвари, шитья, книги⁷.

Важность и значимость возвращения Ипатьевского монастыря Русской Православной Церкви подчеркивает тот факт, что передан памятник столь глобального исторического и архитектурного значения, а вместе с ним – огромная часть музейной коллекции. Только после передачи комплекса Ипатьевского монастыря стал возможен открытый разговор о возвращении Церкви имущества, незаконно отнятого после 1917 г., и, как следствие, стал возможен разговор о возвращении в собственность Церкви музея Троице-Сергиевой Лавры, комплекса Рязанского кремля, Соловецкого и Новодевичьего монастырей и принятие соответствующих нормативных актов⁸.

Церковный историко-археологический музей Костромской епархии Русской Православной Церкви, созданный в 2004 году в стенах древнего Ипатьевского монастыря, стал примером возрождающегося «живого музея», о котором, в свое время,

писали отец Павел Флоренский⁹. ЦИАМ, действующий под эгидой Церкви, с экспозициями и выставками духовно-исторического содержания, явился культурным, духовным центром не только для Костромы и Костромского края, но и всего российского Отечества. Впервые в России Государство доверило ЦИАМу, зарекомендовавшему себя как серьезное религиозное культурно-просветительское учреждение, более трех тысяч уникальных экспонатов, являющихся частью Государственного музейного фонда. Основу этой коллекции составляют святыни Ипатьевского монастыря – вкладные вещи царствовавших династий Годуновых и Романовых: древние иконы и книги в драгоценных окладах, богослужебные сосуды, пелены, облачения.

В подтверждение слов президента РФ Путина о возрождении нашего Отечества, которое начнет свое поступательное движение с возрождения Ипатьевской обители, отметим, что с избранием Михаила Феодоровича Романова на русский престол в стенах Ипатьевского монастыря в марте 1613 года началось возрождение Российского государства.

ЦИАМ является музеем в полном смысле этого слова, занимаясь хранением, исследованием, экспозиционной и образовательной работой, ничем не уступающими по своей значимости государственным музеям. В своей научно-экспозиционной и просветительской деятельности музей, проповедуя концептуально новое отношение к музейному предмету, вводит новые разработки в области экспозиционных идей и новейших технологий. В экспозиционных залах используются плазменные экраны, планируется введение мультимедиа программ, дисплеев, слайдшоу, голограмм. Новые технологии не заменяют, а дополняют и расширяют контакт посетителя с подлинными предметами. Они позволяют посетителю музея

перелистать древние вкладные книги от начала до конца, полюбоваться и изучить их вкладные надписи, миниатюры, заставки; увидеть то, что скрыто от глаз.

Использование новейших мультимедийных технологий позволяет каждому посетителю познакомиться во всей полноте и красоте со святынями Ипатьевского монастыря, оказавшимися волею судеб в других музеях нашей страны, расширяет представление о нем как о хранилище церковных ценностей, помогает всестороннему и углубленному проникновению в уникальные экспонаты, хранящиеся в ЦИАМе и имеющие непреходящее духовное и культурное значение, что позволяет привлечь внимание большего числа посетителей в ЦИАМ и в древнюю обитель и помочь ему стать востребованным для них духовно-образовательным и научным центром.

Важным направлением работы ЦИАМа является сохранение памятников церковной древности и истории. Кроме масштабных реставрационных работ архитектурных памятников ансамбля Ипатьевского монастыря, проводится реставрация произведений иконописного искусства. В этом вопросе большую помощь Церковному музею оказывает Костромской филиал ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря. ЦИАМ сотрудничает с ведущими российскими музеями. Договоры о взаимодействии заключены с Государственным Историческим музеем, Государственным историко-культурным музеем-заповедником «Московский Кремль», Центральным музеем древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. В монастырских помещениях проводится большая программа совместной научно-выставочной работы. «Вклады боярского и царского рода Годуновых в Ипатьевский монастырь», «Ипатьевский монастырь – “колыбель” Дома Романовых», «Церковные древности Костромской

земли. Сокровища русского прикладного искусства XVII–XIX веков» В ЦИАМе действует Научно-методический совет, который решает важнейшие вопросы исследовательской, экспозиционно-выставочной, фондовой работы: обсуждает и утверждает правила формирования, учета и хранения музейных коллекций; решает вопросы о консервации и реставрации музейных предметов; организации и проведения научных конференций, чтений; контролирует информационно-издательскую деятельность ЦИАМ. Церковный историко-археологический музей активный участник Научных конференций и чтений. Москва и Ярославль, Кострома и Калуга, Санкт-Петербург и Сергиев Посад – такова география участия сотрудников ЦИАМ в Межрегиональных и Международных научно-практических форумах. «История формирования библиотеки Ипатьевского монастыря в XVI–XVII вв.», «К вопросу о происхождении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери», «Памятные и наградные медали, посвященные костромским святым» – с такими темами выступили научные сотрудники ЦИАМ на последней Межрегиональной научно-практической конференции «Путь святости земли Костромской», организованной Костромским церковно-историческим обществом, проходившей в г. Костроме в начале февраля 2008 года и посвященной празднованию Собора Костромских святых¹⁰.

Противники возвращения Церкви ее имущества заявляют, что Церковь не сможет сохранить культурные ценности и что с передачей ей этих ценностей они погибнут для культурной, но не православной публики¹¹. В ответ этим заявлениям архимандрит Иоанн Павлихин (ныне епископ Магаданский) указал на несоответствующее музейному хранению состояние икон, переданных, согласно распоряжению Пра-

вительства РФ, Церкви. «Из переданных полутора тысяч икон лишь две-три сотни находятся в хорошем состоянии – над ними были проведены реставрационные работы. А более тысячи икон мы застали в плачевном состоянии», – сказал в интервью «Интерфакс-Религия» архимандрит Иоанн Павлихин. Он сообщил, что для реставрации переданных произведений искусства монастырь привлёк специалистов высшей категории реставрационного центра имени Грабаря. «И я сейчас могу с уверенностью сказать, что довольно хорошими темпами производится научная реставрация икон», – сказал архимандрит Иоанн. Каждый год в монастырь приезжают более ста тысяч паломников и туристов, которые посещают и музей. Архимандрит Иоанн сообщил, что сейчас обитель готовит зарубежную выставку, которая пройдет в столице Словакии Братиславе. Там будут представлены 50 икон. 24 февраля 2010 года председатель Архитектурной комиссии Санкт-Петербургской епархии, профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Академии художеств игумен Александр (Фёдоров), комментируя письмо 150 музейных работников, отмечал, что в России необходимо восстановить существовавшую до революции 1917 года систему больших и малых церковных музеев; по его мнению, вопрос местонахождения икон и предметов малых форм церковного искусства должен решаться коллегиально и отдельно по каждому предмету. Церковь таким образом заявила, что она восстанавливает структуру церковных музеев, поиск и сохранение церковных ценностей, расцвет которого пришелся на конец XIX – XX веков¹².

В 2005 году ЦИАМ Ипатьевского монастыря участвовал в выставке «Европа-2005» в Брюсселе. Спустя некоторое время часть произведений русской иконописи вывезли на выставку в Ригу, которая

проходила в рамках проведения Дней России в Латвии¹³.

После передачи стремительными темпами шло восстановление монастыря. 1 апреля 2005 г., после более чем восьмидесятилетнего перерыва, в стенах обители состоялась первая Божественная Литургия в храме свв. мчч. Хрисанфа и Дарии, а 15 ноября 2005 г. на храме свв. мучеников в Архиерейском корпусе был освящен и установлен крест.

4 ноября 2005 г., через год после полной передачи Ипатьевского монастыря Костромской епархии, великая святыня – Часть Ризы Господней, переданная в 1623 г. Святейшим Патриархом Филаретом в «родовую обитель», возвратилась в ее стены.

2 мая 2006 г. в стенах Ипатьевского монастыря произошло знаменательное событие – передача в дар обители колокола-благовестника «Царь Михаил», отлитого по инициативе его королевского Высочества принца Кентского Майкла в ознаменование 400-летнего юбилея призвания первого царя из династии Романовых – Михаила Феодоровича. Принц Кентский Майкл является потомком государя-императора Николая I.

В связи со значимым для Ипатьевского монастыря событием, архиепископ Костромской и Галичский Александр сказал: «После возвращения Церкви монастырь преобразуется и внешне и внутренне: реставрируются и обретают исторический вид стены и корпуса, в главном храме – Троицком соборе – регулярно совершаются богослужения, пополняется число братьев... интересный факт: многие сотрудники прежнего государственного музея работают у нас в ЦИАМе – это наилучшим образом свидетельствует, что Церковь и светская культура могут и должны, преодолевая стереотипы минувшего века, находить общий язык, совместно трудиться, сеять, по слову поэта,

«разумное, доброе, вечное». Уже не за горами юбилей мирового значения: четырехсотлетие царственной династии Романовых... Надеюсь, что к тому времени мы успеем сделать все возможное, чтобы Ипатьевский монастырь стал зримым символом духовного возрождения Отечества и примером конструктивного церковно-государственного сотрудничества»¹⁴.

27 мая 2006 г. распоряжением Правительства РФ за подписью Председателя Правительства РФ М. Е. Фрадкова архитектурный ансамбль Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря был передан в собственность Костромской епархии Русской Православной Церкви.

15 мая 2008 г., вскоре после своей инаугурации, Ипатьевский монастырь посетил Президент РФ Д. А. Медведев, явно продолжив традицию посещения Ипатия государями династии Романовых¹⁵. Глава государства приложился к главной святине обители – чудотворной Ипатьевской-Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы. Она была привезена в Ипатьевский монастырь в 1619 г. царем Михаилом Феодоровичем во время его паломничества по Костромской земле¹⁶. На память о посещении Ипатьевского монастыря президенту была преподнесена икона Божией Матери «Воплощение» с предстоящими святым апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским.

Во время посещения монастыря Д. А. Медведев высказался за возрождение собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы, некогда входившего в ансамбль Ипатьевского монастыря и разрушенного в 30-х годах XX столетия. Сопоставляющие поручения о помощи в возрождении этого храма были даны главой государства полномочному представителю Президента в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко

и губернатору Костромской области И. Н. Слюняеву.

О значении Ипатьевской обители в истории России и о необходимости воссоздания Рождества-Богородицкой церкви, творения архитектора К. А. Тона, Д. А. Медведев отметил в грамоте, оставленной им на память о своем визите: «В стенах Ипатьевского монастыря, древней святыне Костромского края, ощущается величие российской истории. Обитель сыграла особую роль в становлении нашего государства и остается символом духовной мощи России. Возрождаемый сегодня собор Рождества Пресвятой Богородицы вновь станет украшением монастыря, займет достойное место среди восстанавливаемых святынь нашего Отечества»¹⁷.

18 мая 2007 г. в стенах Ипатьевского монастыря состоялась официальное открытие Церковного историко-археологического музея. Церковную делегацию на церемонии открытия возглавил Председатель ОВЦС Русской Православной Церкви митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, будущий Патриарх Московский и всея Руси. На церемонии присутствовали: министр культуры РФ А. С. Соколов, вице-спикер Госдумы С. Н. Бабурин, губернатор Кировской области Н. И. Шаклеин.

2 октября 2008 года в Ипатьевском монастыре состоялась закладка Рождества-Богородицкой церкви. Камень в основание храма заложили архиепископ Костромской и Галичский Александр, архиепископ Рязанский и Касимовский Павел, заместитель руководителя Администрации Президента России А. Д. Беглов, полномочный представитель Президента в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко, губернатор Костромской области И. Н. Слюняев, член Совета Федерального Собрания России А. Л. Хазин, ряд других предста-

вителей государственной власти. В тот же день прошло первое организационное заседание Попечительского совета по комплексному возрождению Ипатьевского монастыря. В начале заседания со вступительным словом к присутствующим обратился полномочный представитель Российской Федерации в ЦФО Г. С. Полтавченко. Он сказал: «На протяжении столетий Ипатьевский монастырь играл выдающуюся роль в истории Российского государства, свято сохраняя нашу веру. Знаменателен тот факт, что в преддверии празднования 400-летия преодоления смуты, восстановления российской государственности и начала царствования династии Романовых монастырь был передан Русской Православной Церкви и открыл поистине новую страницу своей многовековой истории. Церкви, государству и мирянам предстоит большая работа по восстановлению былого величия монастыря, его исторического облика. В связи с этим Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев поддержал предложение о создании Попечительского совета по комплексному возрождению монастыря. В ходе заседания был утвержден состав Попечительского совета. Председателем его был избран полпред Президента в ЦФО Г. С. Полтавченко, сопредседателями стали министр регионального развития РФ Д. Н. Козак, губернатор Костромской области И. Н. Слюняев, директор департамента международного сотрудничества Правительства России Т. Д. Валовая, архиепископ Костромской и Галичский Александр. В состав Попечительского совета вошли заместитель руководителя администрации Президента РФ А. Д. Беглов, член Совета Федерального Собрания РФ А. Л. Хазин и др.

Вечером того же дня по благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II на территории

Игрицкого подворья Ипатьевского монастыря состоялась закладка комплекса «детской деревни» – центра для проживания и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На данный момент выстроен цокольный этаж здания возрождающегося собора.

В монастыре проводятся ремонтно-реставрационные работы, действует Церковный историко-археологический музей, паломнический отдел, осуществляется научно-исследовательская и духовно-просветительская деятельность. За годы, последовавшие после передачи монастыря Церкви, все здания Ипатьевского монастыря заново отреставрированы, вновь покрыты кровлей башни его и стены. Полностью проведен ремонт Братского корпуса и здания «Келий над погребями», отреставрирован весь Архиерейский корпус, заменена кровля в Троицком соборе, воссоздано царское место (оригинал сейчас находится в Коломенском музее-заповеднике), сделан иконостас в храме прп. Михаила Малеина.

4 марта 2010 Патриарх Московский Кирилл, выступая перед преподавателями и студентами Московского инженерно-физического института, призвал развивать конструктивный диалог между Церковью и деятелями культуры по поводу возвращения церковным организациям религиозных памятников: «Сегодня многие пытаются вбить клин в отношения между культурой, искусством и Церковью вокруг темы возвращения святынь. Но мы сделаем все, чтобы не удалось вбить этот клин»¹⁸. Решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 5 марта 2010 года был образован Патриарший совет по культуре под председательством Патриарха Московского и всея Руси. В компетенцию Совета «включены вопросы диалога и взаимодействия с государственными учреждениями культуры, творческими союзами, общественными объеди-

нениями граждан, работающих в сфере культуры, а также со спортивными и иными подобными организациями в странах канонического пространства». Ответственным секретарём Патриаршего совета назначен наместник Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов). Закон № 327-ФЗ был принят Государственной Думой 19 ноября 2010 года и одобрен Советом Федерации 24 ноября 2010 года, подписан президентом РФ Д. А. Медведевым 30 ноября 2010 года¹⁹.

После подписания закона Президентом Медведевым патриарх Кирилл заявил, что «в области церковно-государственных отношений в России на сегодня не осталось ни одного принципиального вопроса, который бы содержал в себе некий конфликт между Церковью и государством»²⁰. Закон вводит заявительный порядок передачи имущества. Отменен список дополнительных документов и согласований для передачи памятников истории и культуры. Закон не предусматривает проведения специальной экспертизы на предмет возможности передачи памятника по состоянию сохранности, а также необходимости согласования с Министерством культуры или региональными органами по надзору за сохранением памятников. В нем отсутствует положение о совместном использовании имущества религиозной организацией и организацией культуры. Закон не называет конкретного органа, отвечающего за принятие решений о передаче имущества и их реализацию, отсылая к федеральным законам и нормативным правовым актам федерального, регионального или муниципального уровня. Закон устанавливает четкие сроки по передаче имущества: 6 лет, если имущество закреплено за организациями культуры, унитарными предприятиями, либо в нем проживают люди, и 2 года для остальных случаев.

Ипатьевская обитель, место призвания на престол юного боярина Михаила Феодоровича, готовится стать центром празднования 400-летия воцарения династии Романовых – исторического события 1613 года, ознаменовавшего собой окончание Смутного времени и ставшего началом возрождения российской государственности. В рамках подготовки к празднованию 400-летия окончания Смутного времени 17–18 июля 2011 г. стараниями возрожденного в 2005 г. Костромского церковно-исторического общества были проведены мероприятия с названием «Царские дни в Костроме». С 2009 г. в 20-х числах марта в Костроме проводится «Романовский фестиваль», который включает в себя научную конференцию, выставки, театрализованное представление-реконструкцию призвания Михаила Феодоровича Романова на царство, которое проходит у стен Ипатьевского монастыря, ежегодный парламентский форум «Историко-культурное наследие России». По материалам Романовской конференции издается сборник «Романовские чтения».

В программу чтений входили научно-практическая конференция «От Ипатьевского монастыря к Ипатьевскому дому: смысл и уроки истории», круглые столы, выставки. Мероприятия «Царских дней» продолжил крестный ход, который прошел от Богоявленско-Анастасиина монастыря к прославленной Ипатьевской обители, и ночное богослужение, посвященное памяти расстрела царской семьи.

Ипатьевский монастырь с честью несёт тяжелое бремя ответственности за сохранность уникального культурно-исторического наследия нашего Отечества, драгоценной частью которого является и он сам. Его возрождение, по словам Президента РФ В. В. Путина²¹, является образом государственного возрождения России, смыслом ее исторической миссии.

События 20 последних лет свидетельствуют о понимании государством путей возрождения.

Примечания

¹ Ильин И. А., проф. О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. – М.: Воениздат, 1993. – С. 218.

² Там же.

³ Цит. по: Монастыри Костромской епархии. – Кострома, 2009. – С. 41.

⁴ Отчет о состоянии деятельности Костромского церковно-исторического общества за время от его открытия 3 июня 1912 года до 1 января 1914 года. – Кострома, 1914. – С. 27.

⁵ Распоряжение от 30 декабря 2004 г. № 1555-р. О передаче зданий, помещений и сооружений Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, расположенного по адресу: г. Кострома, ул. Просвещения, дом 1, в безвозмездное пользование Православной религиозной организации-учреждению «Церковный историко-археологический музей Костромской епархии Русской православной церкви» и Православной религиозной организации «Свято-Троицкий Ипатьевский мужской епархиальный монастырь Костромской епархии Русской Православной Церкви». – Архив протоиерея Дмитрия Сазонова.

⁶ Памятный лист Президента Российской Федерации В. В. Путина. – Церковный историко-архитектурный музей-заповедник. – 2005. – 23 марта.

⁷ Приказ 03.08.2003 № 480. О передаче предметов из фондов Костромского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» в безвозмездное пользование православной религиозной организации «Церковный историко-археологический музей» Костромской епархии Русской Православной Церкви.

⁸ В 1993 году выходит Распоряжение Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества»; 1995 году Правительство РФ принимает Постановление № 248 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения; 30 июня 2001 года

выходит новое Постановление Правительства РФ № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»; в 2004 году Государственная дума РФ принимает закон «о безвозмездной передаче религиозным объединениям в постоянное пользование земель под зданиями культурного назначения»; Закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения» № 327-ФЗ был принят Государственной Думой 19 ноября 2010 года и одобрен Советом Федерации 24 ноября 2010 года, подписан президентом РФ Д. А. Медведевым 30 ноября 2010 года.

⁹ Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Избранные труды по искусству. – М., 1996. – С. 199–215.

¹⁰ Праздник собора Костромский святых 5 февраля.

¹¹ Открытое письмо работников искусства и науки Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу // Независимая газета. – 2010. – 3 марта.

¹² Ипатьевский монастырь вынужден реставрировать иконы, переданные музеем // Агентство национальных новостей (АНН). – 2010. – 10 марта. – URL: <http://www.annnews.ru/news/detail.php?ID=216646&print=Y>.

¹³ В России надо воссоздать систему больших и малых церковных музеев, считает профессор Академии художеств // Интерфакс-религия. – 2010. – 24 февр. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=34346>.

¹⁴ Цит. по: Ходанов М., прот. Колыбель Дома Романовых. – Виченца: Из-во «Северный паломник», 2008. – С. 369.

¹⁵ Президент посетил и Богоявленско-Анастасийин кафедральный собор, где приложился к чудотворной иконе Божией Матери Феодоровской.

¹⁶ Куколевская О. С. Драгоценные оклады чудотворной Тихвинской-Ипатьевской иконы Божией Матери Костромского Ипатьевского монастыря // Светочъ. – Кострома, 2009. – Вып. 5. – С. 188–189.

¹⁷ Памятный лист Президента Российской Федерации Д. А. Медведева. – ЦИАМ. – 2008. – 15 мая.

¹⁸ Патриарх Кирилл сказал, что не позволит вбить клин между Церковью и культурой из-за возвращения святынь // Интерфакс-религия. – 2010. – 4 марта. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=34491>.

¹⁹ Журнал Синода от 5 марта 2010 г. № 7; Положение о Патриаршем совете по культуре утверждено решением Священного Синода от 31 мая 2010 г. (журнал № 46). Также решением Синода от 31 мая 2010 г. при Патриаршем совете образована Комиссия по взаимодействию Русской Православной Церкви с музейным сообществом (журнал № 47). Патриаршем совете по культуре утверждено решением Священного Синода от 31 мая 2010 г. (журнал № 46). – URL: <http://ru.wikipedia.org>.

²⁰ Патриарх Кирилл обеспокоен негативным общественным фоном вокруг церковных инициатив // Интерфакс-религия. – 2010. – 30 нояб. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=38471>.

²¹ Памятный лист Президента Российской Федерации В. В. Путина. – Церковный историко-архитектурный музей-заповедник. – 2005. – 23 марта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резепин П. П.

КОСТРОМСКИЕ КРАЕВЕДЫ МОНАХИ*

НАФАНАИЛ
(**Леандров Николай Игнатьевич**)
(**30.11.1813–10.01.1888**)

Уроженец Рыбинского у. Ярославской г. Сын священника. Выпускник Ярославской духовной семинарии (1834). Священник Спасо-Преображенской церкви (08.09.1834) и Воскресенского собора (1848) и законоучитель Воскресенской ЦПШ и уездного училища г. Романова-Борисоглебска Ярославской г. Протоиерей (06.08.1848). Настоятель придворной Предтеченской церкви с. Коробова Костромского у. Костромской г. (20.08.1855). Послушник (16.12.1872), настоятель (07.02.1873), постриженник (24.02.1873) и архимандрит (25.02.1873) Борисоглебского-на-Устье монастыря Ярославской епархии. Епископ Сарапульский, викарий Вятский (05.08.1878). Епископ Екатеринбургский, викарий Пермский (05.04.1882). Епископ Екатеринбургский и Ирбитский (26.01.1888). Кавалер орденов Святой Анны I (1882), II (1863) и III (1856) и Святого Владимира III (1877) и IV (1858) степеней и др. Корреспондент Екатеринбургских и Ярославских епархиальных ведомостей, Журнала Министерства государственных имуществ и Костромских губернских ведомостей. Похоронен в г. Екатеринбурге.

Соч.: Дневник // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886–1887; Материалы для истории и статистики государственных крестьян разных наименований // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1859. – Ч. 71; Нынешний (1859) Светлый день в селении потомков Сусанина // Костромские губернские ведомости. – 1859. – № 18; Речь архимандрита Ростовского Борисоглебского монастыря Нафанаила при наречении его во епископа Сарапульского // Ярославские епархиальные ведомости. – 1878. – Стб. 361.

Лит.: Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П. П. Сойкина. – СПб., б.г. – Т. 1. – Стб. 849–850; Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. – СПб., 1902. – Т. III. – Стб. 1185; СПб., 1904. – Т. V. – Стб. 345–346; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1886 год. – СПб., 1886. – С. 42–43; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). – СПб., 1896. – С. 66. – № 450; Андроников П. И. Император Александр II в Костромской стороне. – Кострома, 1858. – С. 13; Бирюков С. И. Исторический очерк о селе Коробове, населенном белопахшцами, потомками Ивана Сусанина. – Нижний Новгород, 1910. – С. 7; Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. –

* Продолжение. См. также: Резепин П. П. Костромские краеведы монахи // Светочъ – Кострома, 2007. – № 1. – С. 86–89; 2008. – № 3. – С. 120–123; 2009. – № 5. – С. 226–237.

Киев, 1913. – С. 1399, 1400; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). – 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. – Пг., 1918. – Т. II. – С. 152; *Н. Д[урново]*. Девятисотлетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. – М., 1888. – С. 57, 79; *Петров Л.* Справочный богословский, преимущественно церковно-исторический словарь. – СПб., 1889. – С. 88; *Шестаков И. В., свящ.* Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии (1799–1899). – Пермь, 1899. – С. 200–202; *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. – М., 1900. – Вып. VIII. – С. 85–86; 50-летний юбилей в сане священства Екатеринбургского епископа Нафанаила // Ярославские епархиальные ведомости. – 1884. – Стб. 312; Изобличение Преосвященным Нафанаилом Екатеринбургским плутней Константинопольских греков // Там же; *Q. Д. [Дозе Ф. И.]* Коробово с 1859 // Костромские губернские ведомости. – 1863. – № 33. – Ч. н. – С. 219–220; *Панкратов А. С.* Потомки Сусанина // Костромская жизнь. – 1911. – № 77–78; Некролог // Волынские епархиальные ведомости. – 1888. – № 1. – Ч. н. – С. 173; Вятские епархиальные ведомости. – 1888. – № 3. – Ч. н. – С. 106–107; Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1888. – № 1–2; Московские ведомости. – 1888. – № 41; Московские церковные ведомости. – 1888. – № 3–4; Новое время. – 1888. – № 4263; Православное обозрение. – 1886. – Май–Июнь. – С. 367–391; Июль. – С. 409–416; Самарские епархиальные ведомости. – 1886. – № 9. – Ч. н. – С. 183–210; № 10. – Ч. н. – С. 199–208; Церковные ведомости. – 1888. – № 3. – Прибавление. – С. 62–63.

НИКАНДР

(**Анпилогов Николай Алексеевич**)
(р. 21.05.1957)

Уроженец Оренбургской обл. На церковном служении с 1980 г. Выпускник

Московской духовной семинарии (1990) и Киевской духовной академии (2004). Наместник (1991), игумен (1992) и архимандрит (03.05.1994) Свято-Покровского Авраамиева Городецкого монастыря Костромской епархии.

Соч.: Старец схиархимандрит Гавриил (Зырянов) и Казанская Седмиезерная Богородичная пустынь. – М., 1991; Преподобный Авраамий Городецкий, Чухломской и Галичский чудотворец, и созданный им Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь. – М., 1996; Преподобный Авраамий Городецкий, Галичский и Чухломской. К 625-летию со дня преставления: 1375–2000. – Красногорск, 2000; Светильник Северной Фиваиды. – М.; Кострома, 2004.

Лит.: Архимандрит Никандр (Анпилогов). Светильник Северной Фиваиды. – М.; Кострома, 2004. – С. 144.

НИКОДИМ (XVII)

Иеромонах варнавинского Троицкого монастыря Нижегородской епархии. Составитель описи монастырских грамот (1751) и исследователь жития Варнавы Ветлужского.

Лит.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 2004. – Вып. 3. – Ч. 4. – С. 373; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). – 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. – Пг., 1918. – Т. II. – С. 171; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 29–30; *Резепин П. П.* Костромские краеведы монахи // Светочъ. – Кострома, 2009. – № 5. – С. 236; *Херсонский И. К.* Рукописное житие

преподобного Варнавы Ветлужского // Костромская старина. – 1890. – Вып. I. – С. 1–38.

Арх.: РГАДА. – Ф. 188. – № 1222.

НИКОЛАЙ
(Дробязгин Леонид Аркадьевич)
(1855–?)

Уроженец Таврической г. Потомственный дворянин. Выпускник юнкерских классов Морского кадетского корпуса г. Николаева Таврической и минных офицерских классов Морского кадетского корпуса г. Кронштадта Санкт-Петербургской г. Постриженник Санкт-Петербургской Александро-Невской лавры (09.11.1896). Член Пекинской (1897) и Иерусалимской (1900) русских духовных миссий. Настоятель Кавказского Николаевского миссионерского монастыря (05.03.1902). Архимандрит (25.08.1903–1906) и заведующий церковно-приходской школой (22.01.1904–1906) Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии. Кавалер всех служебных наград вплоть до палицы включительно (12.05.1902). Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (24.10.1903), которой пожертвовал 127 старинных монет (31.01.1904). Корреспондент Костромских епархиальных ведомостей.

Соч.: Костромские святые и их церковно-народное почитание // Костромские епархиальные ведомости. – 1903. – № 17. – Ч. н. – С. 511–515.

Лит.: Журнал заседания Костромской губернской ученой архивной комиссии 24 октября 1903 года // Костромские губернские ведомости. – 1903. – № 76; Резепин П. П. Костромские краеведы монахи // Светочъ. – Кострома, 2009. – № 5. – С. 236–237; Резепин П. П. О псевдонимах в «Костромских епархиальных ведомостях» // Светочъ. – Кострома, 2010. – № 6. – С. 274–277.

Арх.: ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 13. – Д. 184. – Л. 55 об. – 56; Ф. 705. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 20; Д. 194. – Л. 1 об. – 2; Д. 197. – Л. 1 об. – 2.

ПАВЕЛ
(Подлипский Петр Иванович)
(23.06.1788–27.11.1861)

Уроженец с. Подлипья Переславского у. Владимирской г. Сын причетника. Выпускник Владимирской духовной семинарии (1808) и Санкт-Петербургской духовной академии (1814). Учитель церковной истории и греческого языка (13.08.1814), инспектор (02.07.1817) и ректор (10.01.1820) Владимирской духовной семинарии. Постриженник владимирского Цареконстантиновского монастыря (17.01.1817). Архимандрит юрьевского Архангельского (01.10.1817), владимирского Цареконстантиновского (15.11.1819) и переславского Троицкого Данилова (01.03.1820) монастырей Владимирской епархии. Епископ Костромской и Галичский (26.05.1830–26.09.1836). Почетный член Императорского Московского общества истории и древностей Российских (05.11.1832). Епископ (26.09.1839) и архиепископ (27.03.1839) Черниговский и Нежинский. Кавалер орденов Св. Александра Невского (07.04.1857), Св. Анны I (21.04.1835) и II (22.08.1826) и Св. Владимира III (09.04.1843) степеней и др. Уволен на покой в переславский Троицкий Данилов монастырь Владимирской епархии с управлением (18.04.1859), где и похоронен.

Соч.: Описание Переяславского Троицкого Данилова монастыря, из подлинных монастырских бумаг составленное в 1829 году. – М., 1834; Описание Макариева Унженского Костромской епархии III-классного мужеского монастыря. Составлено из подлинных монастырских бумаг в 1834 году. – М., 1835; Описание Костромского Крестовоздвиженского III-классного девичьяго монастыря,

составленное из подлинных монастырских бумаг в 1835 году. – М., 1835; Описание Николаевского Луховского Костромской епархии III-классного мужского монастыря. Составлено из подлинных монастырских бумаг в 1836 году. – М., 1836; Описание Железоборовского Иоанно-Предтеченского Костромской епархии III-классного мужского монастыря. Составлено из подлинных монастырских бумаг в 1836 году. – М., 1838; Костромские находки // Русский Исторический Сборник. – М., 1838. – Т. I. – Кн. I. – С. 101-102; Письма к Гавриилу, архиепископу Рязанскому // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1873. – Кн. 3. – С. 165–168; Письма к Ф.А. Голубинскому // Прибавления к Творениям Св. Отцев. – 1887. – Ч. XI. – Кн. 4.

Лит.: Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. – Лейпциг; Вена; СПб., б. г. – Т. 14. – С. 589; Календарь для духовенства на 1878 год. – СПб., 1878. – Разд. II. – С. 26, 64; Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX-вековой ее истории. – Киев, 1911. – С. 145, фот.; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П. П. Сойкина. – СПб., б. г. – Т. 2. – Стб. 1479, 1730, 2364; Русский биографический словарь. – СПб., 1902. – Т. 13. – С. 70–71; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 651; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). – СПб., 1896. – С. 29. – № 267; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1897. – Т. XXII а. – С. 547; Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – Киев, 1913. – С. 1403, 1417; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). – 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. – Пг., 1918. – Т. II. – С. 221; Геннадий Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. – М., 1908. – Т. 3. – С. 96; Диев М. Я. Истори-

ческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – М., 1858. – С. 55–56; Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях, в течение моей жизни // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1873. – № 2; Н. Д[урново]. Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи. – М., 1888. – С. 26, 64; Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии (1750–1869). – М., 1902. – Вып. 2. – С. 48–50; Надеждин К. Ф. История Владимирской духовной семинарии (1750–1840 гг.). – Владимир, 1875. – С. 128–131, 142; Островский П. Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870. – С. 133; Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. 1814–1869. – СПб., 1907. – С. 335; Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. – Кострома, 1868. – Отд. II. – С. 23; Свирелин А. Историко-статистическое описание Переяславского Троицкого Данилова монастыря. – М., 1860. – С. 92–95; Смирнов С. К. История Троицко-Лаврской семинарии. – М., 1867. – С. 533; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 512, 572, 669, 670, 672; 676, 850; Сырцов И. Я. Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1745–1898). – Кострома, 1898. – С. 29–30; Титов А. А. Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 35–36; Толстой Ю. В. Список архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). – СПб., 1872. – С. 34. – № 267; Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1861. – С. 99; Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы с 862 по 1720 год. – Чернигов, 1863. – Кн. II. – С. 295; Филарет, митр. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по

учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. / изд. под ред. преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. – СПб., 1885. – Т. 1. – С. 42, 46, 54, 62, 276 и пр. 1; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857. – С. 368, 442; *Филарет, митр.* Письма митрополита Филарета к архиепископу Парфению // Русский архив. – 1899. – Кн. 2. – С. 195; *Горохова О. В.* Путеводитель по книжным сокровищам в вопросах и ответах // Губернский дом (Кострома). – 1996. – № 2. – С. 56 (соавтор); *Горохова О. В.* Библиотека Костромского Успенского кафедрального собора // Там же. – 2008. – № 4/5 (85/86). – С. 112–115; *Горохова О. В., Резепин П. П.* Библиоман // Там же. – 2006. – № 1/2 (70/71). – С. 86; *Резепин П. П.* Костромские краеведы монахи // Костромской Вертоградъ. – Кострома, 1998. – № 2. – С. 22–23; *Резепин П. П.* Костромское романоведение: темы и проблемы // Светочъ. – Кострома, 2008. – № 4. – С. 78–82; *Свирелин А.* Семинария в Переяславском Даниловом монастыре // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1859. – Кн. 2. – Отд. V. – С. 23–32; *Свирелин А.* Воспоминания о преосвященнейшем Павле, архиепископе Черниговском // Странник. – 1863. – Кн. 12. – С. 83–89; Некролог // Владимирские губернские ведомости. – 1861. – № 49.

Арх.: ГАКО. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 156.

**ПАИСИЙ
(Башмаков Павел Германович)
(1830 – не ранее 1891)**

Уроженец Мологского у. Ярославской г. Сын крестьянина. Послушник (08.10.1858), постриженник (21.03.1861), иеромонах (21.04.1871), эконо́м (20.10.1875) и уставщик (04.12.1878) Санкт-Петербургской Александро-Невской лавры. Наместник костромского Ипатьевского монастыря (24.10.1883). Архимандрит (14.04.1884). Настоятель (03.09.1886) и архимандрит (16.05.1886) Троицкого Кривоезерского монастыря Костромской епархии.

Соч.: Знамение от иконы Иерусалимския Божией Матери, что в Троицкой Кривоезерской пустыне // Странник. – 1861. – Июнь; Сказание о чуде от иконы Иерусалимския Божией Матери, что в Троицкой Кривоезерской пустыне // Костромские епархиальные ведомости. – 1891. – № 6.

Лит.: *Воскресенский Ал.* Свято-Троицкая Кривоезерская пустынь, Костромской епархии. – Кострома, 1904. – С. 21.

Арх.: ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 13. – Д. 89. – Л. 6 об. – 10; Д. 121. – Л. 15 об. – 18; Д. 134. – Л. 11–15; Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 208. – Л. 1–1 об.

**ПАЛЛАДИЙ
(Пьянков Павел)
(1816-08.01.1882)**

Уроженец Пермской епархии. Сын священника. Выпускник Пермского духовного училища (1828), Пермской духовной семинарии (1834) и Московской духовной академии (1840). Учитель Пермского духовного училища (1834–1836) и Пермской духовной семинарии (21.10.1840–29.09.1845). Кандидат (1840) и магистр (08.08.1841) богословия. Священник ниже-тагильской Входеоерусалимской церкви Пермской епархии (19.03.1844–29.09.1845). Член правления Пермской духовной семинарии (13.06.1844–29.09.1845). Учитель богословия Вятской духовной семинарии (29.09.1845). Постриженник вятского Трифонова монастыря после вдовства (16.11.1846). Инспектор Саратовской (16.04.1849) и Казанской (14.11.1852) духовных семинарий. Ректор Пермской духовной семинарии (11.05.1854) и архимандрит верхотурского Николаевского монастыря Пермской епархии (20.05.1854), ректор Подольской духовной семинарии и архимандрит каменецкого Свято-Троицкого монастыря Подольской епархии (10.07.1860), ректор Орловской духовной семинарии и архимандрит орловского Петропавловского монастыря (15.07.1864). Епископ Кинешемский,

викарий Костромской (31.10.1869–24.06.1872). Епископ Сарапульский, викарий Вятский (24.07.1872). Епископ Олонецкий и Петрозаводский (28.02.1877). Кавалер орденов Святой Анны I (01.04.1875), II (14.04.1858) и II с короной (21.04.1862) и Святого Владимира (19.04.1869) III степеней, знака Красного Креста (01.12.1878), малой золотой медали Императорского Русского географического общества (1864), высочайшей благодарности (1878) и др. Пожизненный член костромского отделения Православного Миссионерского общества (1870) и почетный член Костромского губернского статистического комитета (1871). Духовный писатель. Корреспондент Странника и провинциальных периодических изданий. Похоронен в Духовском кафедральном соборе.

Соч.: Обзорение Пермского раскола т.н. «старообрядства». – СПб., 1863 (рец.: Дух христианина. – 1865. – № 1. – С. 14; Матвеевский П. // Странник. – 1864. – № 2. – Отд. III. – С. 15; Нильский И.Ф. // Христианское чтение. – 1864. – Ч. I. – С. 241); Толкование на книги XII малых пророков. – Вятка, 1872–1876. – Вып. 1–5; Толкование на Псалмы, составленное по текстам: еврейскому, греческому и латинскому, по учению Отцов и учителей святой церкви и дополненное различными замечаниями. – М., 1972; 2-е изд. – Вятка, 1874; Толкование на книги пророков Наума и Аввакума. – Вятка, 1876 (рец.: Иосиф (Баженов) // Странник. – 1876. – № 3); Толкование на книги святых пророков Ионы и Михея. – Вятка, 1874; Толкование на книги святых пророков Аввакума, Софонии и Аггея. – Вятка, 1876; Толкование на книги святых пророков Захарии и Малахии. – Вятка, 1876; Речь Святейшему Правительствующему Синоду, произнесенная ректором Орловской духовной семинарии, архимандритом Палладием, при наречении его во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии 12 ноября 1869 года // Странник. – 1869. – № 12. – Отд. IV. – С. 83.

Лит.: Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. – Лейпциг;

Вена; СПб., б.г. – Т. 14. – С. 630; Календарь для духовенства на 1878 год. – СПб., 1878. – Разд. II. – С. 26, 39; Адрес-календарь. – С. 75; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П. П. Сойкина. – СПб., б.г. – Т. 2. – Стб. 1699, 1730; Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. – СПб., 1902. – Т. III. – Стб. 1184; Русский биографический словарь. – СПб., 1902. – Т. 13. – С. 151; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 658; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). – СПб., 1896. – С. 60. – № 417; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. 1814–1914. – Сергиев Посад, 1914. – С. 24; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1897. – Т. XXII а. – С. 639; *Благовещенский А. А.* История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. – Казань, 1881. – С. 316; *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. – Киев, 1913. – С. 1399, 1403, 1407; Н. Д[урново]. Девятисотлетие русской иерархии. 988–1888. Епархии и архиереи. – М., 1888. – С. 57, 65, 73; *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. – М., 1960. – Т. IV. – С. 357; *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. – СПб., 1896. – Ч. II. – С. 485; *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). – М., 1879. – С. 163, 432, 440, 548; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 851; *Сырцов И. Я.* Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1745–1898). – Кострома, 1898. – С. 47; *Толстой Ю. В.* Список архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). – СПб., 1872. – С. 52. – № 417; *Языков Д. Д.*

Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. – СПб., 1885. – Вып. II. – С. 39; *Резепин П. П.* Епископы Кинешемские, викарии Костромские // Светочъ. – Кострома, 2010. – № 6. – С. 287–288; Некролог // Исторический вестник. – 1882. – Ноябрь. – С. 8; Московские ведомости. – 1882. – № 22, 23; Московские церковные ведомости. – 1882. – № 4; Олонекские епархиальные ведомости. – 1882. – № 3. – Ч. н. – С. 30–31; Церковный вестник. – 1882. – № 6.

ПАРФЕНИЙ
(Нарольский Климент Васильевич)
(ок. 1737–14.11.1813)

Уроженец с. Савры Рязанского у. Московской г. Сын священника. Выпускник Рязанской духовной семинарии (1758) и московской Славяно-греко-латинской академии (1762) и постриженник последней (1762). Учитель философии (1762) и богословия (1766) и ректор (1772–1780) Рязанской духовной семинарии и архимандрит рязанского Солотчинского монастыря (1772–1780). Ректор Костромской духовной семинарии (1780–1797) и архимандрит костромского Богоявленского монастыря (1780–1809), а также строитель Покровского Авраамиева Городецкого (1792–1800) и Николаевского Тихонова Луховского (1802) монастырей Костромской епархии. Автобиограф. Личную библиотеку завещал библиотеке костромского Успенского кафедрального собора. Похоронен на костромском Спасо-Запрудненском кладбище.

Соч.: Богоявленский монастырь // Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. – М., 1811. – Т. 3. – С. 399–402.

Лит.: Русский биографический словарь. – СПб., 1902. – Т. 13. – С. 328; Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. I. – С. 664; *Андроников Н. О.* Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. –

Кострома, 1874. – С. 49; *Архимандрит Никандр (Анпилогов)* Светильник Северной Фиваиды. – М.; Кострома, 2004. – С. 142; *Афанасий, архим.* Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837. – С. 33–34, 53; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. 44; *Илинский П. А.* Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии: Исторический очерк. – Кострома, 1898. – С. 92, 99; *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. С видом монастыря. Составлено Прилуцким, в пользу монастыря в 1860 г. – СПб., 1861. – С. 28; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 422, 855, 875; *Сырцов И. Я.* 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). – Кострома, 1897. – С. 45; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 30–31; *Островский П. Ф.* Историческое описание библиотеки Костромского Успенского кафедрального собора // Костромские губернские ведомости. – 1858. – № 22. – Ч. н. – С. 211–212; *Резепин П. П.* Ректоры Костромской духовной семинарии // Светочъ. – Кострома, 2007. – № 2. – С. 111–112.

Арх.: РГБ. – Ф. 138 (Собрание Костромской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской). – № 125–157.

ПАХОМИЙ
(Петр)
(вт. пол. XVIII)

Инок Николаевского Бабаевского, затем строитель Покровского Авраамиева Городецкого (1781–1783) монастырей Костромской епархии. Писец «Сказания о чудотворной иконе Пресвятыя Богородицы, нарицаемья Иверския...» (1755).

Соч.: Сказание о чудотворной иконе Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Иверския, яже преславно обретается в обители святителя Николая Чудотворца, что на Бабайках, в пределах града Костромы, близ реки Волги, на устье реки Солоницы // Соловьев А. И. Николо-Бабаевский монастырь, Костромской епархии. Историко-статистический очерк. – Кострома, 1895. – С. 99–100.

Лит.: Соловьев А. И. Николо-Бабаевский монастырь, Костромской епархии. Историко-статистический очерк. – Кострома, 1895. – С. 87; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 867.

ПАХОМИЙ
(Нейский Павел Иаковлевич)
(1847 – не ранее 1914)

Уроженец с. Ключи Ветлужского у. Костромской г. Сын священника Ильинской церкви. Выпускник Макарьевского духовного училища (1860) и низшего отделения Костромской духовной семинарии (1862). Послушник (23.02.1867), постриженник (19.03.1877), иеродиакон (29.01.1878), ризничий и библиотекарь (16.02.1878), иеромонах (13.06.1882) и казначей (20.01.1884) Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Иеромонах (28.10.1888), библиотекарь (01.07.1889), благочинный (30.09.1889) и ризничий (07.06.1890) костромского Ипатьевского монастыря. Ризничий (25.09.1891) и казначей (03.12.1891) Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Настоятель (13.09.1895), игумен (17.10.1895) и архимандрит (15.04.1903) Николаевского Тихонова Луховского монастыря Костромской епархии. Кавалер всех служебных наград вплоть до палицы включительно (06.05.1899). Действительный член Костромского церковно-исторического общества (03.06.1912) и др. Корреспондент Костромского листка.

Соч.: 400-летие памяти Тихона, Лухского чудотворца // Костромской листок. – 1903. – № 36.

Лит.: Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за время от его открытия 3 июня 1912 года до 1 января 1914 года. – Кострома, 1914. – С. 10, 46; Илинский П. А. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии: Исторический очерк. – Кострома, 1898. – С. 99–100, 124.

Арх.: ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 7. – Д. 270. – Л. 17–19; Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 258. – Л. 167 об. – 170; Д. 264. – Л. 74 об. – 76; Ф. 432. – Оп. 1. – Д. 2411. – Л. 40 об.

ПАХОМИЙ
(Озимов Павел)
(1862–?)

Уроженец Ярославского у. Ярославской г. Сын крестьянина. Домашнего образования. Послушник (30.12.1892), постриженник (23.04.1893), письмоводитель (1893) и составитель на языке изданий Описи книгам библиотеки (1890-е) Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии.

Лит.: Собрание Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской. Ф. 138. // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина / РГБ. Отд. рукописей. – М., 1996. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 79–82.

Арх.: ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 13. – Д. 184. – Л. 14 об. – 15, 29 об. – 30; КОУНБ. – № ЦР 417639.5.

ПИТИРИМ
(Петр)
(1665–08.05.1738)

Уроженец с. Гориц Шуйского у. Московской г. Из простолюдинов-раскольников. Выпускник Стародубской старообрядческой монастырской школы.

Строитель (1704) и игумен (1713) переславского Николаевского монастыря, что на Болоте. Основатель (1705), строитель (1709) и архимандрит (1719) Успенского Белбазского монастыря Нижегородской епархии. Епископ (23.03.1719) и архиепископ (24.05.1724) Нижегородский и Алатырский. Член Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода (21.07.1730). Возобновитель Спасо-Раевского и основатель Троицкого Белбазского (1708), которому пожертвовал Евангелие (М., 1717), и Рождественского на Санахте женских монастырей Нижегородской епархии. «С 1718 по 1725 год в Нижегородской епархии открыто было 47 тысяч раскольников, 9 тысяч из которых приняли православие, часть записалась в двойной оклад, монахов ссылали на вечное заточение в монастыри, а мирян наказывали кнутом и отправляли в каторжную работу, и ко времени кончины архиепископа Питирима в его епархии осталось не более 2 тысяч раскольников».

Соч.: Объявление, како преосвященный епископ Нижегородский и Алатырский с раскольничьими учителями, при собрании множайшаго духовнаго и мирскаго чина людех, разменялся, и что при том говорено и учинено, и кто при том собрании людей были. – СПб., 1720; Книга именуемая Пращица противу вопросов раскольнических. – СПб., 1721; Доклад архимандрита Питирима о раскольниках и другие бумаги // Есипов Г.В. Раскольнические дела XVIII столетия. – СПб., 1861. – С. 193, 194, 208, 210–220, 235–272; Четыре докладные записки Питирима по делу о дьяконовцах // Там же. – С. 644–650; Письма к царю и доношения Синоду // Макарий (Миролюбов), архимандрит. История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказания о нижегородских иерархах с 1672 по 1850 год. – СПб., 1857. – С. 47, 83, 93; Переписка с керженскими раскольниками в 1716 году // Там же. – С. 53–66; Доношение Питиримово о раскольниках // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1860. – Т. IV.

Лит.: Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милокова. – Лейпциг; Вена; СПб., б.г. – Т. 15. – С. 204; Календарь крестный иллюстрированный на 1883 год / ред. А. Гатцук. – М., 1883. – С. 134; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П. П. Сойкина. – СПб., б.г. – Т. 2. – Стб. 1633, 1811; Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И. Н. Березиным. – СПб., 1876. – Отд. III. – Т. IV. – С. 98; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). – СПб., 1896. – С. 2. – № 18; Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1898. – Т. XXIII а. – С. 735–736; СПб., 1907. – Т. II доп. – С. 262–263; Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – Киев, 1913. – С. 1406; Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. – М., 1908. – Т. 3. – С. 137; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в 75 губерниях и областях России. – М., 1908. – С. 336–337; Евгений (Болховитинов) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. – 3-е изд. – М., 1995. – С. 265–269; Макарий (Миролюбов), архим. Архиепископ Питирим. – М., 1851; Макарий (Миролюбов), архим. История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказания о нижегородских иерархах с 1672 по 1850 год. – СПб., 1857. – С. 34–49, 64–65, 77–78, 87–88, 90–103; Н. Д[урново]. Девятисотлетие русской иерархии. 988–1888. Епархии и архиереи. – М., 1888. – С. 58; Неустроев А. Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 годы и историческое розыскание о них. – СПб., 1898. – С. 491; Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. – СПб., 1772. – С. 164; Петров Л. Справочный богословский, преимущественно церковно-исторический словарь. – СПб., 1889. – С. 199; Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра 1713–1913. – СПб., 1913. – Приложения. – С. 49; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей

Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 606, 626, 686; *Субботин Н. И.* Сказание о миссионерских трудах Питирима, архиепископа Нижегородского с приложением новооткрытого Питиримова сочинения. – М., 1889; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 31–34; *Титов А. А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 38; *Толстой М. В.* Рассказы из истории Русской Церкви. – М., 1873. – С. 623–624, пр. 62; *Толстой Ю. В.* Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). – М., 1872. – № 18; *Филарет (Гумилевский)* Обзор русской духовной литературы с 862 по 1720 год. – СПб., 1861. – Кн. II. – С. 25; *Щегольков Н. М.* Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. – Арзамас, 1911. – С. 56, 77, 82, 83, 84; *Яхонтов С. Д.* Питирим, епископ Нижегородский, как деятель против раскола. – Екатеринбург, 1888; Раскол в Нижегородских пределах в первой четверти XVIII столетия (Питирим и Ржевский) // Нижегородские епархиальные ведомости. – 1865. – № 24; 1866. – № 2; Воспоминание прошедшего на 1-е октября 1719 г. Питирим, епископ Нижегородский, и дьяковщина // Русские ведомости. – 1863. – № 13; *Опоцкий А. А.* Пресвященный Питирим, епископ Нижегородский, как деятель против раскола // Христианское чтение. – 1874. – Ч. III. – № 10–11; *Перебаскин А. Ф.* Описание Троицкого Белбажского второклассного женского монастыря Макарьевского уезда Костромской губернии // Костромские епархиальные ведомости. – 1914. – № 11, 13; *Сахаров Н. А.* Деятельность Питирима Нижегородского против раскола // Странник. – 1881. – № 1–4, 8–9.

ПЛАТОН

(Марковский Петр Алексеевич)
(ок. 1815–09.11.1878)

Уроженец Воронежской г. Сын священника. Выпускник Воронежской

духовной семинарии (1835). Священник Архангельской церкви с. Борок Задонского у. Воронежской г. (1835). Постриженник Задонского Богородицкого монастыря Воронежской епархии после вдовства (1838). Наместник воронежского Митрофаньева монастыря (01.11.1842). Наместник (01.11.1845), игумен (01.03.1847) и архимандрит (01.11.1848) костромского Ипатьевского и Макариева Унженского (22.11.1849) и строитель Покровского Авраамиева Городецкого (1845–1850) монастырей Костромской епархии. Член Костромской духовной консистории (1846–1855). Член-корреспондент Костромского губернского статистического комитета (30.12.1856). Архимандрит псковского Спасо-Елеазарова монастыря (31.03.1867), в котором и был похоронен. Кавалер орденов Святой Анны II (1871) и III (1862) и Святого Владимира IV (13.04.1877) степеней, благословения Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода (1874) и др.

Соч.: Чухломской Авраамиев Городецкий монастырь. Составлено по писцовой монастырской книге. – Кострома, 1859; Житие и чудеса преподобного отца Макария, игумена обителей: Святыя Живоначальныя Троицы, что на Желтых водах, и Живоначальныя же Троицы, что на реке Унже, взятыя из Миней-Четиих. – Кострома, 1860; То же. – 2-е изд. – М., 1874. Сказание о явлении и чудесах чудотворной Макариевской иконы Божией Матери Одигитрии, извлеченное архимандритом Платоном из монастырских рукописей. – СПб., 1863; Житие и преставление преподобного и богоносного отца нашего игумена Авраамия, Галичского чудотворца. – СПб., 1865.

Лит.: Русский биографический словарь. – СПб., 1905. – Т. 14. – С. 42; *Архимандрит Никандр (Анпилогов)* Святильник Северной Фиваиды. – М.; Кострома, 2004. – С. 143; *Беляев В. В.* История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Федоровича. – СПб., 1907. – С. 316–318; *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое

описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. С видом монастыря. Составлено Прилуцким, в пользу монастыря в 1860 г. – СПб., 1861. – С. 30; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 388, 857, 868; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 34; *Херсонский И. К.* Летопись Макариева Унженского монастыря, Костромской епархии. – Кострома, 1889. – Вып. 2. – С. 276–347; *Резепин П. П.* Костромские краеведы монахи // Костромской Вертоградъ. – Кострома, 1998. – № 2. – С. 24.

ПРОТАСИЙ (XVI)

Игумен Павлова Обнорского (1538–1546), Авраамиева Заозерского (1547–1550), Авраамиева Городецкого (1551–1564) и Макариева Унженского (1571) монастырей. Автор житий Сергия Нуромского (1538), Павла Обнорского (1546), Авраамия Галичского и Чухломского (1564) и Макария Унженского (1571).

Соч.: Житие и преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Авраамия Галичского, новаго чудотворца. – СПб., 1865; [Платон, архим.] Житие и чудеса преподобного отца Макария, игумена обителей: Святых Живоначальных Троицы, что на Желтых водах, и Живоначальных же Троицы, что на реке Унже, взятыя из Миней-Четиих. – Кострома, 1860; То же. – 2-е изд. – М., 1874; Пролог. – М. 1642. – 10 января. – Л. 657 об. – 659 об.

Лит.: Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: в 12 т. // под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. – СПб., 1900. – Т. I. – Стб. 190–194; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1988. – Вып. 2. – Часть 1. – С. 291–293, 313–317, 429; Л., 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 149, 306–307; СПб., 1993. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 10–12; *Архимандрит Никандр*

(*Анпилогов*). Святильник Северной Фиваиды. – М.; Кострома, 2004. – С. 141; *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. – СПб., 1882. – Стб. 6–7, 335–339, 416–419; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках: (по житиям святых). – М., 1966. – С. 141–143, 145, 149–152; *Верюжский И. П.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. – Вологда, 1880. – С. 232–266; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – С. 271–272, 276, 278, 324, 378; *Петров Л.* Справочный богословский, преимущественно церковно-исторический словарь. – СПб., 1889. – С. 7, 149, 187; *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. С видом монастыря. Составлено Прилуцким, в пользу монастыря. – СПб., 1861. – С. 51–52; *Сергий*, архим. Полный месяцеслов Востока. – М., 1875. – Т. I. – Приложения. – С. 193, 196; М., 1876. – Т. II. – С. 190; *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. – СПб., 1882. – С. 318–319, 336, 340–341; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 746, 866; *Суворов Н. И.* Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии. – Вологда, 1866. – С. 55–58, 68; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 37; *Херсонский И. К.* Летопись Макариева Унженского монастыря. – Кострома, 1888. – Вып. 1. – С. 3, 5, 12; *Херсонский И. К.* Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макариево-Унженского монастыря, Костромской губернии. – Кострома, 1887. – С. 5; *Резепин П. П.* 650 лет костромской книги // Костромская старина. – 2001. – № 15. – С. 40–41; *Резепин П. П.* Протасий // Светочъ. – Кострома, 2009. – № 5. – С. 177–179; *Розанов С. П.* Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галичско-Городецкого-Чухломского // Русский филологический вестник. – 1912. – № 3. – С. 232–234.

Арх.: ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 361, 364, 365, 366, 477.

ПАСТЫРЬСКИЕ ПОУЧЕНИЯ

Проповедь в Неделю 4-ю
Великого поста

Братия и сестры! Из содержания Евангельского чтения, которое мы сегодня слышали за Божественной Литургией, мы поняли, что жизнь невозможна без веры и что духовная жизнь не является для каждого из нас чем-то посторонним. Отец бесноватого юноши, наслышанный о чудесных исцелениях, которые совершает Спаситель, обратился к Его ученикам, веря, что они, как и их Божественный Учитель, способны исцелять. Но ученики не смогли изгнать немого и глухого духа, терзавшего и мучавшего юношу.

Почему же ученики не были способны исцелить? Они же везде следовали за Спасителем и внимали всем Его наставлениям! В чем же была причина, по которой они не смогли исцелить бесноватого отрока?

Истинная вера во Христа Спасителя, сопровождаемая добрыми делами, без которых она недействительна, пост и молитва – вот три главные, необходимые для нас условия, братия и сестры, без которых нет возможности нам получить исцеление духовных и телесных немощей.

Но только ли названные три условия явились причиной неудачи апостолов? Спаситель указывает в данном случае и на неверие отца, который не столько просил, сколько заставлял учеников Спасителя исцелить своего несчастного сына: не соблюдая при этом пост, не взяв на себя подвиг молитвы, не имея даже надлежащей веры.

Он смотрел на исцеление своего сына как на обыкновенное врачевание, которое, по его мнению, апостолы были обязаны сделать для его сына – ведь они ученики Великого Исцелителя! Он просил их показать врачебное искусство, так и не поняв, что

болезнь его сына, является отчасти и его болезнью, и в ней виновен и он сам.

Ученики Спасителя, в желании совершить то, что совершал Он, забыли слова Учителя о том, что не нужно понапрасну метать бисер – этим только поругается святыня. В желании показать себя чудотворцами, без глубокой веры, без предварительного поста и усердной молитвы принялись за дело духовного врачевства. Надо было сразиться с бесом. А чем они могли помочь больному, не имея в себе не только тех качеств, которые нужны для борьбы с болезнью (качества придут лишь в Пятидесятницу, снисхождением Духа Утешителя), но еще не поняв: кто же есть их Божественный Учитель, для чего Он с ними?

На помощь им приходит Спаситель. Он обличает неверие любопытных зрителей, назвав их «родом неверным и развращенным». Затем Он обращается с вопросом к маловерному отцу: когда началось беснование его сына? Отец отвечал, что с детства его сын болеет духовной болезнью, и прибавил: «если что можешь, сжался над нами и помоги нам» (Мк. 9; 22). Выражение «если что сможешь» говорит о маловерии в просьбе отца, отчаявшегося найти врача для своего сына. Далее, на вопрошение Спасителя о его вере, отец юноши воскликнул словами, актуальными и для каждого из нас: «Верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9; 24). Господь исцелил отрока, запретив бесу вновь входить в него.

Оставшись наедине, апостолы спросили Учителя: почему они не смогли изгнать нечистого духа? На что Спаситель отвечал: «за неверствие ваше» (Мф. 17; 19), т. е., за маловерие ваше. И прибавил: «Сей род (т. е. злых духов) не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк. 9; 29).

Какое же назидание предлагает нам Церковь, братия и сестры, озвучивая Евангельское повествование об исцелении бесноватого юноши в 4-ю Неделю Великого поста?

Святая Церковь, желая утратить наши немощи, терзающие душу и тело так же мучительно, как и всякое беснование, предлагает нам пути выздоровления – веру, молитву и пост. Господь, зная наше невнимание, нашу глухоту и немощь, предлагает открыть для спасительного следования путем Его заповедей слух и зрение. Вера, несомненно, что только Он может нас исцелить, слышать Его назидательное Слово, раскрыть глаза, чтобы видеть нам свои грехи.

Те же, кто не видит своей болезни, не хочет слышать о средствах исцеления, не доверяет Врачу – не смогут исцелиться, а так и будут бросаться в огонь и в воду, ожидая, когда придет гибель (Мк. 9; 22).

Попросим же, братия и сестры, у Того, Кто может дать, поддержать нашу веру, при наличии которой мы не только сможем болезни врачевать, прокаженных очищать, бесов изгонять и горы переставлять, но даже мертвых воскрешать (Мф. 10; 8).

Попросим Господа укрепить нашу веру словами Его учеников: «приложи нам, Господи, веру» (Лк. 17; 5). Пусть даже наш вопль будет воплем отчаяния: «Господи, если что можешь, помоги нам, милосердовав о нас».

И, по вере нашей, будет нам.
28.03.1971 г.

Проповедь в Неделю 5-ю Великого поста

«Не знаете, чего просите», – так сказал Господь Иисус Христос ученикам Своим Иакову и Иоанну, сыновьям Заведя, когда они просили Его, чтобы когда станет Он царем, то устроил бы их и посадил рядом с Собой на Престоле Славы – одного по правую, другого по левую сторону (Мк. 10; 38).

И ведь странно, братия и сестры, что не услышали они слов Спасителя о пере-

несении им крестных страданий, о распятии Его и убийстве. Они услышали и поняли в силу своих душевных возможностей только то, что хотели услышать от своего учителя, – слова о Его царском достоинстве. И думают о том богатстве, славе, почестях, которые обычно сопутствуют земным царям. Они, еще не озаренные светом Пятидесятницы, думают более о плотском, нежели о духовном, о земном, нежели о небесном. Они с легкостью воспринимают Его слова о чаше страданий и о крещении, вкладывая в эти понятия свои представления о царской чаше и о крещении во оставлении грехов. Том крещении, которым крестились сыны Израилевы от Иоанна во Иордане.

Такова слабость нашего ума, братия и сестры, ума, погруженного в мирские заботы и хлопоты, ума, направленного на приобретение, в первую очередь, земных благ. И только озарение, данное человеку свыше, озарение благодатью Божией посредством глубочайшего смирения позволяет нам увидеть другую реальность, открыть наш ум, душу и сердце для усвоения и разумения того, что мы без Бога окаймлены и бедны, нищи, слепы и наги (Апок. 3, 17). Только тогда мы сможем услышать слова Господни, что «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10; 45).

Как пример такого исцеления ума, очищения души, просветления сердца, дает нам святая Церковь назидание через жизнь и образ ныне почитаемой святой преподобной Марии Египетской.

Кто вспомнит житие преподобной, прочитанное на утрене, накануне четверга прошедшей седмицы, вместе с чтением Покаянного канона преподобного Андрея Критского, тот, конечно, будет тронут ее глубоким, великим покаянием, которое она произнесла в первый раз перед ликом Богоматери, а затем поведала духовному отцу в монастыре Предтечи и Крестителя Иоанна. Тем, кто не знает ее житие или забыл, напомню, что преподобная была блудницей

и не знала предела своему пороку, которому предавалась в течение 17 лет. Дух беззакония настолько овладел ею, что «она работала греху», не осознавая всей губительности своего положения.

Когда же она вместе со всеми паломниками попыталась войти в храм, чтобы поклониться Животворящему Кресту Господню, неведомая ей сила остановила ее. Только тогда она осознала, что тяжкие грехи ее души являются причиной, по которой она не может прикоснуться к «Источнику Жизни и бессмертия». Она осознала, что жизнь в роскоши, сытости, праздности, угождении плоти ведут к смерти души. Что грехи – эти вирусы, которыми болеет душа, – способны умертвить кого и что угодно. Что от этой болезни есть одно лекарство – покаяние.

«Персвятая Дево, – взмолилась Мария, – непорочная, Пречистая Владычице! Допусти меня, окаянную блудницу, приложиться ко Святому Кресту, на котором пролил неповинную кровь Свою пречистую Твой Сын и Бог, за всех великих грешников, а в том числе и за меня, позорную, бесстыдную блудницу! Даю Тебе святое обещание, что с сего дня и часа, как Ты дозволишь мне нечистыми устами прикоснуться Животворящего Креста Христова, я более не буду осквернять себя плотским грехом, удалюсь от всех соблазнов, куда Ты мне повелишь. И при Твоей всемогущей помощи постараюсь прежние мои грехи загладить совершенным покаянием и исправлением. Будь Споручницей обета моего пред Богом и не оставь меня Своим покровом!» (Из жития прп. Марии Египетской).

Пресвятая Дева, скорая на помощь всем, прибегающим к Ней с мольбой и теплыми слезами покаяния, позволила кающейся грешнице войти в храм, приложиться к Святому Кресту и указала ей путь спасения – путь исцеления, изменения жизни и достижения великих сокровищ – добродетелей. В Иорданской пустыне преподобная провела 38 лет в непрестанной молитве, опаленная дневным солнцем и замерзаю-

щая от ночного холода, в голоде и искушениях, напоминающих ей о прежней сытой и разгульной жизни. Через самоотречение и покаяние она стала «ангелом во плоти», в горении молитвы поднимающимся от земли, не нуждаясь ни в пище, ни в питии. Путь победы над страстями был путем подлинного счастья, подлинного богатства, перед которым склонился и старец Зосима, и дикие звери, и мы, спустя столько столетий, восхваляющие подвиги преподобной. Путь ее стал путем для назидания многим.

Конечно, многие из нас скажут, что трудно нам немощным, находясь в современном мире высоких скоростей и технологий, подражать подвигам преподобной. Но Святая Церковь и не призывает нас уйти из уже ставшим привычным нам мира в пустыню. Она показывает нам образ покаяния. Она назидает нас примером преподобной Марии Египетской и призывает не бояться изменить свою жизнь, без боязни быть не прощены приступить к исповеди, искать духовные ценности и менее тратить сил на приобретение скоропреходящих благ земных. Ведь в Царстве Божием они не имеют ценности. Ценность имеют добродетели души.

Покаемся же, братия и сестры! Время Великого поста – время благоприятное для изменения жизни и приобретения нетленных сокровищ души.

Смерть, как прекращение земной, ставшей уже привычной для нас жизни, может нас в любую минуту разлучить от всего того, к чему мы так были привязаны и к чему всю жизнь стремились. Страшно, когда не допустит нас Господь покаяться даже перед кончиной, а смерть везде нас ожидает, и для нераскаянных грешников она люта (Пс. 33, 220). Какие жизненные итоги мы принесем на Суд Божий? Кем мы будем в Его царстве?

«Се, Христос невидимо стоит, приемля исповедание наше...»

12.04. 1970 г. Воскресенский кафедральный собор г. Костромы

**Проповедь в Неделю 8-ю
по Пятидесятнице, в день юбилея
50-летнего священнослужения
Архиепископа Костромского
и Галичского Кассиана
(Ярославского, +1990)**

Братия и сестры! В двенадцатые праздники, за Всенощным бдением, Устав предписывает совершать литию, по окончании которой читается молитва на освящение хлебов: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый...» (Молитва на литии. Служебник).

Пять хлебов благословляются в воспоминание того чуда, когда Господь наш Иисус Христос пятью хлебами наплатил огромное количество людей: пять тысяч было только мужчин. «Невозможное человеком, возможно Богу» (Лк. 18; 27), – учит нас Слово Божие. Совершилось великое чудо. Телесное насыщение после насыщения духовного – проповеди Христа. О том говорит Господь: «Старайтесь (заботиться) не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6; 27).

У бессмертной души есть свои потребности, свой голод, свои болезни. Вот и ведет нас в храм Божий наша душа к Врачу и Питателю своему, где насыщается она Словом Божиим и молитвой. И не только потому, что храм – место особого пребывания Божия, где Господь открывается в Пречистых и Животворящих Тайнах; но и потому, что молитва совершается от лица всех нас, народа Божия, Церкви. Здесь мы едиными устами и единым сердцем просим: «ангела мирна», «прощения грехов», «прочее время живота нашего скончати». Здесь, в храме, мы наполняем свою душу той пищей, которую нам не может дать земной мир.

Как дитя стирает свои ручонки к груди матери, так и душа наша устрем-

ляется к Господу в молитве, получает ответы на вопрошения о жизни и смерти, о перенесении скорбей и испытаний.

«Не хлебом единым жив человек» (Мф. 4;4), – говорил Господь Спаситель. Подтверждение истинности этих слов мы находим, каждый раз выходя из храма окрыленные полученной в нем благодатью и радостью от общей молитвы.

В сегодняшний воскресный день мы с вами собрались и для того, чтобы поздравить нашего Высокопреосвященнейшего Владыку с пятидесятилетним юбилеем пастырского служения.

Настоящее торжество имеет значение не только для самого юбиляра, но и для нас всех, являясь одним из примером истовости служения Богу, искренности молитвы, непрестанного молитвенного труда.

Святой апостол Павел пишет в Послании к Солунянам: «Просим вас, братие, уважать трудящихся у вас, и почитать их преимущественно с любовью за дела их» (1 Сол. 5; 12-13).

Мы эту заповедь апостола постарались сегодня исполнить – принесли свою искреннюю молитву за своего Архипастыря о даровании ему здоровья и долголетия, твердости и неустанности его молитвенного предстояния за всех нас. Мы просим его молитв о нас: немощных и ослабленных, больных и отчаявшихся. Мы просим его пастырской мудростью поддержать нас, теплотой сердечной утешить нас и напитать нас, жаждущих и голодных, Словом Истины. Он наш пастырь, предстоящий за нас перед лицом Праведного Судии, перед бессмертием Царства Христова.

Не оставь нас в своих молитвах! Направляй и наставляй нас на путь заповедей Господних. Укрепляй в вере. Питай нас Словом Божиим.

Ис полла, эти деспота!

12 августа 1973 г. Воскресенский кафедральный собор г. Костромы.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЗРОЖДЕННОГО КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА С 2005 ПО 2010 ГГ.

По благословию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Александра, Архиепископа Костромского и Галичского (Могилев, на кафедре 1989–2010) 19 июня 2006 г. состоялось первое заседание возрожденного Костромского Церковно-Исторического Общества.

Современное Костромское Церковно-Историческое Общество является прямым наследником Церковно-исторического общества (КЦИО), существовавшего в нашем городе в начале XX века. То, первое Общество, своим возникновением обязано инициативе костромских церковных историков – преподавателя Костромской Духовной Семинарии И.В. Баженова, прот. И. Студицкого, ректора Костромской Духовной Семинарии прот. В.Чекана, священ. М. Раевского и других выдающихся деятелей церковной и гражданской истории и краеведения своего времени. Свое благословение на создание Общества и его документальное оформление дал Архиепископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский, на кафедре 1905–1914), попечитель и непосредственный участник работы Общества. 21 декабря 1911 г. Святейшим Синодом был утвержден Устав Костромского Церковно-Исторического Общества.

Общество имело своей целью изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии, в ее историческом прошлом и современной действительности, исследование, сохранение и собирание памятников местной церковной древности и истории. Для достижения намеченной цели Общество предпринимало следующую работу:

- нахождение, описание, систематизация архивов церквей, монастырей и других епархиальных учреждений;
- изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядовых особенностей;
- историческое исследование церковно-религиозной жизни, в частности, возникновение расколов и сектантства;
- распространение в обществе церковных, историко-археологических сведений, устройство выставок и публичных чтений церковно-исторического и церковно-археологического характера;
- публикация материалов и научных исследований по церковной истории и археологии Костромского края.

Следует отметить, что вскоре после начала своей деятельности Общество достигает серьезных результатов. В стенах Ипатьевского монастыря, в помещении «Романовских палат» был создан церковно-археологический музей, а при нем архив и библиотека. В 1914 г. вышел в свет подготовленный членами Общества Юбилейный сборник, посвященный 300-летию Дома Романовых. Церковно-Историческим Обществом неоднократно собирались съезды научной общественности, на которых присутствовали светила исторической науки Москвы и Петербурга: профессора А. П. Голубцов, Д. И. Иловайский, Н. В. Покровский, Ф. И. Успенский, искусствовед В. К. Лукомский, историк С. Ф. Платонов.

Общество развернуло широкую научно-просветительскую деятельность, которая приносила неоспоримую просветительскую, интеллектуальную и духовную пользу государству, Церкви, людям. Революционные события 1917 г. нанесли серьезный удар

по деятельности Общества. В 1919 г. Костромское Церковно-Историческое Общество прекратило свое существование. 9 февраля 1920 года умер его бессменный председатель и организатор Иван Васильевич Баженов.

Прошли годы Смуты и власти безбожной идеологии, мрачные годы воинствующего атеизма и государственных гонений на Церковь. Наступили иные времена. И вот уже второе десятилетие каждый желающий может получить уроки жизни у «лет древних», заглядывая в историческое прошлое, без которого, как известно, нет будущего. Острую потребность в работе такой организации, которая могла бы собирать церковный археологический и исторический материал, обрабатывать, анализировать и доносить его до широких кругов общественности, ощущали и священнослужители, и деятели костромской исторической науки, краеведы, и все, кому небезразличны исторические судьбы Костромского края и Отечества в целом. Непростой, кропотливый труд по созданию, а точнее по воссозданию Общества завершился утверждением Управляющим Костромской епархией Архиепископом Александром 6 апреля 2006 г. «Положения о Костромском Церковно-Историческом Обществе», давшим свое архиерейское благословение на начало организационной и научной деятельности.

Первое заседание Общества имело своей целью организацию Общества, определение его целей и задач. Каждому участнику заседания было дано индивидуальное задание и определен круг полномочий. В результате обмена мнениями были определены ближайшие перспективы: создание библиотеки, архива и церковно-археологического музея в стенах Костромской Духовной Семинарии, издание печатного органа – альманаха Костромского церковно-исторического общества «Светочъ», с целью публикации научных трудов членов Общества и архивных материалов, разработка и издание справочника, содержащего подробную информацию о храмах Костромской Епархии. На первом собрании Общества все присутствующие единодушно обратились со словами молитвы к Создателю всего и Промыслителю Богу:

«Благослови, Господи, труды возрожденного Костромского Церковно-Исторического Общества во славу имени Твоего, к духовной пользе людей Костромского края и Отечества Российского!»

Мы решили опубликовать материалы заседаний Общества, чтобы с течением времени не были забыты труды людей, «не ради хлеба куса» трудившихся над тем, чтобы Костромская святость и ее церковное сияние стало близким и родным для наших современников.

**ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
6 июня 2006 года**

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

1. прот. Димитрий Сазонов – клирик храма Св. Апостола Иоанна Богослова г. Костромы, преподаватель Костромской Духовной Семинарии;
2. иерей Андрей Казарин – секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии, преподаватель Костромской Духовной Семинарии;
3. диакон Евгений Иванов – проректор Костромской Духовной Семинарии по воспитательной работе;

ПРИЛОЖЕНИЕ

4. диакон Андрей Вавилов – инспектор Костромской Духовной Семинарии;
 5. Сизинцева Л. И. – доцент каф. туризма КГГУ, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;
 6. Уткин С. А. – главный хранитель архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода»;
- Всего: 6 человек.

Протокол № 1

СЛУШАЛИ:

Доклад прот. Дмитрия Сазонова по случаю первого собрания Костромского Церковно-Исторического Общества: «**Костромское Церковно-Историческое Общество, его прошлое и настоящее**».

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Принять к сведению информацию об истории развития и становления КЦИО в дореволюционный период.
2. Выразить благодарность управляющему Костромской Епархией Архиепископу Костромскому и Галичскому Александру за инициативу возрождения КоЦИО.
3. Выразить благодарность протоиерею Дмитрию Сазонову за организацию и подготовку первого заседания возрожденного КЦИО.
4. Поручить диакону Евгению Иванову на основании доклада об истории КЦИО подготовить материал для размещения в Интернете на сайте Костромской Епархии и газете «Благовест».

Протокол № 2

СЛУШАЛИ:

Положение о Костромском Церковно-Историческом Обществе. Текст «Положения» утвержден Управляющим Костромской Епархией архиепископом Костромским и Галичским АЛЕКСАНДРОМ 6 апреля 2006 года.

Положение о церковно-историческом обществе

1. Общество имеет целью изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии в ее историческом прошлом и настоящем, исследование, распространение знаний, сохранение и собирание памятников местной церковной древности и истории.
2. Для достижения намеченных целей и задач в круг деятельности общества входит:
 - Нахождение, описание, систематизация архивов церквей, монастырей и других епархиальных учреждений;
 - Изучение религиозных местных обычаев, преданий, церковных обрядовых особенностей;
 - Историческое исследование церковно-религиозной жизни епархии в прошлом и настоящем, в частности, возникновение и распространение сектантства и других религий и культов на территории епархии;
 - Распространение в обществе, по преимуществу среди духовенства, церковных, историко-археологических сведений, устройство выставок и публичных чтений церковно-исторического и церковно-археологического характера;

– Публикация материалов и научных исследований по церковной истории и археологии Костромского края в периодической прессе и отдельными изданиями.

– Содействие научным и исследовательским экспедициям и экскурсиям, направляемыми другими обществами, учреждениями и отдельными лицами.

3. Для выполнения поставленных целей и задач Общество взаимодействует с другими историческими и археологическими учреждениями, областными и епархиальными, обменивается с ними изданиями, посылает своих представителей на проводимые ими конференции и съезды.

Состав Общества

1. Общество находится в ведении и под попечительством епархиального Архиепископа, на утверждение которого поступают все постановления Общества.

2. Общество состоит из председателя, **почетных, непреходящих и действительных** членов Общества.

3. Председатель Общества избирается общим собранием членов Общества сроком полномочий на 3 года – из лиц с высшим богословским образованием, предпочтительно в духовном сане.

4. **В почетные члены** Общества избираются лица: а) по своему положению имеющие возможность содействовать целям Общества; б) оказавшие особые услуги Обществу своими научными трудами по истории и археологии; в) содействующие Обществу материальными пожертвованиями. Почетным членам Общества выдаются дипломы за подписью Архиепископа-попечителя, председателя и печатью Общества. **Почетные члены и сотрудники** Общества избираются общим собранием и утверждаются в этом звании епархиальным архиепископом.

5. **Непреходящими членами** Общества считаются: секретарь епархиального управления, ректор и преподаватели Костромской Духовной Семинарии по кафедрам церковной и гражданской истории, благочинный монастырей Костромской епархии, благочинные храмов Костромской епархии.

6. **Действительными членами** Общества избираются люди, содействующие Обществу сообщением полезных историко-археологических сведений или доставляющие предметы древности в музей Общества. Принятие и отчисление из Общества происходит путем голосования на общем собрании Общества.

7. Управление делами Общества происходит на а) общем собрании членов Общества, б) в Совете Общества.

8. Общие собрания общества бывают **годовыми, очередными и экстренными**:

а) **годовые** собираются для рассмотрения годичного отчета о деятельности и выбора лиц (при необходимости) в Состав Общества, а также для выбора новых членов Общества, Совета Общества и дополнения Устава Общества.

в) **очередные** собираются постановлениями Совета Общества для заслушивания научных докладов и сообщений, для изыскания мер к лучшему направлению деятельности Общества, избрания своих представителей на конференции по историко-археологической тематике, для решения вопросов, поставленных Советом Общества и разработки их для вынесения на общее годовое собрание, для рассмотрения денежных смет Общества.

г) **экстренные** собираются в самых крайних случаях, для вынесения необходимых решений.

9. В состав **Ревизионной Комиссии Общества** входят три ежегодно избираемые члена Общества из лиц, не принадлежащих к составу Совета Общества. Ревизионная Комиссия проверяет годичный денежный отчет, приходно-расходные документы и имущество Общества. Заключение Ревизионной Комиссии заслушивается на годовом собрании Общества.

10. Для управления текущими делами Общества и денежной частью, для наблюдения за устройством и состоянием имущества, архива, музея и библиотеки, а так же для рассмотрения статей и научных трудов, представляемых к напечатанию в качестве изданий Общества, образуется **Совет из 7 членов Общества**, (в который входит и председатель Общества), избираемый на годовом собрании сроком на три года.

11. **Председателем Совета** состоит председатель Общества.

12. **Совет из своей среды** выбирает **заведующих**: а) архивом, б) библиотекой, в) церковно-археологическим музеем, казначея и секретаря.

13. **Постановления Совета** считаются законными, если в заседании присутствовали: председатель, секретарь и не менее трех членов Совета.

14. **Время** заседаний Совета назначается председателем. Постановления Совета утверждаются правящим Архиереем.

15. Председатель Совета сносится по делам Общества с правительственными и учебными учреждениями; он получает поступающие на имя Общества бумаги и хранит печать Общества.

16. Секретарь составляет протоколы собраний Общества и Совета, составляет годичные отчеты для доклада Общества и заведует перепиской Совета.

17. Казначей Общества принимает денежные поступления и записывает их в приходно-расходную книгу за подписью председателя Общества, производит разрешаемые Советом расходы и составляет годичный денежный отчет.

Денежные средства Общества состоят из добровольных пожертвований.

Структурные подразделения Общества

Для сосредоточения и сохранения собираемых Обществом документов и материалов церковно-археологического, научного и краеведческого характера, Обществом учреждается **музей, архив и библиотека**, в которых собираются:

а) памятники языка и письма: старопечатные и рукописные церковно-богослужebные книги, книги религиозно- нравственного и церковно-исторического содержания, старые акты и документы, дарственные грамоты и др.;

б) памятники церковной архитектуры в рисунках и фотографиях, гравюрах, моделях и образцах;

в) памятники церковной живописи и скульптуры;

г) предметы церковно- богослужebные, предназначенные для наглядной агитации и церковно- археологических исследований, как в натуральном виде, так и в фотографиях и гравюрах: священные сосуды, Евангелия, иконы, кресты, облачения и старинная церковная утварь.

– Все означенные предметы первоначально поступают в Совет Общества, который и распределяет их по соответствующим местам хранения в учреждения при Обществе.

– Памятники церковной старины поступают в учреждения при Обществе путем пожертвований или покупки на пожертвованные для этих целей деньги.

– Всем находящимся в учреждениях Общества памятникам старины ведется подробная опись в инвентарные книги Общества за подписью председателя Совета, секретаря и печатью Общества.

– **Заведующие музеем, архивом и библиотекой** избираются из членов Общества. К их обязанностям относятся: а) опись находящихся предметов и документов, б) наблюдение за их сохранностью и принятия мер по возможному благоустройству вверенных единиц хранения, в) составление инвентарных книг и систематических каталогов, г) составление годового отчета о состоянии вверенных им учреждений. Заведующие допускают в определенное время желающих для осмотра и работы в подведомственные им учреждения.

– Все означенные лица несут материальную ответственность за сохранность вверенных им попечению предметов.

– Правила пользования архивом, библиотекой и музеем Общества составляются Советом и утверждаются правящим Архиереем.

– Общество имеет свою печать, по краю печати надпись: «Костромское церковно-историческое Общество».

Прот. Дмитрий Сазонов

ПОСТАНОВИЛИ:

На основании пунктов «Положения» начать работу по решению первоочередных проблем:

– произвести поиск помещений для ведения научной работы и заседаний членов Общества;

– рассмотреть вопрос о создании учебно-методического кабинета на базе Костромской Духовной Семинарии;

– увеличить количество членов Общества, путем широкой популяризации его целей и задач объединяющих усилия Церкви и общества на пути возрождения духовно-нравственных ценностей нашего Отечества, для решения задач образования и духовного просвещения подрастающего поколения;

– аббревиатурой Общества, используемой в документации считать первые буквы слов названия «Костромское Церковно-Историческое Общество», при этом все буквы писать заглавными – КОЦИО;

– разработать печать Общества с изображением соответствующих атрибутов – куполов храма и книги, как символов церковности и науки.

Протокол № 3

СЛУШАЛИ:

Предложение прот. Дмитрия Сазонова о расширении количества членов Общества.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Предложить вступить в Общество клирикам и сотрудникам Костромской Епархии, которые согласно «Положению» могут являться *непременными членами Общества*, а также научным работникам и преподавателям учебных заведений г. Костромы и Костромской области.

2. Ходатайствовать перед архиепископом Костромским и Галичским Александром об утверждении постоянного состава Общества во главе с председателем.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему АЛЕКСАНДРУ
Архиепископу Костромскому и Галичскому

Ваше Высокопреосвященство!

Согласно протоколу № 3 заседания Костромского Церковно-Исторического Общества, состоявшемуся 6 июля 2006г., просим благословения Вашего Высокопреосвященства утвердить персональный состав Общества:

1. прот. Дмитрий Сазонов – председатель Общества;
2. архим. Геннадий (Гоголев) – ректор Костромской Духовной Семинарии;
3. иер. Андрей Казарин – секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии;
4. иер. Евгений Иванов – секретарь Общества;
5. диак. Андрей Вавилов – казначей Общества;
6. Сизинцева Л. И. – доцент каф. туризма КГТУ, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;
7. Уткин С. А. – главный хранитель архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода»;
8. Тихомирова Е. Л. – аспирант каф. культурологи КГУ им. Некрасова;
9. Шершнёв А. В. – краевед;
10. Белов А. М. – доктор исторических наук, профессор КГУ;
11. Бурдин В.В. – кандидат филологических наук, редактор журнала «Бухгалтер»;
12. Шихов А.В. – референт Костромского Епархиального Управления.

В последствии в данном составе Общества предполагаются изменения. Все новые кандидатуры будут в частном порядке утверждаться Вашим Высокопреосвященством через подачу прошений на Ваше имя от имени председателя Общества.

14.11.06г.

Смиренный послушник
Вашего Высокопреосвященства
председатель Костромского
Церковно-Исторического Общества

прот. Дмитрий Сазонов

3. Работу по привлечению в Общество новых членов поручить прот. Димитрию Сазонову.

4. Поручить Сизинцевой Л. И. решение вопросов, касающихся установлению и осуществлению связи с научной общественностью г. Костромы.

Протокол № 4

СЛУШАЛИ:

Предложение Сизинцевой Л. И. о создании печатного органа для ознакомления широких кругов общественности с работой, которую ведет Общество.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Для популяризации идей Общества и для освещения его работы издавать альманах «Светочь», содержащий как научные статьи членов Общества, так и информацию для читателя о текущей работе Общества.

2. Поручить членам Общества сбор материала для издания первого альманаха.

Протокол № 5

СЛУШАЛИ:

Предложение Сизинцевой Л. И. о введении в Устав Общества положения о членах - корреспондентах.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Признать на данный момент положение о членах-корреспондентах несвоевременным, поскольку Общество только начинает формироваться.

2. Вернуться к рассмотрению данного вопроса после увеличения количества членов Общества и решения основных вышеозначенных проблем и вопросов.

Протокол № 6

СЛУШАЛИ:

Предложение прот. Дмитрия Сазонова о необходимости издания научного справочника по храмам г. Костромы и Костромской епархии.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Признать необходимым и своевременным издание справочника.

2. Членам общества начать работу по сбору и подготовке материала.

Протокол № 7

СЛУШАЛИ:

Доклад иерея Андрея Казарина об историческом документе, недавно переданном Костромскому Епархиальному Управлению. Документ представляет собой «Докладную записку» на имя епископа Платона (Фивейского) об истории Макариево – Писемского монастыря. «Докладная записка» содержит ранее неизвестные, уникальные сведения по истории обители.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Доклад иерея Андрея Казарина принять к сведению.

2. Информацию, содержащуюся в документе, впоследствии использовать для создания справочника по храмам и монастырям Костромской епархии.

3. Сделать подобного рода выступления обязательными на каждом заседании КЦИО.

**ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

6 ноября 2007 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

1. председатель КОЦИО – протоиерей Дмитрий Сазонов;
2. секретарь КОЦИО – иерей Евгений Иванов;
3. секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии – иерей Андрей Казарин;
4. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Вавилов;
5. член Совета КОЦИО – П. П. Резепин;
6. член Совета КОЦИО – О. В. Горохова;
7. член Совета КОЦИО – А. М. Белов;
8. член Совета КОЦИО – В. Р. Веселов;

ПРИЛОЖЕНИЕ

9. член Совета КОЦИО – Л. Н. Роднов;
10. почетный член КОЦИО – В. Н. Кротов;
11. почетный член КОЦИО – Л. Н. Заливалова;
12. почетный член КОЦИО – А. Г. Кирпичник;
13. неперменный член КОЦИО – архимандрит Геннадий (Гоголев);
14. неперменный член КОЦИО – игумен Серафим (Фирстов)
15. неперменный член КОЦИО – И. А. Едошина.

Действительные члены КОЦИО – О. С. Куколевская, Л. И. Сизинцева, П. В. Романец, Е. А. Сазонова, А. В. Шершнев, Н. Ф. Басова, И. Х. Тлиф, Н. В. Бадьина; И. В. Смирнова, Г. В. Брезгина, Л. В. Бурдина, В. А. Зайцев, Б. Н. Гусев.

Всего: 28 человек.

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Выступление председателя КОЦИО – протоиерея Дмитрия Сазонова:
 - вступительное слово;
 - оглашение повестки дня.
2. Сообщение секретаря КОЦИО – иерея Евгения Иванова «О работе Общества за прошедший 2007 год.
3. Доклад председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Деятельность КОЦИО за 2007 г. Значение и перспективы».
4. Выступление почетного члена КОЦИО В. К. Внукова «О финансовой деятельности КОЦИО».
5. Выступление действительного члена КОЦИО В. А. Зайцева «О перспективах деятельности КОЦИО в 2008г.»
6. Разное.

Протокол № 1

СЛУШАЛИ:

1. Вступительное слово председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова в котором он поблагодарил всех членов Общества за понесенные в прошедшем году труды, ставшие весомым вкладом в деле возвращения нашему обществу его исторической памяти, воцерковлению людей, созиданию общественных духовно-нравственных основ, которые, несомненно, помогут направить будущее созидательное служение общества на благо Церкви и Отечества. В своем слове протоиерей Дмитрий выразил надежду, что члены Общества и впредь не оставят своего воистину подвижнического служения и будут продолжать свои просветительские труды и научные изыскания.

2. Оглашение повестки дня.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Признать слова протоиерея Дмитрия справедливыми и довести идеи его выступления до сведения всех членов Общества.
2. Принять предложенную повестку дня.

Протокол № 2

СЛУШАЛИ:

Содержание. Секретарь КОЦИО иерей Евгений Иванов сообщил собравшимся о работе Общества за период с 2006 по 2007 год включительно. Из ярких мероприятий, проведенных благодаря усилиям и трудам членов Общества, были:

1. 17.08 2006г. – открытие в ограде Иоанно-Богословской церкви трудами КЦИО. креста-памятника на могиле костромского священника-поэта иерея Валерия Бурдина. Поэтические чтения.

2. 11.09.2006 г. – прот. Дмитрием Сазоновым, диаконом Евгением Ивановым и диаконом Андреем Вавиловым, членами КЦИО, положено начало чтению лекций по религиоведению в КГУ и КГТУ.

3. 15.09.2006 г. – реставрация трудами КЦИО в ограде Иоанно-Богословской церкви креста-памятника выдающемуся русскому богослову, основателю русской теистической философии, протоиерею Федору Александровичу Голубинскому (1797–1854 гг.)

4. 27.10.2006 г. – участие прот. Дмитрия Сазонова на международном психологическом симпозиуме, посвященном 85-летию со дня рождения Л. И. Уманского, на тему «Организаторские способности в логике ментального управления социальными группами и организациями», проходившем в КГУ.

5. 7 декабря 2006 г. в актовом зале Костромской Духовной Семинарии состоялся вечер, посвященный памяти основоположника церковной археологии и музейного дела, историка, профессора СПб. Духовной Академии, нашего земляка, выпускника Костромской Духовной Семинарии, Николая Васильевича Покровского (1848–1917).

Организатором вечера выступило Костромское Церковно-Историческое Общество.

На вечер собрались воспитанники и преподаватели КоДС., студенты, профессора и преподаватели КГУ. и КГТУ., представители костромской научной общественности, гости.

На вечере были заслушаны доклады:

1. преподавателя КоДС, председателя КоЦИО, протоиерея Дмитрия Сазонова «Научный и богословский вклад Н. В. Покровского в развитие церковной археологии»;

2. зав. кафедры истории средних веков КГУ., кандидата исторических наук, Заливаловой Л. Н. «Н. В. Покровский и византиноведение 2 половины XIX нач. XX вв.»;

3. аспирантки кафедры теории и истории культур КГУ Тихомировой Е. Л. «Жизненный путь Н. В. Покровского. Его книга «Памятники церковной старины в г. Костроме»;

4. преподавателя КГТУ., кандидата культурогических наук Сизинцевой Л. В. «Покровский Н. В. и научно-исследовательская школа Костромы»;

5. воспитанника 4-го класса КоДС. Ирицян Романа «Труд Н. В. Покровского «Евангелие в памятниках иконографии византийских и русских». Анализ. Значение»;

В заключении вечера выступил ректор КоДС архимандрит Геннадий (Гоголев).

Подводя итог прозвучавшим в докладах оценкам и значению для церковно-археологической науки трудов Н. В. Покровского, он предложил озвучить на Епархиальном Совете вопрос о создании трудами КоЦИО в стенах КоДС церковно-археологического кабинета им. Н. В. Покровского, а также предложил членам КоЦИО приложить усилия в деле поиска и опубликовании книги-памяти знаменитых лиц Костромской епархии, выпускников КоДС., проявивших себя на научном и богословском поприще. Книги, в которую вошли бы также имена новомучеников и исповедников костромских, пострадавших в XX веке.

Собравшиеся по завершении вечера члены Общества в составе:

1. Председателя Общества прот. Дмитрия Сазонова;

2. Секретаря Общества иерея Евгения Иванова;

3. неприменного члена Общества архимандрита Геннадия (Гоголева);
 4. действительных членов Общества: прот. Михаила Насонова, проректора КоДС;
 5. Белова А. М., декана истфака КГУ;
 6. Уткина С. А. зам. директора музея «Ипатьевская слобода»;
 7. Тихомировой Е. Л., аспирантки КГУ;
 8. Сизинцевой Л. И., преподавателя КГТУ;
 9. Сазоновой Е. А., краеведа,
- ПОСТАНОВИЛИ:**

1. Принять к сведению предложение о создании церковно-археологического музея в стенах КоДС и всячески содействовать его образованию;

2. Принять участие в сборе материалов и информации по новомученикам и исповедникам костромским, в XX в. пострадавшим, а так же по замечательным костромичам, выпускника КоД С, оказавшим неоценимый вклад в церковную и гражданскую науку.

По окончании сбора информации издать книгу памяти. Материалы помещенные в ней использовать в учебных программах Костромской Духовной Семинарии.

Вызывает особый энтузиазм утверждение Управляющим Костромской епархией, попечителем общества архиепископом Александром состав Общества.

Персональный состав Общества, утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим архиепископом Александром (распоряжение за № 6401/1193-к от 21 ноября 2006 года):

Попечитель Общества: Управляющий Костромской епархией, архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев), председатель Синодального Отдела по делам молодежи;

Председатель Общества: прот. Дмитрий Иванович Сазонов, кандидат богословия, клирик Иоанно-Богословского храма г. Костромы;

Секретарь Общества: иерей Евгений Геннадьевич Иванов, проректор по воспитательной работе КоДС.

Непременные члены Общества:

- Овчинников Олег Николаевич, секретарь епархиального Управления, заслуженный деятель РФ.;
- иерей Андрей Казарин, секретарь епархиального Совета;
- архимандрит Геннадий (Михаил Борисович Гоголев), кандидат богословия, ректор Костромской Духовной Семинарии;
- архимандрит Иоанн (Александр Владимирович Павлихин), заместитель Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, благочинный монастырей Костромской епархии;
- игумен Серафим (Сергей Иванович Фирстов), зав. кафедрой истории Костромской Духовной Семинарии;
- протоиерей Валерий Валерьевич Бунтеев, настоятель Иоанно-Златоустовской церкви г. Костромы, благочинный 1 округа;
- протоиерей Игорь Ардалионович Шишков, настоятель Александро- Антониновской церкви г. Костромы, благочинный;
- протоиерей Леонтий Петрович Мостовой, настоятель Свято-Никольской церкви с. Николо-Трестино, Костромского р-на, благочинный 2 округа;
- протоиерей Иоанн Ковальский, настоятель Всехсвятской церкви п. Красное-на- Волге, благочинный 3 округа;
- протоиерей Андрей Руфович Воронин, настоятель Воскресенской церкви г. Нерехта, благочинный 4 округа;

- протоиерей Аркадий Аполлосович Климов, настоятель Воскресенской церкви г. Буй, благочинный 5 округа;
- протоиерей Александр Михайлович Шастин, настоятель Введенской церкви г. Галич, благочинный 6 округа;
- протоиерей Александр Анатольевич Воробьев, настоятель Успенской церкви п. Чухлома, благочинный 7 округа;
- иеромонах Варфоломей (Коломацкий), настоятель церкви в честь св. Игнатия (Брянчанинова), благочинный 8 округа;
- иерей Александр Геннадьевич Буйдоров, настоятель Никольской церкви г. Мантурово, благочинный 9 округа;
- иерей Дмитрий Владимирович Степанов, настоятель Свято-Никольской церкви г. Шарья, благочинный 10 округа;
- протоиерей Иоанн Петрович Чулков, настоятель церкви в честь прп. Тихона Луховского г. Волгореченск, благочинный 11 округа.

Действительные члены Общества:

- протоиерей Михаил Насонов, проректор по научной работе КоДС,
- диакон Андрей Вавилов, инспектор КоДС, преподаватель КоДС,
- Басова Нина Федоровна, главный библиотекарь библиотеки им. Крупской,
- Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, зав кафедрой истории КГУ,
- Бурдин Виктор Валерьевич, кандидат филологических наук, редактор журнала «Бухгалтер»,
- Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, зав. кафедрой культурологии КГУ,
- Елшина Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой КГТУ,
- Свиридов Николай Никитич, доктор экономических наук, профессор,
- Сизинцева Лариса, кандидат культурологических наук, краевед,
- Соловьева Анна Владимировна, зав. канцелярией КоДС.,
- Тихомирова Елена Леонидовна, сотрудник музея «Ипатьевская Слобода»,
- Уткин Сергей Анатольевич, краевед, зам.директора музея «Ипатьевская Слобода»,
- Шихов Александр Витальевич, сотрудник Костромской епархии,
- Шершнев Александр Владимирович, краевед.

Впоследствии в данном составе Общества предполагаются изменения. Все новые кандидатуры будут в частном порядке утверждаться Управляющим Костромской Епархией через подачу прошений на его имя от имени председателя Общества.

За прошедший период 2007 года

1. 5.01.2007 г. – Панихида на могиле протоиерея Федора Александровича Голубинского (22.12.1797 – 22.08.1854 г. по ст. стилю.) В 11.00 председателем КоЦО., прот. Дмитрием Сазоновым, в присутствии членов Общества и прихожан Иоанно-Богословского храма, в ограде которого покоится прот. Ф. А. Голубинский, была совершена панихида, перед которой прот. Дмитрием была произнесена речь о заслугах и вкладе покойного в философскую науку, о его высоких духовных качествах.

2. 20.01.2007 г. – 70-летие со дня кончины священника Павла Флоренского (1882–1937). В 11.00 председателем КОЦО прот. Дмитрием Сазоновым, представителями

костромской интеллигенции – зав. кафедрой культурологии КГУ Едошиной И. А., профессором КГТУ Зябликовым А. В. и др., в Иоанно-Богословском храме, по просьбе игумена Андроника (Трубачева), внука о. Павла, была совершена панихида. Со словом к присутствующим об о. Павле обратился прот. Дмитрий. В нем он обратился ко всем, указав, что собравшимся почтить память о. Павла – он стал родным и близким человеком. Он явился тем учителем и воспитателем, который через свое творческое наследие открыл и определил главные ориентиры в жизни, открыл путь к Богу. Вечная ему память!

3. 5.02.2007г. – В 16.30 ч., в актовом зале Костромской Духовной Семинарии состоится открытие выставки **«История государства Российского в памятниках Костромы»**. Выставка состоится благодаря сотрудничеству Костромского Церковно-Исторического Общества и «Фонда 400-летия дома Романовых».

Общество активно работает в плане подготовки к празднованию 400-летнего юбилея восстановления Российской государственности и участия в нем Костромской епархии. Председателем Общества протоиереем Дмитрием Сазоновым подготовлен проект трехстороннего Соглашения между Администрацией области, Костромской епархией и Костромским государственным университетом им. Н. А. Некрасова для реализации создания при КГУ теологического факультета, а также участия ВУЗов Костромы в подготовке к празднованию 400-летнего юбилея Дома Романовых. Проект предполагает совместное участие в мероприятиях по созданию культурно-просветительского отдыха студентов Костромских ВУЗов и Костромской духовной семинарии, совместных образовательных и просветительских программах.

Предметом заботы Общества в прошедшем году стала реализация проекта создания в Костромской духовной семинарии Церковно-археологического музея (ЦАМ).

Управляющему Костромской епархией председателем КОЦИО прот. Дмитрием Сазоновым было направлено прошение с приложением концепции музея.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему
А л е к с а н д р у
Архиепископу Костромскому
и Галичскому
прот. Дмитрия Сазонова
клирика Иоанно-Богословской
церкви г. Костромы

П Р О Ш Е Н И Е

Ваше Высокопреосвященство!

Прошу Вас рассмотреть концепцию музея Костромской Духовной Семинарии им. Н. В. Покровского, а так же надеюсь на Ваше содействие в решении заполнения выставочных павильонов книгами и церковной утварью со складов Костромской епархии.

Вами были высказаны сомнения по поводу сохранности ценных экспонатов в плохо охраняемом помещении актового зала. Понимая всю сложность данного вопроса, после совещания с заинтересованными сторонами, поступило предложение наиболее ценные экспонаты хранить и выставлять в помещении библиотеки КоДС, а со временем подыскать более приспособленное под музей помещение.

Ни у кого не вызывает сомнения необходимость создания музея в КоДС, особенно, в связи с приближающимся 10-летним юбилеем возрождения Костромской Духовной Семинарии. Прошу Ваше Высокопреосвященство всемерно содействовать этому благому делу.

9.06.07г.

Смиренный послушник

Вашего Высокопреосвященства

прот. Дмитрий Сазонов.

Исходя из вышесказанного иерей Евгений Иванов сделал вывод, что деятельность КОЦИО за прошедший период нужно считать успешной и полезной для Церкви и гражданского общества.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поблагодарить свящ. Евгения Иванова за подробный доклад о деятельности Общества;
2. Признать деятельность Общества считать соответствующей целям и задачам Общества, а так же, полезной для Церкви, способствующей ее миссии по взаимодействию с гражданским обществом.

Протокол № 3

СЛУШАЛИ:

Доклад председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Деятельность КОЦИО за 2007 г. Значение и перспективы», в котором он отметил:

Основные мероприятия, проведенные КЦИО:

1. Изысканы материальные средства и установлен крест-памятник на могиле священника-поэта иерея Валерия Бурдина. 17.08.2006г. был открыт и освящен крест-памятник. Сразу же, по освящении креста-памятника, в память об иерее Валерии была проведена литературная встреча с участием творческой интеллигенции г. Костромы. Мероприятие было освещено в средствах массовой информации;
2. с началом нового учебного 2006/2007 года в Костромском Государственном Технологическом Университете и в Костромском Государственном Университете им. Некрасова членами КЦИО – протоиереем Дмитрием Сазоновым, иереем Евгением Ивановым и диаконом Андреем Вавиловым начато преподавание курса «Истории Религий»;
3. по инициативе КЦИО и трудами его членов была осуществлена реставрация креста-памятника на могиле выдающегося русского философа протоиерея Федора Голубинского (1797–1854). По завершении реставрации, 15.09.2006г. перед крестом-памятником протоиереем Дмитрием Сазоновым при участии членов Общества была совершена панихида;
4. 4.11. 2006г. был издан сборник стихов иерея Валерия Бурдина (+2002г.) «От Черного моря до Черной речки» тиражом 500 экземпляров;
5. 4.11.2006 г. был создан сайт КЦИО:
Электронный адрес сайта: www.kocio.narod.ru.
Электронный почтовый адрес: kocio1@yandex.ru.
6. 19.11. 2006 г. в актовом зале Костромской Духовной Семинарии состоялся поэтический вечер памяти иерея Валерия Бурдина (+2002г.), замечательного костромского поэта, публициста, духовного писателя. Вечер был приурочен к дню тезоименитства

о. Валерия – 20 ноября Русская Православная Церковь отмечает день памяти святого мученика Валерия Милитинского (III в.). На вечере был представлен выпущенный по инициативе Общества сборник стихов о. Валерия «От Черного моря до Черной речки», куда вошли его стихи различных лет и поэтических сборников. Присутствовали многочисленные поклонники его творчества, ректор, преподаватели и воспитанники Костромской Духовной Семинарии. С воспоминаниями об о. Валерии выступили: его супруга, сослуживцы по работе в костромском историко-архитектурном музее-заповеднике Ипатьевского монастыря, друзья, ректор Семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев), член Союза писателей России иерей Вячеслав Шапошников, заместитель председателя Костромского отделения Союза писателей России А. М. Скуляков и другие. Воспитанники Семинарии ознакомили присутствующих с поэтическим наследием этого талантливого священника-поэта: были прочитаны стихотворения из духовной поэзии о. Валерия. В завершении вечера присутствующими были высказаны пожелания о продолжении подобных вечеров, служащих благородному делу восстановления памяти о людях, потрудившихся на ниве церковного делания и просвещения, а так же имеющих воспитательное значение в повышении духовного уровня воспитанников Костромской Духовной Семинарии.

7. 7 декабря 2006 г. в актовом зале Костромской Духовной Семинарии состоялся вечер, посвященный памяти основоположника церковной археологии и музейного дела, историка, профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, нашего земляка, выпускника Костромской Духовной Семинарии, Николая Васильевича Покровского (1848–1917).

В своем докладе выступающий отметил, что Костромское церковно-историческое общество в своей деятельности за прошедший от времени его возрождения период вышло на совершенно новый уровень: в 2007 год вышли в свет подготовленные и отредактированные 2 периодических издания: альманах КОЦИО «Светочъ» № 1 (10.05.2007) и возрожденные «Костромские епархиальные ведомости» №1, не выпускавшиеся с 1918 года. Первое издание альманаха содержит 106 страниц и научно-исследовательские материалы 11 авторов, среди которых Архиепископ Костромской и Галичский Александр, ректор Костромской духовной семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев), председатель КОЦИО прот. Дмитрий Сазонов, д-р культурологи И. А. Едошина, краевед П. П. Резепин и др. В альманахе содержатся материалы деятельности возрожденного КОЦИО, а так же протоколы заседаний Общества за 2006 г.

Без одного года, через девяносто лет после закрытия, объемом 32 страницы вышел № 1 в XXI столетии журнал «Костромские епархиальные ведомости». В нем 11 разделов различных тематических материалов, различных по своей тематике и содержанию: от информационных, аналитических до исторически и богословских. Есть в журнале и своя Литературная страничка.

Оба издания вышли под редакцией председателя КОИЦО прот. Дмитрия Сазонова.

Далее прот. Дмитрий остановился на перспективных направлениях работы КОИЦО: просветительской, образовательной, информационной, издательской, музейной, архивной. В заключении своего выступления он высказал надежду на вовлечение в работу КОИЦО большего количества учащейся молодежи. На создание с ВУЗами и архивами Костромы совместных выставок и конференций, посвященных агиографической и родословной тематике.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Одобрить перспективные направления деятельности КОЦИО.
2. Одобрить издательскую деятельность Общества.
3. Подготовить с учетом новых направлений деятельности КОИЦО план мероприятий на 2008 г.

Протокол № 4

СЛУШАЛИ:

1. Выступление почетного члена КОЦИО В. К. Внукова «О финансовой деятельности КОЦИО», в котором выступающий обратил внимание на недостаточную материальную базу Общества, которая зависит целиком от нестабильных пожертвований на реализуемые Обществом проекты.

ПОСТАНОВИЛИ:

Искать стабильные финансовые источники поступлений путем получения грантов. В виду малочисленности Общества считать нежелательным взимание взносов.

Протокол № 5

СЛУШАЛИ:

Выступление действительного члена КОЦИО В. А. Зайцева «О перспективах деятельности КОЦИО в 2008г.» В выступлении было подчеркнута полезность преподавания в ВУЗах Костромы курса «Истории религий». Организация круглый столов под общим названием «Русская идея», с привлечением исторических филологических, философских кафедр костромских ВУЗов.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять к сведению высказанные выступающим перспективные направления в работе КОЦИО.

**ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

25 декабря 2008

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

1. Председатель КОЦИО – протоиерей Димитрий Сазонов;
 2. секретарь КОЦИО – иерей Евгений Иванов;
 3. секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии – иерей Андрей Казарин;
 4. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Вавилов;
 5. член Совета КОЦИО – П. П. Резепин;
 6. член Совета КОЦИО – О. В. Горохова;
 7. член Совета КОЦИО – А. М. Белов;
 8. член Совета КОЦИО – В. Р. Веселов;
 9. почетный член КОЦИО – В. К. Внуков,
 10. почетный член КОЦИО – М. В. Козлов;
 11. неперменный член КОЦИО – иерей Григорий Чекменев;
- Действительные члены КОЦИО – О. С. Куколевская, Л. И. Сизинцева, П. В. Романец, Е. А. Сазонова, А. В. Шершнева, Н. Ф. Басова, И. Х. Тлиф, Н. В. Бадьина; И. В. Смирнова, Г. В. Брезгина, Л. В. Бурдина
- Всего: 22 человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Выступление председателя КОЦИО – протоиерея Дмитрия Сазонова:
 - а) вступительное слово;
 - в) оглашение повестки дня.
2. Сообщение секретаря КОЦИО – иерея Евгения Иванова «О работе Общества за прошедший 2008 год».
3. Доклад председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Деятельность КОЦИО на 2009 г. Перспективы и планирование».
4. Выступление почетного члена КОЦИО В. К. Внукова «О финансовой деятельности КОЦИО».
5. Выступление действительного члена КОЦИО О. С. Куколевской «О перспективах деятельности КОЦИО в 2009г. Кадровые решения».
6. Разное.

Протокол № 1

СЛУШАЛИ:

1. Вступительное слово председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова, в котором он поблагодарил всех членов Общества за понесенные в прошедшем году труды, которые стали весомым вкладом в деле возвращения нашему обществу, особенно молодежи, его исторической памяти, воцерковлению, созиданию его духовно-нравственных основ, которые, несомненно, помогут направить будущее созидательное служение общества на благо Церкви и Отечества. В своем слове протоиерей Дмитрий выразил надежду, что члены Общества и впредь не оставят своего воистину подвижнического служения и продолжат свои просветительские труды и научные изыскания.

2. Оглашение повестки дня.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Признать слова протоиерея Дмитрия справедливыми и довести идеи его выступления до сведения всех членов Общества.
2. Принять предложенную повестку дня.

Протокол № 2

СЛУШАЛИ:

Выступление секретаря КОЦИО иерея Евгения Иванова.

Доклад «О работе Костромского церковно-исторического общества за прошедший 2008 год».

Содержание доклада. Деятельность КОЦИО за прошедший 2008 год вполне можно назвать успешной. Она складывалась из следующих составляющих направлений:

- организация и проведение конференций и круглых столов на которых обсуждаются насущные для нынешней исторической ситуации в стране и обществе проблемы;
- диалог с целью объединения всех, позитивно настроенных сил общества для плодотворной, созидательной работы на благо Церкви и Отчизны;
- издание и популяризация идей вынесенных на обсуждение общества и изложенных в печатных материалах членов Общества;
- регулярное издание периодического печатного издания КОЦИО альманаха «Светочь»;
- организация, проведение и участие с архивами и музеями г. Костромы и области совместных выставок;

– совместная работа с фондами и общественными организациями г. Костромы, поддерживающими идеи Общества и помогающими Обществу в решении поставленных задач.

С целью решения данных задач за прошедший период Обществом выполнена следующая работа:

1. организация и проведение 4–5 февраля межрегиональной конференции «Путь святости земли Костромской»;

2. участие 10 апреля в межрегиональной научно-практической конференции «Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России»;

3. организация и проведение 29–30 мая межрегиональной конференции «История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения»;

4. участие 23 мая в круглом столе по теме «Государственный архив новейшей истории Костромской области в прошлом и настоящем. Перспективы развития», прошедшей в ГУ ГАНИКО;

5. участие 11-12 октября в XVI Григоровских и XVII Воронцовских историко-краеведческих чтениях, прошедших в Романовской библиотеке;

6. участие 17–18 октября в КГУ им. Н. А. Некрасова конференции «Психологическое сопровождение национальных проектов развития общества: опыт, инновационные технологии, ментальные барьеры»;

7. организация и проведение 5 декабря в Актовом зале Костромской духовной семинарии круглого стола по теме: «Государственный строй в России – поиски идентичности. Традиции, новации, ценности»;

8. участие 24–25 октября в международной конференции «Проблемы культурософии в трудах священника Павла Флоренского», прошедшей в КГУ им. Н.А. Некрасова;

9. издание 15 мая и 5 декабря соответственно № 3 и № 4 альманаха КОЦИО «Свечоточье», посвященных: №3 – публикации материалов конференции «Путь святости земли Костромской», № 4 – 90-летней годовщине расстрела царской семьи;

10. издание 15.03.2008 г. книги действительных членов Общества:

Ю. В. Смирнова «Судиславский Преображенский собор» и

14.07.2008 г. книги О. С. Куколевской «Стенопись Троицкого собора Ипатьевского монастыря» 14.07.2008 г.;

11. 11 ноября организация и проведение в Актовом зале Костромской духовной семинарии презентации книги писательницы О. Р. Сидельниковой-Вербицкой (Франция) «На что душа моя оглянется», а так же организация лекций писательницы в КГУ, КГТУ, КГСХА.

12. с 12-го по 18 мая организация и проведение лекций руководителя информационно-издательского управления Синодального Отдела по делам молодежи Московского патриархата иерея Михаила (в монашестве Димитрия) Першина в ВУЗах г. Костромы.

В данном списке можно добавить и перечислить участие членов Общества во всех проводимых КГИАИХМЗ и ЦИАМ выставках, посвященных событиям Отечественной истории и выдающимся личностям, связанным с Костромой, а так же научной и архивной работой членов Общества в ГУ ГАКО, ГУ ГАНИКО, КГУ, КГТУ. Организацию паломнических поездок по святым местам Костромского края и увенчавшиеся успехом усилия по созданию в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова теологического факультета. Научные труды членов Общества

ПРИЛОЖЕНИЕ

выходят в периодических костромских изданиях, таких как: «Энтелехия», «Акмеология образования», Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова», «Тарифная политика» и т. д.; газетах: «Народная газета», «Северная правда».

ПОСТАНОВИЛИ:

Признать работу Общества за 2008г. успешной и вполне отвечающей заявленным в Уставе Общества задачам. Выразить всем потрудившимся за прошедший 2009г. на данной стезе членам Общества благодарность с пожеланиями дальнейших успехов на ниве просвещения и восстановления исторической памяти нашего народа.

Протокол № 3

СЛУШАЛИ:

Доклад председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Деятельность КОЦИО за 2009 г. Значение и перспективы». В своем докладе протоиерей Дмитрий отметил заслуженно растущий авторитет Общества как в научной, культурной, воспитательской, молодежной среде г. Костромы и Костромского края, так и среди научно-исторических и церковных Обществ России. Общество плодотворно сотрудничает с Департаментом образования и науки Костромской области, Фондом Российской государственности и 400-летия Дома Романовых, КООО «Многонациональная Кострома», КОО «Российской общественной организации инвалидов войн и военных конфликтов», КО «Союза казаков России» и др. Докладчик подчеркнул, что все достижения Общества стали возможными лишь благодаря единодушному и деятельному участию в работе Общества всех ее членов. Он призвал членов и впредь не оставлять своих усилий по претворению в жизнь планов Общества. Протоиерей Дмитрий отметил особую роль и поддержку делам Общества его попечителя - Архиепископа Костромского и Галичского Александра и просил направить в его адрес благодарственное письмо от лица всех членов Общества. Далее докладчик призвал профессорско-преподавательский состав и воспитанников Костромской духовной семинарии к более тесному сотрудничеству в просветительской и научной деятельности КОЦИО и напомнил присутствующим об идее создания в стенах КоДС церковно-археологического музея, выразив при этом надежду, что руководство КоДС поддержит концептуальный план, разработанный КОЦИО еще в 2007г. для ходатайства перед Управляющим Костромской епархией Архиепископом Александром о размещении музея в стенах КоДС. «Музей в стенах КоДС, – высказал свое мнение протоиерей Дмитрий, – мог бы служить Семинарии неплохой научно-исследовательской базой».

ПОСТАНОВИЛИ:

1. благодарить Управляющего Костромской епархией Архиепископа Александра за понесенные труды по материальному обеспечению проектов КОЦИО. Поручить протоиерею Дмитрию Сазонову составить благодарственное письмо в адрес Архиепископа Александра,
2. поручить протоиерею Дмитрию возобновить ходатайство о создании ЦАМ при КоДС и считать его мнение имеющим перспективу создания научно-исследовательской базы Семинарии,
3. выразить благодарность и дать хорошую оценку работе руководства КОЦИО.

Протокол № 4

СЛУШАЛИ:

Выступление почетного члена КОЦИО В. К. Внукова «О финансовой деятельности КОЦИО». Докладчик отметил, что в своей финансовой деятельности КОЦИО

Деятельность возрожденного Костромского Церковно-Исторического Общества

в основном опиралась на пожертвования со стороны попечителя КОЦИО Архиепископа Костромского и Галичского Александра, ряда общественных и частных предприятий и организаций. Гуманитарная деятельность КОЦИО носит благотворительный характер и не преследует получение коммерческой выгоды.

В данный момент финансовая деятельность КОЦИО состоит из:

- оплаты проездных и командировочных расходов участников конференций «Путь святости земли Костромской»;
- оплаты транспортных расходов на паломнические поездки по святым местам и монастырям Костромского края;
- оплаты типографских расходов по изданию альманаха КОЦИО «Светоч».

Вся остальная деятельность КОЦИО проходила за счет привлечения средств со-трудничающих организаций.

ПОСТАНОВИЛИ:

- а. выразить благодарность всем жертвователям и благотворителям КОЦИО;
- б. в связи с расширением деятельности КОЦИО привлекать к сотрудничеству с Обществом большее количество благотворителей;
- в. постараться и в дальнейшем ориентировать свою деятельность на благотвори-тельной основе.

Протокол № 5

СЛУШАЛИ:

Выступление действительного члена КОЦИО О. С. Куколевской «О перспекти-вах деятельности КОЦИО в 2009г.»

В своем докладе Ольга Святославовна обратила внимание присутствующих на перспективу более тесного сотрудничества КОЦИО с руководством Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря, в котором и проходила основная дея-тельность Общества до революции с 1912-1918гг. Докладчик высказала мнение, что было бы уместным использование помещений Ипатьевского монастыря для проведения научных конференций и круглых столов, привлечение сотрудников ЦИАМ для совместного создания и издания справочников и путеводителей по Костроме и местам, связанным с пребыванием династий Годуновых и Романовых на Костромской земле, по истории Костромской святости, создание совместных выставок и мероприятий.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. продолжить работу по совместной деятельности КОЦИО и ЦИАМ;
2. предложить руководству Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря проекты взаимного сотрудничества.

Протокол № 6

СЛУШАЛИ:

Обсуждение вопроса о разработке проекта плана мероприятий проводимых КОЦИО на 2009г.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить протоиерею Дмитрию Сазонову разработать проект плана мероприя-тий проводимых КОЦИО на 2009г. и вынести его на обсуждение очередного собрания Общества не позднее 25 января.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛУШАЛИ:

Обсуждение вопроса о планах издательской деятельности КОЦИО.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить действительному члену КОЦИО О.С. Куколевской разработку плана издательской деятельности КОЦИО, редактирования и типографского обеспечения издания альманаха «Светоч».

СЛУШАЛИ:

Обсуждение вопроса о расширении возможностей сайта КОЦИО для опубликования на нем материалов альманаха «Светоч».

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить действительному члену КОЦИО И. Немчинову расширить возможности сайта КОЦИО. Привлечь для этого необходимых специалистов.

СЕДЬМОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

9 декабря 2009 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

1. Председатель КОЦИО – протоиерей Димитрий Сазонов, кандидат богословия, клирик Свято-Тихоновского храма г. Костромы;

2. секретарь КОЦИО – иерей Евгений Иванов, проректор Костромской Духовной Семинарии по воспитательной работе

3. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Казарин, секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии, преподаватель Костромской Духовной Семинарии;

4. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Вавилов, инспектор Костромской Духовной Семинарии;

5. член Совета КОЦИО – Едошина И. А., зав. кафедрой культурологи КГУ им. Н. А. Некрасова, профессор, доктор культурологии;

6. член Совета КОЦИО – Гусев Б. Н., доцент кафедры отечественной истории КГТУ, кандидат исторических наук;

7. член Совета КОЦИО – Резепин П. П., краевед;

8. член Совета КОЦИО – Смурова О. В., профессор кафедры культурологи КГТУ, доктор культурологии;

9. почетный член КОЦИО – М. В. Козлов;

10. почетный член КОЦИО – А. В. Хорошенин;

Действительные члены КОЦИО: Л. И. Сизинцева, П. В. Романец, Е. А. Сазонова, А. В. Шершнева; И. Х. Тлиф; О. В. Горохова; Л. В. Бурдина; И. В. Смирнова; Н. В. Смирнова, В. Р. Веселов, Н. Ф. Басова, А. М. Белов, С. С. Каткова.

Всего: 22 человека.

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Выступление председателя КОЦИО – протоиерея Димитрия Сазонова:

– вступительное слово;

– оглашение повестки дня.

2. Сообщение секретаря КОЦИО – иерея Евгения Иванова «О работе Общества за прошедший 2009 год».

3. Сообщение члена Совета КОЦИО П. П. Резепина «О кадровых изменениях в составе Совета КОЦИО».

4. Сообщение председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Перспективы деятельности КОЦИО на 2010 г. Их реальное воплощение».

5. Выступление почетного члена КОЦИО А. В. Хорошенина «О финансовой деятельности КОЦИО».

6. Выступление действительного члена КОЦИО Л. И. Сизинцевой «О качественных изменениях в деятельности КОЦИО в 2009г.»

7. Разное.

Протокол № 1

СЛУШАЛИ:

– Вступительное слово председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова, в котором он поблагодарил всех членов Общества за конкретные труды и усилия, направленные на цели общественного просвещения, способствующего восстановлению объективных трактовок и анализа исторических событий. Благодаря каждодневной кропотливой работе по поиску, преданию гласности и расшифровке архивных и музейных документов, способствующих раскрытию исторической достоверности событий XX века, возвращены из небытия и реабилитированы имена костромских исповедников XX столетия. Определены имена костромичей среди бутовских новомучеников, а так же костромичей, расстрелянных в урочище Сандормох (Республика Карелия). Он подчеркнул, что члены Общества делали все от них зависящее, чтобы подрастающее поколение владело информацией о подлинном историческом прошлом Костромы и Костромского края, его славной церковной составляющей, без которой историческая память народа является однобокой и не может представлять объективную оценку прошлого. А без такой оценки исторического прошлого невозможно сделать правильные выводы и извлечь уроки в построении будущих задач по определению пути строительства новой России.

О. Дмитрий выразил сожаление, что в уходящем году не были реализованы такие проекты КОЦИО как: церковно-археологический кабинет (музей) при Костромской духовной семинарии, создание теологического факультета при Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова, а так же университетского храма. К сожалению, ряд проектов КОЦИО, среди которых: новый сайт, библиотека, поиск достойных помещений, в которых нуждается Общество для своей плодотворной работы, которые в силу финансовых и административных причин так и не нашли своего применения и воплощения.

В заключении протоиерей Дмитрий выразил надежду, что в будущем 2010 г. планы Общества удастся воплотить в жизнь. Он пожелал всем сотрудникам Общества дальнейших успехов их трудов на ниве просвещения и доброделания.

– Оглашение повестки дня.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Слова председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова признать справедливыми и принять их к сведению.

2. Принять предложенную повестку дня.

Протокол № 2

СЛУШАЛИ:

Выступление секретаря КОЦИО иерея Евгения Иванов.

– Доклад «О работе Костромского церковно-исторического общества за прошедший 2009 год»

– Деятельность КОЦИО за прошедший 2009 год вполне можно назвать успешной. Она состояла из следующих конкретных мероприятий и направлений:

1. Организация и проведение конференций и круглых столов по церковно- исторической тематике:

а) организация и проведение 17–18 февраля 2009г. II межрегиональной научно-практической конференции «Путь святости земли Костромской», объединившей собой научные, образовательные, церковные, архивные и музейные кадры представляющие культурный и научный потенциал ЦФО РФ и др. регионов РФ. Конференция внесла весомый вклад в дело возвращения исторической памяти и осознания политических процессов XX века. На ней были представлены материалы, в которых исследователи попытались осмыслить нашу историю с различных точек зрения – путем философских и богословских рассуждений, исторических и жизнеописательных, биографических представлений отдельных личностей, достигших идеала святости. На фоне взаимодействия личности и общества были представлены целые исторические пласты истории России, проведена их оценка с точки зрения современных реалий. По итогам конференции была принята направленная на имя Святейшего Патриарха Кирилла резолюция, в которой констатировалась польза и роль сотрудничества светских и религиозных деятелей в деле идейной и исторической организации общества для объединения всех заинтересованных сторон в позитивном процессе развития России;

б) организация и проведение 26–27 марта 2009 г. совместно с Фондом российской государственности и 400-летия Дома Романовых «Романовских чтений», тема которых «Центр и провинция в системе российской государственности» объединила на своей площадке ученых и историков как светских, так и церковных. Главным итогом конференции стало осознание того, что без масштабных, всеобъемлющих мероприятий Романовского фестиваля, проведение которого планируется в 2010 г., представляется невозможным участие Костромы в торжествах, посвященных 400-летию восстановления российской государственности путем избрания Земским собором и наречения на царство в стенах Ипатьевского монастыря юного боярина Михаила Федоровича Романова;

в) организация и проведение 20–25 марта и 19 мая (пленарное заседание) в Костромском государственном технологическом университете совместно с университетскими кафедрами культурологии и отечественной истории, воспитанниками и преподавателями Костромской духовной семинарии конференции «Твои века, Кострома». На конференции с докладом «Костромское церковно-историческое общество в его прошлом и настоящем» выступил воспитанник 5-го класса Семинарии И. В. Ливинский. Его доклад получил высокую оценку присутствующих;

г) КОЦИО принимало активное участие в I Парфениевских чтениях «Схигумен Парфений (Агеев) и духовная культура России середины XIX века» (Московский Патриархат. Крутицкая и Коломенская епархия). На чтениях с докладом «Жизнь и труды преподобного старца Тимона Надеевского» выступил воспитанник 5-го класса Костромской духовной семинарии Д. Ремезов. Организаторами была дана высокая оценка как доклада, так и участия КОЦИО в чтениях;

д) в уходящем 2009 году КОЦИО в рамках бесед «Русская идея» были организованы и проведены в актовом зале Костромской духовной семинарии два круглых стола по темам:

1. «Самосознание русского православного этноса. Исторический поиск идеи, ее будущее»;

2. «От Голубинского к Флоренскому: Пути русской религиозно-философской мысли», посвященного 155-летию смерти профессора МДА протоиерея Ф. А. Голубинского.

На круглом столе «Самосознание русского православного этноса. Исторический поиск идеи, ее будущее», который прошел 20 января 2009 г., с докладами выступали:

1. протоиерей Дмитрий Сазонов, кандидат богословия, председатель Костромского церковно-исторического общества, «Русская Православная Церковь как колыбель самосознания русского народа»;

2. Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор КГУ, «Русская идея и дух капитализма»;

3. Веселов Виктор Романович, доктор исторических наук, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, «Русский вопрос сегодня. Опыт, проблемы, осмысление»;

4. Гусев Борис Николаевич, кандидат исторических наук, КГТУ, «Мировоззрение: его содержание и качество»;

5. Зайцев Валерий Александрович, кандидат философских наук, КГТУ, «Российская культурная самобытность»;

6. Сидоренко Юрий Иванович, кандидат исторических наук, профессор КГСХА, «Русские перед лицом будущего. Предназначение русского этноса»;

7. Ермушин Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент КГСХА, «К вопросу о патриотизме».

8. Резепин Павел Петрович, краевед, «Костромская диахроническая мифология»;

9. Муренин Николай Владимирович, гл. редактор журнала «Губернский дом».

На круглом столе «Историческая память как часть самосознания русского народа». В круглом столе принимали участие:

1. Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова;

2. Внуков Владимир Кириллович, заместитель секретаря Политсовета партии «Единая Россия»;

3. прот. Александр Корягин, кандидат богословия, клирик Богоявленско-Анастасиина кафедрального собора;

4. Коробов Борис Константинович, профессор КГТУ, вице-президент Фонда Российской государственности и 400-летия династии Романовых;

5. Козлов Михаил Васильевич, председатель правления «Российской общественной организации инвалидов войн и военных конфликтов»;

6. Соловьев Андрей Авенирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии КГТУ;

На круглом столе, посвященном 155-летию смерти профессора МДА протоиерея Ф. А. Голубинского, «От Голубинского к Флоренскому. Пути русской религиозно-философской мысли», который прошел 10 декабря 2009 г., с докладами выступали:

1. протоиерей Дмитрий Сазонов, кандидат богословия, председатель Костромского церковно-исторического общества, «Развитие идеи метафизики всеединства от протоиерея Ф. А. Голубинского к священнику П. Флоренскому как идея подлинного воцерковления общества»;

2. Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, «Некоторые аспекты историко-культурного контекста философских идей профессора протоиерея Ф. А. Голубинского»;

3. Зайцев Валерий Александрович, кандидат философских наук, КГТУ, «Целостность культуры и личности в связи с идеями о. Павла Флоренского»;

4. Басова Нина Федоровна, зав. сектором краеведческой литературы КОУНБ, «Библиография протоиерея Ф. А. Голубинского и священника П. Флоренского в фондах КОУНБ».

В круглом столе принимали участие:

1. *Веселов Виктор Романович*, доктор исторических наук, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова;

2. *Роднов Лев Николаевич*, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии КГТУ;

3. *Булдаков Сергей Константинович*, доктор философских наук, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова;

4. *Переверзева Ирина Владимировна*, кандидат философских наук;

5. *Бугров Александр Александрович*, поэт;

6. *Муренин Николай Владимирович*, редактор областного историко-краеведческого журнала «Страницы времен».

Тематические круглые столы, объединенные общим названием «Русская идея», привлекают все большее количество людей и находят широкий отклик среди общественности Костромы. Проведение круглых столов показало свою востребованность и полезность, благодаря тематике обсуждаемых на них проблем.

е) 11–12 октября 2009г. члены КОЦИО принимали активное участие в XVI Григоровских чтениях, посвященных 105-летию со дня рождения почетного гражданина г. Костромы А. А. Григорова (1904–1989);

ж) 16–17 октября 2009г. члены КОЦИО принимали участие в международной научной конференции «Лингвокультурология священника Павла Флоренского». На ней с докладом «Имяславие священника Павла Флоренского в свете богословия Церкви» выступил председатель КОЦИО протоиерей Дмитрий Сазонов. 17 октября на могиле профессора протоиерея Ф. А. Голубинского была отслужена панихида, на которой поминались имена всех русских религиозных философов. Панихиду возглавил игумен ТСЛ доцент МДА игумен Андроник (Трубачев);

з) 14 декабря в актовом зале Костромской духовной семинарии состоялась презентация фильма Паломнического отдела Московского Патриархата «Образ Богомольца». Фильм «Образ Богомольца» – это попытка взглянуть на ушедшую Русь, пройти теми тропами, что вели наших дедов в святые обители, взглянуть им в глаза, чтобы понять, что двигало ими? Спасительный смысл русского православного паломничества был понятен всем поколениям нашего народа. Вспоминая наших древних паломников, мы должны усвоить, что смысл паломничества заключается не в суетном стремлении увидеть многоликий мир цивилизаций, а в смиренном желании с молитвой и благоговением прикоснуться к святыням христианства. Фильм произвел неизгладимое впечатление на присутствующих своей документальностью и духовным настроением. Презентация фильма стала одной лишь частичкой большого «Романовского проекта», который осуществляется как Костромским церковно-историческим обществом, так и фондом «Возрождение Николо-Берликовского монастыря»,

приуроченного к 400-летию Дома Романовых, который будет широко отмечаться в 2013 г.

и) 27 ноября 2009 г. по материалам 2-й межрегиональной научно-практической конференции посвященной Собору Костромских святых вышел альманах КОЦИО «Светочъ» № 5.

В нем представлены материалы научно-богословского, искусствоведческого и философского характера. Основными чертами, отличающими его от предыдущих номеров, – расширение географии наших респондентов (Карельская республика, Ростов, ЦФО), богословско-философский раздел, раскрывающий глубокий взгляд на русское православное религиозное сознание («Русская идея и дух капитализма» Ю. В. Лебедева, «Проблема массовой элитарной и народной религиозности в современном российском обществе» архимандрита Никона (Лысенко)), материалы, в которых открыты новые имена костромских новомучеников и исповедников XX столетия («Крестный путь диакона Василия Магера, пострадавшего за веру» Т. П. Магер, «Священномученик архиепископ Николай (Климентьев) И.Х. Тлиф и т. д.).

В номере представлены и традиционные материалы: в разделе III – «Духовное и культурное наследие костромских святых», и в Приложении – «Комментарии к Евангелию от Матфея» священника В. Бурдина, «Краеведы монахи» П.П. Резепина. Тираж альманаха составил 200 экземпляров.

ПОСТАНОВИЛИ:

- Признать деятельность КОЦИО за прошедший год полезной и плодотворной.
- Выразить благодарность всем потрудившимся на ниве духовного просвещения.

Протокол № 3

СЛУШАЛИ: Сообщение члена Совета КОЦИО П. П. Резепина «О кадровых изменениях в составе Совета КОЦИО», который доложил собравшимся, что в связи с большой загруженностью на основной работе членами Совета КОЦИО в 2009г. на очередном собрании Общества от 10.10.2009г., протокол № 2, Устав КОЦИО № 8 вместо д. ист.н. зав. кафедрой истфака КГУ им. Н. А. Некрасова профессора А. М. Белова и д-ра. ист. н. профессора КГУ В. Р. Веселова стали: Едошина И. А., зав. кафедрой культурологии КГУ им. Н. А. Некрасова, профессор, доктор культурологии; Гусев Б. Н. – доцент кафедры отечественной истории КГТУ, кандидат исторических наук; Резепин П.П., краевед; Смурова О. В. – профессор кафедры культурологии КГТУ, доктор культурологии.

ПОСТАНОВИЛИ:

- Принять изменения в составе Совета КОЦИО к сведению;
- Утвердить новый состав Совета КОЦИО:
 1. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Казарин, секретарь Епархиального Совета Костромской Епархии, преподаватель Костромской Духовной Семинарии;
 2. член Совета КОЦИО – иерей Андрей Вавилов, инспектор Костромской Духовной Семинарии;
 3. член Совета КОЦИО - Едошина И. А., зав. кафедрой культурологии КГУ им. Н. А. Некрасова, профессор, доктор культурологии;
 4. член Совета КОЦИО – Гусев Б. Н., доцент кафедры отечественной истории КГТУ, кандидат исторических наук;
 5. член Совета КОЦИО – Резепин П. П., краевед;

ПРИЛОЖЕНИЕ

6. член Совета КОЦИО – Смурова О. В., профессор кафедры культурологии КГТУ, доктор культурологии;

7. член Совета КОЦИО – О. В. Горохова, к. ист. н. доцент РХБЗ им. Тимошенко.
Протокол № 4

СЛУШАЛИ:

Сообщение председателя КОЦИО протоиерея Дмитрия Сазонова «Перспективы деятельности КОЦИО на 2010 г. Их реальное воплощение», в котором председатель КОЦИО рассказал о главных направлениях деятельности Общества в 2010г.

1. Для поднятия в обществе престижа рассматриваемых идей необходимо провести III межрегиональную конференцию, посвященную празднованию Собора Костромских святых, как международную. Для этого пригласить как можно больше исследователей религиозно-философско-богословской и историческо-церковной тематики из-за рубежа.

2. Выпустить два альманаха «Светочь», наполнив их архивными материалами И. В. Баженова, 90-летие со дня смерти которого исполняется в 2010 г., и др. членов дореволюционного КОЦИО, богатым иллюстративным материалом.

3. Наладить связь с краеведами из районных городов и сел Костромской области.

4. Совместно с Паломнической службой Московского Патриархата организовать фотовыставку, посвященную 105-летию убийства террористами великого князя С. А. Романова, «Восхождение к святости».

5. Создать принципиально новый сайт КОЦИО, на котором присутствовали бы zip-копии альманахов «Светочь», новости деятельности КОЦИО, архивные и иллюстративные материалы костромской старины. Создать на сайте блоги и вести активную переписку с исследователями как из РФ, так и с соотечественниками из-за рубежа.

6. Наладить более тесную связь с костромскими архивами и помещать их исследовательские материалы на сайте Общества.

Далее, прот. Дмитрий Сазонов отметил в своем выступлении, что все перечисленное вполне посильно Обществу и укладывается в концепцию прописанную его Уставе.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поручить протоиерею Д. Сазонову детальную разработку озвученных перспектив.

2. Известить всех членов Общества о перспективах его работы на 2010г. и просить их о всемерной поддержке обозначенных инициатив и задач.

Протокол № 5

СЛУШАЛИ:

Выступление почетного члена КОЦИО А. В. Хорошенина

«О финансовой деятельности КОЦИО», в котором он коснулся финансовой деятельности КОЦИО за прошедший год. Как и в прошлые годы, финансовая сторона деятельности КОЦИО состояла из привлечения добровольных пожертвований на оплату проводимых Обществом мероприятий и выпуска альманаха «Светочь». В связи с поднятой тематикой А. В. Хорошенин просил присутствующих выразить благодарность Управляющему Костромской епархией архиепископу Костромскому и Галичскому Александру за его моральную и финансовую поддержку конференций КОЦИО «Образ Костромской святости» и «Романовских чтений». Средства на приглашение исследователей из Москвы, Ярославля, Иванова и Республики Карелия, оплата транспортных расходов и стол были оплачены из средств Костромской епар-

хии по благословению владыки. Выпуск альманаха КОЦИО «Светочъ» был оплачен привлеченными частными пожертвованиями. А. В. Хорошенин просил персонально поблагодарить М. В. Козлова, председателя правления Костромского областного отделения «Российской общественной организации инвалидов войн и военных конфликтов», С. Л. Доморадову, директора ЧП «Доморадова», Внукова В. К., заместителя секретаря политсовета партии «Единая Россия», Михаила и Ниталью Постниковых, директоров ОАО «Максим», М. В. Вершинина, директора ОАО «Копир», и всех потрудившихся.

ПОСТАНОВИЛИ:

- Благодарить Управляющего Костромской епархией архиепископа Костромского и Галичского Александра за оказанную поддержку деятельности Общества;
- Благодарить жертвователей издания альманаха «Светочъ».

Протокол № 6

СЛУШАЛИ: Выступление действительного члена КОЦИО Л. И. Сизинцевой «О качественных изменениях в деятельности КОЦИО в 2009 г.», в котором она остановилась на деятельности КОЦИО за прошедший год. Лариса Ивановна высказала ряд замечаний по поводу проведения конференций и издания альманаха, но отметила, что авторитет Общества среди как костромской общественности, так и исследователей за пределами нашей области за прошедший год несомненно вырос. О чем свидетельствует ряд обращений как справочного характера, так и привлечение членов Общества к работе конференций за пределами Костромской области, а так же многочисленные приглашения к сотрудничеству.

ПОСТАНОВИЛИ:

- Принять замечания Л.И. Сизинцевой к сведению;
- Пожелать членам КОЦИО дальнейших успехов и свершений в их непрестом труде. Следовать пути совершенствования.

РАЗНОЕ

СЛУШАЛИ: Предложение С. С. Катковой о расширении редакции альманаха «Светочъ» и о наделении членов редакции конкретными поручениями.

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить С. С. Катковой, Н. Ф. Басовой, О. С. Куколевской участвовать в редакционной работе альманаха «Светочъ».

СЛУШАЛИ: Предложение В. Р. Веселова о привлечении большего количества преподавателей и студентов Костромской духовной семинарии и студентов Костромских ВУЗов к деятельности КОЦИО.

ПОСТАНОВИЛИ: Привлекать к участию в деятельности КОЦИО большее количество студентов КДС и ВУЗов г. Костромы. Тем более, что такая деятельность отвечает задачам Общества.

СЛУШАЛИ: Предложение архимандрита Геннадия (Гоголева) о мероприятиях, посвященных 125-летию кончины знаменитого нашего земляка, выдающегося археолога – епископа Порфирия (Успенского, 1804–1885). Епископа Порфирий родился и вырос в Костроме, окончил Костромскую духовную семинарию. Он был родоначальником Российской духовной миссии в Палестине. Ему принадлежит честь открытия Синайского кодекса.

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить разработку мероприятий, посвященных памяти епископа Порфирия (Успенского), секретарю КОЦИО иерею Евгению Иванову.

ПРИЛОЖЕНИЕ

* * *

Активная деятельность возрожденного Костромского церковно-исторического общества закончилась летом 2010 года международной научно-практической конференцией «От Ипатьевского монастыря к Ипатьевскому дому: смысл и уроки истории», проводившейся в рамках Царских дней в Костроме, приуроченных 400-летию юбилею Дома Романовых, и прошедшей в Ипатьевском монастыре. Очевидно, что Общество не реализовало всех своих возможностей по сбору, сохранению и сбережению церковных древностей Костромского края. Не реализовало перспектив по объединению Церкви и общества в юбилейные годы празднования таких эпохальных дат, как 400-летие прекращения Смуты и восстановления российской государственности, а также 400-летия Дома Романовых. Но уже то, что оно сделало в пять неполных лет своей работы, – не пропадет напрасно. Семена просвещения, посеянные трудами Общества, показали, что Церковь является воспитательницей нашего народа, хранительницей непреходящих ценностей, свидетельницей правды и Истины. Она обладает колоссальной энергией, данной ей Её Основателем, энергией способной воодушевить и объединить наш народ, призвать его к подлинному возрождению, организовать на пути большого созидательного дела своего прекрасного будущего. Вспоминайте нас, потрудившихся!

Председатель КОЦИО прот. Дмитрий Сазонов
10.04.2012 г.

SUMMARY

SECTION 1. HISTORY AND MONARCHISM ISTORIOSOFIYA

Boris N. Gusev

*Kostroma state technological university
iphum@kstu.edu.ru*

Without forgiveness. Execution of an imperial family before time court

Abstract. The 400 anniversary of House of Romanovs is a reason for reassessment of all of centuries-old history of Russia connected terribly with ruling Russia of 300 years by a dynasty, but also for the answer to questions on which life and glory of the updated Russia depends.

Keywords: Romanovs, Nikolay II, renunciation, cowardice, government, captives, Mensheviks.

Alexander V. Zaytsev

*Kostroma state technological university
iphum@kstu.edu.ru*

Monarchic consciousness, political culture and the power in modern Russia

Abstract. In the highest official as earlier in the sovereign, the population sees a justice and truth stronghold. It comes down that carriers of monarchic consciousness are ready to delegate completely to the highest official all the political rights and not to revive de facto nearly in Russia a monarchy.

Keywords: monarchic consciousness, state interest, patriotism, derzhavnost, power.

Alexander N. Zakatov

*Office of Head of the Russian Imperial House, Moscow
an_zakatov@mail.ru*

Legitimism – a cornerstone of monarchic idea

Abstract. To come nearer to Truth, we should be engaged constantly in “correction of names», steadily coming back to original sense of words and the concepts underlying our life. If the monarchic principle appears again demanded people of Russia, the monarchy will be only legitimate, and to a throne will ascend, without any elections and other political combinations, the lawful Tsar or the lawful Queen, possessing the rights and allocated with duties owing to the Approved Diploma of 1613, the law on a succession of 1797 and acts of Heads of House of Romanovs in exile, since the Sovereign of Emperor Kirill Vladimirovich.

Keywords: legitimism, culture, law, technologies, succession, national unity, intellectuals.

Irina A. Edoshina

*The Kostroma state university of N.A.Nekrasov
entelehia@ksu.edu.ru*

The state service to what M. N. Katkov (on memoirs of the prince of N Meshchersky represented it)

Abstract. In Katkov’s articles the main characteristic of the domestic intellectuals was defined, original senses in activity of so-called revolutionaries, especially the commoners which “lakeysky”

essence thirsted for one are opened: to appear on a place of who has money and the power. Unfortunately, the Russian power in the aspiration not to seem to Europe dark played the liberal both with the intellectuals, and with commoners. As a result the dynasty will lose a throne, having confirmed correctness of cautions of the Russian thinker – Mikhail Nikiforovich Katkov.

Keywords: service, Skating rinks, commoners, intellectuals, commoners, liberals, Russia.

Yury V. Lebedev

*The Kostroma state university of N. A. Nekrasov
ksu@ksu.edu.ru*

Ideal of monarchic statehood during an era of reign of emperor Nikolay I (1825–1855)

Abstract. For revival of classical bases of the Russian statehood the church reform connected with restoration of Patriarchate and elimination of a complete dependence of the spiritual power from secular, Orthodox Church from the power of the Emperor was necessary. The main defect of the uvarovsky formula keeping the church device which was legalized by Peter the Great reform.

Keywords: autocracy, kingdom, development, monarchy, people, disrespect.

Vasily A. Marchenko, archipriest

*Yaroslavl theological seminary
march-60@mail.ru*

Once again about a doomsday

Abstract. Speech here goes not about penitential making of the soul which was in a hell, but only about the petition of the Church filling lacking late Christian. The fate of the person who had in terrestrial life belief in the Christ, praying, fighting against a sin, but not shown due height of virtues changes.

Keywords: doomsday, phenomenon, magic, coming of the Christ, Origen, Tsar, Last Judgement, sacred, tortures, calendar.

Lev N. Rodnov

*Kostroma state technological university
iphum@kstu.edu.ru*

About a national unity in human soul

Abstract. After decided consciousness on its reasonable and moral essence, it becomes clear that soul in the moral and reasonable truth identical it is not becomes simple to consciousness, and its essence.

Keywords: national unity, soul, thinker, ethics, Gegel, Marx, state, essence.

Andrey A. Solovyev

*Kostroma state technological university
iphum@kstu.edu.ru*

Antinomy of priesthood and kingdom in a sacral history of Russia

Abstract. The Antinomichnost of a perspective of Priesthood and the Kingdom in sacral history of the Russian statehood proves need of implementation of the symphony of Church and the state which isn't implanted in any form of the state board, – teokratiya, monarchy or the republics. The national and religious idea of Sacred Russia is the space of intellectual creativity refracting only in the sphere of spiritual and moral life of society and an individual.

Keywords: priesthood, kingdom, Russia, historical consciousness, Christ, belief, antinomy, symphony, state.

Alexey A. Fedotov

*NOU VPO Ivanovo branch «Management institute», Arkhangelsk
ivanovomiu@yandex.ru*

Attempts of church reforms in reign of sacred emperor Nikolay II

Abstract. Clamped in a vice of ober-public prosecutor's supervision when receiving freedom by other faiths, the Russian Orthodox Church, in the person of many hierarches saw release possibility in falling or monarchy restriction in Russia.

Keywords: reforms, Church, Anniversary Hierarchal Cathedral, sovereign.

Sergey M. Usmanov

*Ivanovo state university
orvozi@rambler.ru*

Emperor Nikolay II and public opinion of Russia of the XX century beginning

Abstract. Tragic lessons of shocks of century prescription shouldn't be forgotten in modern Russia. It is necessary not to fight against the "antinational" power, and to work for the benefit of Church Christ's and Russia.

Keywords: personality, intellectuals, autocrat, society, state, Orthodox Church, policy.

SECTION 2. ROMANOV'S DYNASTY AND KOSTROMA EDGE

Svetlana G. Vinogradova

*Kostroma church and archaeological museum of the Kostroma diocese
ipatii_cam@mail.ru*

Native ih to heart Kostroma

Abstract. Romanovs and their descendants came and come to Kostroma – the city rich with history, storing memorial monuments, the historical spiritual relics reminding of ascent on an imperial throne of their dynasty, about Mikhail Fedorovich's narecheniye the tsar, about arrivals here their great ancestors.

Keywords: Kostroma, House of Romanovs, Ipatyevsky monastery, dynasty, cradle of House of Romanovs.

Alexander I. Grigorov

*Moscow
grigoryev-sk@bk.ru*

Meeting of my grandfather with the emperor

Abstract. Meetings with the Sovereign were remembered to young cadet Boris Vasilyevich Grigorov on all life. They are the sign of bright, being remembered shape of the Sovereign to which huge responsibility on management and protection of Russia was assigned.

Keywords: Grigorov, Sovereign, cadets, box of candies, Russian-Japanese war, militia.

Olga V. Gorokhova

*Military academy of radiating, chemical and biological protection and engineering armies
(VA RHBZ and WILLOWS) of. Marshal of the Soviet Union of S. K. Tymoshenko
O.Gorohova@gmail.com*

Romanovsky board at the Grigorovsky female gymnasium

Abstract. The Romanovsky board at the Grigorovsky female gymnasium in Kostroma, been careful participation of society about younger generation education, opened a start in life to many pupils and served as a kind example of the relation to the country future.

Keywords: board, gymnasium, library, nobility, Grigorov.

Pavel P. Rezepin
Kostroma
O.Gorohova@gmail.com

Romanovs and Saltykovs

Abstract. On the basis of the studied material, the author restored a family tree of a sort of Saltykovs who have found the rest in the Kostroma Bogoyavlensky monastery. Their role in the history appeared solving, and without them Romanov's dynasty would develop not how it developed.

Keywords: Romanovs, reference, Bogoyavlensky monastery, builder, church, investor.

Larissa I. Sizintseva, Anastasia A. Lavshuk

*Kostroma state technological university
sizpost@yandex.ru; nastya1989l@mail.ru*

Alexander II in Kostroma

Abstract. In the visits of "remote place" the cesarevitch, and then Sovereign Alexander II, opened for itself original Russia. Tutors of future emperor executed the mission, - they made «the pet capable to listen to resolutions of destiny and to use them with dignity of the person».

Keywords: Cesarevitch, destiny, reforms, education, emperor. Ipatyevsky monastery.

Irina A. Smirnova

*Kostroma state archive of the contemporary history
ogbu-ganiko@narod.ru*

Two destinies of one era

Abstract. This article is a story about the people living on demolition of eras, their destinies. The purpose of the author – to show, how to them was then that they lost whom became why were lost after falling of the imperial power.

Keywords: history, imperial time, nobleman, officer, Soviet power.

Sergey A. Utkin, Ivan V. Rogov

*Kostroma memorial estate «Kostroma settlement»
kossloboda@kmtn.ru; dknt@kmtn.ru*

The Kostroma Ipatyevsky monastery – a cradle of House of Romanovs

Abstract. Throughout here already nearly 400 years, from the moment of calling in its walls on Mikhail Fedorovich Romanov's imperial throne, the Ipatyevsky monastery, remaining one of the greatest orthodox shrines, at the same time, is a memorial complex – the keeper of memory of nice acts of ancestors and outstanding events in the history of the Russian statehood. Authors believe that it will keep this high mission and in the future.

Keywords: Romanovs, Godunova, Philaret, Ipatyevsky monastery, Imperial halls.

Julia A. Ushanova

*Kostroma state agricultural academy
kgsxa.ru*

Historical reconstruction of an architectural complex of the Ipatyevsky monastery in the end of XVI – the beginnings of the XVII century

Abstract. Throughout centuries the architectural shape of the Ipatyevsky monastery repeatedly changed, monastic buildings were subject to numerous reorganizations. For history of formation of an architectural complex of so well-known monastery creation of historical reconstruction of its shape during various eras of its life would be certainly significant.

Keywords: Ipatyevsky monastery, monastery, complex, cathedral, towers, gallery.

SECTION 3. CHURCH AND CULTURE. MUTUAL DIALOGUE

Yury I. Avrutov

*Yaroslavl. Academy of architectural heritage
arh_dep@mail.ru*

Reasons of change and destruction of monuments of architecture

Abstract. In article the author points to the reasons of deformation and destruction of monuments of architecture, accenting the research on causes of destruction of monuments of church architecture of the Yaroslavl region «romanovsky period».

Keywords: architecture, church, soil, walls, spike.

Nina F. Basova

*The Kostroma regional universal scientific library of N. K. Krupskaya
kounb@kmtn.ru*

Kostroma provincial exhibition of 1913

Abstract. In article it is told about this fantastic exhibition small town consisting from thirty with superfluous pavilions, cozy small streets, the fontanchik, the open areas, platforms where on Sunday and to holidays during the whole summer period played a wind band, with the theater, mail and restaurant, still for a long time lived among kostromichy and the guests who have visited the Kostroma provincial Zemstvo exhibition, dated for the 300 anniversary of reign of House of Romanovs which the sovereign-stratoterpets Николай visited in 1913 II.

Keywords: Provincial exhibition, commission, павилион, House of Romanovs, Provincial Zemstvo meeting, zemstvo, exhibits.

Maria A. Golitsyna

*Kostroma state technological university
masha.golitsyna@yandex.ru*

Cultural pilgrimage to «Romanovsky places» Kostroma in 1910

Abstract. Considering experience of last years, today it is possible to consider as the main task drawing attention to the city as to «a cradle of a sort of Romanovs», in connection with the future celebration of the 400 anniversary of an imperial dynasty which should make the city not only the center of mass tourism, but also considerably to improve an economic situation, and to promote development of city infrastructure.

Keywords: excursion, pilgrimage, cradle of House of Romanovs, romanovsky places.

Alexey V. Zijblikov

*Kostroma state technological university
iphum@kstu.edu.ru*

About authorship of the anthem «My God, the tsar store»

Abstract. Alexey Fedorovich Lvov remains the brightest representative of an era of «brilliant laymans» – the people composing and playing good music not for the sake of earnings, and for потребности souls and hearts.

Keywords: anthem, musician, Russian musical society, conductor, church tunes.

Alexander G. Lapshin

*Vladimir state humanities university
a-lapshin@vladggu.ru*

Cross worn on the neck with the monogram «X.P.»

Abstract. Thanks to research, it was possible to find out that the cross worn on the neck presented in the publication, is subscription work of work of known Moscow chaser Rodion Semenovich

Khrustalyov, is cast in one of copper institutions of the Lefortovsky part of Moscow, and is dated the last quarter of XIX – the beginning of the XX centuries.

Keywords: cross worn on the neck, collectors, Cross keeper, metalplasticity.

Svetlana S. Katkova

*Kostroma state historical and architectural museum reserve
hudmuseum@kmtn.ru*

List of a dome of the Vladimir church of Nerekhta

Abstract. Nerekhta it is possible to call a list of a dome of the Vladimir church of quite “romanovsky”. The temple, on a plan of the architect, expressed the main ideas of imperial Russia in the shape: its celebration and glory also it was dated for 225-year anniversary of House of Romanovs.

Keywords: Vladimir church, Nerekhta, interior, technology, brigade, belltower, restoration, Holy Spirit.

Edward G. Klein

*Military academy of radiating, chemical and biological protection and engineering armies
(VA RHBZ and WILLOWS) of Marshal of the Soviet Union of S.K. Tymoshenko
kleyn@list.ru*

Military music in days of celebration of the tercentenary of House of Romanovs in Kostroma

Abstract. Military orchestras gave to celebration of the tercentenary of the House of Romanovs, passing in Kostroma on May 19-20, 1913, special solemnity. The author in detail consecrates the military and musical party of anniversary actions.

Keywords: Pultusky regiment, Erivansky regiment, Emperor, wind bands, marshal.

Galina V. Popova

*Kostroma regional union of women
yell-kostroma.ru*

Women’s issue during an era of a dynasty of Romanovs

Abstract. Perdstavitelnitsa Romanov’s dynasties from инокини Marfa to grand duchess Elizabeth Fyodorovna almost always showed обра delatelnitsa of good and stability of life, nositelnitsa of its highest and intimate sense, making all necessary for daily occurrence and a life gait.

Keywords: women’s issue, social status, Empress, century of empresses museum.

Dmitry I. Sazonov, archpriest

*Yaroslavl theological seminary
sazonow63@mail.ru*

Church and archaeological museum of the Ipatyevsky monastery in the light of the church and state relationship

Abstract. On an example of return of Orthodox Church of the Ipatyevsky monastery and establishment in it the Church and archaeological museum, the author, by analogy to «collecting of stones», testifies to the new period of the state and church relations.

Keywords: Russia, museum, drevlekhranilishche, Church, restitution, values, Ipatyevsky monastery, Kostroma church and historical society, Church and archaeological museum.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКЕ – Архив Костромской епархии.

АУ ФСБ РФ РТ – Архив Управления Федеральной службы Безопасности Российской Федерации по Республике Татарстан.

ГАИО – Государственный архив Ивановской области.

ГАКО – Государственный архив Костромской области.

ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области.

КГУ – Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова.

КГТУ – Костромской государственный технологический университет.

КГИАИХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

КЕВ – Костромские епархиальные ведомости.

КоДС – Костромская духовная семинария.

КОУНБ – Костромская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской.

КОЦИО – Костромское церковно-историческое общество.

МДА – Московская духовная академия.

НГПУ – Нижегородский государственный педагогический факультет.

ОРРК РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки.

ПСЗ – Полное собрание законов.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦИАМ – Церковный историко-археологический музей Костромской епархии Русской Православной Церкви.

ЯХМ – Ярославский художественный музей.

СРЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврутов Юрий Иосифович, член союза архитекторов России, член-корреспондент академии архитектурного наследия (Ярославль), arh_dep@mail.ru

Басова Нина Федоровна, зав.сектором краеведческой литературы КОУНБ (Кострома), kounb@kmtn.ru

Виноградова Светлана Геннадьевна, научный сотрудник ЦИАМ (Кострома), ipatii_cam@mail.ru

Голицына Мария Алексеевна, студентка 5 курса Костромского государственного технологического университета (Кострома), masha.golitsyna@yandex.ru

Горохова Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Военной академии радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск (ВА РХБЗ и ИВ) им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), O.Gorohova@gmail.com

Григоров Александр Юрьевич, краевед (Москва), grigoryev-sk@bk.ru

Гусев Борис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент КГТУ (Кострома), iphum@kstu.edu.ru

Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (Кострома), entelehia@ksu.edu.ru

Зайцев Валерий Александрович, доцент Костромского технологического университета (Кострома), iphum@kstu.edu.ru

Закатов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, член Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (Москва), an_zakatov@mail.ru

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор КГТУ (Кострома), iphum@kstu.edu.ru

Каткова Светлана Сергеевна, искусствовед, старший научный сотрудник КГИАИХМЗ (Кострома), hudmuseum@kmtn.ru

Клейн Эдуард Григорьевич, кандидат культурологии, дирижер Военной академии войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (Кострома), kleyn@list.ru

Лавшук Анастасия Анатольевна, студентка 5 курса Костромского государственного технологического университета (Кострома), nastya1989l@mail.ru

Лапшин Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, декан Исторического факультета Владимирского государственного гуманитарного университета (ВГГУ) (Владимир), a-lapshin@vladggu.ru

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова (Кострома), ksu@ksu.edu.ru

Марченко Василий Александрович, протоиерей, кандидат богословия, доктор философских наук (PhD), профессор Ярославской духовной семинарии (Ярославль), march-60@mail.ru

Рогов Иван Викторович, начальник отдела музейной и выставочной работы Департамента культуры Костромской области (Кострома), dknt@kmtn.ru

Роднов Лев Николаевич, доктор философских наук, профессор, зав.кафедры философии Костромского государственного технологического университета (Кострома), iphum@kstu.edu.ru

Резепин Павел Петрович, краевед (Кострома), O.Gorohova@gmail.com

Сазонов Иван Григорьевич, протоиерей, кандидат богословия (+ 1994) (Кострома).

Сазонов Дмитрий Иванович, протоиерей, кандидат богословия, доктор философских наук (PhD), профессор Российской академии естествознания (Ярославль), sazonow63@mail.ru

Сизинцева Лариса Ивановна, кандидат культурологи, доцент Костромского государственного технологического университета (Кострома), sizpost@yandex.ru

Соловьев Андрей Авенирович, доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета КГГУ (Кострома), iphum@kstu.edu.ru

Смирнова Ирина Александровна, начальник отдела использования и публикации архивных документов ГУНИКО (Кострома), ogbu-ganiko@narod.ru

Усманов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета (Иваново), orvozi@rambler.ru

Уткин Сергей Анатольевич, старший научный сотрудник Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода» (Кострома), kossloboda@kmtn.ru

Ушанова Юлия Александровна, аспирант Костромской государственной сельскохозяйственной академии (Кострома), kgsxa.ru

Федотов Алексей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления» г. Архангельск (Иваново), ivanovomiu@yandex.ru

СРЕТЪЧЪ

АЛЬМАНАХ

Главный редактор
протоиерей **Дмитрий Сазонов**

Художественное оформление Н. М. Каравановой
Компьютерная верстка И. М. Ивановой

Подписано в печать 10.05.2012

Формат 60x90/8

Уч. изд. л. 23,7

Тираж 200 экз.

Костромское церковно-историческое общество
156000, г. Кострома, ул. Симановского, 26/37.
E-mail: sazonow63@mail.ru; kocio.mrezha.ru

Отпечатано: 156000, г. Кострома, ул. Ленина, д. 10
Типография «Копир», e-mail: kopir@kmtn.ru